

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АКАДЕМИЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН»**

На правах рукописи

УДК: 343:343.9+343.329(575.3)

ББК: 67.99(2)8+67.99(2)94(2тадж)

С – 12

САФАРЗОДА ХАЁТ САЙДАМИР

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ
В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности
5.5.8 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

НАУЧНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ:

доктор юридических наук, профессор

ЗОИР ДЖУРАХОН МАДЖИДЗОДА

ДУШАНБЕ – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И (ИЛИ) УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	4-5
ВВЕДЕНИЕ.....	6-30
ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ЕГО ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ.....	31-84
1.1. Теоретические основы определения понятия, форм и видов экстремизма.....	31-49
1.2. Формирование понятия экстремизма в международном праве.....	49-61
1.3. Правовая квалификация экстремизма в региональном международном праве и антиэкстремистском законодательстве государств-участников СНГ.....	61-84
ГЛАВА 2. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЭКСТРЕМИЗМА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН.....	85-167
2.1. Конституционные и административно-правовые основы квалификации экстремизма в Республике Таджикистан.....	85-105
2.2. Особенности уголовно-правовой квалификации экстремизма в Республике Таджикистан.....	105-135
2.3. Совершенствование системы уголовно-правовых признаков экстремизма в Республике Таджикистан.....	135-167
ГЛАВА 3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКСТРЕМИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН.....	168-253
3.1. Состояние, структура и динамика экстремистско-террористической преступности в Республике Таджикистан.....	168-197
3.2. Причины и условия возникновения экстремизма в Республике Таджикистан.....	197-225
3.3. Характерные признаки личности экстремиста.....	226-253

ГЛАВА 4. ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН.....	254-320
4.1. Сущность и содержание обще-социальных мер противодействия экстремизму в Республике Таджикистан.....	254-280
4.2. Специально-криминологическое и индивидуальное предупреждение экстремизма органами внутренних дел Республики Таджикистан.....	280-303
4.3. Виктимологическая профилактика жертв экстремизма – женщин и несовершеннолетних детей и совершенствование мер по их реабилитации.....	303-320
ГЛАВА 5. НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОСНОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН.....	321-385
5.1. Концепция совершенствования правовых основ обще-социальной профилактики экстремизма.....	321-347
5.2. Направления совершенствования координационной деятельности правоохранительных органов по минимизации причин и условий возникновения экстремизма.....	347-366
5.3. Совершенствование концептуальных и законодательных основ по противодействию экстремизму в Республике Таджикистан.....	366-385
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	386-396
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	397-400
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (ИСТОЧНИКОВ).....	401-460
ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ.....	461-471
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	472-538

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ И (ИЛИ) УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АТЦ СНГ – Антитеррористический центр Содружества Независимых Государств

БКБОП – Бюро по координации борьбы с организованной преступностью

ГА ООН – Генеральная Ассамблея Организации Объединенных наций

ГИАЦ МВД – Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел

ГКНБ – Государственный комитет национальной безопасности

КоАП – Кодекс об административных правонарушениях

МВД – Министерство внутренних дел

ОМВД – Отдел Министерства внутренних дел

ООН – Организация Объединенных Наций

ОРД – Оперативно-розыскная деятельность

ОРМ – Оперативно-розыскные мероприятия

РТ – Республика Таджикистан

РФ – Российская Федерация

СБ ООН – Совет безопасности Организации Объединенных Наций

СМИ – Средства массовой информации

СНГ – Содружество Независимых Государств

СПЧ ООН – Совет по правам человека Организации Объединенных Наций

УБОП – Управление по борьбе с организованной преступностью

УК – Уголовный кодекс

УМВД – Управление Министерства внутренних дел

УПК – Уголовно-процессуальный кодекс

УППНМ – Управление по профилактике и предупреждению правонарушений несовершеннолетних и молодежи

УУР – Управление уголовного розыска

ШОС – Шанхайская организация сотрудничества

ст. – Статья

см. – Смотрите

ч. – Часть

п. – Пункт

т.д. – Так далее

в т.ч. – В том числе

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена нарастающей дестабилизацией международной обстановки и эскалацией локальных и региональных вооруженных конфликтов, прежде всего в Европейском регионе и на Ближнем Востоке. На этом фоне насильственные формы экстремизма, такие, как религиозный фундаментализм, национализм, сепаратизм и молодежный радикализм, а также их современные проявления «кибертерроризм» и «киберэкстремизм» приобрели характер глобальной угрозы региональной и международной безопасности. Более того, нередко указанные экстремистские проявления находят питательную среду или прямую поддержку со стороны региональных и мировых геополитических игроков. Такие игроки могут инспирировать деятельность международных экстремистско-террористических организаций и способствовать их приходу к власти, грубо нарушая общепризнанные нормы морали и международного права. Ярким примером подобного подхода является насильственное свержение легитимной государственной власти в ряде стран арабского мира, прихода к власти религиозных фундаменталистов путём террора и насилия в Сирии и Афганистане и значительной активизации деятельности подобных деструктивных организаций в других регионах мира.

Для Республики Таджикистан, пережившей в 90-е годы XX века вооруженный конфликт, инициированный преступными проявлениями религиозного фундаментализма, вопросы обеспечения национальной безопасности имеют стратегическое значение. Страна последовательно реализует курс на укрепление основ светского, правового и демократического государства, основываясь на приоритете верховенства права. Однако трансграничные преступления экстремистского характера и их деструктивная идеология периодически создают угрозу законности и национальной безопасности в Республике Таджикистан (далее – РТ) и политической стабильности государств Центральной Азии. Статистические данные, отражённые в концептуальных документах подтверждают

высказанное суждение. Например, в 2016 г. было совершено всего 1100 преступлений экстремистского и террористического характера; в 2017 г. – 1053; в 2018 г. – 765; в 2019 г. – 1062; в 2020 г. – 1118; в 2021 г. – 1147; в 2022 г. – 1197; в 2023 г. – 1219 г. и за 9 месяцев 2024 г. – 1213 [23; 24]. В связи с этим, совершенствование уголовно-правовых и криминологических мер по противодействию экстремизму выступает приоритетной научно-практической задачей, что подтверждает актуальность диссертационного исследования.

Экстремизм как многогранное преступление, часто проявляется с переплетенными политическими, расовыми, националистическими, религиозными и местническими мотивами и направлено на нарушение конституционных прав и свобод граждан, разжигание социальной ненависти и вражды, вплоть до насильственного изменения конституционного строя и совершения иных насильственных актов.

В связи с этим, в юридической науке и правоприменительной практике принято выделять многочисленные формы и виды экстремизма, классифицируемые по признаку насильственного или ненасильственного характера совершаемых деяний. Например, убийство, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, организация массовых беспорядков, геноцид и другие аналогичные деяния, если совершаются по экстремистским мотивам, признаются насильственной формой экстремизма.

В юридической науке до настоящего времени отсутствует единая концептуальная позиция относительно сущности и содержания экстремизма в категориях административного и уголовного права. На уровне международного права также не сформировано общепризнанного определения понятию «экстремизм», хотя его отдельные элементы раскрываются в пределах дефиниции «дискриминация», «сепаратизм», «ксенофобия» и «расизм». Плюрализм научных позиций ведущих исследователей этой области свидетельствует о комплексности

проблематики, что обуславливает необходимость многовекторного и системного подхода при ее изучении и обосновании авторских гипотез.

Таким образом, правильная правовая квалификация всех форм и видов насильственного и ненасильственного экстремизма требует пересмотра подходов в законотворческой деятельности и правоприменительной практике, так как на сегодняшний день наука уголовного права не выработала конкретных законодательных критериев для установления составов административных и уголовных правонарушений экстремистского характера. Кроме того, разграничительные критерии между многочисленными составами преступлений экстремистской направленности не соответствуют фундаментальным требованиям уголовного права о точности и полноте норм. В связи с изложенным, системное и глубокое исследование составов преступлений и правонарушений экстремистского характера является приоритетным направлением как для юридической науки, так и для совершенствования правоприменительной практики.

Целью настоящего исследования является теоретическая разработка научно обоснованных законодательных критериев по криминализации и декриминализации деяний экстремистской направленности. Данная разработка нацелена, с одной стороны, на криминализацию тех проявлений экстремизма, которые представляют реальную общественную опасность, а с другой – на декриминализацию деяний, не обладающих такой опасностью.

Сложность разграничения преступлений экстремистской направленности породили проблемы правильной их квалификации, соответственно и неоднозначного отражения их количества в статистических данных. Вследствие этого исследователи данной проблемы, нередко приходят к противоречивым выводам [311, с. 158; 363, с. 9; 409, с. 3; 416, с. 197-223; 418, с. 342-346]. Несмотря на это, фиксируется общая тенденция усиления активности экстремистских и террористических организаций в период с 2014 по 2024 годы. При этом анализ уголовно-правовой статистики за указанный период подтверждает, что преступления, связанные с

религиозно-политическим экстремизмом, составляют 82,7% в общей структуре преступлений экстремистского и террористического характера.

Изученное количество зарегистрированных преступлений экстремистского характера показывает, что в 2014-2024 гг. было зарегистрировано 9484 преступлений (в 2014 г. – 175 (1,84%); в 2015 г. – 463 (4,88%); в 2016 г. – 891 (9,39%); в 2017 г. – 916 (9,65%); в 2018 г. – 631 (6,65%); в 2019 г. – 772 (8,14%); в 2020 г. – 917 (9,66%); в 2021 г. – 937 (9,87%); в 2022 г. – 1041 (10,97%); в 2023 г. – 1266 (13,34%) и в 2024 г. – 1475 (15,55%) [См.: Приложение №2].

Современные проявления религиозно-политического экстремизма, сопряженные с использованием современных информационных и телекоммуникационных технологий для вовлечения значительного числа молодежи в экстремистскую деятельность, актуализируют острую потребность в совершенствовании законодательства в сфере профилактики и предупреждения экстремизма. Необходимость совершенствования законодательства исходит из требований Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 гг. [90], и положений ряда иных концептуальных документов, а также официальной позиции высшего руководства страны [446]. По этому поводу Лидер нации уважаемый Эмомали Рахмон, неоднократно акцентирует внимание на необходимости усиления координации и кооперации деятельности государственных органов в сфере профилактики и предупреждения экстремизма [445]. В частности, на встрече с активистами, представителями общественности и религиозными деятелями, прошедшей 9 марта 2024 г., Глава государства выразил обеспокоенность наблюдающейся негативной тенденцией присоединения трудовых мигрантов к экстремистско-террористической организации «Исламское государство» и иным террористическим группировкам, что, по его словам, «вызывает серьезные опасения общества» [425].

Исходя из этого, эффективное противодействие экстремизму в криминологическом аспекте требует комплексного решения проблем, имеющих научный, образовательный, информационно-пропагандистский, организационный, психологический, религиозный, политический и социально-экономический характер. Поскольку именно эти аспекты формируют глубинные причины и условия возникновения экстремизма, возникает острая необходимость в проведении междисциплинарного исследования. Такое исследование должно учитывать фундаментальные основы уголовного права, криминологии, истории, социологии, психологии, философии, религиоведения и других наук, связанных с социальным управлением.

С учетом вышеизложенных позиций, где подробно обоснована социальная обусловленность темы и ее научно-практическая востребованность, проведенное диссертационное исследование отличается от других ранее проведенных исследований высокой актуальностью и несомненной значимостью. Актуальность определяется сложностью и динамикой современных экстремистских угроз, а значимость – необходимостью разработки новых концептуальных основ для повышения эффективности деятельности государственных органов по профилактике и предупреждению экстремизма.

Степень изученности научной темы. О несостоятельности уголовно-правовых признаков составов преступлений экстремистского характера (ст. ст. 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Таджикистан) и аналогичных статей уголовных законов других стран региона, заявляют многие отечественные и зарубежные исследователи [333, с. 4; 408, с. 4-5; 340, с. 6-7; 369, с. 4; 396, с. 4-5]. Ключевой причиной этого является терминологический разнобой в профильных законах «О противодействии экстремизму», что, в свою очередь, приводит к противоречивой правоприменительной практике. Сложность и многообразие правовой природы экстремизма также

подчеркивают сотрудники правоохранительных органов в рамках проведенных социологических опросов, указывая на трудности в квалификации таких деяний [409, с. 219].

Многогранность природы современного экстремизма обусловлена наличием многочисленных исследовательских подходов. В первую очередь, особое внимание в этих подходах уделяется изучению современной концепции противодействия экстремизму в контексте обеспечения национальной и информационной безопасности. Вопросы, связанные с данной концепцией и ее ролью в обеспечении безопасности, нашли широкое отражение в работах З.М. Бешуковой [338], Л.Л. Бошаевой [341], Е.П. Быкова [344], К.Д. Давлатзода [350], А.С. Ильницкого [354], О.В. Костылевой [360], Н.А. Кудратова [363], Р.В. Кулешова [365], Х.А. Пихова [387], А.А. Смирнова [211], Ф.Р. Шарифзода [418] и других авторов.

Проблемы экстремизма, в частности его религиозные аспекты, который представляет собой как внутригосударственную, так и международную проблему, наиболее обстоятельно были исследованы в научных трудах таких учёных, как В.А. Абдухамитова [108], Г.И. Дёмина и Ю.Н. Жирнова [199], А.А. Исаева [207], З.И. Левина [172], К.М. Мухаббатова [379], Д. Назирова [380], Р.Х. Рахимзода [203], Т.А. Скворцовой [400], Н.В. Степанова [402], Э.Г. Филимонова [227], К.В. Ханьжова [411], А.К. Шарипова [417] и иных исследователей.

Современные научные исследования были проведены с учётом сложности транснационального характера указанной проблемы и уязвимости личности от воздействия экстремистской идеологии у таких учёных, как П.А. Глущенко [348], В.О. Давыдов [351], Р.С. Кочои [361], Э.Р. Невский [381], А.В. Петровский [386] и других авторов. Попытки рассмотреть вопросы противодействия экстремизму в контексте борьбы с нелегальной миграцией сделан Э.Б. Магомедовым [370] и другими авторами.

Более гибкий подход в противодействии идеологии и практики экстремизма и терроризма наблюдается в работах А.Н. Курдукова [367], П.В. Пошелова [390], В.Ю. Тарасова [403], Э.Ю. Чуклиной [414] и других учёных.

В научных трудах таджикских и российских учёных, таких, как Н.С. Абдуллаева [331], Д.И. Аминова и Р.Э. Оганяна [113], Б.Ш. Курбонзода [366], А.В. Павлинова [194], А.Т. Сиоридзе [398] и других исследователей основной акцент сделан на групповом, организованном и насильственном характере экстремизма.

Попытка рассмотреть основные черты информационного экстремизма в административном и уголовном праве были предприняты Ш.Т. Ахёзода [334], Н.К. Ворновичем [346], Д.А. Ковлагиной [357], В.Э. Мозговым [377] и иными авторами.

Вопросам криминализации и дифференциации уголовной ответственности за преступления экстремистского характера, а также разграничения экстремистской и террористической деятельности посвящены исследования М.П. Киреева [277], Ю.А. Королева [359], В.В. Лунеева [282], Р.М. Узденова [404], В.В. Устинова [308], В.В. Феневой [405], М.П. Хайдарзода [409], А.Г. Хлебушкина [412] и других исследователей.

Наиболее значимые исследования в данном направлении осуществлены С.В. Борисовым [340], В.А. Бурковской [342], С.Н. Фридинским [228; 407], А.Г. Хлебушкиным [412] и другими ранее отмеченными исследователями, которыми были защищены кандидатские, а затем и докторские диссертации. Также следует отметить работы, выполненные А.А. Можеговой [376], Д.Е. Некрасовым [382], Е.П. Сергуном [396], А.Г. Сидоренко и Ю.В. Тихомировым [213], Н.В. Степановым [402] некоторыми другими авторами.

С точки зрения уголовного права, криминологии, оперативно-розыскной деятельности, политологии, религиоведения, социологии и мусульманского права, отдельные аспекты противодействия экстремизму нашли отражение в научных трудах таких отечественных учёных, как У.А. Азиззода [332], А.Ш. Ализода [258], И.Х. Бободжонзода [265; 364], Дж.М. Зоир [140; 176; 177],

А.К. Назарова [187], П.А. Насуриён [188], Р.Х. Рахимзода [202; 203; 204; 205], А.И. Сафарзода [210; 314], Х.С. Сафарзода [395], К.Х. Солиева [146; 216; 299], Ф.С. Хайруллоева [231; 232], М. Хазрати [229], Ш.Х. Хафиззода [225; 311], Х.С. Хомушова [239], Т.Ш. Шарипова [315; 313], С. Ятимова [242] и др.

Несмотря на широкое освещение темы, специальных монографических работ, посвященных системному и междисциплинарному уголовно-правовому и криминологическому исследованию проблем противодействия экстремизму в Республике Таджикистан и других странах региона, до сих пор не существует. Этот пробел приобретает особую актуальность в современных условиях активной транснациональной экстремистской преступности. Данный процесс, в свою очередь, требует, как унификации уголовного законодательства, так и правовой регламентации комплексной профилактики и предупреждения экстремизма.

Связь исследования с программами (проектами) и научной тематикой. Диссертационное исследование выполнено в рамках научной темы кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета №2 Академии Министерства внутренних дел Республики Таджикистан (далее – МВД РТ) на тему «Совершенствование уголовного законодательства Республики Таджикистан в области противодействия преступлениям террористического и экстремистского характера, незаконного оборота наркотических веществ и коррупции (2021-2025 гг.)», научно-исследовательских тем Академии МВД РТ «Теоретические и практические проблемы модернизации правозащитной и правоохранительной деятельности в Республике Таджикистан (2021-2025 гг.)» и «Особенности профилактики и способы борьбы с проявлениями экстремизма и радикализма в молодежной среде Республики Таджикистан (2023-2028 гг.)», финансируемых за счет средств государственного бюджета Республики Таджикистан.

Значимость рассматриваемой проблематики обусловлена осуществляемой в государстве уголовно-правовой реформой, базовые

принципы которой зафиксированы в Концепции правовой политики Республики Таджикистан на период 2018-2028 гг., введенной в действие указом Президента РТ от 06 февраля 2018 г., за №1005, а также в Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 гг. от 1 июня 2021 г., за №187. Данное исследование отвечает национальным и международным интересам Таджикистана, а также может внести существенный вклад в развитие науки уголовного права, административного права и криминологии.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Цель исследования – выявить специфические признаки экстремизма как самостоятельного уголовно-правового и административного правонарушения, теоретически обосновать разграничительные линии между преступлениями экстремистского характера (в случаях их конкуренции). Исследование также направлено на выявление причин и условий распространения данного негативного явления и разработку теоретических концепций по совершенствованию правовых основ комплексной организации профилактики и предупреждения экстремизма.

Задачи исследования. Достижение поставленных целей потребовало решения комплекса взаимосвязанных исследовательских задач:

- дать общую характеристику основных подходов по определению понятий, форм и видов экстремизма;
- раскрыть основные признаки экстремизма в международном праве;
- выявить специфические признаки экстремизма в антиэкстремистском законодательстве государств-участников Содружество Независимых Государств (далее – СНГ);
- обосновать значимость конституционных и административно-правовых норм в противодействии экстремизму;

– определить проблемные вопросы, связанные с квалификацией экстремизма в национальном уголовном праве и предложить пути их преодоления;

– изучить состояние, структуру и динамику преступлений экстремистской направленности;

– выявить основные факторы, порождающие экстремизм;

– охарактеризовать личностные признаки экстремиста;

– раскрыть сущность и содержание обще-социальных мер профилактики экстремизма;

– определить специфические черты специально-криминологической профилактики экстремизма;

– раскрыть сущность и содержание виктимологической профилактики жертв экстремизма;

– разработать основные элементы современной концепции обще-социальной профилактики экстремизма;

– уточнить направления совершенствования координации деятельности правоохранительных органов по организации профилактики и предупреждения экстремизму;

– разработать практические рекомендации по совершенствованию концептуальных и законодательных основ противодействия экстремизму.

Объектом исследования является совокупность общественных отношений по реализации уголовно-правовых и криминологических аспектов противодействия экстремизму.

Предметом исследования является антиэкстремистское законодательство и практика его применения при квалификации преступлений экстремистского характера и криминологические аспекты профилактики и предупреждения экстремизма, меры по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики в данной сфере.

Этапы, место и период исследования (исторические рамки исследования). В диссертационном исследовании особое внимание

уделяется концептуальным и законодательным основам криминализации, пенализации и дифференциации уголовной ответственности за преступления экстремистского характера и организации профилактики и предупреждения экстремизма в период государственной независимости Республики Таджикистан.

Основной акцент в диссертации сделан на сравнительно-правовой анализ норм национального, регионального и международного права, а также на формирование правовых и концептуальных основ организации профилактики и предупреждения экстремизма в Республике Таджикистан. Диссертационное исследование было начато в 2014 г. и продолжается по настоящее время.

Теоретическую основу исследования составляют позиция высшего политического руководства страны, отраженная в концептуальных документах, а также научные положения и обоснованные выводы отечественных и зарубежных ученых, таких, как Н.С. Абдуллаев, В.А. Абдухамитов, Ю.М. Антонян, З.М. Бешукова, С.В. Борисов, В.А. Бурковская, Н.К. Ворнович, К.Д. Давлатзода, А.И. Долгова, О.С. Жукова, Дж.М. Зоир, А.Х. Имомов, Д.А. Ковлагин, Т.А. Корнилов, Н.А. Кудратов, Б.Ш. Курбонзода, Д.И. Леньшин, В.В. Лунеев, И.С. Макеева, А.А. Можегова, Б.А. Мыльников, А.В. Павлинов, Р.Х. Рахимзода, Д.Н. Саркисов, А.И. Сафарзода, Х.С. Сафарзода, А.С. Скудин, Л.Ч. Сыдыкова, Г.Я. Узембаева, Р.В. Упорников, С.Н. Фридинский, М.П. Хайдарзода, А.Г. Хлебущкин, Т.Ш. Шарипов, Ф.Р. Шарифзода и С.С. Ятимов. Исследования указанных ученых отражены в научных публикациях и главным образом связаны с дисциплинами уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право, административное право и т.д.

Методологической основой исследования выступает всеобщий диалектический метод познания, а также проблемно-хронологический и системные подходы к заявленным вопросам, что позволяет изучить явления объективной реальности в их взаимосвязи и развитии. Наряду с

общенаучными методами (анализ, синтез, индукция, дедукция) широко применялись структурно-функциональный, формально-юридический, сравнительно-правовой и статистические методы. Применение указанных общенаучных и частно-научных методов позволило автору определить концептуальные основы квалификации экстремизма и правового регулирования перспективных направлений деятельности государственных органов по противодействию экстремизму.

Эмпирические предпосылки основываются на решениях Верховного Суда Республики Таджикистан, иных судебных органов общей юрисдикции и статистических данных деятельности судебных органов Таджикистана. Также, эмпирическая база исследования сформирована на основе статистических данных о преступлениях экстремистского и террористического характера в Республике Таджикистан за 2014-2024 гг. и анализа 100 архивных уголовных дел за тот же период. Кроме того, в нее включены результаты социологического опроса, проведенного среди 50 руководящих сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД), 50 следователей, 50 оперативных работников, 100 слушателей факультета №1 Академии МВД РТ (с опытом противодействия экстремизму более 10 лет), а также 50 ученых и преподавателей вузов юридического профиля.

Научная новизна исследования заключается в комплексном и междисциплинарном анализе проблемных вопросов, связанных с криминологическими и уголовно-правовыми аспектами противодействия экстремизму на диссертационном уровне. Этот анализ охватывает научные, образовательные, информационно-пропагандистские, правовые, организационные, нравственно-духовные, миграционные и религиозные аспекты. Междисциплинарный подход позволил выявить ряд существенных проблем, решение которых будет способствовать искоренению уголовно-правовых коллизий, обще-социальных, организационных и идеологических причин возникновения экстремизма, соответственно повышению эффективности антиэкстремистской деятельности государственных органов.

Положения, выносимые на защиту. Дополнительно научную новизну диссертации раскрывают положения, вынесенные на защиту. Результаты решения поставленных задач исследования нашли свое подтверждение и сформулированы в качестве следующих положений, выносимых на защиту:

1. Теоретическое разделение современного экстремизма на основе религиозных, политических, расовых, националистических, местнических и других социальных мотивов позволяет выделить его наиболее деструктивные элементы, а также насильственные и ненасильственные формы и распространённые виды. Однако, конструирование множества самостоятельных составов преступлений для каждого из видов экстремизма (на основе их мотивов), не отвечает требованиям принципов справедливости и законности, а также критериям криминализации общественно-опасных деяний и дифференциации уголовной ответственности. Это обусловлено тем, что указанные мотивы всегда переплетаются между собой и редко выступают в «чистом» виде. Следовательно, установление уголовной ответственности за одно и то же деяние в нескольких нормах уголовного закона нецелесообразно с точки зрения фундаментальных основ науки уголовного права.

2. Объективно проявления современного экстремизма выражаются в публичных или скрытых призывах, разжигающих социальную ненависть и вражду. Эти призывы направлены на привлечение сторонников на основе политических, религиозных, сепаратистских, националистических, расовых и местнических мотивов. Суть экстремистских призывов (идеологии) заключается в дезорганизации общества, унижении чести и достоинства определенных социальных групп и провоцировании розни и вражды. Наиболее опасная форма публичных призывов – это действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя, захват власти и нарушение территориальной целостности государства.

3. Более организованная и опасная форма экстремизма проявляется в его групповом, организованном и транснациональном характере, а также в

системных и последовательных действиях деструктивных сил. Это включает целенаправленное и постоянное распространение экстремистской идеологии или совершение экстремистских действий (как в устной форме, так и с использованием средств массовой информации и современных телекоммуникационных технологий, включая сеть Интернет) в составе экстремистской организации (объединения). Статьи 307(2), 307(3) и 307(4) УК РТ криминализируют наиболее организованные формы экстремистской деятельности, что, в свою очередь, обуславливает необходимость дифференциации уголовной ответственности в пределах одной самостоятельной статьи.

4. Объективными внутренними обще-социальными причинами и условиями экстремистской преступности, которые в совокупности составляют факторы, детерминирующие экстремизм, не связанные от воли и сознания человека являются:

1) исторические, психологические, религиозно-культурные, общественные и политические предпосылки;

2) на фоне социально-экономических проблем, беспрецедентный рост численности населения в некоторых регионах земного шара и существенное расслоение общества на бедных и богатых;

3) нравственно-духовные, информационные и образовательные проблемы;

4) организационно-правовые, научно-педагогические, информационно-пропагандистские, правовые и правоохранительные факторы.

5. Внешними обще-социальными причинами и условиями экстремистской преступности, которые в совокупности и составляют факторы, детерминирующие экстремизм, являются:

1) геополитические интересы западных и некоторых мусульманских стран на Ближнем Востоке и Центральной Азии;

2) внешняя трудовая миграция и ее влияние на религиозное мировоззрение молодежи Центральной Азии;

3) влияние идеологии и практики функционирующих экстремистско-террористических организаций в Афганистане, Пакистане и других мусульманских странах на сознание молодежи в странах Центральной Азии;

4) современные информационно-коммуникационные технологии как средство распространения экстремистской идеологии;

5) получение незаконного религиозно-экстремистского образования за рубежом.

6. Междисциплинарный характер природы религиозно-политического экстремизма обуславливает проведение комплексного противодействия, в следующих ключевых направлениях:

– проведение совместных научных исследований в целях выявления искаженных религиозных, политических, исторических, информационно-пропагандистских идей экстремистского характера, что требует правовую регламентацию и организацию деятельности отраслевых научных учреждений в пределах их компетенции;

– разработка государственных образовательных стандартов, программ и учебников для всех уровней образования (школ, колледжей, техникумов, вузов, религиозных школ и т.д.). Этот аспект также включает подготовку квалифицированных педагогических кадров, религиозных и политических деятелей, правоведов-специалистов в области противодействия экстремистской идеологии;

– постоянной координации деятельности «гражданских» министерств и ведомств по профессиональной контрпропаганде экстремистской идеологии среди широких слоев общественности (мигрантов, общественных и религиозных организаций и т.д.), в том числе посредством массовой информации и Интернета.

В результате комплексного исследования выбранной проблематики, диссертантом разработан комплекс научно-практических рекомендаций, выводов, положений и предложений, которые направлены на усовершенствование уголовно-правового законодательства и других

нормативных правовых актов регламентирующих систему криминологических мер по профилактике и предупреждению экстремизма.

7. Предлагается объединить содержание норм статей 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) УК РТ под одним самостоятельным составом преступления, но с дифференцированными частями, устанавливающими тяжесть уголовной ответственности в следующей редакции:

Доктрина ст. 307 (Экстремизм) Уголовного кодекса Республики Таджикистан:

1. Деяние, направленное на повторное (два и более раза в течении года) осуществление публичных или тайных призывов в целях возбуждения социальной ненависти и вражды либо насильственного изменения основ конституционного строя, захвата государственной власти или нарушении территориальной целостности государства, либо унижения достоинства отдельных социальных групп, а равно повторное распространение и оправдание экстремистской идеологии, либо распространение экстремистских материалов по политическим, расовым, националистическим, религиозным (сектантским) и местническим мотивам, в том числе, с использованием средств массовой информации или телекоммуникаций либо сетей Интернет или другими способами, если такие деяния совершены в течение года после привлечения лица к административной ответственности за те же действия,

– наказывается лишением свободы на срок от двух до четырех лет с применением принудительных мер идеологического характера.

2. Те же деяния, совершенные:

а) лицом, нарушившим исполнение мер административного воздействия за административные правонарушения экстремистского характера;

б) в составе группы лиц;

– наказывается лишением свободы на срок от трех до пяти лет с лишением права занимать определенную должность или заниматься

определенной деятельностью на срок до трех лет с применением принудительных мер идеологического характера.

3. Деяние экстремистского характера, связанное с вербовкой других лиц либо организацией и проведением религиозного обучения, или созданием и руководством экстремистской организацией (объединением), или те же деяния, совершенные:

в) с использованием своего служебного положения;

г) при опасном или особо опасном рецидиве;

д) по заданию враждебно настроенных организаций или представителей иностранных государств,

– наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет с применением принудительных мер идеологического характера.

4. Участие в деятельности экстремистской организации (объединении) или в учебе экстремистского характера,

– наказывается лишением свободы на срок от трех до пяти лет с лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет с применением принудительных мер идеологического характера.

Примечание 1. Публичное оправдание идеологии экстремизма – открытое или тайное распространение информации среди двух или более лиц, направленное на признание идеологии и практики экстремизма правильными, а также побуждение других лиц к ее поддержке и подражанию.

Примечание 2. Вербовщик – это лицо, побуждающее или склоняющее другое лицо к совершению одного или нескольких преступлений экстремистского характера путем пропаганды и распространения экстремистской идеологии, подстрекательства, подкупа, обмана, шантажа, угроз или иными способами.

Примечание 3. Преступлениями экстремистского характера признаются общественно опасные деяния, совершенные по политическим, расовым, националистическим, религиозным или местническим мотивам.

Примечание 4. Экстремистская организация (объединение) – это политическая партия, общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которой судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете ее деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, или организация (объединение), имеющая несколько организованных структурных подразделений, деятельность которых направлена на разработку планов и (или) создания условий в целях подготовки и совершения одного или нескольких преступлений экстремистского характера.

Примечание 5. Требования административной преюдиции данной статьи не распространяются на организаторов, руководителей, вербовщиков экстремистских организаций (объединений), а также на лиц, имеющих судимость.

Примечание 6. Принудительные меры идеологического характера определяются на основе государственных образовательных стандартов как совокупность политических, правовых, исторических, литературных, психологических, религиозных знаний, целью которых является нейтрализация экстремистских идей и формирование у осужденных толерантности и уважения равноправия всех наций и народностей. Порядок реализации данных мер устанавливается компетентными государственными органами в соответствии с действующим законодательством в исправительных учреждениях отбывания уголовных наказаний.

Примечание 7. Лица, чистосердечно раскаявшиеся в совершении преступления небольшой или средней тяжести экстремистского характера, либо добровольно сообщившие органам государственной власти о подготовке к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления экстремистского характера, либо о своем членстве в экстремистском

объединении (организации) и способствовавшие предупреждению таких преступлений, освобождаются от уголовной ответственности, если в их действиях не содержится признаков иного состава преступления.

8. Для решения научных, образовательных, кадровых, информационно-пропагандистских, правовых и других организационных вопросов, направленных на нейтрализацию обще-социальных причин и факторов возникновения экстремизма, предлагается:

а) ввести новый п. 7.3 в ст. 11 Закона РТ «О противодействии экстремизму» следующего содержания:

«Национальная академия наук Таджикистана в сфере противодействия экстремизму имеет следующие полномочия:

- координирует деятельность научных учреждений всех министерств, комитетов и ведомств по проведению совместных и комплексных научных исследований в сфере противодействия экстремистско-террористической идеологии;

- создает соответствующую комиссию по рассмотрению и оценке содержания и качества комплексных научно-исследовательских проектов по противодействию экстремистско-террористической идеологии».

б) Ввести новый п. 7.1 в ст. 11 Закона РТ «О противодействии экстремизму» следующего содержания:

«Министерство образования и науки Республики Таджикистан в сфере противодействия экстремизму имеет следующие полномочия:

- координирует деятельность научно-педагогических и образовательных учреждений по разработке государственных стандартов и программ, учебников и спецкурсов в сфере противодействия экстремизму и терроризму для всех уровней образования;

- создает соответствующую комиссию по разработке и контролю качества реализации государственных стандартов, программ, учебников и спецкурсов в сфере противодействия экстремизму и терроризму для всех уровней образования;

– осуществляет подготовку и повышение квалификации педагогических кадров для всех уровней образования в сфере противодействия экстремистско-террористической идеологии».

в) Ввести новый п. 7.1 в ст. 11 Закона РТ «О противодействии экстремизму» следующего содержания:

«Министерство культуры Республики Таджикистан в сфере противодействия экстремизму имеет следующие полномочия:

– координирует информационно-пропагандистскую деятельность министерств и ведомств, общественных и религиозных организаций и отдельных физических и юридических лиц по противодействию экстремистско-террористической идеологии в средствах массовой информации (далее – СМИ) и по Интернету;

– создает соответствующую комиссию по рассмотрению и оценке содержания и качества выступлений и информационно-пропагандистских материалов по противодействию экстремистско-террористической идеологии в СМИ и в сети Интернет».

Теоретическая и практическая значимость исследования. В результате междисциплинарного исследования получены новые данные и обобщения, определяющие теоретическую и практическую значимость работы. Они могут стать основой для разработки концепций, стратегий и законодательных актов, направленных на противодействие экстремизму, как в Республике Таджикистан, так и в других государствах-участниках СНГ. Материалы диссертационного исследования полезны для разработки государственных образовательных стандартов, программ, учебников и специальных курсов по противодействию экстремизму, а также при проведении лекций и семинаров по таким учебным дисциплинам, как уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право и специального курса по противодействию экстремизму.

Практическая значимость исследования заключается в том, что научные выводы и практические рекомендации, полученные в ходе исследования,

могут быть учтены при совершенствовании уголовного и административного законодательства, Закона РТ «О противодействии экстремизму», а также других законодательных актов, формирующих правовую основу организации профилактики и предупреждения экстремизма.

Результаты исследования могут быть использованы в следующих направлениях:

- в нормотворческой деятельности законодательной власти Республики Таджикистан;
- в законотворческой деятельности Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ;
- в разработке внутриведомственных и межведомственных нормативных правовых актов ОВД, национальной безопасности, прокуратуры по противодействию экстремизму;
- в разработке правовых и организационных основ государственной системы противодействия экстремизму в Республике Таджикистан;
- в проведении научно-исследовательской деятельности межведомственного, республиканского и регионального характера по анализу проблем противодействия экстремизму.

Степень достоверности результатов диссертации. Достоверность результатов диссертационного исследования выражается в использовании современных методов исследования при конкретизации цели и комплексном решении поставленных задач. Научные результаты, предложения и выводы, а также практические рекомендации, выработанные в результате диссертационного исследования, базируются на теоретических и законодательных источниках, судебно-следственной практике, анализе уголовных дел, практической деятельности ОВД и других государственных органов в сфере профилактики и предупреждения экстремизма, а также, на основе различных статистических данных.

Достоверность результатов исследования также дополнительно обеспечивается анализом Конституции Республики Таджикистан,

Уголовного кодекса Республики Таджикистан, Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан, Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях, Концепции правовой политики Республики Таджикистан, Концепции государственной политики Республики Таджикистан в сфере религии, Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 гг., постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан и др.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Предмет и содержание диссертационного исследования соответствуют паспорту специальности 5.5.8 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право, утвержденного Высшей аттестационной комиссией при Президенте Республики Таджикистан.

Личный вклад соискателя ученой степени. Личный вклад автора подтверждается представленными на защиту научными положениями, научной новизной диссертации, научными статьями автора, докладами на теоретических семинарах и международных, региональных, республиканских научно-практических конференциях, а также предложениями по совершенствованию законодательства, международных и региональных правовых актов, которые нашли свое отражение в нормативных документах по совершенствованию деятельности отдельных структур ОВД и деятельности иных государственных и законодательных органов страны.

Апробация и применение результатов диссертации. Диссертация была подготовлена на кафедре уголовного права, криминологии и психологии факультета №2 Академии МВД РТ и рекомендована к защите. Апробация проведена в процессе преподавания учебных дисциплин «Уголовное право Республики Таджикистан», «Криминология», «Правоохранительные органы Республики Таджикистан» и специального курса «Противодействие экстремизму и терроризму» в Академии МВД РТ, Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, Международного университета туризма и

предпринимательства Республики Таджикистан. Так же результаты диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность Управления по борьбе с организованной преступностью, Следственного управления, Управления по профилактике и предупреждению правонарушений несовершеннолетних и молодёжи МВД РТ.

Результаты исследования, связанные с решением отдельных вопросов диссертации, поэтапно были представлены автором в виде научных докладов в ходе следующих конференций:

а) Международные:

– «Транснациональные криминальные вызовы и риски на пространстве Содружества, обусловленные ситуацией в Афганистане: тенденции, прогнозы, пути нейтрализации» с докладом на тему «Основные причины активизации экстремистко-террористической деятельности в Афганистане и проблемы обеспечения безопасности в странах Центральной Азии» (г. Душанбе, Академия МВД РТ, 25 мая 2022 г.);

– «25-летие Уголовного кодекса Республики Таджикистан: состояние и перспективы» с докладом на тему «Взгляд на историю персидского и таджикского народов относительно последствий религиозного экстремизма» (г. Душанбе, Академия МВД РТ, 27 мая 2023 г.);

– «Противодействие экстремизму и терроризму: философские, психологические, социологические и политологические аспекты» с докладом на тему «Сущность религиозно-политического экстремизма в странах Центральной Азии и некоторые особенности противодействия ему в Республике Таджикистан» (г. Краснодар, Краснодарский университет МВД России, 24 ноября 2023 г.);

– «Проблемы противодействия экстремизму и терроризму: региональный формат» с докладом на тему «Особенности противодействия религиозному экстремизму в Республике Таджикистан» (г. Барнаул, Барнаульский юридический институт МВД России, 24 ноября 2023 г.);

– «Наука и юридическая практика», посвященная Дню таджикской науки с докладом на тему «Проблемы противодействия религиозной экстремистской идеологии и перспективы их решения» (г. Душанбе, Академия МВД РТ, 19 апреля 2024 г.);

– «Проблемы борьбы с преступностью на Евразийском пространстве» с докладом на тему «Общесоциальные меры противодействия экстремизму в Республике Таджикистан» (г. Душанбе, Академия МВД РТ, 10 мая 2024 г.);

– «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» с докладом на тему «Сущность и содержание общесоциальных мер противодействия экстремизму в Республике Таджикистан и перспективы их совершенствования» (г. Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургский университет МВД России, 10 мая 2024 г.);

– «Государственное управление в правоохранительной сфере» с докладом на тему «Совершенствование координации деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан по противодействию экстремизму» (г. Москва: Академия управления МВД России, 12 ноября 2025 г.) и т.д.

б) Республиканские:

– «Актуальные проблемы реформирования органов внутренних дел Республики Таджикистан» с докладом на тему «Современные угрозы экстремизма и проблемы их пресечения» (г. Душанбе, Академия МВД РТ, 9 декабря 2015 г.);

– «Терроризм как фактор, угрожающий стабильности государств в условиях глобализации» с докладом на тему «Проблемы организации противодействия идеологии религиозного экстремизма» (г. Душанбе, Таджикский национальный университет, 27 мая 2023 г.);

– «Противодействие торговле людьми: проблемы и размышления» с докладом на тему «Женщины и дети как жертвы торговли людьми в вооруженных конфликтах за рубежом» (г. Душанбе, Академия МВД РТ, 26 октября 2023 г.);

– «Терроризм как фактор, угрожающий становлению государств в условиях глобализации» с докладом на тему «Незаконные религиозные учения и столкновение интересов сверхдержав как источники возникновения религиозного экстремизма» (г. Душанбе, Государственный педагогический университет Таджикистана им. С. Айни, 5-6 апреля 2024 г.);

– «Уголовное законодательство Республики Таджикистан: история, перспективы и, посвященная 27-летию принятия Уголовного кодекса РТ с докладом на тему «Взгляды Мотуриды на противодействие религиозному экстремистскому мышлению» (г. Душанбе, Академия МВД РТ, 10 октября 2025 г.) и т.д.

Публикации по теме диссертации. Основные результаты и выводы автора, полученные в ходе диссертационной работы, нашли отражение в 5 монографиях, 3 учебниках, 3 научно-учебных пособиях, 9 учебно-методических пособиях и 51 научных статьях, из которых 20 статей опубликовано в журналах, рецензируемых Высшей аттестационной комиссией при Президенте РТ.

Структура и объем диссертации. Диссертационное исследование состоит из перечня сокращений и (или) условных обозначений, введения, пяти глав и пятнадцати параграфов, заключения, рекомендаций по практическому использованию результатов исследования, список литературы (источников), перечня научных публикаций соискателя ученой степени и приложения. Общий объем диссертации составляет 538 страниц.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ЕГО ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

1.1. Теоретические основы определения понятия, форм и видов экстремизма

Современный экстремизм – это сложное и многогранное явление, посягающее на различные сферы жизнедеятельности общества. На начальном этапе своего развития проявления экстремизма зачастую носят административно-правовой характер. Однако игнорирование возникающих проблем или медленная реакция на них создает риск их расширения, когда эти проявления переходят в более деструктивные формы, например, в насильственный экстремизм.

Сложность данной проблемы заключается в том, что в уголовном праве до сих пор отсутствует конкретная, самостоятельная и дифференцированная норма, посвященная экстремизму. Общеприемлемого определения экстремизму не содержится и в специальном Законе Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму». В связи с этим, формулирование уникальных характеристик экстремизма как самостоятельного явления, наряду с определением критериев отнесения разнообразных проявлений экстремистской деятельности к конкретным областям правового регулирования в рамках современного уголовного права представляет собой задачу повышенной сложности.

С учетом представленных обстоятельств, точка зрения академика В.Н. Кудрявцева, который утверждает, что «состав преступления содержит не случайный набор признаков, а лишь те, которые вскрывают сущность явления и дают возможность раскрыть кроющуюся за этим явлением объективную закономерность реальной действительности» [164, с. 36], представляется достаточно аргументированной.

При этом разработка отличительных признаков современного экстремизма представляет собой значительную сложность, так как этот феномен, помимо правовой сферы, охватывает множество других аспектов: социально-экономические, политические, психологические, информационные и нравственно-духовные. В связи с этим, В. Третьяков отмечает, что все фундаментальные подходы по детальной квалификации экстремизма в конечном итоге приводят к его смешению с терроризмом, либо в обычное насилие над личностью, или же к содержащееся в Уголовном кодексе размытое по конструктивным признакам деяние, как «возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» [305].

О размытости уголовно-правовых границ экстремизма профессор М.П. Киреев отмечает, что «На сегодняшний день нет общепризнанного определения экстремизма, а понятие, данное в законодательстве Российской Федерации справедливо подвергается критике как не раскрывающее всей его сути, отождествляющее экстремизм с экстремистской деятельностью и, что самое пагубное, с терроризмом и террористической деятельностью» [277, с. 97]. Авторитетный российский ученый В.В. Лунеев, подтверждая сложность российского антиэкстремистского законодательства, подчёркивает, что «даже специалисту очень трудно разобраться в законотворчестве об экстремизме, а ведь законы предназначены для обычных граждан и не очень грамотных сотрудников системы уголовной юстиции» [282, с. 58].

Несмотря на сложность поставленной задачи, разработка признаков экстремизма имеет не только теоретическое, но и значительное практическое значение. В связи с этим, исследование уголовно-правовых и административно-правовых дефиниций, касающихся современных форм и видов экстремизма, требуют глубокого и обоснованного научного подхода.

К сожалению, на разработку понятия «экстремизм» оказывает влияние также многолетнее противоборство мировых и региональных держав, стремящихся отстоять свои геополитические интересы. Наиболее сложно то, что некоторые региональные и мировые державы, под эгидой

противодействия проявлениям современного экстремизма, фактически отстаивают собственные геополитические интересы. Их действия направлены на вытеснение оппонентов с определённых территорий, вплоть до создания «независимых», но подконтрольных им государств. О таком положении дел свидетельствует многолетнее противостояние геополитических игроков на Ближнем Востоке, вооруженные конфликты в Ираке, Сирии, Афганистане, Палестине, а также угрозы США в отношении Ирана, России и Китая, которые служат подтверждением вышеизложенного.

Несмотря на то, что на глобальном уровне созданы базовые нормы для управления международными отношениями, в последние десятилетия их нередко оставляют без внимания, зачастую попросту игнорируя. Так, эти принципы закреплены в Декларации о принципах международного права, касающиеся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН [4], в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе [19], Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или её применения в международных отношениях [6], а также в учредительных актах региональных международных организаций [15, с. 4-11].

Несмотря на сложность правовой и социальной природы экстремизма, представители различных областей – политики, историки, религиоведы, правоведы, психологи и другие исследователи предлагают собственную интерпретацию этого явления. Однако на наш взгляд, подобные односторонние определения не заслуживают особого доверия.

В связи с тем, что экстремизм по своей природе всегда связан с политикой, в энциклопедических словарях он определяется как «приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике)» [476, с. 52]. Под «взглядами», согласно словарю С.И. Ожегова, понимается «Мнение, суждение, совокупность которых составляет суть определённой идеологии или идейных убеждений, которые не всегда связаны с практическими действиями. В то же время «меры» представляют собой «средство для

осуществления чего-н., мероприятие» [473, с. 77], направленные на совершение конкретных действий.

По мнению многих ученых, политика не является чистой формой проявления экстремизма, поскольку весьма распространены его проявления, основанные на националистических, расовых, религиозных, языковых или сексуальных мотивах [285, с. 66-74]. Однако из-за слияния экстремизма с политикой, религией, национализмом, расизмом и другими его видами, рассматривать их как самостоятельные категории невозможно. Следовательно, классификация экстремизма по вышеуказанным мотивам является условной [122, с. 14-21; 309, с. 157].

О комплексном характере современного экстремизма пишут также отечественные исследователи Х.С. Сафарзода и П.А. Насуриён, утверждая, что «политические мотивы экстремизма берут свое начало от понятия «радикализм», так как этот термин по своей природе изначально связан с коренными политическими преобразованиями. Однако постепенно он стал употребляться в негативном смысле, в качестве синонима современному «экстремизму» [188, с. 109-110]. Кстати сказать, такой подход прослеживается в отношении любых правых или левых политических сил, не принимающих легальную политическую власть (например, марксисты, правые, националисты, религиозные фундаменталисты и др.) [228, с. 39-40]. Исходя из этого, многие ученые в качестве экстремизма определяют крайнюю форму радикализма. Это связано прежде всего с тем, что вплоть до конца 90-х годов XX в. в научном обороте понятие «экстремизм» не существовало [477].

По мнению С.Н. Фридинского, понятие «радикализм» не является составной частью понятия «экстремизм» [228, с. 41]. Однако, все попытки об интерпретации самостоятельного смысла понятия «радикализм» [256, с. 45-51; 257, с. 33-39; 272, с. 73-78] не увенчались успехом, в связи с чем в отечественной и зарубежной научной литературе нет единого мнения о

сущности и содержании «радикализма» [228, с. 39]. Поэтому эти понятия часто употребляются как взаимозаменяющие термины.

Х.С. Сафарзода и П.А. Насуриён связывают религиозные мотивы современного экстремизма с проявлениями фундаментализма, констатируя, что этот термин «изначально представлял собой модернистские течения в русле протестантизма христианской религии, поскольку протестанты, подобно сегодняшним салафитам, подчеркивали необходимость буквального понимания Священного Писания, не принимая во внимание тот факт, что человеческий разум по-разному воспринимает священные тексты на разных этапах общественного развития и при конфликте интересов, возникновение религиозных разногласий было неизбежным» [188, с. 110]. Эту позицию более подробно обосновывает З.И. Левин, считая религиозный фундаментализм источником проявления современного религиозно-политического экстремизма [172, с. 49]. Аналогичный подход прослеживается и у других исследователей данной проблемы [293, с. 22].

В данном контексте интересно мнение К.Ю. Мельшиной, которая утверждает, что «В научной литературе политический экстремизм характеризуется комплексом крайне радикальных установок, таких, как крайне правые и крайне левые национал-экстремистские и сепаратистские, выступающие как обоснование применения насилия в различной форме для достижения политических целей» [374, с. 41]. Здесь следует указать на то, что эти действия направлены на изменение государственного строя нелегитимным, насильственным методом [468, с. 275].

Следующей особенностью современного экстремизма, ставшей на сегодня одной из его элементов, является национализм. Его связывают «с деятельностью организаций, оправдывающих идеологию и практику расизма и нацизма» [310, с. 403]. Например, Д.Е. Некрасов отмечает, что «Националистический экстремизм – это совокупность асоциально крайних взглядов и убеждений в области равноправия людей, отличающихся принадлежностью к иному этносу либо расе, внешне проявляющих,

преподносящих и внедряющих их в общественное сознание и бытие преимущественно путем применения насилия» [382, с. 67].

С точки зрения науки психологии, Л.Я. Гозман и Е.Б. Шестопап указывают на то, что «характеризующим признаком политического экстремизма является сильная эмоциональная активность человека» [132, с. 20]. М. Буянов также высказывает мнение, что «Экстремистское поведение всегда связано с психопатологическими отклонениями и предрасположенностью личности к насилию» [121, с. 29].

Затрагивая вопрос анархического терроризма в Италии в XIX и XX вв. Ч. Ламброзо отмечает, что «Личность и сознание политического преступника формируется в контексте негативных явлений в обществе как коррупция политиков, обесценивание идеалов, социальная несправедливость и т.д.» [171, с. 34-36].

На обоснованность позиции Ч. Ламброзо указывают также Д.И. Аминов и Р.Э. Оганян, которые утверждают, что «Идеологическим корнем «молодежного» экстремизма в России выступают доктрины уже явно «немолодёжных» ультраправых партий и движений. Нет никаких сомнений в том, что движение скинхедов является потенциальным электоратом для таких партий и движений, как «Русский национальный союз», «Русская партия России», «Русский Хозяин», «Народная национальная партия» и иных экстремистских организаций» [113, с. 20]. Далее ученые отмечают, что «в настоящий момент на территории Российской Федерации активно действует прообраз указанных движений – этноэкстремистская организация «Русская община»» [113, с. 20].

Российские и таджикские ученые в основном выделяют четыре вида экстремизма, основанные на политических, националистических, расовых и религиозных мотивах [285, с. 66-74]. Однако при попытках дать им самостоятельное уголовно-правовое значение (в зависимости от конкретных обстоятельств, где развиваются экстремистские проявления), предпочтение всегда отдается политическим мотивам. Например, М.И. Лабунец выделяет

«политический экстремизм» [368, с. 7], А.А. Нуруллаев – «религиозно-политический экстремизм» [289, с. 544], С.М. Иншаков – «идеологический экстремизм» [143, с. 334]. На основе религиозных мотивов Н.В. Степанов говорит о «религиозном и политическом экстремизме» [402, с. 44]. Т.А. Скворцова отмечает об опасности «религиозного экстремизма в контексте национальной безопасности» [400, с. 6]. В.А. Бурковская, говоря о «криминальном религиозном экстремизме» [342, с. 12], не обходит стороной «исламский экстремизм», указывая его общественную опасность основам конституционного строя [342, с. 44]. О.А. Русанова, говоря о «этнорелигиозном экстремизме», отмечает его опасность для северокавказского региона России [295, с. 108]. Националистические мотивы экстремизма четко отражены в работах А.А. Чичановского [312, с. 27], у Н.В. Степанова «национально-этнический экстремизм» [402, с. 40], у С.М. Иншакова «националистический экстремизм» [143, с. 334] и др.

Поэтому можно прийти к выводу, что современный экстремизм наиболее ярко проявляется через националистические, расовые, сепаратистские, религиозные и политические мотивы, представляя собой грани одного и того же явления. Следовательно, разделение экстремизма по различным мотивам на самостоятельные уголовно-правовые категории приводит к расширительному толкованию его понятия и, соответственно, к установлению многочисленных уголовно-правовых норм за одно и то же деяние.

Следующей проблемой является установление возрастных групповых качеств насильственного и ненасильственного характера экстремизма. По этому поводу известны исследования Д.И. Аминова, Р.Э. Оганян, которые говорят о «молодёжном экстремизме» [113], А.Т. Сиоридзе, рассматривающий «групповой молодёжный экстремизм» [398], А.Г. Хлебушкин – «преступный экстремизм» [412], А.В. Павлинов – «насильственный экстремизм» [194].

Затрагивая вопрос о групповом характере экстремисткой преступности несовершеннолетних, Т.Г. Сироткина отмечает, что «эти преступления чаще

всего генерируются с молодежной преступности и в 55,7% случаев экстремистские преступления несовершеннолетние совершают в группе, причем 82,5% таких лиц составляют мальчики» [399, с. 13]. Мотивы совершения таких преступлений у несовершеннолетних такие, как «установление социального равенства», которые составляют 25,8%, религиозные 20,6%, националистические, ксенофобия 24,7% и политические 28,9% [399, с. 13]. Однако на наш взгляд, вряд ли у несовершеннолетних проявляются политические мотивы при совершении экстремистских действий. Скорее всего, речь идет о смешанной мотивации экстремизма у несовершеннолетних, чаще всего, в единой увязке политики с национализмом или нацизмом.

Заслуживает внимания и тот факт, что в силу специфических качеств современного экстремизма (например, его религиозного, националистического или политического характера) следователь в большинстве случаев только с помощью специалиста или эксперта в области социальной психологии, политологии или религиоведения может определить, что конкретная идеология имеет экстремистский характер [364, с. 10-11]. Однако, эксперты не квалифицируют преступления экстремистского характера или же они не проводят грань между экстремистскими правонарушениями и аналогичными преступлениями, что у органов дознания и следствия создаёт дополнительные трудности.

В зависимости от сферы человеческой деятельности и психического состояния индивида, по мнению ученых имеют место быть «социально-экономический и бытовой экстремизм» [402, с. 61], «экологический экстремизм» [272, с. 42], «культурный экстремизм» [402, с. 62], «спортивный экстремизм» [402, с. 42], «психопатический экстремизм» [272, с. 42].

В эпоху трансформации общественных связей и активного развития современных информационных и коммуникационных технологий, таких, как СМИ и Интернет, исследователи А.Х. Валеев, А.Э. Гапич, Д.С. Глухарев, В.А. Диль, Д.Н. Жуков, О.С. Жукова, Б.В. Заливанский, Р.Б. Иванченко, А.В.

Кириллов, Ю.Р. Тагильцева, В.В. Трухачев, Р.В. Упорников и др. определили характерные особенности и разработали концепцию «информационного экстремизма» [377, с. 5]. Так, В.Э. Мозговой отмечает, что «Особенностями информационного экстремизма в современном обществе является достаточно агрессивный «внешний» глобальный геополитический контекст, потенциально способный оказывать серьезное воздействие на информационно-коммуникационную систему современного общества, создавать в ней напряжение, дисфункции, дезорганизацию, в том числе в осуществлении агрессивных, радикальных политических проектов в виде цветных революций» [377, с. 10].

Затрагивая уголовно-правовые и криминологические вопросы противодействия киберпреступности, отечественный исследователь К.Д. Давлатзода отмечает, «что согласно действующему законодательству, запрещается доступ к веб-сайтам и другим информационным ресурсам, включая веб-сайты и интернет-программы, которые связаны с возможностью распространения любой информации, направленной на нарушение основ конституционного строя, личной, общественной и государственной безопасности, разжигании религиозной ненависти и вражды, религиозного или национального конфликта, расовой, региональной дискриминации, способов изготовления и продвижения наркотических средств, взрывчатых и других отравляющих веществ, направленных на совершение преступлений и административных правонарушений экстремистского и террористического характера и т.д.» [350, с. 12-13]. Однако полностью контролировать интернет-пространство практически невозможно.

На наш взгляд, информационный или киберэкстремизм – это способ совершения деяний экстремистского характера, которые с учетом современных достижений информационных технологий и закономерностей жизнедеятельности людей приобрели широкое распространение. В нынешних реалиях использование современных технологий для совершения многих преступлений стало нормой. Поэтому признание на законодательном

уровне совершения преступления с использованием современных информационных технологий, в том числе по Интернету как отягчающих обстоятельств при назначении уголовного наказания, на наш взгляд, представляет собой сомнительное уголовно-правовое решение.

Необходимо отметить, что исследователи данной проблемы затрагивают различные направления сложного, многомерного явления, которое в зависимости от конкретной общественно политической обстановки имеет определенные виды и формы проявления. Однако, в большинстве работ мотивы экстремизма выступают в качестве основного критерия классификации видов экстремизма. При этом мотивы экстремизма лишь в совокупности формируют сущность его целостного понятия, поскольку многие проявления современного экстремизма всегда тесно переплетаются, что значительно затрудняет выделение экстремизма как самостоятельного уголовно-правового явления. Следовательно, появление на законодательном уровне множества норм об ответственности за преступления экстремистского характера зачастую приводит к их жёсткой конкуренции и противоречию. Это, в свою очередь, может служить основанием для нарушения принципа справедливости уголовного закона. Поэтому мы считаем, что расчленение экстремизма на многочисленные его мотивы нецелесообразно, так как они находятся в тесной связи и практически никогда не выступают изолированно друг от друга [122, с. 14-21]. Такой «многоликий экстремизм» стал поводом для грубейшего нарушения принципа справедливости в уголовном законе и создал дополнительные сложности при дифференциации уголовной ответственности за экстремизм.

В уголовных законодательствах стран-участников СНГ до принятия утративших силу законов «О борьбе с экстремизмом» (2003 г.) [50] существовали всего две нормы, аналогичные ст. 189 УК РТ (Возбуждение национальной, расовой, местнической или религиозной вражды) и ст. 307 УК РТ (Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан). Эти нормы, как в советское время, так и

после его распада достаточно эффективно воздействовали на весь процесс негативного развития экстремистских проявлений на территории ранее существовавших 15 союзных республик.

На наш взгляд, размытость уголовно-правовых границ преступлений экстремистского характера (ст. 307(1) УК РТ, ст. 307(2) УК РТ, ст. 307(3) УК РТ, ст. 307(4) УК РТ не отвечают основополагающим принципам теории уголовного права, так как они находятся в непреодолимой конкуренции со ст. 189 УК РТ (Возбуждение национальной, расовой, местнической или религиозной вражды) и ст. 307 УК РТ (Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан).

На этом фоне позиция Е.П. Сергуна о том, что «выделение огромного количества условных и неопределенных видов экстремизма является, нецелесообразным, так как за каждый экстремистский мотив (национальный, расовый, религиозный, политический, местнический) не предусматривается уголовная ответственность» [396, с. 64], выглядит вполне оправданной. Однако, например, в УК Азербайджана криминализирован только «религиозный экстремизм» [41], а в УК РФ наравне с другими проявлениями экстремизма, «сепаратизм» как уголовно-правовая категория имеет самостоятельные признаки [46].

Следует согласиться с позицией профессора В.В. Лунеева, который говорит о том, что «Экстремизм в науке, литературе, спорте, в моде, скульптуре, других видах искусства может привести к инновации, развитию общества и появлению новых школ. Поэтому под эгидой борьбы с экстремизмом наклепать ярлык преступника каждому, кто не согласен или является конкурентоспособным оппонентом, является сомнительным уголовно-правовым решением» [282, с. 44].

Заслуживает особого внимания позиция И.И. Бражника и Э.Г. Филимонова, отмечающих, что «Приверженность к крайним взглядам и действиям может иметь место в любой сфере общественной жизни, где

сталкиваются различные взгляды и точки зрения на решение тех или иных проблем, но не всегда «крайние» взгляды можно отнести к числу экстремистских. Они могут и не повлечь за собой совершение конкретных насильственных и иных противоправных действий, а также заведомо не предполагать принуждение по отношению ко всем несогласным» [227, с. 90; 268, с. 17].

На наш взгляд, ненасильственный экстремизм может проявляться в нарушении равноправия граждан при поступлении на работу, при проведении спортивных и других общественных мероприятий, когда экстремистские мотивы сопутствуют умышленному принижению статуса определенной социальной группы, в публичном унижении чести и достоинства других социальных групп (наций, народов, религиозных меньшинств, определенной расы и т.д.).

Если сепаратистские движения достигают независимости путём проведения всеобщего референдума, соблюдая принципы и нормы международного права, то их действия не содержат признаков насильственного экстремизма. Однако, когда сепаратисты с целью выхода из состава определённого государственного образования призывают к насилию или массовому неповиновению органам государственной власти, ненасильственный экстремизм трансформируется в насильственную форму. Примечательно, что международные правозащитные институты часто рассматривают действия подобных движений как проявление демократических преобразований. Именно поэтому определение грани между насильственным и ненасильственным экстремизмом является чрезвычайно тонким и деликатным вопросом [262, с. 234]. Однако, в некоторых международных документах [13] пытаются раздвинуть смысловые границы между сепаратизмом и экстремизмом как самостоятельные уголовно-правовые категории, что на наш взгляд, не совсем удачная тенденция.

Затрагивая вопрос о насильственной и ненасильственной природе экстремизма, О.И. Аршба отмечает, что «Некоторые экстремистские организации отказываются от насилия как средства достижения своих политических целей, во-первых, по причине страха перед контрмерами власти, во-вторых, в силу представления того, что благодаря своему «дисциплинированному» поведению они могут завоевать симпатии и расширить круг сочувствующих» [261, с. 26-34]. Ученый не исключает и неправовые формы экстремизма, подчеркивая, что теоретически такие формы могут существовать. В качестве примера можно привести ситуацию при определении претендентов на вакантные должности: «если кандидаты демонстрируют одинаковый профессионализм, но комиссия или работодатель отдадут предпочтение одному из них по признаку национальной принадлежности».

Поэтому, о неправовой или же административно-правовой природе экстремизма можно говорить тогда, когда идеология и практика экстремизма не основывается на оправдании, поощрении и применении физического и психологического насилия к оппонентам.

Многовекторный анализ сущности и содержания экстремизма создает предпосылки по разработке организационно-правовых, криминологических, уголовно-правовых и административных мер противодействия экстремизму.

Как было отмечено выше, мотивы экстремизма (политический, расовый, националистический, религиозный) почти всегда переплетаются между собой. Особенно политический ангажированный экстремизм часто приобретает националистический или религиозный характер, оправдывающий идеологию насилия, разжигания вражды и розни, а порою непосредственного применения массового насилия к оппонентам. Такой подход вытекает и из содержания социологического исследования, проведенного среди руководящего состава (50 чел.), следователей (50 чел.), оперативных работников (50 чел.) ОВД МВД РТ и слушателей (150 чел.), преподавателей (50 чел.) факультета №1 Академии МВД РТ (далее также

будем исходить из указанного количества опрошенных респондентов). На вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что экстремистская деятельность связана с публичными призывами и оправданием идеологии о насильственном «джихаде», создании «исламского халифата», насильственном изменении основ конституционного строя, а также разжиганию вражды и розни по политическим, религиозным, националистическим, расовым и местническим мотивам?», положительно ответили 177 чел. или 59%» опрошенных. Частично согласились 81 чел. или 27%. Не согласны только 20 чел. или 6,66% и затруднились ответить 22 чел. или 7,33% [См.: Приложение №2].

В проведенном М.П. Хайдарзода исследовании 71,6% респондентов отмечают о доминирующей в республике роли религиозно-политического экстремизма [409, с. 219], что подчеркивает опасность данного явления для основ демократического общества.

В этой связи Е.П. Сергун отмечает, что «Экстремистская идеология представляет собой систему мировоззренческих представлений, враждебных и прямо противоположных ключевым принципам демократии как форме политической организации общества и государства» [396, с. 56].

Совершенно справедливо отмечает профессор М.Я. Яхьяев, подчеркивая, что «Экстремистский психический склад личности возникает на основе экстремистской идеологии, предполагающей деструктивную программу изменения социальной среды, когда эта идеология становится ядром направленности личности и определяет ее эмоциональную жизнь и практическое поведение» [318].

Как справедливо отмечает Х. Хекхаузен, «Идеология, трансформируясь в мотивы и цели, оказывает непосредственное воздействие на поведение. Побуждение к действию определенным мотивом обозначается как мотивация. Мотивация мыслится как процесс выбора между различными возможными действиями процесс, регулирующий, направляющий действие на достижение

специфических для данного мотива целевых состояний и поддерживающий это состояние» [236, с. 34].

Поэтому логично, что в конструкции ч. 1 ст. 307(2) УК РТ указывается на некоторые распространенные мотивы экстремизма, такие, как политический, идеологический, расовый, национальный, местнический и религиозный [36]. Аналогичная ситуация прослеживается и в конструкции ст. 282(1) УК РФ, в примечании 2 которой указывается, что «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса...» [46].

Однако в науке нет единого подхода и понимания категориев «виды экстремизма» и «формы экстремизма». По мнению В.В. Устинова, «терроризм это один из видов экстремизма» [308, с. 34]. Другие авторы считают, что «религиозный экстремизм является одной из форм выражения политического экстремизма» [475, с. 505]. В.А. Бурковская утверждает, что «религиозный криминальный экстремизм является одним из наиболее опасных видов экстремизма» [342, с. 4].

В основе многочисленной классификации видов экстремизма и терроризма лежат различные критерии, в том числе такие характерные признаки, как мотивы, цели, субъекты, объекты и формы их проявления. Так, например, А.Г. Сидеренко и Ю.В. Тихомиров предлагают деление терроризма по мотивам и идеологическим воззрениям на политический, националистический и религиозный [213, с. 163], что представляется вполне обоснованным. Под формами проявления терроризма указанные авторы обоснованно отмечают о наиболее общих способах совершения терроризма в виде взрывов, поджогов и других устрашающих актов. Применительно к экстремизму эти признаки также необходимо учитывать, так как многие ученые под формой экстремизма понимают его внешнее выражение,

проявляющееся в совершении каких-либо деяний, направленных на претворение положений конкретной экстремистской идеологии в действительность [396, с. 76].

С точки зрения уголовного права, под «экстремизмом» Е.П. Сергун понимает «приверженность к определенной системе взглядов и идей, основанной на нетерпимости к основополагающим принципам конституционного строя и охраняемым государством демократических прав и свобод человека и гражданина, характеризующаяся внутренней готовностью к активной деятельности, направленной на претворение в действительность таких воззрений уголовно наказуемыми способами» [396, с. 11]. Свое внимание ученый в основном концентрирует на объекте преступного посягательства и уголовном содержании экстремизма в обобщенном виде, однако о характерных признаках экстремизма как самостоятельного состава преступления в данном понятии речи не идет.

Подобный расширительный подход прослеживается и в работах А.А. Можеговой [376, с. 13]. С.Н. Фридинский предлагает следующее определение экстремизма: «Социальное системное явление, в рамках которого объединенные на основе общих политических, идеологических, национальных, религиозных, расовых, социальных, экологических, экономических взглядов и убеждений представители последних совершают, движимые экстремистскими побуждениями, противоправные действия, направленные на насильственное распространение таких взглядов и искоренение взглядов, отличных от отстаиваемых ими» [407, с. 11]. На наш взгляд, в предложенном понятии экологические и экономические мотивы экстремизма расширяют сущность и содержание криминального экстремизма.

А.Г. Хлебущкин под уголовно-правовым понятием экстремизма видит «Противоправную деятельность, осуществление которой причиняет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений» [412, с. 9]. Далее

исследователь акцентирует свое внимание на противоправность и комплексный характер преступного экстремизма, закрепленные в ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», за осуществление которых предусмотрена уголовная ответственность. О комплексном характере современного понятия экстремизма как системы взглядов и убеждений, отрицающих общественный порядок и общечеловеческие нормы поведения, его негативных последствиях для общества отмечает и Р.М. Узденов [404, с. 9]. С.В. Борисов под экстремистской деятельностью (экстремизмом) предлагает понимать «Вид противоправной деятельности, осуществляемой вследствие крайнего неприятия существующих основ конституционного строя и выражающиеся в уголовно наказуемых деяниях, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя, захвате власти, возбуждению ненависти либо вражды в обществе по признакам принадлежности к определенной расе, национальности (этносу) или отношению к религии» [340, с. 16].

Следует отметить, что на протяжении более 20 лет учеными юристами законодательное определение понятия «экстремизм» (экстремистская деятельность) подвергается справедливой критике. В частности, Ю.А. Королев отмечает, что «Содержащееся в Законе о противодействии экстремистской деятельности легальная дефиниция экстремизма (экстремистской деятельности) носит описательный и казуистический характер, допускает чрезмерно широкую трактовку, что на практике влечет ущемление прав и свобод граждан» [359, с. 9].

В виду такого подхода, критически важно исследовать международно-правовые акты, регламентирующие противодействие экстремизму. Это связано, прежде всего, с тем, что они закладывают правовую основу для формирования национальных правовых систем.

С учетом вышеизложенного материала по параграфу можно сформулировать следующие теоретические выводы и практические рекомендации:

1. Одним из основополагающих критериев определения современных видов криминального экстремизма выступают его политические, националистические, религиозные, расовые, сепаратистские мотивы. Однако среди указанных мотивов политический экстремизм (борьба за власть или подавление политических противников) всегда представляет бóльшую общественную опасность, когда переплетается с национализмом, сепаратизмом, расизмом и фундаментализмом.

2. Криминализация неполитического экстремизма, к которому относится узкопрофильный экстремизм (например, в сфере спорта, туризма или моды), представляется нецелесообразным. Такие проявления носят фрагментарный характер, не обладают значительной общественной опасностью, а защита интересов ущемленных лиц может быть эффективно реализована в рамках административно-правовых или гражданско-правовых отношений.

3. Разделение современного экстремизма по религиозным, политическим, расовым или националистическим мотивам, а тем более, придание им самостоятельного значения в качестве уголовно-правовых составов не соответствует принципам справедливости и критериям криминализации общественно опасных деяний. Это обусловлено тем, что указанные мотивы всегда переплетаются между собой и редко (или почти никогда) не выступают в «чистом» виде. Следовательно, определение уголовной ответственности за одно и то же деяние в нескольких нормах уголовного закона является нецелесообразным с точки зрения науки уголовного права.

4. Объективные признаки современного экстремизма выражаются в публичных (открытых или тайных) призывах, насаждающих рознь и вражду на социальном уровне. Целью таких призывов является привлечение значительного количества «сочувствующих» на основе политических, религиозных, сепаратистских, националистических и расовых мотивов и провоцировании массовых волнений против основ конституционного строя, соответственно и насильственного захвата власти. Экстремистские призывы

(идеология) также проявляется при совершении преступлений и административных правонарушений экстремистского характера, если в диспозиции или части статьи УК РТ или КоАП РТ предусмотрены политические, религиозные, сепаратистские, националистические и расовые мотивы в качестве основных признаков таких правонарушений.

5. К объективным признакам экстремизма относятся также групповой, организованный и системный характер действий по распространению экстремистской идеологии, которые чаще всего осуществляются через СМИ и современные телекоммуникационные технологии, включая Интернет. Соответствующие нормы, регулирующие данные проявления, содержатся в УК РТ и КоАП РТ.

6. Степень общественной опасности экстремизма следует определять по следующим критериям: активности, системности и открытости деятельности личности экстремиста; его роли в вербовке других лиц; уровня религиозно-экстремистской деформации мировоззрения и получения экстремистского образования; его готовности к применению насилия в отношении оппонентов и т.д.

1.2. Формирование понятия экстремизма в международном праве

Несмотря на отсутствие общепринятого понятия экстремизма в международном праве, впервые о нем как о преступлении, порождающем проявления терроризма, упоминается в Резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (далее – ООН) №49/60, принятой в 1994 г. [2; 11; 12]. Однако содержание понятий «дискриминация», «ксенофобия», «расизм», «национализм», «сепаратизм», «фундаментализм», «нетерпимость» и ряд других терминов, закреплённых в международных документах, раскрывают сущность современного экстремизма. Поэтому необходимо рассмотреть содержание вышеуказанных понятий для

конкретизации его «международно-правовых» признаков как «универсального средства» воздействия на все его проявления.

При самостоятельном изучении содержания указанных понятий неизбежно станут очевидными признаки насильственного или ненасильственного экстремизма, что открывает путь к административно-правовому и уголовно-правовому регулированию современного экстремизма и, соответственно, к дифференциации правовой ответственности лиц, распространяющих и поддерживающих идеологию и практику насильственного экстремизма.

Так, в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН указаны меры по борьбе с нацизмом и расовой нетерпимостью. Исследуя сущность и содержание понятия толерантности как категории, противодействующей нетерпимости, Л.В. Смолин отмечает, что «утверждение о толерантности означает, что каждый волен следовать своему собственному мнению и признаёт такие же права за другими. То есть признаёт, что люди от природы разные по внешности, статусу, речи, поведению, ценностям, имеют право жить в мире и сохранять свою индивидуальность. Также толерантность означает, что мнение одного человека не может быть навязано другому человеку» [20]. Такая позиция более подробно раскрывается в Декларации принципов толерантности от 16 ноября 1995 г., принятая государствами-членами ЮНЕСКО в Париже.

Согласно этому документу, толерантность как принцип международного права представляет собой основополагающую идею и требование для всех народов. Независимо от их религии, нации, цвета кожи, языка, расы, политических убеждений и других социальных особенностей, они должны относиться друг к другу уважительно или, по крайней мере, терпимо при осуществлении политических, социальных, экономических и культурных прав. Поэтому государства-члены ООН должны предпринимать все правовые, организационные, информационно-пропагандистские, нравственно-духовные и другие социальные меры по защите прав и свобод

всех наций и народов, обеспечить их безопасность в независимости от их социальной, национальной и религиозной принадлежности.

Помимо указанного документа существует еще и Декларация ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации, которая была принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН №1904 (XVIII), 20 ноября 1963 [3]. Международная конвенция «О ликвидации всех форм расовой дискриминации» развивает многие положения вышеуказанной Декларации [11]. В предисловии Конвенции подчеркивается, что «Любая теория превосходства, основанная на расовых различиях, является научно ложной, морально предосудительной, социально несправедливой и опасной, а расовая дискриминация, где бы она ни была, не должна оправдываться ни в теории, ни на практике» [см.: п. 7 Предисловия].

Далее, в ч. 1 ст. 1 данной Конвенции говорится, что расовая дискриминация представляет собой «Любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, происхождения, национальной или этнической принадлежности, имеющее целью или следствием уничтожение или умаление признания, осуществления или реализации на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной или любой другой области общественной жизни». Исходя из этого, каждое государство-участник должно использовать все соответствующие средства, включая законодательные меры, в зависимости от обстоятельств, для запрещения и прекращения расовой дискриминации, осуществляемой отдельными лицами, группами или организациями (п. «с» ст. 2).

Пункт «а» статьи 4 Конвенции обязывает государства криминализировать следующие деяния:

- любые распространения идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти;
- любые подстрекательства к расовой дискриминации;

– все акты насилия или подстрекательства к таким актам, направленные против любой расы или группы лиц иного цвета кожи или национального происхождения;

– оказание любой помощи для пропаганды расистской деятельности, включая ее финансирование.

Государствам рекомендуется в том числе запрещать и наказывать юридические и физические лица, так же деятельность политических и религиозных организаций, пропагандирующих расовую дискриминацию [11, п. «b», ст. 4].

М.П. Хайдарзода отмечает, что данная Конвенция дает право государствам криминализировать «любые деяния, направленные на совершение насильственных действий по признаку расового, национального или этнического происхождения или оказание содействия в осуществлении экстремистской деятельности, в том числе и ее финансирование» [409, с. 76].

В этом контексте следует отметить, что в ст. 1 выше обозначенной Конвенции в контексте защиты прав и свобод человека речь идёт также и о других видах современного экстремизма (экономического, культурного и социального характера), которые еще не криминализованы. Кроме того, в ней говорится об унижении чести и достоинства других лиц по признаку расы, цвету кожи, расового, национального или этнического происхождения, что составляет суть ненасильственного экстремизма. Подобные деяния требуют, по крайней мере, административно-правового и гражданско-правового регулирования, в то время как ст. 4 Конвенции рекомендует государствам-членам криминализировать только насильственные проявления экстремизма. Однако в данной Конвенции не отражен религиозный мотив экстремизма (дискриминации).

Необходимо отметить, что по инициативе ЮНЕСКО в 1978 году была принята Декларация о расе и расовых предрассудках. Декларация развивала многие положения вышеуказанной Конвенции и осуждала любое предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, этнического или

национального происхождения или религиозной нетерпимости, так же гарантировало право всех народов на самоопределение» [5].

Осознавая опасность проявлений религиозного экстремизма, международное сообщество приняло Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, которая была утверждена в ноябре 1981 [7]. В указанной Декларации «нетерпимость и дискриминация на основе религии или убеждений» определяется как «Всякое различие, исключение, ограничение или преимущество», которое «основано на религии или убеждениях, целью или следствием которых является уничтожение или уменьшение признания, использования или применения в разрез равенства прав человека и основных свобод» (ч. 2 ст. 2). В ст. 3 под «дискриминацией людей на основе религии или убеждений» в понимается оскорбление чести и достоинства человека, нарушение прав человека и основных свобод на основе религии или убеждений.

Согласно ч. 1 ст. 4 Декларации, государства, ратифицировавшие этот документ должны защищать права человека и основные свободы во всех сферах гражданской, экономической, политической и культурной жизни, в том числе, свободу религии и убеждений всех наций и народов.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в концептуальных документах международного характера в качестве системообразующего понятия выступает дефиниция «дискриминация». Она содержит основные элементы современного экстремизма, такие, как унижение чести и достоинства других лиц, прав человека и основных свобод по экстремистским мотивам (языка, пола, расы, рациональности и т.д.), которые противоречат принципам международного права. Если же вышеуказанные требования приобретают насильственную форму, тогда речь чаще всего идет об уголовно-правовом содержании современного экстремизма.

В указанных документах под расовой дискриминацией понимается «Любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического

происхождения, имеющие целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной и любых других областях общественной жизни» [11].

Понятие «раса» в вышеуказанных международных документах выступает как объединяющая категория, представляющая социальное происхождение определенных лиц в зависимости от цвета кожи, языка, национальности, религии и т.д. При этом само слово «раса» в широком смысле относится к индоевропейской, афроамериканской и монголоидной расам, которые представляют наиболее общие элементы всех наций и народностей мира.

В международном праве созвучными с понятиями «терпимость» и «дискриминация» часто выступает и понятие «ксенофобия». Например, в Венской декларации о преступности и правосудии (ответы на угрозы XXI века) [8], термин «ксенофобия» интерпретируется как «Неизбежный страх, боязнь незнакомых, чужих, вражда, злоба и ненависть к другим людям, исповедующим иную религию, культуру, национальность, иностранцам, представителям других регионов, а также ко всему иностранному или необычному» [471, с. 280]. Почти аналогичная смысловая нагрузка понятия «ксенофобия» содержится в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова [474, с. 736].

Специальный докладчик по культурным правам г-жа Ф. Ни Аолан отождествляет определения понятий «фундаментализм» и «экстремизм» как относительно самостоятельные понятия, негативно влияющие на культурные права [466]. Она дает достаточно размытое определение фундаментализму, говоря, что «Фундаментализм – это не просто терроризм, экстремизм или даже религия, это, по сути, менталитет, основанный на нетерпимости к различию» [467]. Ни Аолан также отмечает, что «Экстремизм – это более широкое и текучее понятие, чем фундаментализм, а также более расплывчатое и склонное к злоупотреблениям» [466].

Как справедливо отмечает Д.А. Нечитайло, «Новые телекоммуникационные технологии и социальные сети Интернета привели к беспрецедентному росту уровня политического мышления широких масс, сделав их восприимчивыми к эмоциональному потенциалу национализма, социального радикализма и религиозного фундаментализма» [383, с. 6]. Неслучайно экстремизм на международно-правовом уровне позиционируется как сложное, многомерное явление внутригосударственного, регионального и международного масштабов, в основу которого в большинстве случаев лежат религиозные, националистические, расовые и политические мотивы.

Например, в декабре 2016 года на 34-й сессии Совета по правам человека, Верховный комиссар ООН обозначил причину ущемления прав и свобод граждан во многих странах в связи со сложностью определения таких юридических терминов, как «терроризм», «террористический акт», «экстремизм» и ряда других юридических дефиниций.

Следует отметить, что в криминологическом плане (в сфере общесоциальной профилактики идеологии экстремизма), особого внимания заслуживает инициатива сектора образования ЮНЕСКО по разработке специального пособия под названием «Предотвращение насильственного экстремизма с помощью образования – Руководство для директивных органов» [464]. Заслуживает внимания тот факт, что в руководстве нашли свое отражение организационные основы для руководящих органов в области образования в целях планирования и проведения образовательных мероприятий в указанном направлении. Также в руководстве заслуживает внимания позиция сектора образования ЮНЕСКО о том, что «фундаменталистские взгляды возникают на базе основных религиозных традиций мира, и поэтому в действительности трудности возникают с оспариванием таких взглядов». Поэтому с научно-методологической позиции изучение сущности религии в целях противодействия религиозному экстремизму является объективной закономерностью современного мира.

На наш взгляд, именно с такой позиции под патронажем ЮНЕСКО должна разрабатываться методология противодействия религиозно-экстремистской идеологии на основе истинных (не политизированных) предписаний всех мировых религий. Расхождение во взглядах как среди сторонников всех мировых религий, так и среди разных течений одной религии является причиной религиозной и политической нетерпимости, используемой определёнными деструктивными силами.

Одной из основополагающих норм международного права в борьбе с экстремизмом является Всеобщая декларация прав человека, принятая на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) 10 декабря 1948 года. В декларации отмечается, что «Каждый человек должен иметь все права и свободы без различия, особенно в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, финансового, семейного или иного положения» (абз. 1 п. 2 ст. 1). Указанное требование обязывает государства защищать права всех людей без каких-либо различий и угрозы дискриминации (ст. 7). В статье 9 Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 г., государствам рекомендуется в целях обеспечения общественной безопасности либо защиты прав и свобод других лиц ограничивать право на свободу мысли, совести и вероисповедания деструктивных сил» [10].

Следует подчеркнуть, что на заре XXI века в международном праве «экстремизм» как понятие, представляющее собой определённые элементы религиозного фундаментализма, насильственного рационализма, приобрело широкое применение. Например, в контексте защиты прав человека и борьбы с терроризмом, в Резолюции ГА ООН №58/174, от 22 декабря 2003 года, на современном этапе развития человечества, силы агрессивного национализма и религиозного, этнического экстремизма продолжают предъявлять новые вызовы» [21].

С 2006 года на международном уровне в обиход входит термин «насильственный экстремизм» (violent extremism). В частности, в Резолюции Совета ООН по правам человека (далее – СПЧ) за №30/15, насильственный экстремизм признается как угроза правам человека и основным свободам и основам конституционного строя, территориальной целостности и безопасности государств» [460].

Несмотря на то, что оправдание насильственного экстремизма неприемлемо, СПЧ отмечает, что «Ущемление и нарушение прав человека способствуют созданию условий для радикализации молодежи, которая ведет к насильственному экстремизму и пополнению рядов экстремистов и террористов» [26].

После 2010 года Совет Безопасности ООН (Далее – СБ ООН), осознавая опасность насильственного экстремизма как питательной среды для радикализации, вербовки и мобилизации молодежи в террористические группы [28], рекомендует государствам – членам ООН «Взаимодействовать с органами местной исполнительной власти, местного самоуправления и неправительственными структурами по устранению условий и причин, способствующих распространению насильственного экстремизма путем расширения прав и возможностей молодежи, семей, женщин, лидеров в сферах религии, культуры и образования» [24].

В Резолюции №2249 (2015 г.) СБ ООН особое внимание уделяется угрозам, исходящим от противоправной деятельности «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ – экстремистско-террористическая организация, деятельность которой запрещена на территории РФ) [27]. В Резолюции ГА ООН №70/109 (2015 г.) «Мир против насилия и насильственного экстремизма» также акцентируется внимание международного сообщества на «Разработку концепции и действенных государственных и общественных механизмов по устранению причин и условий возникновения насильственного экстремизма» [28].

Аналогичная позиция об опасности насильственного экстремизма и его деструктивной идеологии, порождающей терроризм, отражена в Резолюции №2195 (2014 г.) СБ ООН [25], Резолюции №2178 (2014 г.) СБ ООН, Резолюции №2322 (2016 г.) СБ ООН, Резолюции №2309 (2016 г.) СБ ООН, Резолюции №2354 (2017 г.) СБ ООН [29], а также в Резолюции ГА ООН №72/241 (2017 г.) «Мир против насилия и насильственного экстремизма» [32].

В Резолюции №2368 (2017 г.) СБ ООН странам рекомендуется предпринимать комплексные меры по предупреждению деятельности экстремистско-террористических организаций, осуществляемые с помощью информационно-коммуникационных технологий, в том числе, предотвращению вербовки террористов в интернет-пространстве [31].

Из содержания вышеуказанных резолюций вытекает, что насильственный экстремизм угрожает безопасности не только отдельных стран, но и международной стабильности в целом. Также выясняется, что религиозно-экстремистская идеология на современном этапе достаточно эффективно распространяется в СМИ и по Интернету, которые являются основными источниками воспроизводства террористических методов борьбы и вербовки молодежи в экстремистско-террористические группировки.

В указанных резолюциях также говорится о высокой роли государств-членов в организации профилактики экстремистско-террористической деятельности путем устранения социально-экономических, идеологических, информационных, нравственно-духовных и организационно-правовых причин возникновения экстремизма. При этом особо подчеркивается необходимость широкомасштабной контрпропаганды посредством современных телекоммуникационных технологий, СМИ, Интернета и сотрудничества на региональном и международном уровнях.

Образование, по мнению экспертов ЮНЕСКО, играет ключевую роль в устранении коренных причин экстремизма и эффективной борьбе с ним. Главная цель в этой области – планомерное и всестороннее формирование у

молодого поколения толерантности, патриотических чувств, а также правовой и культурной грамотности. В педагогическом контексте это предполагает приоритетное внимание не только к развитию познавательных способностей молодежи, но и к их социально-эмоциональному интеллекту и навыкам поведения, ориентированных на поощрение уважения к многообразию и терпимости.

На основе вышеизложенного можно сделать ряд выводов, имеющих теоретическое и практическое значение в области противодействия экстремизму:

1. В международном праве содержание отдельных элементов определенных форм и видов современного экстремизма определяется в контексте дефиниций «дискриминация», «ксенофобия», «нетерпимость», «сепаратизм», «радикализм», «фундаментализм» и ряда других смежных понятий. При рассмотрении этих понятий невозможно обойтись без их взаимной ссылки.

2. Понятие «дискриминация», закреплённое в международных документах, представляет собой наиболее важный элемент защиты всеобъемлющих прав и свобод человека независимо от религиозной, национальной, расовой, политической, языковой принадлежности. Наряду с этим, «дискриминация» содержит определённые насильственные элементы современного экстремизма, которые послужили основой для появления в международном праве дефиниции «насильственный экстремизм».

3. В международном праве нет чёткого подхода по разграничению понятий «фундаментализм», «радикализм», «сепаратизм», «национализм». При самостоятельном рассмотрении они представляют собой отдельные элементы понятия «дискриминация», и соответственно, ненасильственную форму современного экстремизма. Как только эти проявления (религиозные – фундаментализм, политические – радикализм, сепаратистские, националистические) приобретают ярко выраженную насильственную форму в виде публичных призывов и практических насильственных действий,

ненасильственный экстремизм (дискриминация) перерастает в насильственную форму. При этом религиозные, сепаратистские и националистические проявления почти всегда приобретают политическую окраску.

4. В докладах спецпредставителей и экспертов структурных подразделений ООН (СБ ООН, СПЧ ГА, СПЧ ВК, ЮНЕСКО) систематическое нарушение прав и свобод человека как со стороны отдельных лиц, общественных и религиозных объединений, так и представителей государственных органов (в том числе правоохранительных структур) признаётся одним из основных факторов, способствующих возникновению насильственного экстремизма и терроризма.

5. Насильственный экстремизм проявляется в пропаганде насильственной идеологии и практики применения насилия по политическим, расовым, национальным и религиозным мотивам. Он является инструментом современных международных экстремистско-террористических организаций для достижения их противоправных целей, что угрожает безопасности не только отдельных стран, но и международной стабильности в целом.

6. На современном этапе развития общества, экстремистская идеология в основном распространяется с использованием новых телекоммуникационных технологий, СМИ и Интернета, где целенаправленно искажаются сущность и содержание созидательной и объективной информации на основе религиозных, расовых, националистических, сепаратистских, политических побуждений, целью которых является насаждение ненависти и вражды на социальном уровне, а также вербовку людей в экстремистско-террористические группы и насильственное изменение конституционного строя и захват власти.

7. Специализированные органы ООН призывают государства-участников разрабатывать национальные стратегии, опирающиеся на принципы терпимости. Эти стратегии должны быть направлены на

искоренение социально-экономических, идеологических, информационных, морально-духовных и организационно-правовых факторов, способствующих распространению экстремизма и терроризма.

8. Под патронажем ЮНЕСКО должна разрабатываться методология противодействия религиозно-экстремистской идеологии на основе истинных (не политизированных) предписаний всех мировых религий. Расхождение во взглядах как среди сторонников всех мировых религий, так и среди разных течений одной религии является причиной религиозной и политической нетерпимости, используемой определёнными деструктивными силами.

1.3. Правовая квалификация экстремизма в региональном международном праве и антиэкстремистском законодательстве государств-участников СНГ

В региональном международном праве [123, с. 37] определение экстремизма нашло свое отражение в п. 3 ч. 1 ст. 1 Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом следующим образом: «Экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооружённых формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» [13].

Региональное международное право регулирует общественные отношения регионального значения с учетом общих интересов стран – партнеров в сфере обеспечения мира и безопасности человечества, не умаляя при этом национальные интересы государств-членов институциональных организации [123, с. 37].

Однако в вышеуказанном определении не нашли отражения основные признаки современного понятия экстремизма, которые вытекают из содержания норм международного права, такие, как религиозные, националистические, расовые и политические мотивы. Также не учтены элементы, связанные с насаждением розни и вражды, ущемлением прав и свобод человека, унижением его чести и достоинства по указанным мотивам.

Однако в п. 2 ч. 1 ст. 1 той же Шанхайской Конвенции, предусматривается самостоятельное понятие «сепаратизм», которое представляет собой деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем ... т.д. [13].

На наш взгляд, «сепаратизм» является одним из элементов современного экстремизма, который также основывается на определённой националистической идеологии. Сепаратисты, подобно экстремистам, в целях достижения политической цели (выхода из состава определённого государства) распространяют насильственную идеологию и при необходимости переходят к насильственной борьбе. В редких случаях сепаратисты могут достичь своей цели без оправдания применения насилия на основе принципов международного права о самоопределении наций и народов. Это означает, что сепаратизм как разновидность экстремизма имеет как насильственную, так и ненасильственную форму (более подробно мы останавливались об этом в предыдущем параграфе).

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 1 новой Конвенции Шанхайской организации сотрудничества «О противодействии экстремизму», принятой в июне 2017 года, «экстремизм» определяется как «Идеология и практика, направленные на решение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий» [14]. Это понятие представляет собой основную сущность

современного экстремизма с учетом его административно-правовых и уголовно-правовых признаков.

Принимая во внимание общественную опасность идеологического характера экстремизма, вышеупомянутая Конвенция в статье 7 (пункты 5, 6 и 7) рекомендовала государствам-членам Организации принять меры по противодействию информационному экстремизму в следующих направлениях: «а) усиление пропагандистской деятельности по предупреждению экстремизма и противодействие распространению экстремистской идеологии, в том числе в средствах массовой информации и сети «Интернет»; б) контроль (мониторинг) средств массовой информации и сети «Интернет» в целях своевременного выявления и предотвращения распространения экстремистской идеологии; в) ограничение доступа к экстремистским материалам, размещённым в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет»».

Статья 9 настоящей Конвенции обязывает государства-участников СНГ с учётом основных принципов своей правовой системы принимать необходимые законодательные меры «для установления гражданско-правовой, административной или уголовной ответственности за различные действия, одним из которых является неисполнение требования уполномоченного органа об ограничении доступа к экстремистским материалам лицом, осуществляющим доступ к информационно-коммуникационным сетям из сети Интернет» [14].

В статье 20 Модельного закона стран-участников СНГ «Об информационном противодействии терроризму и экстремизму» устанавливаются основные формы международного сотрудничества в сфере информационного противодействия терроризму и экстремизму. Однако механизм реализации сотрудничества государств-членов СНГ по проведению совместных информационно-профилактических мероприятий чаще всего приобретает фрагментарный характер.

Так, в ст. 1 Модельного закона о противодействии экстремизму (далее – Модельный закон), дается более развернутое и обобщенное определение понятия экстремизм: «Посягательство на основы конституционного строя и безопасность государства, а также нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, осуществляемые вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения» [76]. Однако из поля зрения разработчиков модельного закона выпали такие наиболее важные элементы экстремизма, как возбуждение вражды и ненависти, мотивы экстремизма и его публичный характер, в связи с чем приходится раскрывать понятие экстремизма через призму дефиниции «экстремистская деятельность», которое уже более 20 лет является предметом дискуссии в науке, практической деятельности правоохранительных органов, а также в международном праве.

Далее, под экстремистской деятельностью в ст. 1 Модельного закона понимаются: «деяния, направленные на:

- насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение территориальной целостности и суверенитета государства;
- публичное оправдание терроризма или публичные призывы к осуществлению террористической деятельности;
- разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека (социальной группы) по признаку его социальной, расовой, национальной, этнической, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, этнической, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

– совершение преступлений по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также из мести за правомерные действия других лиц, с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение;

– пропаганду и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов и т.д.» [76].

По сути, в контексте «экстремистской деятельности» перечисляется совокупность преступлений, совершаемых по экстремистским мотивам, а также деяния, которые в международном праве именуются «дискриминацией». Сюда же относится финансирование указанных правонарушений, имеющих как насильственный, так и ненасильственный характер.

Однако пропаганда террористической идеологии признаётся разновидностью экстремизма, что с точки зрения уголовного права в силу формальности уголовно-правовых границ состава преступления, такой подход не заслуживает доверия, хотя в криминологическом плане вполне вероятен.

Мы солидарны с мнением С.В. Борисова, который отмечает, что «Своеобразным прообразом, основой для Модельного закона послужил Федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г., №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Далее автор отмечает, что «При разработке Модельного закона не были учтены многие проблемы национального законодательства и правоприменения, а именно:

1) отсутствие разделения или иного определения соотношения правовых понятий экстремистской деятельности (экстремизма) и терроризма;

2) отсутствие нормативно определённых критериев для отнесения того или иного деяния к экстремистской деятельности (экстремизму), кроме соответствующего перечня действий;

3) включение в данный перечень как уголовно, так и административно наказуемых деяний» [340, с. 119].

Прав ученый и в том, что «установление и реализация административной ответственности является более эффективным средством предупреждения возбуждения ненависти либо вражды, осуществляемого путём действий, не связанных с какими-либо общественно опасными деяниями, например, с применением насилия. Если же такие действия, не проявляясь в общественно опасном деянии, касаются конкретного человека или группы людей, то защита их прав возможна и за счет гражданско-правовых средств» [340, с. 105].

В специальном Законе РТ «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 года (ныне утратившим силу), понятие «экстремизм» содержало только те признаки, которые в настоящее время закреплены в ст. ст. 189 и 307 УК РТ [50].

Для раскрытия его содержания, так же, как и в Модельном законе, использовалось понятие «экстремистская деятельность», почти аналогичное по своему смыслу. Однако понятие «экстремистская деятельность», закреплённое в специальном Законе РТ, дополнительно предусматривало пункты «г) создание незаконных вооружённых формирований; и д) осуществление террористической деятельности», которые явно выходили за рамки экстремистских проявлений с точки зрения науки уголовного права и законодательной техники. Такой подход привёл к искусственному смешению экстремистской деятельности с террористической, что, соответственно, исказило уголовную статистику о преступлениях экстремистского и террористического характера.

В новом Законе Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму», принятого в 2020 году, понятия «экстремизм», «экстремистская деятельность» и «деятельность, которая признаётся экстремистской» по существу представляют те элементы, которые закреплены в ст. 1 Модельного закона о противодействии экстремизму [64]. Однако из перечня деяний, составляющих элементы понятия «экстремистская деятельность», выпали такие элементы, как «осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы».

Говоря о международном опыте, отметим, что в ст. 1 Федерального закона Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» [77] (в редакции по состоянию на 23.11.2015 года) понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» закреплены равнозначно под одним названием, которое представляет собой почти аналогичные деяния, нашедшие свое отражение в Модельном законе.

Заслуживают признания требования специального закона РФ о «совершении преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации», который определяет экстремистский характер преступлений, предусмотренных по всему периметру УК РФ.

Несмотря на то, что понятие «экстремистская деятельность» (экстремизм) является комплексным (не строго определенным), в силу формальности уголовно-правовых границ, для практического применения оно слишком растяжимо.

Приблизительно аналогичные вышеупомянутым признакам «экстремистская деятельность» (экстремизм) содержатся и в новом Законе Кыргызской Республики «О противодействии экстремистской деятельности» [74]. По логике кыргызского законодателя, любые насильственные действия,

совершаемые по экстремистским мотивам, признаются проявлениями экстремизма, что вполне логично.

В п. 5 ст. 1 Закона Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» понятие «экстремизм» раскрывается через призму экстремистских целей, которые разделены на: политические, националистические и религиозные. Казахский законодатель в указанном понятии все насильственные действия, направленные против основ конституционного строя и территориальной целостности государства, вполне обоснованно считает проявлениями политического экстремизма, а разжигание расовой и национальной вражды путём публичных призывов – проявлениями национального экстремизма. Если указанные деяния приобретают религиозный характер, они именуются религиозным экстремизмом [75]. Однако, как нами было отмечено ранее, такое разделение условно, а на практике невозможно разделить экстремизм по мотивам, так как они почти всегда выступают в «органическом» единстве.

Попытка разделить экстремизм только на религиозной основе сделана в ст. 1 Закона Азербайджанской Республики «О борьбе с религиозным экстремизмом», в котором в понятии «религиозный экстремизм» (религиозная экстремистская деятельность) «внимание уделяется таким его проявлениям, как религиозный радикализм и религиозный фанатизм». Под иной социальной принадлежностью в указанной статье понимается принадлежность лица к определенной социальной группе по признаку пола, возраста, профессии, рода занятий, места жительства и иной социально-групповой идентификации. По сути, в Законе речь идёт и «о деяниях, которые направлены на разжигание национальной, социальной или религиозной ненависти, об унижении национального достоинства, ограничении прав или определении превосходства граждан по национальному, расовому, социальному или религиозному признаку, а также на насильственное изменение конституционного строя Азербайджанской Республики» [73]. При этом смешиваются некоторые проявления терроризма,

такие, как «создание незаконных вооружённых формирований или групп и участие в них», «осуществление террористической деятельности», «участие в вооружённых конфликтах за пределами Азербайджанской Республики», с проявлениями религиозного экстремизма.

У Туркменистана и Армении вовсе отсутствуют законы о борьбе с экстремизмом; по крайней мере, нам не представилось возможности ознакомиться с ними на официальном сайте АТЦ СНГ.

С учетом нашей позиции, изложенной выше, следует проанализировать Модельный уголовный кодекс Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Так, норма статьи 187 этого кодекса выступает основным источником для определения перечня преступлений экстремистского характера. В связи с этим, «в правовой системе практически любой страны можно встретить нормы об ответственности за преступления, совершенные на основе либо в целях возбуждения ненависти по национальному, расовому, религиозному и иным признакам» [40].

В пункте «е» ч. 1 ст. 63 Модельного кодекса в качестве отягчающего обстоятельства преступного деяния закреплены экстремистские мотивы, которые также отражены в пункте «е» ч. 1 ст. 62 УК Республики Таджикистан. Там они определены как «совершение преступления по мотиву местнической, национальной, расовой или религиозной вражды, религиозного фанатизма, мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение».

С.В. Борисов справедливо указывает на «недостаток законодательной техники, который заключается в отсутствии в тексте п. «е» ч. 1 ст. 62 УК Республики Таджикистан запятых либо разделительных союзов между прилагательными «местный», «расовый» и «национальный». Это создает предпосылку для признания данного отягчающего обстоятельства лишь в случае одновременного наличия в психике виновного местной, расовой и национальной вражды».

С учетом особенностей национального менталитета, в указанной формулировке присутствует «местный» мотив (хотя более целесообразным было бы назвать его «местническим мотивом»), который ярко проявлялся в 90-е годы прошлого века в сочетании с религиозно-политическим мотивом экстремизма [340, с. 144]. Излишними выглядят слова «религиозного фанатизма, мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение», которые требуют самостоятельного признания в качестве отягчающих обстоятельств. Исключению подлежит и словосочетание «религиозный фанатизм», которое не имеет особого значения, так как является одной из форм религиозного экстремизма [340, с. 146].

На наш взгляд, наиболее предпочтительная формулировка содержится в пункте «е» ч. 1 ст. 54 УК Республики Казахстан [44] и пункте «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ [46]. Федеральным законом РФ от 24.07.2007 г., №211-ФЗ пункт «е» ст. 63 УК РФ был предложен в следующей редакции: «Совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы», который совершенно определенно отображает экстремистский характер соответствующих преступлений без каких-либо излишних деталей.

Таким образом, пункт «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ выглядит более совершенным по сравнению с пунктом «е» ч. 1 ст. 63 Модельного УК [40], что делает его более привлекательным для дальнейшего применения в антиэкстремистском законодательстве других стран-участниц СНГ.

Далее, в Модельном УК мотив национальной, расовой либо религиозной ненависти или вражды указывается в качестве квалифицирующего признака таких преступлений, как Убийство (п. «м» ч. 2 ст. 111); Причинение тяжкого вреда здоровью (п. «м» ч. 2 ст. 119); Причинение вреда здоровью средней тяжести (п. «е» ч. 2 ст. 120); Истязание (п. «ж» ч. 2 ст. 126); Надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ч. 2 ст. 239).

Кроме того, в пункте «д» ч. 2 ст. 252 Модельного УК указывается на совершение умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества по мотивам национальной или расовой вражды либо религиозного фанатизма.

Почти аналогичные экстремистские мотивы в качестве квалифицирующих признаков нашли отражение в уголовных кодексах ряда стран:

– в УК Республики Таджикистан: Убийство (п. «м» ч. 2 ст. 104); Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «м» ч. 2 ст. 110); Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111); Истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117); Терроризм (п. «в» ч. 2 ст. 179); Надругательство над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 243); Геноцид (ч. 1 ст. 398);

– в УК РФ: Убийство (п. «л» ч. 2 ст. 105); Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111); Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 112); Истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117); Надругательство над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 244). Также экстремистские мотивы присутствуют в п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «б» ч. 2 ст. 116, ч. 2 ст. 119, п. «б» ч. 1 ст. 213 и ч. 2 ст. 214;

– в УК Республики Молдовы: Умышленное убийство (п. «j» ч. 2 ст. 145); Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения или иного тяжкого вреда здоровью (п. «i» ч. 2 ст. 151); Умышленное причинение телесного повреждения средней тяжести или иного средней тяжести вреда здоровью (п. «j» ч. 2 ст. 152); Надругательство над могилой или памятником (п. «b» ч. 2 ст. 222);

– в УК Республики Туркменистана: Умышленное убийство (п. «т» ч. 2 ст. 101); Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «f» ч. 2 ст. 107); Умышленное причинение вреда здоровью средней тяжести (п. «f» ч. 2 ст. 108); Истязание (п. «а» ч. 2 ст. 113).

Аналогичный подход прослеживается и в уголовных кодексах других стран-участниц СНГ.

В этом контексте важно отметить, что насильственная форма экстремизма чаще всего проявляется при грубом нарушении общественного порядка и общественной безопасности. Экстремистские проявления обычно имеют место при совершении хулиганства и массовых беспорядков, в квалифицирующих составах которых отсутствуют экстремистские мотивы. В связи с этим, в ч. 2 ст. 237 и ст. 188 УК РТ следует закрепить эти отягчающие обстоятельства. Такой подход вытекает и из содержания статьи 307(1) УК РТ, в диспозиции которой указанные деяния признаются преступлениями экстремистского характера [36].

В данном контексте мы хотим обратить внимание на сравнение совокупности преступлений экстремистского характера в уголовных кодексах государств-участников СНГ с целью выявления их общих признаков и существующих нестыковок, а также для определения направлений совершенствования уголовно-правовых норм на пространстве СНГ.

Так, в главе 23 («Преступления против общественной безопасности») раздела VIII («Преступления против общественной безопасности и здоровья населения») Модельного УК закреплена статья 187 («Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды»), которая гласит, что:

«1. Действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти действия совершены публично или с использованием средств массовой информации, - преступление средней тяжести;

2. Действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершённые:

а) с применением насилия или угрозы его применения;

- б) с использованием служебного положения;
- в) организованной группой, – тяжкое преступление».

Статья 189 УК Республики Таджикистан, почти аналогична статье 187 Модельного УК, находясь в схожем разделе и главе УК РТ, за исключением некоторых особенностей, например, наличия «местнического мотива».

Статья 189 УК РТ в новой редакции от 17.12.2020 года, несмотря на определенные недостатки, выглядит более совершенной, чем статья 187 Модельного УК.

В ч. 1 ст. 189 УК РТ, в отличие от ст. 187 Модельного УК, в качестве дополнительных элементов указана «социальная» и «региональная» вражда. Если в отношении «социальной вражды» как категории, представляющей собой языковые, сексуальные, этнические и другие элементы социальной принадлежности человека особых претензий нет, то в отношении «региональной вражды» есть достаточное основание считать эту формулировку непригодной. Это объясняется тем, что ни в специальных законах, ни в других концептуальных документах СНГ нет терминологии, раскрывающей её суть. На наш взгляд, таджикский законодатель имеет в виду «местническую вражду», о содержании которой мы упоминали выше.

Положительным моментом в законодательстве Таджикистана является то, что статья 189 УК РТ предусматривает уголовную ответственность только после применения административного наказания за аналогичные правонарушения в течение года. Также был значительно расширен диапазон средств совершения публичных призывов, наряду со средствами массовой информации включены «сети электрической связи, в том числе Интернет».

Часть 2 статьи 189 УК РТ содержит почти аналогичные статье 187 Модельного кодекса квалифицирующие признаки. Однако таджикский законодатель в качестве дополнительного элемента и квалифицирующего признака закрепил в статье совершение деяния «группой лиц или группой лиц по предварительному сговору». Часть 3 статьи 189 УК РТ предусматривает следующие особо квалифицирующие признаки:

- совершенные организованной группой;
- повлекшие по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия;
- повлекшие насильственное выдворение гражданина с постоянного места жительства;
- совершенные при опасном или особо опасном рецидиве.

Часть 1 статьи 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» в редакции Федерального закона от 27.12.2018, №519-ФЗ гласит, что «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года» [46]. Квалифицирующие признаки части 2 статьи 282 УК РФ аналогичны части 2 статьи 187 Модельного кодекса.

В главе 5 («Уголовные правонарушения против основ конституционного строя и безопасности государства») УК Республики Казахстан закреплена статья 174¹ («Разжигание социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной розни») [44]. По своему содержанию эта статья аналогична соответствующим статьям УК РФ и УК РТ, за исключением слов «родовая» и «сословная» рознь, которые, подобно «местнической» розни в статье 189 УК РТ, подчёркивают особенности внутреннего национального экстремизма. Части 2 и 3 статьи 174 УК Республики Казахстан предусматривают более строгое наказание за почти аналогичные квалифицирующие признаки, что и в статье 189 УК РТ. Однако, в отличие от

¹ В часть 1 внесены изменения в соответствии с Законом РК от 26.06.20 г., №349-VI. В статью 174 внесены изменения в соответствии с Законом РК от 24.11.15 г., №419-V; в заголовок внесены изменения в соответствии с Законом РК от 26.06.20 г., №349-VI.

статей 189 УК РТ и 282 УК РФ, статья 174 УК Республики Казахстан не имеет административной юрисдикции за экстремистские правонарушения, что можно считать серьёзным пробелом в казахстанском законодательстве.

В Главе 17 Уголовного кодекса Республики Беларусь («Преступления против мира и безопасности человечества») Раздела 6 («Преступления против мира, безопасности человечества и военные преступления»), закреплена статья 130 («Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни»). В примечании к данной статье под «иной социальной принадлежностью» понимается принадлежность лица к определённой социальной группе по признаку пола, возраста, профессии, рода занятий, места жительства и иной социально-групповой идентификации [42].

В статьях 130¹ «Реабилитация нацизма» и 130² «Отрицание геноцида белорусского народа» УК РБ также предусматриваются определённые элементы экстремизма. Они выражаются в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрируемом произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещённой в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи.

Азербайджанский законодатель в статье 111 (Расовая дискриминация (апартеид)) своего Уголовного кодекса предпринял попытку в едином комплексе определить наиболее важные элементы современного экстремизма. Однако из поля зрения законодателя выпали важнейшие его элементы, такие, как публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя государства, его территориальной целостности, а также насаждение вражды и ненависти по религиозным, националистическим, сепаратистским и политическим мотивам. По всей вероятности, слово «раса» используется как категория, объединяющая вышеуказанные мотивы [41].

Приблизительно такой же подход прослеживается в УК Республики Молдовы [45]. В статье 135-1 «Преступления против человечности» суммируются различные общественно опасные деяния, такие, как нападения на любых гражданских лиц, если такое нападение совершается сознательно с целью торговли людьми, депортации или насильственного перемещения; пытки лица, находящегося под стражей либо иным образом во власти мучителя; изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции с целью изменения этнического состава какого-либо населения, принудительная стерилизация или любые другие виды сексуального насилия.

Пункт f) данной статьи также предусматривает определённые признаки современного экстремизма, а именно «преследование любой идентифицируемой группы или общности посредством лишения или ограничения основных прав человека по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным или по другим мотивам, признанным недопустимыми международным правом».

Указанная норма также охватывает элементы насильственных преступлений против жизни и здоровья человека (п.п. i, a), дискриминации (п. h) и геноцида (п. b).

Более того, как мы уже указывали выше, в УК Молдовы в главе XVII «Преступления против публичной власти и безопасности государства» содержится статья 346 «Подстрекательство к насильственным действиям на почве предубеждения», которая также содержит определённые элементы экстремизма, связанные с разжиганием розни и публичной пропаганды экстремистских проявлений. Необходимо также отметить, что помимо отдельных статей, сам факт совершения преступления на почве ненависти рассматривается как отягчающее обстоятельство в соответствии с п. «е» ст. 77-1 УК Молдовы

В части 1 статьи 142.1 УК Грузии (6.06.2003 г., №2355) «Расовая дискриминация» под «расовой дискриминацией» понимается «деяние, совершённое с целью разжигания национальной или расовой вражды или

розни, унижения национальной чести и достоинства, а также прямое или косвенное ограничение прав человека по признаку расы, цвета кожи, национальной или этнической принадлежности либо предоставление человеку преимущества по тому же признаку, чем существенным образом ущемляются права человека», за которое лицо наказывается лишением свободы сроком до трех лет (2.05.2014 г., №2393).

Часть 2 данной статьи предусматривает уголовную ответственность за то же деяние, совершённые с применением насилия или с угрозой насилия, опасного для жизни или здоровья (п. «а»), а также с использованием служебного положения (п. «б»), в виде лишения свободы на срок от двух до пяти лет (28.04.2006 г., №2937). За деяния, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, совершенные группой лиц (п. «а»), повлекшие причинение смерти человека или иные тяжкие последствия (п. «б»), наказание составляет лишение свободы на срок от четырёх до семи лет (28.04.2006 г., №2937) [43].

В статье 436-1 Раздела XX «(Уголовные преступления против мира, безопасности человечества и международного правопорядка») УК Украины предусматривается уголовная ответственность за «Изготовление, распространение коммунистической, нацистской символики и пропаганда коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов» [47].

В силу прозападного курса современной Украины, распространение коммунистической символики приравнивается к нацистской символики, что противоречит взглядам значительной части государств-членов СНГ, формирование которых происходило в эпоху расцвета конструктивной коммунистической доктрины, которая по-прежнему сохранила свою значимость.

Теперь перейдём к сравнительному анализу норм уголовного законодательства стран СНГ в контексте статьи 295 Модельного кодекса «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя», которая закреплена в Главе 31 («Преступления против основ

конституционного строя и безопасности государства») Раздела XIII («Преступления против государственной власти»). Содержание статьи звучит как «Публичные призывы к насильственному захвату государственной власти либо её насильственному удержанию, насильственному изменению конституционного строя, либо к насильственному нарушению территориальной целостности государства – преступление средней тяжести».

Так, содержание статьи 307 УК РТ («Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан») почти аналогична статье 295 Модельного закона. Однако содержание статьи 307 УК РТ находится в жёсткой конкуренции со статьёй 307(1) УК РТ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма»), поскольку понятие «экстремистская деятельность» в уголовном праве является весьма растяжимым.

Почти аналогичная ситуация прослеживается в уголовном законодательстве Российской Федерации. Однако статья 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности») находится в жёсткой конкуренции с другими статьями кодекса, такими например, как статья 280.1. УК РФ («Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»); статья 280.3. УК РФ («Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации...»); статья 280.4. УК РФ («Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства»).

В примечании к последней статье под деятельностью, направленной против безопасности Российской Федерации, понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных обширным перечнем статей Уголовного кодекса РФ, начиная со статьи 189 и заканчивая статьей 359 (в редакции Федерального закона от 28.04.2023 г., №157-ФЗ).

Статья 280.4 УК РФ составляет ядро всех преступлений экстремистского характера, а примечание к ней расширяет перечень экстремистских преступлений на основе широкого толкования, что недопустимо с точки зрения формальности уголовно-правовых границ состава преступления [449].

В результате, в УК РФ идеологическая основа экстремизма, проявляющаяся в публичных призывах по экстремистским мотивам, разделена на четыре относительно самостоятельных состава преступления. Это вызывает жесткую критику как в научном сообществе и практике, так и на международном уровне. Например, Комитет по ликвидации расовой дискриминации рекомендует Российской Федерации «скорректировать определение экстремизма в Законе «О противодействии экстремистской деятельности» и в ст. 280 и 282 Уголовного кодекса РФ с тем, чтобы оно было сформулировано чётко и ясно в соответствии со ст. 4 Конвенции» [448].

В главе 29 («Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства») Раздела XIII («Преступления против государственной власти») УК Республики Таджикистан предусмотрены три статьи (307(1), 307(2) и 307(3)), которые, за исключением некоторых элементов, аналогичны статьям 280, 282 и 282.1. УК РФ.

Ответственность за организацию экстремистского сообщества или участие в нём предусмотрена статьёй 307(2) УК Республики Таджикистан. Сравнение этой нормы со статьёй 282.1. УК РФ позволяет выявить несколько различий.

Во-первых, в отличие от статьи 282.1. УК РФ, понятие преступлений экстремистской направленности содержится не в примечании, а выводится из текста диспозиции части 1 статьи 307(2) УК РТ. Данное понятие определяется как преступления, совершаемые по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной, местнической или религиозной ненависти либо вражды, а также по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные статьями 157, 158, 160, 185, 188, 189, 237, 237(1), 242, 243 Кодекса.

В УК Грузии и других странах региона в том или ином виде предусматриваются уголовно-правовые нормы, направленные на более ранние стадии противодействия экстремизму с учетом норм международного права. Таковой, согласно УК Грузии, является статья 161 «Посягательство на право проведения собрания или манифестации или участие в них» и др.

В статье 281 УК Азербайджанской Республики («Публичные призывы, направленные против государства») речь идет о публичных призывах к насильственному захвату власти, её насильственному удержанию или насильственному изменению конституционного строя либо нарушению территориальной целостности республики, а равно о распространении материалов такого содержания.

Действия, направленные на насильственный захват или удержание власти в нарушение Конституции Азербайджанской Республики, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, предусмотрены в части 1 указанной статьи. Действия же, направленные на насильственное изменение конституционного строя Азербайджанской Республики, в том числе, его светского характера, или на нарушение территориальной целостности, либо на насильственный захват власти на почве религиозной вражды, религиозного радикализма или религиозного фанатизма, предусмотрены в части 2 этой статьи.

Статья 278 УК АР «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти, насильственное изменение конституционного строя государства» охватывает непосредственные акты насилия против государственной власти.

В Главе 5 УК Республики Казахстан «Уголовные правонарушения против основ конституционного строя и безопасности государства» статья 179 («Пропаганда или публичные призывы к захвату или удержанию власти, а равно захват или удержание власти либо насильственное изменение конституционного строя Республики Казахстан») [В статью 179 УК КР внесены изменения в соответствии с Законом РК от 24.11.15 г., №419-V] и

статья 180 («Сепаратистская деятельность») содержат основные признаки статьи 295 Модельного кодекса [В статью 180 внесены изменения в соответствии с Законом РК от 24.11.15 г., №419-V].

Эти нормы охватывают как публичные призывы, так и изготовление, хранение, распространение материалов такого содержания, а также непосредственные действия, направленные на насильственный захват или удержание власти в нарушение Конституции Республики Казахстан, насильственное изменение конституционного строя, нарушение унитарности и целостности государства, а также неприкосновенности и не отчуждаемости его территории.

Важно отметить, что основные признаки ненасильственной формы экстремизма, согласно нормам международного права, входят в состав дефиниции «дискриминация». В Модельном законе и отечественном уголовном праве подобная норма называется «Нарушение равноправия граждан».

В Главе 21 («Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина») Раздела VII Модельного закона закреплена статья 150 («Нарушение равноправия граждан»), которая представляет собой фундаментальную основу противодействия ненасильственному экстремизму. Статья изложена в следующей редакции: «Прямое или косвенное нарушение или ограничение прав и свобод человека и гражданина в зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного или должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, причинившее вред законным интересам гражданина, - преступление средней тяжести». Часть 2 этой статьи предусматривает более строгое наказание за то же деяние, совершенное с использованием служебного положения [40].

Статья 143 («Нарушение равноправия граждан») Главы 19 («Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина») УК Республики Таджикистан содержит аналогичное

содержание, за исключением части 2, в которой предусмотрен пункт «с применением насилия или угрозы его применения». Почти идентичные нормы содержатся в статье 145 УК Республики Казахстан [44, в часть 1 внесены изменения в соответствии с Законом РК от 12.07.18 г., №180-VI], статье 154 УК Азербайджана [41] и статье 190 УК Республики Беларусь [42].

В УК Грузии в главе XXIII («Преступления против прав и свобод человека») статья 142 («Нарушение равноправия людей») определяет элементы ненасильственного экстремизма в следующей редакции: «Нарушение равноправия людей ввиду языка, пола, возраста, гражданства, происхождения, места рождения, места жительства, имущественного или сословного положения, религии или веры, социальной принадлежности, профессии, семейного положения, состояния здоровья, сексуальной ориентации, гендерной идентичности и выражения, политических или иных взглядов либо по иному признаку, чем существенным образом ущемляются права человека», за что предусмотрен штраф либо лишение свободы на срок до двух лет. За то же деяние, совершенное с использованием служебного положения или повлекшее тяжкие последствия, наказывается лишением свободы на срок до трех лет [43].

В Главе V («Преступления против политических, трудовых и других конституционных прав граждан») УК Республики Молдовы закреплена статья 176 «Нарушение равноправия граждан», ч. 1 которой содержит основные элементы понятия «дискриминация». В этой же главе статья 176.1 «Нарушение прав граждан пропагандой фашизма, расизма и ксенофобии и отрицанием Холокоста» охватывает создание и поддержку фашистских, расистских или ксенофобских организаций, публичное отрицание Холокоста, а также изготовление, распространение и использование соответствующей символики [45].

На основе вышеизложенного материала, следуют ряд выводов:

1. Антиэкстремистское законодательство стран СНГ и нормы международного права указывают, что экстремизм проявляется в

насильственной и ненасильственной формах. К основным его видам относятся религиозный, националистический, расовый и политический, а к «вспомогательным» – языковой, сексуальный, клановый, местнический и социальный.

2. К ненасильственным проявлениям экстремизма следует относить нормы УК государств-участников СНГ, обеспечивающих защиту прав, свобод и законных интересов граждан от дискриминации по различным признакам. Нарушение этих норм не предполагает применения насилия.

3. Нарушение прав и свобод человека по мотивам религиозной, национальной, политической, расовой и иной принадлежности носят системный характер и совершаются как отдельными лицами, так и представителями государственных органов. Поэтому уголовно-правовые нормы в этой области требуют первоначальной административно-правовой юрисдикции для предупреждения перехода ненасильственного экстремизма в насильственный.

4. В качестве особо квалифицирующего признака следует закрепить положение о совершении экстремизма в составе группы лиц, по предварительному сговору, организованной группой, экстремистским сообществом или транснациональным преступным сообществом.

5. Отличительные признаки экстремизма как самостоятельного состава преступления необходимо искать в контексте указанных выше критериев насильственного экстремизма. Попытки чрезмерного «расчленения» экстремизма по конкретным мотивам приводят к оценочной квалификации, так как его проявления всегда переплетаются между собой.

6. Разграничение экстремистской идеологии на религиозно-политическую составляющую имеет место в УК Азербайджана и Казахстана. Сепаратистские и националистические виды экстремизма в органической связи с политическим содержанием закреплены в УК России, Украины, Беларуси и Казахстана.

7. Насильственные и ненасильственные формы современного экстремизма, закреплённые в действующем законодательстве стран СНГ, в международном праве именуются «дискриминация».

8. Широкое толкование понятия «экстремизм» приводит к расширению перечня экстремистских преступлений, поскольку по этим же мотивам могут совершаться любые преступления. Критерием, ограничивающим «раздувание» понятия, выступают идеологическая составляющая и групповой характер. Экстремистские призывы всегда рассчитаны на широкую аудиторию. На законодательном уровне под понятием «экстремизм» следует понимать только те действия, которые направлены на пропаганду, призыв и оправдание идеологии, насаждающей рознь и вражду на социальном уровне по определённым мотивам. Это включает также призывы к насильственному изменению конституционного строя, захвату власти или нарушению территориальной целостности.

ГЛАВА 2. ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЭКСТРЕМИЗМА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

2.1. Конституционные и административно-правовые основы квалификации экстремизма в Республике Таджикистан

Фундаментальную основу противодействия экстремизму составляет Конституция Республики Таджикистан, которая, «обладает высшей юридической силой, ее нормы имеют прямое действие, а законы и другие правовые акты, противоречащие ей, не имеют юридической силы» (ст.10). Конституция также формулирует одну из фундаментальных основ конституционного строя Республики Таджикистан, закрепляя положение о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанность государства» (ст. 5) [1].

Согласно ст. 7 Конституции, государство также обязано обеспечивать целостность и неприкосновенность своей территории, так как это важнейшая функция любого государственного строя.

Безопасность Республики Таджикистан, которая является одной из приоритетных задач государства, обеспечивается через единую государственную политику в данной сфере. Эта политика включает в себя не только обеспечение целостности и неприкосновенности ее территории, но и защиту жизненно важных интересов общества и личности. Для ее реализации применяется комплекс мер различного характера – экономического, политического, правового, организационного и т.п., которые формируются и адаптируются в зависимости от актуальных вызовов и угроз. Как правило, эти меры должны быть адекватны потенциальным угрозам, затрагивающим жизненно важные интересы личности, общества и государства.

При этом особое значение в контексте противодействия экстремизму имеют и положения ст. 8 Конституции, которые прямо и недвусмысленно запрещают создание и функционирование общественных объединений,

политических партий и т.д., деятельность которых направлена на насильственное изменение основ конституционного строя, нарушение территориальной целостности Республики Таджикистан, создание незаконных вооруженных формирований и разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Помимо этого, положения ч. 2 ст. 30 Конституции Республики Таджикистан имеют принципиальное значение в контексте противодействия экстремизму. Данная норма прямо запрещает пропаганду и агитацию, направленные на возбуждение социальной, расовой, национальной, религиозной и языковой ненависти и вражды. Это не просто формальный запрет, а основополагающий принцип, который прямо нацелен на борьбу с идеологией экстремизма. Именно на разжигании различных видов розни строится большинство экстремистских учений, поэтому конституционное закрепление такого запрета служит мощным превентивным инструментом, позволяющим государству эффективно защищать общественную безопасность и мирное сосуществование различных групп населения. Также согласно ч. 2 ст. 30 Конституции запрещается пропаганда и агитация, направленная на возбуждающие ненависть и вражду на социальном уровне (по религиозным, национальным, расовым и другим экстремистским) мотивам.

Вышеуказанные конституционные нормы закрепляют сущность понятия современного экстремизма и определяют обязанности государства по запрещению противоправной деятельности. Эти положения требуют дальнейшей систематизации норм в отраслевом законодательстве для регулирования общественных отношений в данной сфере. Поэтому эти и другие конституционные нормы служат фундаментальной основой противодействия экстремизму.

Наряду с конституционными нормами, являющимися базовым регулятором в сфере противодействия экстремизму, значимую роль играют нормы административного права. Их применение обусловлено

необходимостью оперативного и эффективного реагирования на экстремистские проявления, не всегда достигающие уровня уголовного преступления. В рамках юридической науки данная проблематика вызывает оживленные дискуссии. Так, в правовой литературе высказаны различные мнения касательно классификации и применения мер административного принуждения в рамках борьбы с экстремизмом, что свидетельствует о множественности подходов к определению их эффективности, законности и пределов использования в современном законодательстве.

В некоторых странах-участницах СНГ практика использования административно-правового воздействия на проявления экстремизма имеет широкое распространение. Однако Кодекс Республики Таджикистан «Об административных правонарушениях» (далее – КоАП Республики Таджикистан) до 2020 года не предусматривал непосредственную норму об экстремизме [37]. Законом Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в КоАП РТ» от 12 декабря 2020 г., за №1726 была принята новая статья под названием «Разжигание социальной, расовой, национальной, региональной, религиозной (конфессиональной) вражды или розни».

Несмотря на отсутствие прямого упоминания экстремизма, законодательство содержало ряд норм, которые могли бы применяться для противодействия его проявлениям. На наш взгляд, к ним относятся:

- ст. 474 (Нарушение законодательства о религиозных объединениях);
- ст. 474(1) (Нарушение законодательства о производстве, ввозе, вывозе, реализации и распространении религиозной литературы, а также других предметов и материалов религиозного назначения);
- ст. 474(2) (Нарушение порядка получения религиозного образования гражданами Республики Таджикистан в зарубежных странах);
- нормы о нарушении законодательства об общественных организациях;

– нормы, касающиеся руководства и участия в деятельности незарегистрированных в установленном порядке общественных и религиозных объединениях.

На наш взгляд, с учетом общепризнанных принципов международного права, заложенных в основу понятия «дискриминация», общеправовое понятие экстремизма (экстремистской деятельности) должно охватывать административно-правовую природу экстремизма в более широком формате. Это обусловлено тем, что комплексное воздействие на проявления ненасильственного экстремизма способствует искоренению его насильственных форм. Однако, в силу сложности практического применения соответствующих статей, данное направление требует глубокого изучения и анализа. Такой подход позволит разработать дифференцированную систему привлечения виновных лиц к юридической ответственности.

Соответствующие меры административного регулирования в сфере противодействия экстремистской деятельности предусмотрено действующим законодательством о религиозных, общественных организациях и политических партиях [49; 52; 55; 56]. Указанные законы регламентируют процедуру объявления предостережения, вынесения предупреждения, приостановления, ликвидации или запрета деятельности указанных структур за совершение экстремистских действий. Также определен порядок ограничения доступа к деструктивной информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе, в Интернет.

В качестве примера можно привести пункты 5-8 ст. 4 Закона Республики Таджикистан «О свободе совести и о религиозных объединениях». Согласно данной норме, в случае нарушения религиозными объединениями норм законодательства или совершения действий, противоречащих их уставу, Генеральный прокурор или подведомственные ему прокуроры вправе направить объединению предписание об устранении правонарушений. Одновременно с этим, в регистрирующий орган направляется соответствующее уведомление с указанием срока для устранения нарушений.

Также прокурор или государственный уполномоченный орган по делам религий вправе обратиться в суд с заявлением о ликвидации религиозной организации либо о запрете деятельности религиозной общины (ст. 32) [56]. Указанный Закон предусматривает широкий перечень оснований для запрещения и ликвидации религиозных организаций, если их деятельность направлена против прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства.

Необходимо указать, что постоянная угроза правам и свободам личности, а также материальным и духовным ценностям общества обуславливает необходимость существования специального превентивного и непрерывно действующего административно-правового воздействия. Это воздействие позволяет поддерживать на должном уровне общественную и государственную безопасность.

В этом направлении существенный вклад могут внести и требования недавно принятых законов Республики Таджикистан «Об упорядочении торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» от 19 июня 2024 года, №499, «Об ответственности за обучение и воспитание ребенка» от 20 июня 2024 года, №2049, «О воспитании в духе патриотизма» от 16 декабря 2022 года, №332, основные цели которых направлены на защиту истинных ценностей национальной культуры, предотвращение суеверия и фанатизма, повышение духовности, воспитание несовершеннолетних и молодежи в духе гуманизма, чувства патриотизма, уважения к национальным, общечеловеческим и культурным ценностям. Именно подрыв вышеуказанных ценностей на фоне беспрецедентного распространения религиозно-экстремистской идеологии в виртуальном мире (по Интернету) и стали основой формирования антигосударственной и антинациональной идеологии, которые угрожают безопасности не только Таджикистана, но и международной стабильности в целом.

За несоблюдение требований вышеуказанных законов предусматривается административная ответственность. Например, согласно

ст. 90 КоАП РТ («Неисполнение обязанностей по опеке, обучению и воспитанию несовершеннолетних, за неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних») предусматривается наказание в виде предупреждения или наложение штрафа в размере от трех до семи показателей для расчетов [37].

Было бы правовой недальновидностью игнорировать содержание вышеуказанных законов, считая их не имеющими непосредственного отношения к антиэкстремистскому законодательству. Глубинные причины экстремизма кроются в недостаточно эффективном решении общественно значимых задач в сфере нравственно-духовного воспитания и морально-психологического формирования несовершеннолетних и молодежи. Более подробно этот аспект будет рассмотрен в последующих главах диссертации. В этом контексте необходимо особо подчеркнуть, что Лидер нации, уважаемый Эмомали Рахмон на встрече с активистами, представителями общества и религиозными деятелями страны заявил, что «незаконное религиозное образование приводит к экстремизму и занятию колдовством, другой ненадлежащей противоправной деятельности».

В частности, Глава государства отметил, что «в период с 2020 по 2023 годы в стране выявлено 680 случаев незаконного религиозного обучения 5 тысяч несовершеннолетних. Только в 2023 году выявлено 300 случаев незаконного религиозного образования и предотвращено участие в этом более 4100 человек, что свидетельствует о расширении процесса «промыывания мозгов» детям, подросткам и молодежи. За этот период 520 религиозных деятелей были привлечены правоохрнительными органами к административной ответственности за подобные нарушения» [425]. И это несмотря на то, что за последние 10 лет правоохрнительными органами раскрыто 1320 преступлений, связанных с воспрепятствованием родителей в получении детей среднего образования.

Прав Глава государства и в том, что «Незаконное религиозное образование во многих случаях приводит к формированию религиозного фанатизма в сознании учащегося и дальнейшему его вовлечению в экстремистские и террористические организации. Анализ показывает, что большинство людей, причастных к экстремистским и террористическим преступлениям, ранее получили нелегальное религиозное образование, при том, что среднего школьного образования не имели. Например, большинство членов террористической группы, которая в ночь на 6 ноября 2019 года совершила вооруженное нападение на наблюдательный пост Пограничных войск в селе «Ишкабад» района Рудаки, убив при этом 6 военнослужащих, ранее получили незаконное религиозное образование как внутри страны, так и за ее пределами. В ходе нападения одна из участниц этой преступной группы – пожилая женщина – убила солдата охраны, который пришел к ней без оружия, доверившись ей, как женщине-матери. Целью этой группы было приобретение оружия и массовые убийства мирного населения, в том числе, в городе Душанбе [425].

Здесь необходимо указать, что с криминологической точки зрения, нормы уголовного закона и административной преюдиции играют ключевую роль в системе предупреждения преступности. Их значимость обусловлена тем, что они выступают как средство раннего воздействия на антиобщественное поведение. Этот механизм позволяет государству реагировать на деструктивные действия до того, как они достигнут уровня тяжкого преступления, что полностью соответствует одной из фундаментальных целей уголовного закона – не столько наказанию, сколько предупреждению новых преступлений. Эти нормы создают своеобразный правовой барьер, который сдерживает лиц, склонных к правонарушениям, и способствуют укреплению правопорядка.

Однако не следует забывать, что неотъемлемыми свойствами уголовного законодательства являются его системность и непротиворечивость. Соответственно, и нормы о «преюдиционных»

преступлениях должны обладать максимально возможной степенью однообразия и непротиворечивости своих признаков. Это особенно актуально для преступлений экстремистского характера, когда административная преюдиция выступает в качестве специфического криминообразующего признака состава преступления. В связи с этим, целесообразно рассмотреть возможные направления унификации признаков административной преюдиции в уголовном праве, что позволит улучшить уровень их законодательного конструирования и минимизировать проблемы, возникающие при правоприменении «преюдиционных» норм уголовного законодательства Республики Таджикистан в данной сфере.

Например, в странах, где установление «опасного состояния» личности является формально-юридическим основанием ужесточения уголовной репрессии, как правило, одного повторного совершения правонарушения (преступления) недостаточно. В частности, в уголовной юрисдикции многих штатов США введено правило «трех попаданий» или «трех ударов» («three strikes rule»), а основанием введения этого правила стал Федеральный закон о контроле над насильственной преступностью 1994 г. [373, с. 129]. Поэтому, несмотря на то, что в научной доктрине и зарубежном законодательстве обосновывается признание многократной преюдиции в уголовном праве, на наш взгляд, в отношении преступлений экстремистского характера в силу сложности криминогенной обстановки, географического расположения республики, разгула экстремистской идеологии в виртуальном пространстве и беспрецедентного роста преступлений экстремистского характера в регионе, такой подход в настоящее время является нецелесообразным. Однако, по отношению к преступлениям ненасильственного характера, возможно применение требований многократной преюдиции в уголовном праве.

Сложность правовой квалификации экстремизма в административном и уголовном плане потребовало проведения социологического опроса среди широкого круга сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД), в том

числе, слушателей и преподавателей учебных подразделений этих органов. Выбор данной категории респондентов обусловлен тем, что 70% всех преступлений экстремистского характера раскрываются именно сотрудниками ОВД.

На вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что в отношении организаторов, вербовщиков и лиц, непосредственно призывающих к насильственному изменению конституционного строя и захвату власти или систематически пропагандирующих такую идеологию, нецелесообразно применять нормы КоАП РТ», «Вполне согласен» ответили 180 чел. или 60%, «Частично согласен» – 69 чел. или 23%, «Не согласен» – 24 чел. или 8%, «Затрудняюсь ответить» – 20 чел. или 6,66%. Свой вариант регулирования данного вопроса предложили 7 чел. или 2,33% опрошенных респондентов [См.: Приложение №1].

На вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что за проставление «лайка» или комментариев, оправдывающих экстремистскую идеологию необходимо привлечение виновных лиц к административной, а после повторного совершения таких действий в течении года, к уголовной ответственности?» Практические работники ОВД ответили следующим образом: «Вполне согласен – 203 чел. или 67,66%», «Частично согласен – 46 чел. или 15,33%, «Не согласен» – 28 чел. или 9,33%, «Затрудняюсь ответить» – 20 чел. или 6,66%. Свой вариант регулирования данного вопроса предложили 3 чел. или 1% опрошенных респондентов [См.: Приложение №1].

На вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что в отношении лиц, привлеченных к административной или уголовной ответственности за совершение правонарушения экстремистского характера, необходимо применять принудительные меры идеологического характера, на основе государственных образовательных программ путем проведения лекций, бесед и их принуждения к изучению произведений, формирующих национальную, религиозную и культурную идентичность таджикского

народа?», положительно ответили 153 чел. или 51% опрошенных респондентов, частично поддерживали такую инициативу 96 чел. или 32%, не согласились с введением таких принудительных мер 20 чел. или 6,66%, затруднились ответить 29 чел. или 9,66% опрошенных респондентов [См.: Приложение №1].

Анализ материалов оперативных и уголовных дел показывает отсутствие единообразного подхода правоохранительных органов, при квалификации административных и уголовных правонарушений экстремистского характера. Например, в одних случаях организованные формы экстремизма, направленные на вербовку, подготовку и обучение непросвещенной молодежи квалифицируются по ч. 2 ст. 187 и ст. 32, ч. 1 ст. 306 УК РТ [478], в других случаях почти аналогичные деяния приобретают элементы состава преступления ч. 1 ст. 307 УК РТ [487] или же ч. 2 ст. 307(3) УК РТ [482]. А когда экстремистские действия связаны с вербовкой новых членов путем распространения экстремистских материалов, такие деяния квалифицируются по ч. 1 ст. 189 УК РТ [486]. В других случаях почти аналогичные деяния квалифицируются по ч. 2 ст. 307(1) УК РТ [491].

Следует отметить, что многие эпизоды экстремистской деятельности связаны с пропагандой, вербовкой, обучением и мобилизацией несведущей части молодежи с целью осуществления насильственного «джихада» как внутри страны, так и за ее пределами. В последние годы, в целях реализации предписаний высшего руководства страны о возвращении на родину граждан, примкнувших к экстремистско-террористическим группировкам, но искренне раскаивающихся в содеянном, экстремистские деяния, не связанные с участием в вооруженных конфликтах за рубежом, квалифицируются по ч. 2 ст. 307 УК РТ. Это происходит даже в тех случаях, когда такие лица призывали либо пропагандировали насильственный экстремизм. Данная практика обусловлена тем, что ст. 307(1) УК РТ не предусматривает поощрительной нормы, позволяющей освободить от

уголовной ответственности лицо, добровольно отказавшееся от своих преступных намерений и сотрудничающее со следственными органами.

Организованные же формы экстремизма связаны с активной ролью организаторов и вербовщиков, которые влияют на сознание и волю молодых людей лично либо через Интернет. Таким образом они превращают их в «заложников» своих религиозно-экстремистских идей. Более того, в большинстве случаев прослеживается тенденция, когда такая молодежь вербуются близкими родственниками и друзьями, а порой и сами завербованные выступают в роли вербовщиков для своего окружения.

Проведенный социологический опрос и изучение материалов уголовных и оперативных дел позволяет сделать ряд на наш взгляд, существенных выводов:

1. Только на основе всестороннего изучения личности преступника и его социальной роли в экстремистской деятельности, а также оценки опасности его мировоззрения и практических действий, можно решить вопрос о привлечении такого лица к административной или уголовной ответственности. Однако, анализ экстремистской активности лиц, причастных к экстремистской деятельности убедительно доказывает, что степень опасности отдельных индивидов для общества и государства значительно варьируется. В связи с этим, классификация таких лиц по степени их экстремистской активности и общественной опасности деяний сопутствует определению административной и уголовной природы экстремизма, соответственно, требует совершенствования норм административного и уголовного законодательства.

2. Мы считаем необоснованным привлечение к административной ответственности организаторов, вербовщиков и активных участников экстремистских организаций, особенно тех, которые участвовали в вооруженных конфликтах за рубежом. Это касается и тех, кто систематически, в тайной или открытой форме призывает к насильственному изменению конституционного строя и захвату власти, а также разжигает

ненависть и вражду по экстремистским мотивам на социальном уровне. Более того, многие активные члены деструктивных сил экстремистского характера находятся в международном розыске на протяжении последних 5-10 лет.

3. К административной ответственности целесообразно привлекать следующую категорию лиц:

- систематически просматривающих религиозно-экстремистские сайты и одобряющие их деятельность в пассивной форме (например, ставящие «лайки», пишущие положительные комментарии либо распространяющие такую информацию);

- систематически, в тайной или открытой форме призывающие или оправдывающие идеологию, направленную против духовно-нравственных ценностей таджикского народа, включая унижение чести и достоинства основоположников ханафитской религиозной школы, таджикско-персидской литературы, а также национальных героев и культуры таджикского народа.

К административной ответственности также могут быть привлечены лица, добровольно явившиеся в правоохранительные органы и сотрудничающие со следствием для разоблачения других активных членов экстремистско-террористических организаций. Однако это возможно лишь при условии, что эти лица не совершали умышленных преступлений против жизни и здоровья граждан по религиозно-экстремистским мотивам. Однако, для формирования более обоснованного подхода в этом направлении необходимо изучение административных и уголовных дел данной категории, обобщение судебно-следственной практики, принятие соответствующего постановления Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан.

В этом контексте заслуживает внимания позиция казахстанского законодателя об уголовном проступке. Так, согласно ч. 3 ст. 10 УК Республики Казахстан, таковым признается «совершенное виновное деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу

причинения вреда личности, организации, обществу или государству». За совершение уголовного проступка исключается назначение наказания в виде лишения свободы – в этом качестве применяются штраф, исправительные работы, привлечение к общественным работам, арест, выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства [44].

Несмотря на критические замечания некоторых ученых относительно введения в уголовное законодательство уголовного проступка [278, с. 82], на наш взгляд, его главное преимущество заключается в отсутствии состояния судимости после отбытия наказания. Это особенно важно, поскольку судимость, от которой невозможно избавиться в течении всей жизни, несет в себе серьезные социальные последствия. Сам факт наличия в прошлом судимости даже за самое «незначительное» преступление может поставить крест на будущую судьбу лица как законопослушного гражданина [284, с. 105].

Исходя из этого, применительно к преступлениям экстремистского характера с административной преюдицией, на наш взгляд, при признании их проступками на законодательном уровне вышеуказанные критерии необходимо учитывать. Они имеют фундаментальное значение для определения степени общественной опасности личности, совершающей административное или уголовное правонарушение экстремистского характера.

Не углубляясь в теоретические вопросы разграничения административных правонарушений и преступлений, отметим лишь, что административные правонарушения являются менее общественно опасными либо вообще не представляющими общественной опасности, однако, четких критериев такого разграничения по степени общественной опасности до сего времени не выработано [170, с. 9-10; 280, с. 245-249; 283, с. 45-55; 286, с. 32-38; 316, с. 39-44]. В связи с этим, на сегодня нет и четких критериев разграничения административных правонарушений экстремистского характера от аналогичных преступлений, что привело к неоднозначной и

порою противоречивой правоприменительной практике. Поэтому решение данной задачи считается одним из приоритетных задач нашего исследования.

На сегодня принципиально важным является требование ст. 17 КоАП Республики Таджикистан, в котором определяется, что административное правонарушение – это противоправное, виновное деяние (действие или бездействие) физического или юридического лица, совершение которого в установленном настоящим Кодексом порядке влечет административную ответственность. Это значит, что до тех пор, пока в законодательном порядке за то или иное антиобщественное и противоправное деяние не установлена административная ответственность, нет основания для привлечения виновного лица к административной ответственности. Отметим, что если в уголовном праве нормативно закреплён перечень преступлений экстремистской направленности, то определение правонарушений, содержащих признаки экстремистской деятельности, ответственность за которые предусмотрена КоАП Республики Таджикистан, до настоящего времени не выработано, соответственно и отсутствует перечень указанных правонарушений.

В Российской Федерации данная проблема на законодательном уровне давно решена. Например, публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики согласно специального закона признается как вид экстремистской деятельности, соответственно, согласно ст. 20.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность [376, с. 29-30].

В соответствии с этим законом, не всякая экстремистская деятельность является преступлением. Создание организации, участники которой будут объединены в целях совершения административных правонарушений не обладает общественной опасностью, достаточной и необходимой для преступления. Видимо, в данном случае законодатель отказался от использования термина «экстремистская деятельность» именно потому, что этим понятием охватываются не только уголовно-наказуемые деяния. В

связи с этим и возникла необходимость введения нового термина - «преступления экстремистской направленности», к категории которых, по логике законодателя, должна относиться вся экстремистская деятельность, влекущая уголовную ответственность [376, с. 30-31].

На наш взгляд, именно такой подход выглядит оправданным. Отказ от применения такого криминологического определения как «экстремистская деятельность» сделает природу многих преступлений экстремистской направленности более выраженной и строго определенной.

На наш взгляд, и в Республике Таджикистан назрела необходимость введения в КоАП Республики Таджикистан новых статей, таких например, как «Злоупотребление свободой массовой информации» и «Пропаганда и публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций», которые наиболее эффективно используются правоприменительными органами Российской Федерации в противодействии экстремизму.

Следует отметить, что согласно Закону Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях» от 17 декабря 2020 года, №1726, в КоАП РТ появилась новая статья 462(1) – Разжигание социальной, расовой, национальной, региональной, религиозной (конфессиональной) вражды или розни. Диспозиция и название данной статьи практически идентично содержанию ст. 189 УК РТ. В качестве разграничительного критерия выступает формулировка «при отсутствии признака преступления» и соответственно вид такого административного наказания как наложение штрафа на физические лица в размере от пятидесяти до ста показателей для расчетов либо административный арест сроком от пяти до десяти суток соответствует предъявленным требованиям законодателя в этой области [37].

На наш взгляд, из перечня мотивов экстремизма, закрепленных в данной норме, следует исключить «региональный мотив» так как в науке и нормах международного права такие элементы экстремизма отсутствуют. По всей

вероятности, законодатель имеет в виду местнический мотив экстремизма, так как разжигание местнической вражды имело яркое выражение в годы гражданской войны среди представителей различных местностей (районов, областей) таджикского общества. Так же необходимо включить в перечень таких мотивов и его политическое проявление, что связано в первую очередь с тем, что некоторые недальновидные политики, в целях узкогрупповых интересов, периодически призывают к осуществлению насильственных форм экстремизма. Более того, другие мотивы экстремизма, такие, как националистические, расовые или религиозные никогда не выступают в чистом виде. Они всегда переплетаются с политическими мотивами экстремизма.

По нашему мнению, есть необходимость изменить и название самой статьи на «экстремизм» по следующим основаниям:

1. Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» не называется «Разжигание социальной, расовой, национальной, региональной, религиозной (конфессиональной) вражды или розни» и несмотря на то, что Закон Республики Таджикистан «О противодействии терроризму» является одноименным с основными проявлениями терроризма, указанными в ст. 179 УК РТ, это не мешает законодателю в правовом регулировании других проявлений терроризма рассматривать их как преступления террористического характера.

2. В диспозициях административно-правовых и уголовно-правовых норм определяются наиболее значимые объективные и субъективные признаки правонарушения, а не в названиях статьи. Такой подход прослеживается в регламентации диспозиции ст. 179 УК РТ, которая называется «Терроризм» и является ядром других преступлений экстремистского характера. А признаки экстремизма, отраженные в ст. 462(1) КоАП РТ выполняют абсолютно такую же роль, так как разжигание вражды и ненависти по экстремистским мотивам составляют основные элементы современного административного правонарушения экстремистского

характера, так же, как и призывы к насильственному изменению конституционного строя и изменению территориальной целостности государства, которые не мыслимы без разжигания ненависти и вражды на социальном уровне. Поэтому все эти элементы в совокупности составляют две стороны одной медали.

3. В целях систематизации нормативных правовых актов, регламентирующих природу одного и того же явления под названием «экстремизм», содержание административно-правовой нормы экстремистского правонарушения должно соответствовать и его уголовно-правовому содержанию.

4. Следует отметить, что до появления в свет вышеуказанной статьи, в КоАП РТ действовала ст. 374 («Изготовление, хранение, ввоз, перевозка и распространение на территории Республики Таджикистан запрещенной продукции средств массовой информации, иной запрещенной печатной продукции»). Несмотря на то, что в названии данной статьи конкретно не указывается на экстремистский характер таких материалов, однако в ее диспозиции содержится наиболее выраженные элементы экстремизма, связанные с распространением экстремистских материалов. В частности, в диспозиции данной статьи речь идет об изготовлении, хранении, ввозе, перевозке и распространении на территории Республики Таджикистан продукции средств массовой информации, содержащей сведения и материалы, направленные на пропаганду или агитацию насильственного изменения конституционного строя, нарушения целостности и государственного суверенитета, подрыва безопасности государства, войны, разжигания социальной, расовой, национальной, религиозной розни, культа жестокости, насилия и порнографии, оправдание терроризма и экстремизма и т.д.

По нашему мнению, статья 374 КоАП РТ включает в себя значительное количество элементов, не имеющих прямого отношения к экстремистским проявлениям. Более того, распространение экстремистских материалов

представляет собой одну из актуальных форм пропаганды экстремистской идеологии. В большинстве случаев, в эпоху технологического прогресса, это осуществляется с применением современных информационно-телекоммуникационных технологий, включая сеть Интернет. Поэтому в ст. 462(1) КоАП РТ необходимо предусмотреть помимо прочего и распространение экстремистских материалов в любой форме как составного элемента данного правонарушения.

В примечании к указанной статье целесообразно определить административные правонарушения экстремистского характера как любые правонарушения, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, при условии, что эти деяния не содержат признаков преступления.

Считаем также, что существует необходимость обосновать позицию о внесении изменений и дополнений в КоАП РТ в перечень обстоятельств, отягчающих административную ответственность в части того, что «совершение административного правонарушения по мотивам политической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

С учетом вышеизложенного, полагаем целесообразным сделать ряд теоретических и практических предложений, в том числе, относительно совершенствования административного законодательства в сфере противодействия экстремизму:

1. Вопрос о привлечении к административной или уголовной ответственности лиц, вовлеченных в экстремистскую деятельность, не может быть решен без всестороннего изучения общественной опасности их мировоззрения и практики. Такой подход необходим, поскольку степень вовлеченности и характер действий экстремистов могут значительно различаться. Следовательно, для обеспечения справедливости и

эффективности правосудия, административное и уголовное законодательство должно содержать четкие и конкретные критерии. Эти критерии позволят определить, в каких случаях виновное лицо подлежит административной ответственности за менее тяжкие деяния, а в каких – уголовной, за действия, представляющие серьезную угрозу общественной безопасности.

2. Анализ экстремистской активности лиц, причастных к экстремистской деятельности убедительно демонстрирует, что степень опасности отдельных индивидов для общества и государства не является однородной. В связи с этим возникает настоятельная необходимость в их классификации. Такая классификация важна не только для разработки и реализации эффективных оперативно-профилактических мероприятий, позволяющих своевременно выявлять и пресекать потенциальные угрозы. Она также является ключевым условием для корректного применения норм административного и уголовного законодательства, поскольку позволит дифференцировать меры воздействия в зависимости от тяжести совершенных деяний и роли индивида в экстремистской структуре.

3. Считаем необоснованным привлечение к административной ответственности организаторов, вербовщиков экстремистских организаций, активных участников вооруженных конфликтов за рубежом, призывающих (в тайной или открытой форме) к насильственному изменению конституционного строя и захвату власти, разжиганию ненависти и вражды по политическим, национальным, расовым, религиозным и местническим мотивам на социальном уровне.

4. К административной ответственности целесообразно привлекать следующую категорию лиц:

– регулярно посещающих веб-страницы с религиозно-экстремистским содержанием и косвенно поддерживающих экстремистские идеи и действия. Это может включать такие действия, как выражение одобрения (в форме проставления «лайков»), добавление одобрительных комментариев либо передача подобной информации другим лицам;

– систематически, в тайной или открытой форме, призывающих или оправдывающих идеологию экстремизма, направленную против духовно-нравственных ценностей таджикского народа. Это включает унижение чести и достоинства основоположников ханафитской религиозной школы, таджикско-персидской литературы, национальных героев, а также отвержение национальной культуры таджикского народа;

– добровольно явившихся в правоохранительные органы и сотрудничавших со следствием для разоблачения других активных членов экстремистско-террористических организаций. При этом обязательным условием является отсутствие умышленных преступлений против жизни и здоровья граждан, совершенных по экстремистским мотивам.

5. В целях систематизации и дифференциации правовой ответственности лиц, совершивших административные или уголовные правонарушения экстремистского характера, название и диспозицию статьи 462(1) КоАП Республики Таджикистан изложить в следующей редакции:

«Статья 462(1). Экстремизм

Деяние (действие или бездействие), направленное на тайное или публичное разжигание ненависти и вражды по политическим, расовым, националистическим, религиозным (конфессиональным), местническим и другим дискриминационным мотивам, либо публичное оправдание идеологии и практики экстремизма или хранение и распространение экстремистских материалов, либо осуществление публичных призывов по насильственному изменению конституционного строя по этим же мотивам в общественных местах или с использованием средств массовой информации, сетей электрической связи, включая сети Интернет, при отсутствии признаков преступления, -

влекут наложение штрафа на физических лиц в размере от ста пятидесяти до двухсот пятидесяти показателей для расчетов либо административного ареста сроком от пятнадцати до тридцати суток с обязательным применением меры идеологического характера в отношении

виновных лиц, а на юридические лица наложение штрафа от четырехсот до пятисот показателей для расчетов.

2. Те же действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные группой лиц, -

влекут наложение штрафа на физических лиц в размере от двухсот до трехсот показателей для расчетов либо административного ареста сроком от пятнадцати до тридцати суток, на юридические лица наложение штрафа от четырехсот до пятисот показателей для расчетов».

2.2. Особенности уголовно-правовой квалификации экстремизма в Республике Таджикистан

Экстремизм, будучи сложным социально-правовым явлением и юридическим понятием, нуждается в глубоком и всестороннем анализе, актуальность которого возрастает с каждым годом. Учитывая возросшее число преступлений экстремистского характера, научное исследование этой категории требует не только предметного анализа источников права, но и разработки более точного понятийного аппарата. При этом критически важным является уточнение элементов состава преступления для его правильной квалификации и отграничения от смежных составов. Именно поэтому в рамках данного исследования особое внимание будет уделено изучению экстремизма как научной и правовой категории, а также выявлению его общих и отличительных признаков в сравнении с другими схожими понятиями, что позволит избежать ошибок при квалификации и привлечении виновных к ответственности.

Сложность и многогранность природы современного экстремизма обусловили закрепление его правовой сущности в нескольких отраслях права, в первую очередь, в административном и уголовном. Это привело к появлению многочисленных норм, квалифицирующих деяния как правонарушения или преступления экстремистского характера, что порой

затрудняет их точную правовую оценку. В связи с этим, особого внимания заслуживает позиция академика В.Н. Кудрявцева, который отмечал, что «состав преступления содержит не случайный набор признаков, а те, которые вскрывают сущность явления и дают возможность раскрыть кроющуюся за этим явлением объективную закономерность реальной действительности» [163, с. 36].

Мотивы экстремизма (религиозный, националистический, политический, расовый, местнический) выступают в качестве основного признака экстремизма в национальном и региональном уголовном праве. Данную позицию поддерживают большинство авторов, исследующих проблему противодействия экстремизму [118, с. 11]. В связи с этим, такие мотивы, как основополагающие признаки, нашли отражение на законодательном уровне (п. 2 примечания ст. 282.1 УК РФ) [46].

Указанные мотивы как основные или квалифицирующие признаки преступлений экстремистского характера в зависимости от объектов посягательств, рассредоточены в определенных разделах и главах УК РТ.

Такие отечественные ученые, как Т.Ш. Шарипов, А.И. Сафарзода и Ш.Н. Саидов под понятием «объект преступления» понимают общественные отношения, на которые направлены общественно-опасные посягательства и которые защищаются уголовно-правовыми средствами [241, с. 150]. Эту позицию поддерживают и другие отечественные ученые [142, с. 53-54; 217, с. 14; 240, с. 35; 394, с. 78-79]. Как известно, в уголовном праве наиболее популярной является классификация объектов преступления на общий, родовой, видовой и непосредственный [223, с. 110-111].

В качестве общего объекта признается охрана всех интересов общества, государства и человека от преступных посягательств, которые указаны в ст. 2 УК РТ в обобщенном виде. Согласно общепризнанной позиции, в качестве видового объекта выступает широкий круг общественных отношений, находящийся под защитой в отдельных разделах УК РТ. Специфическим объектом преступления является совокупность интересов, охраняемых

соответствующими главами уголовного законодательства. Под понятием «основной или непосредственный объект» признаются общественные отношения, которые охраняются посредством отдельных статей УК РТ [217, с. 32-33].

Такая классификация объекта преступления в уголовном праве признается «вертикальной». Однако, в уголовном праве бытует мнение о «горизонтальной» классификации объекта преступления, которое следует иметь ввиду при классификации преступлений экстремистского характера, так как они рассредоточены в разных разделах и главах УК РТ. По мнению З.М. Бешуковой, «такая классификация свойственна преступлениям со сложными элементами, которые посягают одновременно на несколько объектов. С этой точки зрения объект преступления делится на основной, дополнительный и факультативный» [337, с. 128].

Д.И. Леншин отмечает, что «определение непосредственного объекта преступлений экстремистского характера вызывает определенные проблемы, поскольку они посягают на различные интересы и не имеют единого видового и родового объекта» [369, с. 55].

Несмотря на сложность этих составов в связи с рассредоточенной их природой в разных разделах и главах УК РТ, преступления экстремистского характера, в зависимости от их объектов посягательств, И.С. Макеева делит их на преступления, направленные на экстремистскую деятельность, в качестве основных непосредственных объектов которых выступают основы конституционного строя и безопасности государства. Так же указанный автор выделяет преступления, которые совершаются по экстремистским мотивам, однако основы конституционного строя выступают в качестве их факультативного объекта.

Такая позиция вызывает определенное сомнение, так как основы конституционного строя берут свои начала от конституционных прав и свобод человека и гражданина, которые акцентируют деятельность органов государства и отдельных лиц на защиту и уважение таких прав. Более того,

ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина по экстремистским мотивам в международном праве признаются проявлением «дискриминацией». Однако «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» направлены прежде всего, на защиту интересов общества и государства от «антигосударственного насильственного экстремизма» [195, с. 7].

На наш взгляд, такая позиция сформировалась в связи с тем, что экстремизм является многообъектным преступлением, объектами которого являются:

- 1) конституционные права и свободы человека;
- 2) жизнь и здоровье граждан;
- 3) общественный порядок и нравственность;
- 4) общественная безопасность;
- 5) основы конститутивного строя;
- 6) мир и международная безопасность.

Действительно, среди вышеуказанных объектов необходимо найти наиболее важный и в нашем случае основной, который открывает путь к правильной классификации объектов посягательства, соответственно и установления дополнительного и факультативного объекта конкретных преступлений экстремистского характера.

Несмотря на отсутствие общепризнанного определения понятия «экстремизм» (экстремистская деятельность) под его общеправовым понятием следует понимать совокупность преступлений, в диспозиции которых мотивы экстремизма закреплены в качестве обязательных признаков. В настоящее время таковыми являются статьи 143, 189, 398 УК РТ. Несмотря на то, что в диспозиции статей 307, 307(1), 307(2) и 307(3) УК РТ не указаны экстремистские мотивы, теоретически публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя и захвату власти или же организация экстремистского сообщества (экстремистская организация), которые не мыслимы без учета экстремистских мотивов. Это же правило

распространяется в том числе и на политический мотив экстремизма, т.к. политический экстремизм почти всегда переплетается с националистическими или религиозными или расовыми мотивами экстремизма.

Новые, но с точки зрения науки уголовного и международного права сомнительные составы преступления экстремистского характера (введенные в УК после 2003 года), предусмотренные в статьях 307(1), 307(2), 307(3) УК РТ, также по своему содержанию подразумевают указанные мотивы. Поэтому наша дискуссия разворачивается вокруг основного и дополнительного объектов преступлений, предусмотренных в ст. ст. 143, 189, 307, 398, 307(1), 307(2), 307(3) УК РТ.

Итак, экстремистские мотивы, как отягчающие обстоятельства нашли свое отражение в п. «е» ч. 1 ст. 62 Общей части УК РТ, а также в качестве квалифицирующих признаков в ряде статей УК Республики Таджикистан (убийство (п. «м» ч. 2 ст. 104; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «м» ч. 2 ст. 110); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111); истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117); терроризм (п. «в» ч. 2 ст. 179), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2 ст. 243)).

Несмотря на то, что в диспозиции ст. 307(2) УК РК ст. ст. 157, 158, 160, 185, 188, 237, 237(1), 242, 243 УК РТ относятся к преступлениям экстремистского характера (за исключением п. «б» ч. 2 ст. 243 и ч. 1 ст. 189 УК РТ), мотивы экстремизма в качестве обязательных признаков этих составов в указанных преступлениях не закреплены. Мотивы экстремизма как обязательные признаки состава преступления нашли отражение в ст. 143 УК РТ (Нарушение равноправия граждан). Однако данной статьи нет в перечне преступлений экстремистского характера.

Как было отмечено в предыдущей главе, нарушение прав и свобод человека выступает одним из ключевых факторов, способствующих возникновению экстремизма. Когда люди сталкиваются с ущемлением своих

прав и свобод, это создаёт благодатную почву для распространения радикальных идей.

Не случайно, по мнению А.Г. Хлебушкина, объектом экстремизма признается «конституционные основы межличностных отношений» и при систематическом их нарушении «определенная гражданская или политическая ненависть и вражда» активизируется [238, с. 69-70].

Однако в диспозиции ст. 143 УК РТ нарушение прав и свобод человека по экстремистским мотивам представляют основные признаки данного состава преступления, о публичном и насильственном характере экстремистских проявлений в данной диспозиции определенных признаков нет, соответственно, эту норму можно отнести и к проявлениям ненасильственного экстремизма, несмотря на то, что нарушение прав человека по политическим, религиозным, националистическим, расовым и другим экстремистским мотивам вызывает у потерпевших определенную ненависть и вражду по отношению к виновным лицам.

Как справедливо отмечают С.В. Борисов и А.В. Жеребченко, «установление и реализация административной ответственности является более эффективным средством предупреждения возбуждения ненависти либо вражды, осуществляемого путём действий, не связанных с какими-либо общественно опасными деяниями (например, с применением насилия)» [118, с. 186]. В данном случае речь идет о подрыве доверия между индивидом и его оппонентом (государственными, негосударственными органами или отдельными лицами). Для эффективного решения этой задачи необходимо оперативное вмешательство государства, реализуемое посредством юридического регулирования на действия экстремистского характера.

В качестве видового объекта в ст. 143 УК РТ выступает личность человека, родовым – конституционные права и свободы граждан, а в качестве непосредственного основного объекта выступают права человека (политические, социальные или культурные), при нарушении которых разрушаются межличностные отношения участников взаимоотношений.

Помимо статьи 143 УК РТ, в главе «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» закреплены также и преступления, закрепленные в ст.ст. 157, 158, 160 УК РТ, которые могут иметь экстремистский характер.

Как было отмечено ранее, международное и внутригосударственное право классифицирует основные права человека на социальные, экономические, политические и культурные. Следовательно, вышеуказанные статьи охватывают лишь ограниченный круг политических прав человека. По нашему мнению, преступления, закрепленные в указанной главе связаны с проявлением дискриминации и совершаются по экстремистским мотивам, поэтому их следует признать в качестве ненасильственной формы экстремизма. В разделе «Преступления против личности», главы «Преступления против жизни и здоровья» в качестве квалифицирующих признаков составов преступлений, экстремистские мотивы закреплены в п. «м» ч. 2 ст. 104 (убийство); п. «м» ч. 2 ст. 110 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью); п. «е» ч. 2 ст. 111 (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью), п. «з» ч. 2 ст. 117 (истязание). С таким же «успехом» можно закрепить аналогичные отягчающие обстоятельства за совершение любых преступлений против жизни и здоровья.

Тогда при причинении вреда здоровью человека, основным объектом преступления выступает его здоровье. В качестве дополнительного объекта могут рассматриваться его политические, культурные, экономические или иные права. При этом факультативным объектом может быть честь и достоинство человека, а также причиненный ему моральный или материальный вред.

С учетом закрепления статьи «Организация экстремистского сообщества» в главе «Основы конституционного строя и безопасности государства», С.Н. Фридинский его объектом считает «общественные отношения, обеспечивающие внутреннюю безопасность страны, стабильность государства, отсутствие угроз его целостности и устойчивость

государственной власти» [406, с. 67]. Однако С.В. Борисов отмечает, что вышеуказанный автор «смешивает два сходных, но самостоятельных объекта преступлений: основы конституционного строя и государственную безопасность. При этом не учитывается направленность подготавливаемых экстремистским сообществом преступлений, а также неразрывная взаимосвязь непосредственного объекта рассматриваемого деяния с его родовым объектом – основами конституционного строя и безопасностью государства» [340, с. 60].

Следует оговориться, что определенные преступления экстремистского характера наиболее часто посягают и на общественный порядок, и на нравственность. Такой подход вытекает из содержания норм международного права и анализа антиэкстремистского законодательства ряда стран СНГ, о которых мы говорили в предыдущем параграфе. В УК РТ такие составы содержатся в ст. ст. 237(1) (Вандализм); ст. 242 (Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры); ст. 243 (Надругательство над телами умерших и местами их захоронения), за исключением ст. 237 (Хулиганство). Таджикистанский законодатель по всей видимости, допустил техническую ошибку, так как согласно ст. 307(2) УК РТ, хулиганство признается преступлением экстремистского характера.

Как правило, экстремистские организации нацелены на привлечение лиц, чье мировоззрение еще не сформировалось, у которых отсутствует достаточный житейский опыт и весьма скудный спектр моральных и культурных ценностей. Именно эта категория людей часто занимается нанесением экстремистских надписей в общественных местах, демонстрирует пренебрежительное отношение к общественным нормам, вплоть до актов вандализма в отношении культурного наследия других народов, руководствуясь экстремистскими убеждениями, оскверняет могилы. Эти преступления довольно часто совершаются в сочетании с хулиганскими действиями. Однако, под фактическим мотивом хулиганства понимается «желание противопоставить себя окружающим, продемонстрировать

пренебрежительное к ним отношение» [447], то есть действия виновного лица имеют исключительно бытовой мотив.

Как утверждает Б. Волженкин, «когда хулиганство совершается по экстремистским мотивам это уже преступление не против общественного порядка, а против основ конституционного строя и безопасности государства» [270, с. 21]. С данной позицией согласен и А.В. Павлинов [195, с. 109]. Однако такой подход не совсем верный, так как это «особенность» преступлений экстремистского характера, которые рассредоточены по нескольким главам УК РТ. Более того, хулиганам легче продемонстрировать «свое хамство» пренебрежительным отношением к представителям других наций и народов, нежели к своим соотечественникам. Это естественный отбор хулигана, нуждающегося в дешевом узкосоциальном «авторитете».

На наш взгляд, данный вопрос не требует углубленной теоретизации и выявления «особых» элементов хулиганства, совершаемого по экстремистским мотивам.

Возбуждение ненависти и вражды по экстремистским мотивам, согласно действующему законодательству Республики Таджикистан, является основным признаком ст. 189 УК РТ, которая находится в главе «Преступления против общественной безопасности». Аналогичная норма в УК РФ содержится в ст. 282 в главе «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Такое распределение родового объекта экстремизма носит условный характер. Однако разжигание розни и вражды по экстремистским мотивам по сравнению с нарушением прав и свобод граждан, совершенное по тем же мотивам, представляет собой более опасную форму экстремизма.

В этом смысле в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г., №11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» совершенно справедливо указано, что, «в отличие от предусмотренных главой 16 УК РФ насильственных преступлений против жизни и здоровья, совершаемых по

мотивам ненависти или вражды, насилие, применяемое при совершении преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, не только является выражением ненависти в отношении конкретного потерпевшего, но и направлено на достижение специальной цели – возбуждение ненависти или вражды в других людях» [102, с. 3-8].

В этом контексте следует подчеркнуть, что любое преступление экстремистского характера (или угроза его совершения) является прямым посягательством на права человека, что неизбежно приводит к подрыву конституционных основ межличностных отношений в обществе. Эта взаимосвязь носит причинно-следственный характер: когда государственные институты не справляются со своевременным и эффективным регулированием социальных, экономических, политических и культурных прав и свобод граждан, в обществе формируется благодатная почва для радикализации.

Такое бездействие создает угрозу основам конституционного строя, выражающуюся в публичных призывах к насильственному захвату власти, массовым беспорядкам и иным деструктивным действиям. В конечном счете эти внутренние угрозы и вызовы не только дестабилизируют общественную жизнь, но и ставят под угрозу безопасность государства, а следовательно, его территориальную целостность и суверенное существование как самостоятельного политического образования. Таким образом, экстремизм представляет собой многоступенчатую угрозу. Первоначально он посягает на права человека, нарушая межличностные отношения. В случае игнорирования или неэффективной профилактики, эта угроза перерастает в посягательство на общественный порядок и нравственность. Дальнейшая эскалация ведет к угрозе «основам конституционного строя и безопасности государства», и, в конечном итоге, может поставить под угрозу международный мир и безопасность человечества.

С учетом данной позиции, попробуем провести классификацию преступлений экстремистского характера по общим, видовым, родовым и

непосредственным объектам, а также, по дополнительным и факультативным объектам. На теоретическом и правовом уровне следует признать, что общеправовое понятие «экстремизм» (экстремистская деятельность) представляет собой совокупность преступлений и правонарушений экстремистского характера (с учетом экстремистских мотивов), закрепленных в диспозициях или соответствующих квалифицирующих частях статей КоАП РТ и УК РТ.

В УК РТ в качестве родового объекта преступлений экстремистского характера в статьях 104, 110, 111, 117 выступают жизнь и здоровье граждан, в ст. ст. 143, 157, 158, 160 – права и свободы человека и гражданина, в ст. ст. 237, 237(1), 242, 243 – общественный порядок и нравственность, в ст. ст. 185, 188, 189 – общественная безопасность, в ст. ст. 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) – основы конституционного строя и безопасности государства, и наконец, в ст. 398 УК РТ – мир и безопасность человечества.

В преступлениях против жизни и здоровья граждан, предусмотренных статьями 104, 110, 111 и 117 УК РТ, на примере статьи 110 УК РТ непосредственным объектом является здоровье граждан. Дополнительным объектом выступают конституционные права и свободы граждан. В качестве факультативного объекта может рассматриваться моральный и материальный вред, причинённый представителям других наций, народов, религий, рас, политических партий или общественных объединений по экстремистским мотивам. Деяния, предусмотренные статьями 143, 157, 158 и 160 УК РТ направлены против прав и свобод человека и гражданина. В этих случаях непосредственным объектом преступления выступают конституционные права и свободы граждан. В качестве дополнительного объекта может рассматриваться моральный и материальный вред, причиненный по экстремистским мотивам представителям других наций, народов, религий, рас или социальных групп.

В преступлениях против общественного порядка и нравственности, предусмотренных статьями 237, 237(1), 242 и 243 УК РТ, непосредственным

объектом выступает общественный порядок. Дополнительным основным объектом может быть здоровье человека. Факультативным основным объектом являются конституционные права и свободы граждан, а также моральный и материальный вред, причиненный по экстремистским мотивам представителям других наций, народов, религий, рас или социальных групп.

В преступлениях против общественной безопасности, предусмотренные в статьях 185, 188, 189 УК РТ непосредственным объектом выступает общественная безопасность, дополнительным основным объектом - имущественный и физический вред органам государственной власти и отдельных лиц, факультативным основным объектом выступают конституционные права и свобод граждан, моральный и материальный вред, причиненный представителям других наций народов (религий, расы, местности и т.д.) по экстремистским мотивам.

В преступлениях против основы конституционного строя и безопасности государства, предусмотренные ст. ст. 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) УК РТ непосредственным объектом выступает основы конституционного строя и безопасности государства, дополнительным основным объектом – конституционные права и свободы человека и гражданина, факультативным объектом – моральный вред, причиненный представителям других наций и народов (религий, расы, местности и т.д.) по экстремистским мотивам.

В преступлениях против мира и безопасности человечества по ст. 398 УК РТ непосредственным объектом выступает всеобщий мир и безопасность человечества, дополнительным основным объектом – жизнь и здоровье человека, факультативным основным объектом – конститутивные права и свободы граждан, а также моральный и материальный вред, причиненный представителям других наций народов (религий, расы, местности и т.д.) по экстремистским мотивам.

В силу того, что квалифицирующие признаки экстремистского характера в преступлениях против жизни и здоровья граждан (ст. ст. 104,

110, 111, 117 УК), общественного порядка и нравственности (237, 237(1), 242, 243 УК), общественной безопасности (ст. 185, 188, 189 УК) имеют материальный состав, за исключением статей 185, 189 и 237(1) УК РТ, у правоприменительных органов особых трудностей при их квалификации не возникает. Однако, объективные признаки статей 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3) УК РТ как преступлений экстремистской направленности находятся в «жесткой» конкуренции между собой, объективная сторона которых порой дублирует друг друга. В связи с этим необходимо провести всестороннее и углубленное рассмотрение данной проблемы, а также представить ее квалифицированную юридическую оценку. Такой подход позволит не только систематизировать существующие теоретические концепции, но и выявить пробелы в практическом применении норм. Это, в свою очередь, даст возможность разработать обоснованные рекомендации для совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Еще раз подчеркнем, что статьи УК РТ, в диспозициях которых прямо указаны экстремистские мотивы в качестве основного признака составов преступлений, формируют ядро всех преступлений экстремистского характера. Эти нормы служат фундаментальной правовой основой для борьбы с экстремизмом, поскольку они криминализуют наиболее опасные деяния. К ним относятся преступления, направленные на попрание прав и свобод граждан, разжигание ненависти и вражды, а также унижение чести и достоинства человека по экстремистским мотивам, имеющие публичный и демонстративный характер. Именно эти составы преступлений отражают ключевые угрозы для стабильности общества и безопасности государства, исходящие от экстремизма.

Отличительной чертой экстремизма, в первую очередь, является то, что он направлен на массовое восприятие его идеологии, который в итоге дезорганизует общество, приводит к насаждению ненависти и вражды на социальном уровне, к унижению чести и достоинства определенных групп, нарушению прав и свобод социальных групп по экстремистским мотивам,

угрожает безопасности государства и международной стабильности в целом. Наряду с порождением общей опасности, следующим отличительным признаком экстремизма является систематическое возбуждение ненависти и вражды на социальном уровне, напряженности в обществе. Экстремизм в собственном смысле слова проявляется на основе искаженной (не общепризнанной) идеологии с целью привлечения большого количества сторонников.

Игнорирование указанных обстоятельств приводит к тому, что к экстремизму порой относят любые действия, приведшие к беспокойству в социальной среде. Например, недовольство футбольных фанатов, беспорядки на концертах или системная и обоснованная критика органов власти.

Таким образом, отвечая на вопрос об отличительных признаках экстремизма, необходимо отметить, что экстремизм (экстремистская идеология):

- всегда рассчитан на порождение ненависти и вражды на социальном уровне;
- проявляется в публичных призывах и публичном распространении насильственной идеологии или же публичном унижении чести и достоинства определенных социальных групп, систематическом нарушении или ущемлении прав и свобод человека по экстремистским мотивам;
- религиозная, националистическая, политическая, расовая, местническая мотивация экстремизма, подчеркивающая его групповой и порою организованный характер.

Отсюда и вывод, что экстремизм в собственном смысле слова это публичное и систематическое распространение идеологии, насаждающей ненависть и вражду по религиозным, националистическим, политическим, расовым и местническим мотивам, угрожающее правам и свободам человека, общественному порядку и общественной безопасности, основам конституционного строя и безопасности государства, миру и международной безопасности.

Возвращаясь к характеристике экстремизма как самостоятельному составу преступления, следует определить основные признаки экстремизма, которые изложены, например, в ст. 189 УК Республики Таджикистан, то есть, «Действия, направленные на разжигание социальной, расовой, национальной, региональной, религиозной (конфессиональной) вражды или розни, унижение расового, национального, религиозного (конфессионального) или регионального достоинства, а также пропаганда исключительности и превосходства граждан по признаку их отношения к религиозной (конфессиональной), языковой, расовой, национальной или региональной принадлежности, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, или сетей электрической связи, в том числе Интернет, в течение года после применения административного наказания за такие же правонарушения».

Однако на наш взгляд, диспозиция данной статьи содержит излишние «детали», такие, как «региональные», «социальные» мотивы, а также «региональное достоинство», «региональная принадлежность». Такая формулировка усложняет содержание и суть состава преступления, не неся при этом дополнительной смысловой нагрузки и выглядят как типичная тавтология. Также для обозначения существенного признака экстремизма в диспозиции статьи использованы слова «вражда и рознь». По мнению специалистов, использование этих терминов в таком формате не приемлемо, так как рознь предполагает как вражду, так и ненависть. Однако определенная ненависть у человека постепенно может перерасти во вражду. Такой подход может служить основой для назначения справедливого наказания о том, «какое чувство испытывал виновный по отношению к определенной социальной группе – ненависть либо вражду» [118, с. 6].

Объективная сторона экстремизма тесно связана с его субъективной стороной. Эта связь имеется при совершении любого преступления, поскольку субъективная сторона порождает, направляет и регулирует объективную сторону преступления. «Будущая объективная сторона

преступления, – отмечает академик В.Н. Кудрявцев, – в идеальной форме складывается в сознании лица и затем в той или иной мере осуществляется в действительности. Выбор преступником объекта посягательства, времени, места совершения преступления и средств к достижению преступной цели определяет и объективную сторону его поведения. Объективная сторона служит практическим осуществлением преступных намерений субъекта. Особенно наглядно это видно в тех умышленных преступлениях, которые совершаются по заранее намеченному плану» [165, с. 12-14].

В связи с этим, важно рассмотреть понятие квалификации преступления, криминализации деяния и его дифференциации, поскольку уголовно-правовой характер деяний, упомянутых в названных статьях, весьма противоречив, соответственно, неэффективны с точки зрения науки уголовного права.

Профессор Л.Д. Гаухман определял квалификацию преступления как «процесс определения и юридического закрепления правильного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, установленными уголовным законодательством, а также иными нормативными правовыми актами, указанными в бланкетных диспозициях статей Особенной части Уголовного кодекса» [129, с. 18]. Но известный российский ученый, профессор А.В. Наумов справедливо добавляет, что «чрезмерный акцент на бланкетных критериях в положениях уголовного закона при квалификации преступных деяний в судебно-следственной деятельности создает существенные проблемы, поскольку практические работники вынуждены искать соответствующие правовые документы в других областях закона» [224, с. 66]. Относительно квалификации указанных преступлений экстремистской направленности в силу их бланкетного содержания А.А. Можегова справедливо отмечает, что «реализовать их требования, не прибегая к другим нормативным правовым актам, невозможно» [376, с. 20-34].

По сути, реальное понимание признаков, содержащихся в статьях 307(1), 307(2), 307(3) УК РТ и распознавание их в статьях 189 УК РТ и 307 УК РТ требует обращения к содержанию терминов «экстремистская деятельность», «преступления экстремистского характера», «экстремистская организация» и др., которые весьма расплывчато закреплены в Законе РТ «О противодействии экстремизму». Например, по поводу расплывчивости указанных юридических терминов и сложности отождествления содержания ст. 307 УК РТ от ст. 307(1) УК РТ отмечают видные отечественные ученые В.А. Абдухамитов [108, с. 169-170] и Н.А. Кудратов [363, с. 294].

В связи со сложностью уголовно-правовых границ составов преступлений экстремистского характера, существует не мало случаев, когда за систематическое публичное распространение экстремистской идеологии деяния виновных лиц квалифицировались по совокупности преступлений, предусмотренных ст. ст. ст. 187, 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3) УК РТ, а максимальное наказание назначалось виновным лицам до 25 лет лишения свободы [331, с. 101]. Однако за сам факт совершения акта терроризма по ч. 1 ст. 179 УК РТ, если не наступают тяжкие последствия, предусматривается наказание от 5 до 10 лет лишения свободы [36].

С этой точки зрения мы не являемся сторонниками чрезмерно бланкетных составов преступлений экстремистского характера. Под квалификацией преступления мы понимаем процесс вынесения обоснованного вывода об определении соответствующей статьи УК РТ, которая полностью соответствует признакам фактически совершенного и процессуально оформленного деяния.

Как справедливо в этой связи отмечает профессор А.И. Рарог, «Правильная квалификация преступлений, в том числе экстремистского характера, имеет большое юридическое значение, поскольку обеспечивает соблюдение принципов законности, вины, справедливости и гуманизма. Это значение выражается в следующем:

- позволяет отделить преступное деяние от других нарушений;

– является важным условием назначения законного и справедливого наказания, поскольку неправильная квалификация может привести к назначению наказания по статье УК РТ с более строгим или более легким наказанием;

– является основанием для дифференциации условий отбывания наказания в виде лишения свободы в зависимости от категории совершенного преступления;

– касается вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением от отбывания наказания, заменой наказания на более мягкое, переходом срока уголовной ответственности, возможностью освобождения от уголовной ответственности, применением или неприменением акта амнистии;

– обязательным условием является правильное применение многих уголовно-процессуальных положений (о подведомственности, процессуальных сроках, видах мер пресечения и т.п.)» [201, с. 12-13].

В этом контексте необходимо напомнить, что субъективные признаки статей 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) полностью тождественны друг другу, за исключением отдельных случаев, и их разграничение между собой возможно только по их объективным признакам. Таковую позицию поддерживают С.В. Борисов [340, с. 352], Д.И. Леньшин [369, с. 70] и другие ученые. С этой точки зрения одним из путей решения проблемы антиэкстремистского законодательства является обращение внимания на соотношение объективной стороны составов преступлений, предусмотренных статьями 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) УК РТ.

Объективная (внешняя) сторона статей 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3) УК РТ имеет следующие общие характеристики:

– эти преступления проявляются в публичных массовых призывах (189, 307, 307(1)) или организуются экстремистскими организациями (объединениями) (307(2), 307(3) УК РТ) с целью распространения

экстремисткой идеологии, вербовки и обучения новых членов (в 73,3% случаях);

- их составы являются формальными, независимо от последствий, они считаются оконченными с момента распространения таких призывов или организации экстремистского сообщества;

- такие призывы и пропаганда осуществляется в основном через средства массовой информации, современные телекоммуникационные технологии, в том числе через Интернет (в 85% случаях) и иными способами (на собраниях, в мечетях и других общественных местах до 15%);

- эти преступления могут быть совершены группой лиц без предварительного либо с предварительным согласованием (в более 33,3% случаях);

- совершаются повторно или в случае опасного и особо опасного рецидива (в более 5% случаев);

- совершаются организованной экстремисткой организацией (объединением) или экстремистской группой;

- совершаются с участием несовершеннолетних или иных лиц (0,1%);

- осуществляются скрытно (в узком кругу, с вымышленными именами и фотографиями на интернет-сайтах) или открыто (с прямым представлением своей личности).

То есть, по признакам объективной стороны преступления, предусмотренными статьями 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3) УК РТ в 73,3% могут быть схожи между собой [См.: Приложение №1].

В связи с этим возникает вопрос о том, что если субъективные и объективные признаки преступных посягательств обычно соответствуют друг другу, то насколько оправдано с точки зрения уголовно-правовой доктрины выделение отдельных составов преступлений, если речь идет об одном и том же деянии?

Из содержания Модельного закона стран-участников СНГ «О противодействии экстремизму» [76], антиэкстремистского законодательства

Таджикистана [64] и России [78] вытекает, что понятие «экстремистская деятельность» в пяти пунктах содержит элементы публичного (идеологического) характера экстремизма. Еще в пяти пунктах - о религиозных, расовых, националистических, языковых мотивах возбуждения вражды и ненависти, так же ущемления и унижения честь и достоинства человека, в двух случаях - о подготовке и распространении экстремистских материалов и нацистской атрибутике. Если объединить разрозненные признаки экстремизма в единое целое, то можно увидеть относительно самостоятельное содержание экстремизма как целостной правовой категории.

Такую позицию разделяет и М.П. Хайдарзода, при обобщении результатов проведенного им социологического опроса, проведенного среди широкого круга практических работников (судей, следователей и оперативных работников). На вопрос «Находится ли содержание ст. 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3) УК РТ в состоянии непреодолимой конкуренции?», положительно ответили 54,4% респондентов, отрицательно – 18,8% и затруднились ответить 30,2%. На вопрос «Поддерживаете ли вы инициативу об объединении статей 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) УК РТ в пределах одной самостоятельной, но с дифференцированным составом преступления под названием «Экстремизм»?», положительно ответили 51,2%, отрицательно – 27,6% и затруднились ответить 21,2% респондентов [409, с. 219].

Изученные нами уголовные дела данной категории показывают, что в 85% случаях преступления, предусмотренные статьями 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) УК РТ совершаются через изучение экстремистской информации в онлайн-социальных сетях и последующего её распространения либо одобрения в публичном виртуальном пространстве среди неограниченного количества лиц.

В силу своей восприимчивости, молодежь становится легкой добычей для религиозно-экстремистской пропаганды. Они посещают экстремистские

онлайн-ресурсы, постепенно попадая под влияние разрушительных идей, становясь приверженцами этих взглядов, анонимно распространяют соответствующие материалы, проявляют интерес к деятельности экстремистских и террористических группировок в отдельных случаях принося им клятву верности. Поэтому в последние годы более 73,3% таких деяний квалифицируются по ч. 2 ст. 307(3) УК РТ. Однако, неоднозначная, а порой противоречивая судебно-следственная практика обязывает нас глубже вникнуть в данную проблему.

Например, гражданин Г., который при совершении пятничной молитвы в одной из мечетей Ленинского района (р/н Сомони) в присутствии более 1800 лиц публично призывал прихожан наравне с убитыми офицерами и солдатами силовых структур (которые были убиты членами террористической группировки «Исламское государство»), так же прочитать молитву и о террористах, которые были убиты в ходе проведения контртеррористической операции [488]. Действия указанного лица были квалифицированы по ч. 1 ст. 189 УК РТ и ст. 179(3) УК РТ. Однако, с учетом требований ч. 4 ст. 20 УК РТ, при конкуренции общей и специальной нормы предпочтение отдается специальной норме. Например, при посягательстве на жизнь и здоровье общественного или государственного деятеля, преступное деяние квалифицируется только по ст. 310 УК РТ, а не по совокупности со ст. 104 УК РТ. Поэтому, на наш взгляд, было бы правильнее квалифицировать указанное деяние только по ст. 179(3) УК РТ (Публичные призывы к совершению преступлений террористического характера и (или) публичное оправдание террористической деятельности).

В другом случае, гражданин Н. в 2019-2020 годах, используя анонимный псевдоним «Хатаб.0001» в социальных сетях систематически распространял экстремистско-террористические материалы, в том числе своему другу, гражданину Э. За эти действия приговором суда района Сино г. Душанбе он был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 189 УК РТ [489].

В более организованной форме совершают аналогичные преступления граждане Р. и М. Так, в 2015 году гражданка Р. под влиянием и руководством своего мужа гражданина М. в социальной сети «Вотсап» открывает группу под названием «Хохарони Боифат» и добавляет более 10 женщин, периодически размещая экстремистские материалы религиозного характера (брошюры, книги, видео, аудио и т.д.). данные материалы содержали явно экстремистские идеи, например «Остерегайся уклоняться от джихада» («Аз фирор кардан, аз чиход бо хазар бош») [490]. Суд р/н Сино г. Душанбе деяния гражданки Р. квалифицировал по ч. 1. ст. 307 УК РТ. Выходит, что в одних случаях одни и те же деяния приобретают элементы состава преступления по ч. 1 ст. 189 УК РТ, а в других – по ч. 1. ст. 307 УК РТ.

В третьем эпизоде гражданин Б. на платформе социальных сетей «Ютуб» находит информацию об использовании программы «Zello», устанавливая ее, регистрируется под псевдонимами «Ахмад» и «Абумухаммад», активно слушая и находя многочисленных единомышленников. Так же открывает аккаунт под псевдонимом «Абубилол 7979» и «Билол 11.12.» на фоне флага «Исламского государства». Далее подписывается на канал «Путь к Исламскому государству» и другие экстремистско-террористические каналы, одновременно с этим, сохраняя и распространяя экстремистские призывы активных членов «Исламского государства», в том числе, материалы модераторов канала «Путь к Исламскому государству», «Абу Усами Нораки», «Шахомад», «Алишер» и др. Так, на канале «Путь к Исламскому государству» систематически осуществлялись призывы и распространялись идеи о том, что «жители Таджикистана, не совершающие Хадж, намаз, не держащие рузу являются кафирами» и «те, кто поддерживают государственную власть и ведут демократический образ жизни являются также муртадами (кафирами)», затрагивались честь и достоинство шиитов и т.д., велась активная пропаганда о том, что тем, кто в течении 24 часа распространит эти материалы, будет считаться совершившим джихад по Интернету. На созданном личном канале

гражданин Б. разместил 24 материала религиозно-экстремистского характера, в том числе, о запрещении празднования Нового года, Навруза, 8 марта и других национальных и светских праздников [482]. В результате, действия гражданина Б. были квалифицированы по ч. 2 ст. 307(3) УК РТ.

В рамках судебно-следственной практики встречаются немало случаев, когда схожие преступные действия виновных лиц квалифицировались по совокупности ст. ст. 187, 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) УК РТ.

Получается, что в одних случаях почти схожие действия были квалифицированы по ст. 307(1) УК РТ, а в других – по ч. 2 ст. 307(3), или же по ч. 1 ст. 189 УК РТ и ст. 179(3) УК РТ по совокупности, что подтверждает нашу позицию о размытости уголовно-правовых границ статей 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) и ст.179(3) УК РТ.

Так, в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан от 12 июня 2014 г., №2 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел экстремистской направленности», можно выявить ряд существенных пробелов, требующих неотлаженного рассмотрения.

Во-первых, в тексте постановления речь идет об утратившем силу Законе РТ «О борьбе с экстремизмом» 2003 года, а не о действующем Законе РТ «О противодействия экстремизму» 2020 года.

Во-вторых, в пункте 17 постановления по не совсем понятным аргументам «если экстремистское сообщество создано в результате объединения двух или более устойчивых групп, то действия виновных подлежат квалификации по статьями 187 и 307(2) УК» [100, с. 490], что грубо нарушает требования ч. 4 ст. 20 УК РТ, согласно которой, при конкуренции общей и специальной норм, предпочтение отдается специальной норме [36]. Здесь ст. 307(2) УК РТ по соотношению к ст. 187 УК РТ выступает как специальная норма, вот почему с 2014 по 2019 годы во многих случаях правоприменительные органы одно преступление квалифицировали по нескольким нормам УК РТ, которые предусматривают уголовную

ответственность за организованные проявления экстремизма [См.: Приложение №4.1-4.7].

В-третьих, в постановлении Пленума Верховного Суда нет обоснованной рекомендации при конкуренции ст. ст. 307 УК РТ, 307(1) УК и ст. 307(2) и 307(3) УК РТ. Также умалчивается о соотношении административно-правовой (ст. 462(1) КоАП РТ) и уголовно-правовой (ст. 189 УК РТ) природе экстремизма.

Единственным положительным моментом данного постановления можно считать требование пункта 10, в котором отмечается, что «высказывание суждений и умозаключений, использующих факты международных или иных социальных отношений в научных или политических дискуссиях и текстах и не преследующих цели возбудить национальную, расовую, местническую или религиозную вражду или рознь, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности граждан по признаку их отношения к религии, национальной, расовой или местнической принадлежности не является преступлением» [101, с. 488].

Следует отметить, что десятилетний анализ уголовной статистики вышеуказанных статей в силу размытости их уголовно-правовых границ и соответственно, ограниченности понимания их содержания следственно-судебными органами показывает, что с 2013 по 2016 годы в большинстве случаях деятельность лиц, пропагандирующих религиозно-экстремистские идеи тайным или открытым путем квалифицируются по ч. 2 ст. 187 и ч. 1 ст. 307 УК РТ. Например, в 2013 году действия 52,63% таких лиц квалифицировались по ч. 2 ст. 187 УК РТ и 26,31% по ч. ст. 307 УК РТ. При этом деяния 41,17% виновных лиц квалифицировались по одной статье УК РТ (в диаграмме – КВ (Н) 1). По двум статьям – 21,17% (в диаграмме – КВ (Н) 2) и трём статьям – 34,11% УК РТ (в диаграмме – КВ (Н)).

За указанный год число зарегистрированных преступлений экстремистского характера по ч. 2 ст. 307(3) УК РТ составляют всего 7,89%.

В диаграмме № 1 показано соотношение возбужденных уголовных дел по совокупности преступлений экстремистского характера за 2013 год.

Диаграмма № 1.

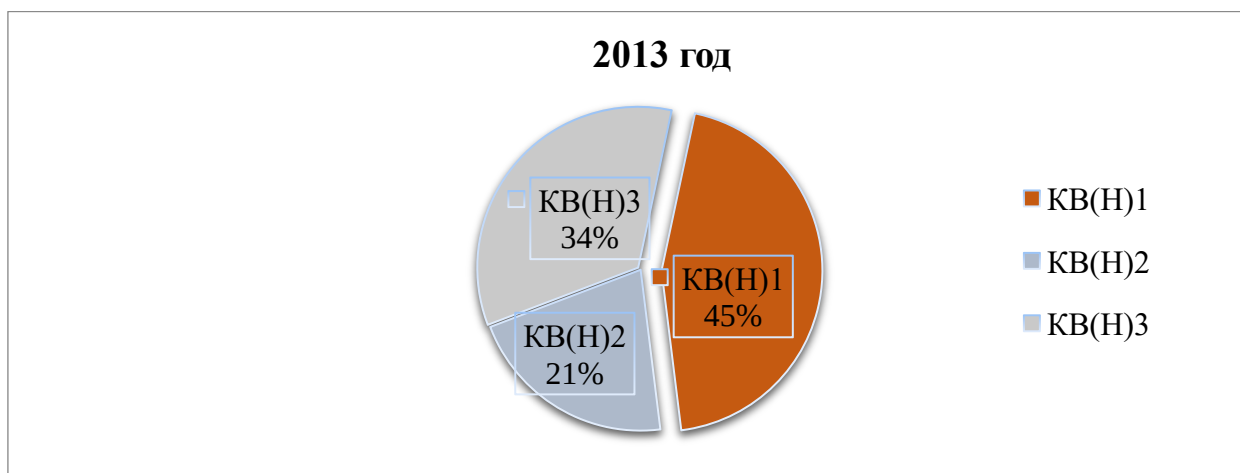

Таблица № 1.

№ р/г	2013 год	%
1	Статья 185 УК РТ	5,26
	часть 1	
	часть 2	
2	Часть 2 статьи 187 УК РТ	52,63
3	Часть 1 статьи 188 УК РТ	2,63
4	Часть 2 статьи 189 УК РТ	2,63
5	Статья 307 УК РТ	26,31
	часть 1	
	часть 3	
6	Часть 2 статьи 307(1) УК РТ	2,63
7	Часть 2 статьи 307(3) УК РТ	7,89

Однако картина квалификации деяния виновных лиц по совокупности преступлений за проявления экстремизма и терроризма постепенно видоизменяется. Так, к 2024 году 91% деяний виновных лиц квалифицируются только по одной статье, в том числе, по ч. 2 ст. 307(3) УК РТ – 87,5% всех преступлений экстремистского и террористического характера. Более подробно смотрите на диаграмму № 2.

Диаграмма № 2.

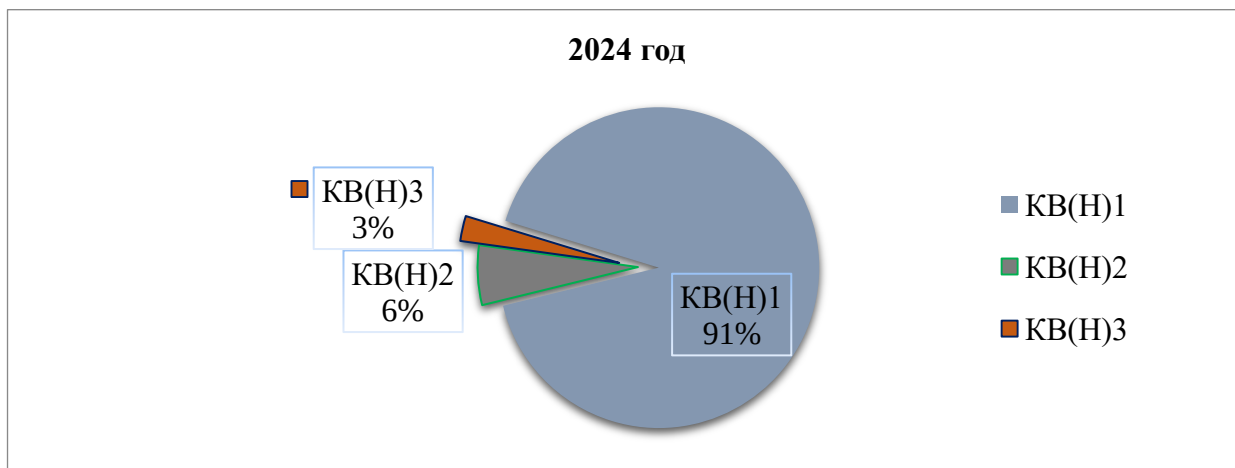

Таблица № 2.

№ р/г	2024 год	%
1	Часть 1 статьи 179 УК РТ	0,15
2	Статья 179(1) УК РТ	0,31
	часть 1	
	часть 2	
3	Статья 179(2) УК РТ	5,93
	часть 1	
	часть 2	
4	Часть 2 статьи 182 УК РТ	0,07
5	Часть 2 статьи 187 УК РТ	0,39
6	Статья 189 УК РТ	0,39
	часть 2	
	часть 3	
7	Статья 193 УК РТ	0,23
	часть 2	
	часть 4	
8	Статья 307 УК РТ	0,71
	часть 1	
	часть 2	
9	Статья 307(1) УК РТ	2,05
	часть 2	
	часть 3	

10	Статья 307(2) УК РТ	0,39
	часть 2	
	часть 3	
11	Статья 307(3)	87,5
	часть 1	
	часть 2	
12	Часть 1 статьи 307(4) УК РТ	0,15
13	Статья 401 УК РТ	0,31
14	Часть 1 статьи 401(1) УК РТ	1,34

В этом контексте следует особо подчеркнуть об изменении позиции судебно-следственных органов при практическом применении ст. 185, ч. 2 ст. 187, ст. ст. 189, 307 УК РТ по соотношению к ст. ст. 307(1), 307(2), ч. 2 ст. 307(3) УК РТ, так как в 2014 году они составляли основную долю всех преступлений экстремистского и террористического характера.

Например, в 2014 году в процентном соотношении они составляли: ст. 185 – 23,37%, ст. 189 – 16,88%, ч. 2 ст. 187 – 19,48%, 307 – 15,58%, а по ст. ст. 307(1) – 1,29%, ч. 2 ст. 307(3) – 12,98% составляли всего 14% всех преступлений экстремистского характера.

Начиная с 2015 года, возрастает количество преступлений, квалифицированных по ст. 307(3) – 10,98% по сравнению со ст. 187 – 20,80%, 189 – 4, 62% и 307 – 42,19% УК РТ.

Уже в 2017 году в процентном соотношении указанные преступления выглядят следующим образом: ст. 307.3 – 40,74% по сравнению со ст. 187 – 8,06%, 189 – 4, 13% и 307 – 31,15%.

Начиная с 2018 года ситуация по квалификации вышеуказанных преступлений резко видоизменяется и выглядит уже следующим образом: ст. 307(3) – 48,67% по сравнению со ст. 187 – 1,06%, 189 – 9,13% и 307 – 5,15%.

Такая ситуация связана с тем, что правоприменительные органы приобрели большой опыт в этом направлении и поняли, что одно и то же деяние нельзя квалифицировать по нескольким статьям УК РТ. Более того,

большинство специалистов поняли, что ст. ст. 189, 307, 307(1) УК РТ дублируют друг друга. Почти аналогичная ситуация имеет место быть и со ст. ст. 187, 307(2), 307(3) УК РТ. Поэтому, на наш взгляд, ни коим образом нельзя одно деяние квалифицировать по нескольким статьям УК РТ.

Уже в 2020 году 74,94% всех преступлений экстремистского характера квалифицировались по ч. 2 ст. 307(3) УК РТ, а по ст. ст. 187 – 1,83%, 189 – 8,50%, 307 – 4,13%, 307(1) – 0,68%, 307(2) – 1,14% [См.: Приложение №4.8].

Указанный анализ так же подтверждает нашу позицию относительно несостоятельности уголовно-правовых признаков преступлений экстремистского характера, в связи с чем, нами предлагается систематизация таких деяний в пределах одной самостоятельной статьи УК РТ.

В этом контексте следует отметить, что в науке уголовного права понятия «криминализация» и «дифференциация уголовной ответственности» рассматриваются в тесной связи. В частности, «криминализацию часто рассматривают как метод уголовной политики» [174, с. 128], а «дифференциацию ответственности как разделение ответственности на все важнейшие институты уголовного права в целях достижения целей принципов законности, равенства перед законом и справедливости. Дифференциация преступных деяний включает в себя процесс определения степени опасности преступлений разных категорий, применение специальных юридически и социально обоснованных признаков, комплексный перечень отягчающих ответственность обстоятельств» [362, с. 23].

Мы поддерживаем позицию профессора Н.А. Лопашенко о дифференциации уголовной ответственности по поводу того, что «увеличение количества санкций наказаний и частей уголовного закона является положительным явлением и представляет собой степень дифференциации уголовной ответственности за конкретное уголовное деяние. Здесь главное правило заключается в том, что чем больше в статье предусмотрено ответственности за конкретное деяние, тем больше степень

дифференциации уголовной ответственности соответствует принципу справедливости» [362, с. 23].

С учетом данной позиции следовало бы рассмотреть соотношение статей 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3) с целью объединения общих признаков субъективной и объективной стороны в рамках самостоятельной статьи под названием «Экстремизм» или хотя бы двух статей, о котором речь пойдет в следующем параграфе нашего исследования. Итак, из расчета 500-1000 зарегистрированных преступлений экстремистского характера за каждый год за последние 10 лет (в основном по статьям 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) УК РТ) доля ч. 2 ст. 307(3) УК РТ составляет 73,3%. Доля других статей УК РТ в этот период составляет по ст. 189 – 5,1%, 307 – 4,9%, 307(1) – 10%, 307(2) – 6,6%, 307(4) – 0,1%. При этом прослеживается рост уголовной статистики с каждым годом на уровне 10-13% [См.: Приложение №4.1-4.12].

Это означает, что во-первых, одними уголовно-правовыми методами борьбы с идеологией и практикой экстремизм победить невозможно, необходимо искать более гибкий и дифференцированный подход по системному реагированию на все проявления экстремизма в зависимости от их административно-правового и уголовно-правового содержания.

Во-вторых, идеологическую основу ст. 307(3) УК РТ составляют ст. ст. 189, 307, 307(1) УК РТ без учета которых практически невозможно квалифицировать деяния виновных лиц по ст. 307(3) УК Республики Таджикистан, так как привлечение других лиц к деятельности экстремистской организации (объединения) осуществляется путем пропаганды, вербовки или обучения экстремистским взглядам других лиц.

В-третьих, на современном этапе развития тактики и методики экстремистской деятельности, вербовка молодежи осуществляется путем непосредственных или публичных призывов, либо осуществления учебы религиозно-экстремистского характера, в том числе, по Интернету.

На основе проведенного анализа параграфа, мы считаем полезным в целях совершенствования теоретико-правовых основ борьбы с экстремизмом сделать следующие выводы и представить свои предложения:

1. В науке уголовного права относительно уголовно-правовой природы деяний экстремистского характера в связи с отсутствием научно обоснованных суждений, касающихся границ правовых терминов «экстремистская деятельность», «экстремистское объединение», «экстремистская организация», «преступления экстремистского характера» и др. общепризнанной научно-теоретической позиции не выработано.

2. Наука уголовного права и концептуальные документы регионального и международного характера подтверждают, что только экстремистские мотивы (политические, религиозно-сектантские, националистические, расистские, сепаратистские) выступают в качестве основных признаков субъективной стороны всех преступлений экстремистского характера.

3. За последние 10 лет (в основном по статьям 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) УК РТ) доля ч. 2 ст. 307(3) УК РТ составляет 73,3%. Доля других статей УК РТ в этот период составляет: по ст. 189 – 5,1%, 307 – 4,9%, 307(1) – 10%, 307(2) – 6,6%, 307(4) – 0,1%. Однако идеологическую основу ст. 307(3) УК РТ составляют ст. ст. 189, 307, 307(1) УК РТ, без учета которых практически невозможно квалифицировать деяния виновных лиц по ст. 307(3) УК РТ, так как привлечение других лиц к деятельности экстремистской организации (объединения) осуществляется путем пропаганды, вербовки или обучения экстремистским взглядам других лиц. На современном этапе развития тактики и методики экстремистской деятельности вербовка молодежи осуществляется путем непосредственных или публичных призывов, либо осуществления учебы религиозно-экстремистского характера, в том числе и по Интернету.

4. Основное содержание объективной стороны экстремизма составляют публичные призывы, разжигание розни и вражды тайным или открытым

способом с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе, по Интернету (более 95%).

5. Признаки объективной и субъективной стороны ч. 1 ст. ст. 189, 307, 307(1) УК РТ породили определенную правовую коллизию и неоднозначную правоприменительную практику и статистического учета преступлений экстремистского характера.

6. Указанная проблема требует комплексной оценки, изучения судебно-следственного опыта, научной проработки и глубокого совершенствования признаков преступлений, предусмотренных статьями 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) УК РТ.

2.3. Совершенствование системы уголовно-правовых признаков экстремизма в Республике Таджикистан

В рамках данного параграфа нами проведен всесторонний анализ нормативных положений, закрепленных в статьях 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3) УК РТ. Основной целью этих норм является правовая регламентация и последовательная имплементация механизмов уголовно-правового воздействия в отношении всех форм и проявлений экстремистской деятельности. Данный анализ базируется на ключевых принципах уголовного права, и, прежде всего, на доктрине состава преступления и на законодательно установленных основаниях для привлечения виновного лица к уголовной ответственности.

Исходя из требований ст. 11 УК РТ вытекает вывод о том, что правовым основанием для уголовной ответственности является «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Данное положение выступает в качестве базового принципа, обеспечивающего соблюдение законности. Дополнительно, в ч. 1 упомянутой статьи подробно регламентируются фундаментальные основы квалификации преступления, что имеет исключительное значение для

точного и корректного определения правовой природы деяния в процессе правоприменительной деятельности.

В ч. 1, 2, 3 ст. 11(1) УК РТ представлены ключевые принципы квалификации преступления, устанавливающие, что если уголовно-правовая норма изложена двусмысленно, то толкование должна осуществляться в пользу обвиняемого. Так же понятия, используемые в УК РТ и других отраслевых законах должны иметь одинаковое значение [36].

По существу, упомянутые требования обуславливают императивный характер применения строгих правил законодательной техники в уголовном праве. Соблюдение этих правил является фундаментальным условием для создания эффективных и справедливых правовых норм. В частности, они должны неукоснительно соблюдаться при формулировании признаков экстремизма в качестве самостоятельного состава преступления, что критически важно для защиты прав и свобод граждан. Однако конструктивные признаки ст. ст. 307(1), 307(2), 307(3) УК РТ, основанные на базе специального антиэкстремистского закона республики не заслуживают доверия ученых и правоприменителей.

Однозначное понимание и последующее разграничение указанных правовых норм становится крайне сложной задачей ввиду существенного терминологического разнобоя, который пронизывает все антиэкстремистское законодательство.

Данная проблема выражается в отсутствии последовательного и унифицированного подхода к определению содержания и сущности таких фундаментальных понятий, таких, как «экстремизм», «экстремистская деятельность», «экстремистское сообщество», «экстремистская организация», а также ряда других терминов, имеющих тождественный или смежный характер. В результате, при квалификации деяний и применении соответствующих норм, юридическая практика сталкивается с серьезными трудностями [334, с. 8-18; 409, с. 17].

Диспозиция статьи 307(1) УК РТ, которая устанавливает ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма, в редакции Закона РТ «О внесении изменений и дополнений в УК РТ» от 14 ноября 2016 г., №1359, сформулирована как «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и (или) публичное оправдание экстремизма». При этом в диспозиции и примечании к этой статье отсутствуют определения понятий «экстремистская деятельность» и «экстремизм». Для квалификации деяния правоприменительным органам необходимо обращаться к нормам специального Закона РТ «О противодействии экстремизму», который раскрывает содержание и сущность данных терминов.

В юриспруденции допустим и вполне приемлем такой подход, и по оценкам специалистов, более 65% составов преступлений в Особенной части Уголовного кодекса являются бланкетными [264, с. 32], которые для правильной квалификации преступлений требуют обращения к другим нормативным правовым актам.

По утверждению И.Х. Бободжонзода и Н.А. Кудратова, многообразие бланкетных норм УК РТ могут приводить к ошибкам в их применении. Поэтому правоприменительные органы должны хорошо ориентироваться и в других отраслях права, конкретизирующих содержание бланкетных норм УК РТ. Такие органы «должны найти соответствующую норму и указать на неё в постановлении о привлечении к ответственности, обвинительном заключении или приговоре» [264, с. 35].

Однако Закон РТ «О противодействии экстремизму» содержит три взаимозаменяемых термина, которые призваны определять один и тот же феномен. Таковыми являются понятия «экстремизм», «экстремистская деятельность» и «деятельность, которая в Республике Таджикистан считается экстремистской». Это создает не только терминологическую избыточность, но и серьезные проблемы законодательной техники. В частности, эти термины дублируют друг друга, а их дефиниции содержат элементы,

нехарактерные для классического понимания экстремизма. При этом, что не менее важно, в них отсутствуют некоторые существенные признаки экстремизма. Все эти факторы в совокупности значительно усложняют процесс точной и единообразной квалификации преступлений экстремистской направленности.

На этом фоне выглядит вполне оправданной позиция отечественных ученых И.Х. Бобочонзода, Н.А. Кудратов о том, что «при квалификации преступлений, в первую очередь необходимо уделять особое внимание критериям оценки только тех признаков, которые зафиксированы в диспозиции норм УК РТ» [265, с. 17]. Авторы отмечают также, что «Признаками уголовно-правовой оценки являются правовые категории и термины, используемые в нормах уголовного права, требующие дополнительных разъяснений и уточнений в процессе применения закона» [265, с. 17].

Бесспорно, что позиция авторов о решении указанной проблемы путем разработки четких стандартов, которые помогут судам и другим правоохранительным органам более точно толковать критерии оценки, формирование единой судебной практики и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов в части анализа и применения оценочных концепций, заслуживает доверия и признания. Ведь зачастую исследователи заявляют о сложности бланкетных норм в уголовном праве. Например, М.П. Хайдарзода отмечает, что «понятие «экстремистская деятельность», которое было определено в старом Законе РТ «О борьбе с экстремизмом» путем перечисления ряда конкретных деяний, уточнял содержание экстремистских преступлений, например таких, как уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 242 УК РТ), надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 243 УК РТ), хулиганство (ст. 237 УК РТ), вандализм (ст. 237(1) УК РТ). В дальнейшем их перечень, наряду с другими преступлениями экстремистского характера нашли свое отражения и в ст. 307(2) УК РТ. Однако, в новом

Законе РТ «О противодействии экстремизму» содержание вышеуказанных статей как проявления экстремизма не признавались, и наоборот, путем расширительного толкования понятия экстремизма, «диверсия», «вооруженный мятеж» и ряд других террористических проявлений были отнесены к разряду преступлений экстремистского характера [409, с. 48].

Однако согласно пункту 50 статьи 3 Проекта нового Уголовного кодекса Республики Таджикистан, к экстремистским преступлениям относятся такие статьи, как:

- ст. 175 (Финансирование экстремистской или террористической деятельности и иное пособничество экстремизму или терроризму);
- ст. 176 (Вербовка, подготовка или вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремистской деятельности);
- ст. 177 (Прохождение террористической или экстремистской подготовки);
- ст. 184 (Организация, руководство незаконным военизированным формированием, а равно участие в нем);
- ст. 344 (Пропаганда или публичные призывы к захвату или удержанию власти, а равно захват или удержание власти, либо насильственное изменение конституционного строя Республики Таджикистан или сепаратистская деятельность);
- ст. 345 (Вооруженный мятеж);
- ст. 346 (Создание, руководство экстремистской группой, организацией или сообществом, их координация либо участие в их деятельности);
- ст. 347 (Публичные призывы к экстремизму или оправдание экстремизма, либо организация обучения религиозно-экстремистского характера);
- ст. 348 (Диверсия);
- ст. 392 (Создание, руководство и участие в деятельности незаконных общественных и других объединений);

– ст. 393 (Организация и участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо иной организации после решения суда о запрете их деятельности или ликвидации в связи с осуществлением ими экстремизма или терроризма).

Анализ указанных статей свидетельствует о существенном расхождении между нормами проекта Уголовного кодекса Республики Таджикистан и положениями международного и регионального права. В частности, такие деяния, как Диверсия (ст. 348), Вооруженный мятеж (ст. 345) и Организация и руководство незаконным военизированным формированием (ст. 184) не квалифицируются в международном законодательстве как проявления экстремизма. Эти действия, по своему характеру и масштабам более тесно связаны с терроризмом, нежели чем с экстремизмом. В то время, как экстремизм часто определяется через идеологию и публичные призывы. Диверсии же и вооруженные мятежи представляют собой прямые акты насилия, направленные на дестабилизацию государственного строя. Таким образом, подобная законодательная практика ведет к смешению понятий и усложняет квалификацию преступлений в соответствии с международными стандартами.

Сущность экстремизма в собственном его смысле содержит приблизительно следующие статьи нового Проекта УК РТ: ст. 344 (Пропаганда или публичные призывы к захвату или удержанию власти, а равно захват или удержание власти либо насильственное изменение конституционного строя Республики Таджикистан или сепаратистская деятельность), ст. 346 (Создание или руководство экстремистской группой, организации или сообществом, или координации либо участие в их деятельности), ст. 347 (Публичные призывы к экстремизму или оправдание экстремизма либо организация учебы религиозно-экстремистского характера), ст. 392 (Создание, руководство и участие в деятельности незаконных общественных и других объединений), ст. 393 (Организация и участие в деятельности общественного или религиозного объединения либо

иной организации после решения суда о запрете их деятельности или ликвидации в связи с осуществлением ими экстремизма или терроризма).

Тем не менее, в проекте нового УК РТ предпринята попытка восполнить этот пробел, хотя и косвенно. Так, в ст. 154 (Нарушение равноправия человека и гражданина) главы 20, которая касается преступлений против конституционных прав, содержится определение дискриминации, полностью соответствующее международным стандартам. Формулировка статьи прямо указывает на запрет «прямого или косвенного нарушения или ограничения прав и свобод человека и гражданина в зависимости от национальности, расы, места происхождения, пола, языка, отношения к религии, политических убеждений, социального, служебного или имущественного положения, образования, гражданства, а также других обстоятельств, которые могут быть основанием для дискриминации».

Это свидетельствует о том, что хотя законодатель и осознает важность борьбы с дискриминацией, он пока не включил ее напрямую в статьи об экстремизме, предпочитая рассматривать ее как отдельное преступление [39].

В статьях 344 и 347 нового проекта УК РТ действительно закрепляются признаки современного экстремизма, которые составляют его идеологическую основу. В то же время, статьи 346, 392 и 393 криминализируют организованные формы его проявления в составе групп, экстремистских организаций, сообществ, а также общественных или религиозных объединений. Такое разделение показывает попытку законодателя структурировать составы преступлений по их характеру. Однако, исходя из содержания понятия «экстремистская деятельность», закрепленного в Законе РТ «О противодействии экстремизму», возникает правовая коллизия: статья 347, по сути, полностью охватывает содержание статьи 344. Согласно требованиям статьи 11(1) УК РТ, при квалификации преступлений данной категории всегда отдаётся предпочтение норме, которая смягчает положение виновного или осужденного. Таким образом, дублирование составов может привести к неоднозначной

правоприменительной практике и, потенциально, к применению менее строгой меры наказания, что противоречит цели эффективной борьбы с экстремизмом [36].

Анализ диспозиций статей 346, 392 и 393 нового проекта УК РТ показывает, что они регулируют, по сути, одни и те же общественно опасные деяния. Эти нормы криминализируют организованные формы экстремизма, связывая их либо с деятельностью экстремистских организаций и сообществ, либо с общественными и религиозными объединениями экстремистского характера. Такой подход законодателя создает избыточность, поскольку независимо от характера (религиозного, политического или общественного), большинство экстремистских групп и сообществ по решению Верховного Суда Республики Таджикистан признаются и запрещаются как экстремистско-террористические организации. Таким образом, новый проект Уголовного кодекса подтверждает отсутствие дифференцированного подхода к криминализации организованных форм экстремизма. Вместо того, чтобы четко разграничить составы преступлений, законодатель использует несколько статей для описания одного и того же феномена, что может привести к коллизиям в правоприменительной практике и снизить ее эффективность.

Далее, в новом проекте УК РТ прослеживается аналогичный подход к законодательному закреплению организованных форм преступной деятельности. Он проявляется в множественности статей, которые, по сути, регулируют схожие деяния: ст. 179 (Создание и руководство организованной группой, преступной организацией, а равно участие в ней); ст. 180 (Создание и руководство преступным сообществом, а равно участие в нем); ст. 181 (Создание и руководство транснациональной организованной группой, транснациональной преступной организацией, а равно участие в ней); ст. 182 (Создание и руководство транснациональным преступным сообществом, а равно участие в нем).

Такое дублирование составов приводит к терминологической и правовой избыточности. Отсутствие четких критериев разграничения между этими статьями может создать серьезные сложности в правоприменительной практике, поскольку квалификация преступлений будет зависеть от множества факторов, а не от однозначных законодательных норм. Это подтверждает общий вывод о недифференцированном подходе законодателя, который ранее был сделан в отношении статей, касающихся экстремизма.

На наш взгляд, было бы целесообразнее унифицировать и предусмотреть в пределах одной статьи квалифицирующие признаки, зависящие от тяжести деяния. Это позволило бы соблюсти принцип дифференциации уголовной ответственности и одновременно избежать избыточного дублирования норм. Поскольку во всех перечисленных случаях речь идет об организованных формах преступной деятельности, их следует систематизировать в соответствующих частях одного самостоятельного состава преступления. Раздувание норм уголовного законодательства до уровня бесконечности не только усложняет критерии квалификации преступлений, но и создает правовые коллизии. Это, в свою очередь, открывает возможности для злоупотреблений со стороны правоприменительных органов и прямо нарушает принцип справедливости в уголовном праве. Вместо четких и однозначных норм, такая практика порождает правовую неопределенность, что негативно сказывается на эффективности правосудия.

Следует отметить, что в п. 50 ст. 3 проекта нового УК РТ используется термин «экстремистские преступления», что противоречит сложившейся в науке, законодательстве и правоприменительной практике концепции. Более корректным является термин «преступления экстремистского характера». Первый термин подразумевает самостоятельную, жестко ограниченную категорию преступлений, в то время как второй, более широкий, отражает лишь их характерную направленность, что лучше соответствует природе этих деяний. Использование неточного термина создает правовую

неопределенность и может привести к расширительному толкованию. Кроме того, в ст. ст. 175, 176 и 177 проекта нового УК РТ одновременно упоминаются и экстремизм, и терроризм. С точки зрения науки уголовного права, такой подход недопустим. Эти два проявления строго разграничены в силу формальных уголовно-правовых границ. В криминологическом плане совместное изучение этих явлений может быть оправдано, но на законодательном уровне их объединенное использование создает серьезные проблемы. Методы проявления экстремизма и терроризма существенно отличаются друг от друга, что обуславливает разный характер их общественной опасности. Стирание смысловых границ между преступлениями экстремистского и террористического характера делает невозможной точную и обоснованную квалификацию деяний, что прямо влияет на справедливость правоприменения.

Следует отметить, что согласно логике Закона РТ «О противодействии экстремизму», термины «экстремизм», «экстремистская деятельность» и «деятельность, которая в Республике Таджикистан считается экстремистской», а также преступления экстремистского характера имеют как административную, так и уголовно-правовую природу. Однако ключевая проблема заключается в том, что критерии разграничения такой ответственности отсутствуют как в Уголовном кодексе, так и в специальном законе. Такое положение дел создает существенную правовую неопределенность. Для достижения целей уголовного закона применение столь широких, криминологических по своей сути категорий является неприемлемым. Если допустить использование подобных расплывчатых понятий, это неизбежно породит проблемы в правоприменительной практике.

Для преодоления этой неопределенности необходимо закрепить сущность и содержание понятия «экстремизм» в строгих уголовно-правовых границах. На наш взгляд, под ним следует понимать:

- публичное разжигание ненависти и вражды по политическим, национальным, расовым, религиозным или местническим мотивам;
- аналогичные призывы, направленные на унижение чести и достоинства определенных социальных групп, ущемление их конституционных прав и свобод;
- насильственное изменение основ конституционного строя по этим же мотивам.

Такое четкое определение позволит избежать путаницы и обеспечит справедливую и единообразную квалификацию деяний, что является основополагающим принципом в уголовном праве.

Элементы такой противоправной деятельности, представляющие собой ключевые признаки, были отражены в диспозициях статей 189 и 307 УК РТ. На основе этого анализа можно сделать вывод, что состав преступления, предусмотренный статьей 307(1) УК РТ полностью охватывает и интегрирует в себе правовое содержание обеих вышеупомянутых статей. Это обусловлено тем, что все три нормы уголовного права направлены на регулирование и пресечение деяний, связанных с публичным распространением идеологии экстремизма. Таким образом, статья 307(1) выступает в качестве обобщающей и систематизирующей нормы.

Аналогичные коллизии в закреплении законодательных признаков составов преступления прослеживаются также в статьях 307(2) и 307(3) УК РТ. Например, диспозиция статьи 307(2) УК РТ («Организация экстремистского сообщества») сформулирована следующим образом: «Создание экстремистского сообщества, то есть организованной группы лиц для подготовки или совершения по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной, местнической или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы преступлений, предусмотренных статьями 157, 158, 160, 185, 188, 189, 237, 237(1), 242, 243 настоящего Кодекса (преступления экстремистской направленности), а равно руководство таким экстремистским

сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности».

Диспозиция данной статьи показывает, что в ней нашли отражение ключевые признаки экстремизма, а именно его мотивы и организованный характер сообщества. Однако законодатель, формулируя данную норму, создал условия для привлечения к ответственности только за совершение ограниченного круга преступлений экстремистской направленности. Это приводит к обстоятельной юридической коллизии: организация экстремистского сообщества, преследующая цель совершения наиболее тяжких преступлений против личности (жизни и здоровья граждан) или основ государственности (конституционного строя), фактически оказывается за пределами действия этой нормы. Подобное положение дел представляет собой не просто недочет, а серьезный изъян в системе уголовного права, который настоятельно нуждается в скорейшей ликвидации с целью обеспечения надлежащей защиты социума от наиболее тяжких проявлений экстремизма.

Диспозиция статьи 307(3) УК РТ («Организация деятельности экстремистской организации») содержит такие отличительные признаки экстремизма, как «Организация деятельности политических партий, общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете их деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности». В связи с этим, данная статья регулирует исключительно деятельность тех организаций (политических партий, общественных или религиозных объединений), которые уже были признаны судом экстремистскими и в отношении которых принято решение о ликвидации или запрете. Однако это создает существенный пробел в том

плане, что деятельность аналогичных организаций, которые не были запрещены решением суда, остается за пределами действия этой нормы.

Более того, следует подчеркнуть, что организация как экстремистского сообщества, так и деятельность экстремистской организации немыслима без пропаганды экстремистской идеологии. Такая пропаганда является ключевым элементом для вербовки и привлечения лиц к противоправной деятельности.

В первом случае речь идет об организации экстремистского сообщества, во втором – об экстремистской организации. Однако искусственно раздвигать содержание понятий «организация» и «сообщество» в разрез основополагающих норм общей части УК РТ было бы неверным уголовно-правовым решением [334, с. 164] по нескольким аргументам.

В соответствии со ст. 39 УК РТ, смысловые границы терминов «преступное сообщество» и «преступная организация» не разграничены, и эти понятия используются как синонимы. Аналогичная ситуация наблюдается в диспозиции ст. 187 УК РТ («Организация преступного сообщества (преступной организации)»). В качестве самостоятельного состава преступления в ней признаются деяния, направленные на «создание преступного сообщества (преступной организации) для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, а равно руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него структурными подразделениями, создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и создания условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений».

Таким образом, ст. 187 УК РТ направлена на пресечение организации преступного сообщества (организации) с целью совершения тяжких или особо тяжких преступлений. В то же время, ст. 307(2) УК РТ охватывает деяния, связанные с созданием аналогичной организации (сообщества) для совершения ограниченного перечня преступлений экстремистского характера (157, 158, 160, 185, 188, 189, 237, 237(1), 242, 243) любой категории тяжести.

В новом проекте УК РТ использованы три понятия, определяющих организованные формы совершения преступлений: «преступная группа», «преступное сообщество», «преступная организация». Почему-то понятие преступная группа в обобщенном виде охватывает все формы организованной преступности, в том числе и «преступное сообщество», «преступная организация» и даже «транснациональное преступное сообщество» и т.д. А преступное сообщество по соотношению с преступной организацией признается более опасной формой проявления организованной преступности, что вполне логично. В качестве основных критериев такого разграничения «преступного сообщества» от «преступной организации» выступает «объединение двух или более преступных организаций, вступивших в сговор для совместного совершения одного или нескольких тяжких, или особо тяжких преступлений». А критериями, определяющими элементы организованности преступной организации выступают организованная деятельность участников, в которой функции распределены между организационно, функционально и (или) территориально обособленными группами (структурными подразделениями) [39].

Таким образом, преступная организация признаётся в качестве противоправной деятельности организованной группы, направленной на совершение любых категорий преступлений. Если исходить из логики такого подхода, то любые преступления, совершенные в составе преступной организации, должны быть криминализованы в самостоятельный состав преступления в Особенной части УК РТ. Следовательно, нет необходимости в повторной криминализации организованной формы экстремизма как «организация экстремистской организации» или «организация экстремистского объединения».

Проведенный среди 200 сотрудников правоохранительных органов опрос о соотношении понятий «экстремистское объединение» и «экстремистская организация» показал, что 24% опрошенных воспринимают эти термины как равнозначные понятия, 25% затрудняются их различать,

28% заявили, что «экстремистское объединение «опаснее, чем «экстремистская организация», а 23% из них посчитали «экстремистскую организацию» более опасной, чем «экстремистское объединение» [См.: Приложение №1].

Проведенный социологический опрос специалистов, осуществляющих квалификацию преступлений экстремистского характера показывает, что многие из них испытывают трудности при разграничении признаков преступления, закрепленных в статьях 307(2) и 307(3) УК РТ.

Примерно такую же позицию относительно проблем законодательства Российской Федерации заняла И.С. Макеева. В частности, она констатирует, что в настоящее времяотягчающий признак пункта «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно оскорбление человеческого достоинства), совершенное организованной группой порождает его квалификацию по совокупности преступлений, например, с ч. 1 ст. 282 УК РФ (Создание экстремистского сообщества), что свидетельствует о неясности позиции законодательства и служит основанием для неправильной квалификации деяний [371, с. 118, 131].

На наш взгляд, логика законодателя в указанных преступлениях направлена на важность их организованной формы, соответственно и дифференциации уголовной ответственности руководителей и организаторов экстремистских организаций. Однако экстремистские организации призывают и распространяют не только идеологию и практику экстремизма, но и терроризма. Поэтому большинство организаций, деятельность которых запрещены по решению суда, являются не только экстремистскими, но и террористическими. В связи с этим, нестыковки вышеуказанных норм противоречат ч. 3 ст. 11(1) УК РТ, в которой говорится, что «Запрещается придание разных значений одинаковым формулировкам в рамках настоящего Кодекса, если отсутствует специальная оговорка об этом в данном Кодексе».

Отечественный исследователь Ш.Т. Ахёзода выход из данной ситуации видит в изменении диспозиции ч. 4 ст. 39 УК РТ. Он предлагает изложить ее

содержание в следующей редакции: «Преступным сообществом (преступной организацией) признается объединение двух или более организованных групп в устойчивую организацию в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений или совершение преступлений экстремистской направленности, если такая деятельность строится на основе распределения руководящих функций для реализации преступных целей, между членами объединения и его структурными подразделениями» [334, с. 164]. Однако мы не разделяем данную точку зрения, так как требования данной статьи должны быть единообразным для всех преступлений, закрепленных в Особенной части УК РТ, независимо от их мотивов и форм проявления.

Более того, для противодействия организованным формам экстремизма достаточно требований ст. 187 УК РТ, согласно которой, создание преступного сообщества (преступной организации) для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, а равно руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и создания условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, преследуется законом.

В этом контексте необходимо отметить, что из 29 экстремистско-террористических организаций, деятельность которых по решению суда на территории республики запрещены, за исключением «ПИВТ» официально не были зарегистрированы в Министерстве юстиции Республики Таджикистан. По идее мы запрещаем и так запрещенную деятельность. Кроме того, следует отметить тенденцию к ежегодному увеличению числа подобных организаций. Существующая правовая процедура, требующая сбора исчерпывающей доказательной базы для запрета их деятельности создает серьезные препятствия.

По мнению некоторых исследователей, несбалансированный подход по криминализации проявлений экстремизма приводит к росту преступлений

экстремистского характера. В частности, Ю.А. Королев отмечает, что «Фиксируемый в последние годы рост числа экстремистских посягательств, при общей тенденции снижения преступности, объясняется чрезмерным ужесточением антиэкстремистского законодательства, не соответствующих нынешнему состоянию и тенденциям развития, складывающихся в этой сфере общественных отношений» [359, с. 9].

Несмотря на то, что тактика и методика совершения преступлений экстремистского характера в Республике Таджикистан за последние 10 лет особо не изменились, неоднозначный подход прослеживается при их квалификации по совокупности преступлений по ст. ст. 187, 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3) УК РТ. Так, например, в 2013 году аналогичные деяния, которые на сегодня (а также в 2024 г.) квалифицируются по ст. 307(1) и ч. 2 ст. 307(3) УК РТ в основном квалифицировались по ч. 2 ст. 187 и ст. 307 УК РТ, а в ограниченных случаях, так же добавлялись и ст. 307(1) и ч. 2 ст. 307(3) УК РТ.

В указанный период всего 45% преступлений экстремистского и террористического характера квалифицировались по одной статье, 21% по двум статьям и 34% по трем и более статьям УК РТ. Это говорит о том, что в период с 2005 по 2018 годы наблюдалась ситуация, когда, судя по всему, уполномоченные структуры в определенной степени допускали неточности в трактовке и применении соответствующих норм, что приводило к спорной квалификации дел об экстремизме по совокупности [См.: Приложение №10]. Такой вывод следует из того, что, начиная с 2019 года, квалификация экстремизма по ст. ст. 187 (9,02%), 307 (2,18%) постепенно снизилась, и наоборот, выросло количество преступлений экстремистского и террористического характера, квалифицированных по ч. 2 ст. 307(3) УК РТ. И это при том, что уровень преступлений экстремистского характера в последние годы пропорционально возрос. Ситуация с квалификацией 1400 преступлений экстремистского и террористического характера в 2024 году

показывает, что 91% из них квалифицировались по одной статье, 87,5% которых составляет ч. 2 ст. 307(3) УК РТ [См.: Приложение №4.12].

Мы разделяем позицию о том, что недифференцированный подход в уголовном преследовании виновных лиц может привести к росту преступлений экстремистского характера. Неоднозначность правового регулирования поощрительных норм в ст. ст.: 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3) УК РТ порождает новые проблемы для правоприменительных органов.

Статьи 189 и 307(1) УК РТ не предусматривают поощрительных норм о добровольном прекращении участия лица в экстремистской деятельности, исключаящей уголовную ответственность. Однако за более организованные формы такой деятельности в статьях 307(2), 307(3) УК РТ предусматриваются поощрительные нормы. Получается, что лица, экстремистская деятельность которых является менее опасной по отношению к преступной деятельности лиц, совершивших аналогичные деяния в более организованной форме, лишены возможности освобождения от уголовной ответственности в связи с прекращением своих преступных замыслов. Поэтому для решения вопроса о добровольном возвращении из зарубежных стран лиц, совершивших преступления по ст. 307(1) УК РТ, правоприменительные органы вынуждены «подгонять» их деяния под ст. 307(2) или по. ч. 2. ст. 307(3) УК РТ.

Проблема законодательного закрепления экстремизма заключается и в том, что статьи 307 УК РТ и 307(1) УК РТ представляют собой одну из опасных форм экстремизма - публичные призывы к насильственному захвату государственной власти либо ее насильственному удержанию или насильственному изменению конституционного строя, либо насильственному нарушению территориальной целостности Республики Таджикистан. Если в ст. 307 УК РТ указанные признаки состава преступления строго определены, то в ст. 307(1) УК РТ аналогичные признаки экстремизма и другие его проявления сформулированы в обобщенном виде, например, как публичные призывы к осуществлению

экстремистской деятельности и (или) публичное оправдание экстремизма. Содержание указанных норм полностью дублируют друг друга, что противоречит требованиям ч. 1 ст. 11(1) УК РТ регламентирующий толкование закона в пользу обвиняемого.

На законодательном уровне прослеживается неоднозначный и противоречивый подход к квалификации проявлений экстремизма, в частности, в статье 189 УК РТ, которая содержит административную преюдицию. На сегодняшний день по статье 462(1) КоАП РТ к ответственности привлечено более 500 человек. При этом анализ судебно-следственной практики подтверждает религиозно-политическую природу всех преступлений экстремистского характера (72,7%), так как из 29 экстремистско-террористических организаций, деятельность которых запрещена на территории республики, 26 пропагандируют идеи религиозно-политического экстремизма и их деятельность направлена на насильственное изменение конституционного строя и создание «исламского халифата». Соответственно, административные правонарушения экстремистского характера, как и уголовно наказуемые деяния, в большинстве случаев имеют аналогичные мотивы. Это указывает на глубокую взаимосвязь между двумя категориями правонарушений. И поскольку значительная часть уголовных преступлений экстремистской направленности совершается по религиозно-политическим мотивам, логично предположить, что и административные правонарушения, являющиеся по своей сути менее тяжелой формой тех же деяний, обусловлены теми же идейными установками.

Несмотря на это, в диспозиции ст. 189 УК РТ отсутствует четкая регламентация насильственной природы современного экстремизма. Размытость и противоречивость диспозиций статей 189, 307, 307(1), 307(2) и 307(3) УК РТ грубо нарушают требования принципа справедливости, предусмотренного в ст. 8 УК РТ. Эта статья гласит, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, подлежащие применению к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть,

соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного».

Более того, часть 2 указанной статьи гласит, что «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

Следует отметить, что признаки субъективной стороны статей 189, 307, 307(1), 307(2) и 307(3) УК РТ практически идентичны в 97% случаев. Составы преступлений, предусмотренные в статьях 189, 307 и 307(1) УК РТ являются формальными по своей конструкции. Указанные преступления считаются оконченными с момента публичного распространения хотя бы одного призыва, независимо от того, побуждает ли он других лиц к осуществлению экстремистской деятельности или нет [100, с. 239].

Учитывая то, что в последние годы публичные призывы экстремистского характера в большинстве случаев были направлены против основ конституционного строя с целью создания «исламского халифата», элементы статей 189, 307 и 307(1) УК РТ, а также ст. 462(1) КоАП РТ требуют законодательного пересмотра. Также необходимо совершенствование признаков объективной стороны, предусмотренных в статьях 307(2) и 307(3) УК РТ, которые логически связаны со статьями 189, 307 и 307(1) УК РТ.

Одним из сложных вопросов, возникающих при квалификации преступления, предусмотренного ст. 307(1) УК РТ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма»), является определение границ понятия «экстремистская деятельность». Это понятие тесно связано с преступлением с административной преюдицией, предусмотренного в ст. 189 УК РТ, а также с административными правонарушениями экстремистского характера, например, со ст. 462(1) КоАП РТ.

По словам Д.Н. Саркисова, «призывы к совершению административных правонарушений можно считать особым видом подстрекательства». Подстрекательское действие не может быть более опасным для общества,

чем действие исполнителя. Поэтому призыв к совершению административного правонарушения экстремистской направленности не может являться преступлением. Таким образом, призывы, предусмотренные в ст. 280 УК РФ (соответственно и в ст. 307(1) УК РТ), признаются преступлениями, если призыв к осуществлению экстремистской деятельности содержит уголовно-правовой характер деяний экстремистского характера [115, с. 194; 393, с. 105; 404, с. 193; 412, с. 11].

Таким образом, решая вопросы квалификации преступлений статей 189, 307, 307(1), 307(3), 307(4) УК РТ (аналогичные статьям 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2 УК РФ), необходимо отметить, что она направлена на преодоление правовых коллизий в уголовном праве, поскольку «правильная квалификация преступлений является необходимым условием дифференциации уголовной ответственности и назначения справедливого наказания» [371, с. 118, 131, 141].

Итак, содержание и сущность составов, предусмотренных в статьях 189, 307, 307(1), 307(2) и 307(3) УК РТ свидетельствуют о том, что все они в отдельности образуют определенные элементы одного целостного состава преступления, поскольку они совершаются из экстремистских побуждений, как открыто, так и тайно. Также эти преступления могут иметь схожиеотягчающие обстоятельства. Поэтому в зависимости от степени опасности, все их характерные признаки следует объединить в один самостоятельный, но систематизированный состав преступления, исключающий произвольное их толкование.

Следует отметить, что все эти три преступления совершаются посредством активного поведения виновных, к которому относятся общественно опасные действия в виде публичных призывов в целях возбуждения ненависти и вражды, либо социальной, расовой, национальной, местнической или религиозной (межконфессиональной) розни (ст. 189 УК РТ), публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РТ (ст. 307 УК РТ), а также публичные призывы к осуществлению

экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма (ст. 307(1) УК РТ).

Согласно официальной статистике, в период с 2014 по 2017 годы за одно и то же экстремистское деяние виновные лица привлекались к ответственности по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 189, 307 и 307(1) УК РТ. Это было обусловлено недостаточным пониманием правоохранительными органами сути экстремизма.

Между тем, в соответствии с действующим законодательством, ч. 1 ст. 307(1) УК РТ полностью охватывает признаки статей 189 и 307. Благодаря постепенному осознанию содержания этих статей и формированию судебной практики, которая установила приоритет ст. 307(1) УК РТ перед ст. 307 УК РТ, в период с 2018 по 2022 годы количество зарегистрированных преступлений по ст. 307 сократилось в три раза.

В диспозиции ст. 189 УК РТ публичные призывы экстремистского характера (за исключением призывов к насильственному изменению основ конституционного строя), осуществляемые через сеть Интернет или непосредственно среди отдельных лиц и социальных групп, определены в качестве обязательных признаков деяния.

Части 2 и 3 данной статьи более подробно, чем статьи 307 и 307(1) УК РТ устанавливают обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность. В частности, ч. 2 ст. 189 УК РТ относит к отягчающим следующие признаки:

- неоднократность;
- применение насилия или угроза его применения;
- использование служебного положения;
- совершение преступления группой лиц или группой лиц по предварительному сговору.

В ч. 3 этой же статьи в качестве отягчающих обстоятельств предусмотрено:

- совершение деяния организованной группой;

– наступление по неосторожности смерти человека или иных тяжких последствий;

– принудительное выселение гражданина с постоянного места жительства;

– опасный или особо опасный рецидив.

Анализ отягчающих признаков статей 189, 307 и 307(1) УК РТ свидетельствует о том, что критерии разграничения уголовной ответственности за экстремистскую деятельность, предусмотренные ст. 189 УК РТ (несмотря на некоторые незначительные недостатки) являются более определенными и конкретными, чем в статьях 307, 307(1) УК РТ.

Важно отметить, что в связи с наличием вышеуказанных проблем, содержание статей 307(1) и 307(4) УК РТ в проекте нового УК РТ объединены в одну статью – 347 УК РТ (Публичные призывы к экстремизму или публичное оправдание экстремизма и/или организация учебы религиозно-экстремистского характера), что подтверждает обоснованность нашей позиции об объединении статей 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) в одну статью, даже несмотря на то, что на данный момент законодатель решил объединить не более двух действующих статей. В новом проекте УК РТ, ввиду весьма сложной и противоречивой уголовно-правовой природы статей 307(2) и 307(3), их признаки включены в проект ст. 346 УК РТ (Организация или руководство экстремистской группировкой, организация или объединение либо координация или участие в их деятельности). Почти аналогичные признаки ст. 189 УК РТ отражены в ст. 466 проекта УК РТ в новой редакции. Однако данная статья предусмотрена в главе «Преступления против мира и безопасности человечества», что не соответствует нашей позиции относительно размещения данной статьи в главе «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

С учетом изложенного, предлагаем совершенствовать наиболее значимые признаки экстремизма, закрепленные в статьях 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3) УК РТ в пределах самостоятельного состава преступления,

которое будет носить название «Экстремизм», так как согласно противоречивым признакам, изложенными в статьях 189, 307, 307(1), 307(2) и 307(3) УК РТ, за одно и то же деяние лица привлекались к уголовной ответственности по разным статьям УК РТ. В одном случае по одной статье, в другом - по их совокупности, а иногда еще и к административной ответственности. Об этом более подробно отмечают и другие отечественные исследователи [334, с. 148]. Соответственно, аналогичные расхождения в правовой квалификации экстремизма прослеживаются в материалах судебно-следственной практики [483; 484; 485; 486; 491; 492; 493].

Как справедливо отмечают ученые, увеличение количества санкций и частей статей уголовного закона является положительным явлением, отражающим степень дифференциации уголовной ответственности за конкретное преступное деяние. Основное правило здесь заключается в том, что чем больше ответственности предусматривается в отдельных частях статьи за конкретное деяние, тем в большей мере степень дифференциации уголовной ответственности будет соответствовать принципу справедливости [281, с. 6-23].

Преступные деяния, предусмотренные в статьях 189, 307, 307(1), 307(2) и 307(3) УК РТ, обычно совершаются только по экстремистским мотивам (религиозным, политическим, националистическим, расистским, местническим). И как мы отмечали выше, с научной точки зрения такие мотивы никогда не проявляются изолированно, почти всегда переплетаясь.

Объективная сторона всех статей 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3) УК РТ в большинстве случаев переплетаются или соприкасаются друг с другом в форме публичных или тайных призывах, вербовки и обучения экстремистского мировоззрения или же распространения идеологии экстремизма. Отягчающие обстоятельства указанных норм также приобретают одинаковые формы.

Например, гражданин Г. в социальной сети «Одноклассники», познакомившись с гражданином Н., который находился в зоне вооруженного

конфликта в Сирии, знакомится с террористической идеологией и террористической практикой «Исламского государства» (деятельность которой запрещена на территории Республики Таджикистан). В силу того, что более 85% молодежи не имеют четкого представления о сущности и содержании Ислама как миролюбивой религии, гражданин Г. подвергается вербовке со стороны гражданина Н., который активно пропагандирует мысль о том, что убийства «неверных» и мусульман, не разделяющих их идей на пути создания «исламского халифата», считается предписанным «фарзом». В результате, гражданин Г. наконец соглашается вступить в ряды членов указанной организации [479]. В другом случае, трудовой мигрант А., зарегистрировавшийся в г. Санкт-Петербурге на платформах социальных сетей «Ютуб», «Одноклассники», «Фейсбук», «Zello» и телекоммуникационных программ «Путь к Исламскому государству», «Висоли Хак», «Корвони мучохиддин» и т.д., стал интересоваться экстремистско-террористической идеологией «Исламского государства» (деятельность которой запрещена на территории Республики Таджикистан) с целью вхождения в эту организацию, решил отправиться в зону вооруженных конфликтов за рубежом [480]. Следует отметить, что в большинстве уголовных дел данной категории в основном прослеживается приблизительная тактика и методика вербовки молодежи в экстремистско-террористические организации, и не случайно в 73,3% случаях действия виновных лиц за совершение преступлений экстремистского характера квалифицируются по ч. 2 ст. 307(1) УК РТ (если они не покидали территории государств-участников СНГ) как членов экстремистских организаций. Если же завербованные лица решили покинуть территорию государств-участников СНГ или же отправлялись за рубеж с целью примкнуть к экстремистско-террористическим организациям, тогда в 81,1% случаях долю преступлений террористического характера составляет ст. 401(1) УК РТ [481] [См.: Приложение №3].

Следует указать, что проведенный нами анализ показывает, что одной из ключевых социальных проблем является вовлечение в экстремистскую деятельность молодых людей в возрасте от 18 до 27 лет. Отсутствие у них глубоких знаний и понимания религии Ислама делает эту группу населения особенно восприимчивой к радикальным идеям. Как следствие, они не только подвергают себя риску, но и становятся активным элементом в распространении экстремизма, трансформируясь в вербовщиков и вовлекая в свою деструктивную деятельность других представителей молодежной среды.

В этом контексте, хотелось бы обратить внимание еще на одну проблему относительно сложной формы соучастия на фоне появившиеся в Особенной части УК в последние годы новых статей с определением «заранее обещанное попустительство и несообщение о преступлении».

Совершенно справедливо отмечает В.И. Сидоров, что «необходимо на законодательном уровне криминализировать «заранее обещанное попустительство и несообщение о преступлении» как форму соучастия». По его мнению, это позволит «разграничить пособничество в совершении отдельных преступлений террористического характера (соответственно, преступления экстремистского характера) от исполнения преступления» [397, с. 8].

Другие же авторы для систематизации данной проблемы предлагают дополнить Общую часть Уголовного кодекса отдельной главой под названием «Прикосновенность к преступлению», представляющую собой «Укрывательство, «Несообщение» и «Попустительство» как форм прикосновенности. Например, А.М. Басханов под укрывательством как формы прикосновенности понимает «Общественно опасное умышленное, заранее не обещанное сокрытие преступления, направленное на воспрепятствование правосудию, выразившееся в сокрытии субъекта укрываемого преступления путем сокрытия следов или орудий преступления, сообщение ложной информации, заранее не обещанной легализации

(отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем и т.д.» [336, с. 10].

А.Н. Курдуков, рассматривая вопрос об уголовно-правовой природе преступлений террористического характера, совершаемых ненасильственными способами (ст. ст. 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 205.6, 207, 207.3, 208, 209, 210, 210.1, 220, 222, 222.1, 223, 223.1, 280.3, 280.4, 282.1, 282.2, 355 УК РФ), вполне обоснованно предлагает усилить уголовное наказание и исключить из УК РФ нормы, предусматривающие административную преюдицию за совершение таких преступлений прежде всего потому, что эти преступления составляют идеологическую, финансовую и материально-техническую базу насильственных форм терроризма [367, с. 14]. Автор разделяет такую позицию в отношении организаторов, вербовщиков, активных членов террористических организаций и лиц, осознанно содействующих террористической деятельности или подтверждающих их идеологию и практику в публичной или тайной форме.

Возвращаясь к ранее поставленной проблеме, необходимо подчеркнуть, что понимание истинных характеристик преступлений экстремистского характера и их разграничение настолько сложно для сотрудников правоохранительных органов, что даже эксперты и ученые испытывают затруднения в этой области [См.: Приложение №1].

Но закон написан не для ученых, а для практических работников и простых людей. В этой связи, практическим работникам необходимо конкретно знать и уметь выявлять признаки преступления в действиях преступников только в рамках требований УК РФ. На наш взгляд, статьи 307(2) и 307(3) УК РФ являются логическим продолжением статей 189, 307, 307(1) УК РФ, которые свидетельствуют об организованной форме экстремизма и требуют дифференциации и оценке только в контексте и объеме целостной и самостоятельной статьи.

По мнению некоторых ученых, в странах Центральной Азии осуществляются «попытки создания международной линии радикального ислама, противоречащие традиционному исламскому мировоззрению» [383, с. 595].

Здесь необходимо отметить, что американский социолог Э. Хоффер в деятельности всех религиозно-экстремистских движений видит такие общие признаки, как неудовлетворенность своими финансовыми, социальными и политическими потребностями. Основная задача таких организаций, формировать среди непросвещенного круга молодежи уверенность протестно-насильственного настроения во имя «лучшего будущего» [246, с. 74].

Несмотря на то, что международное информационное пространство наполнено экстремистской идеологией, тюрьмы также являются «универсальными местами» для вербовки осужденных в экстремистско-террористические группы. Некоторые исследователи называют их «университетом» для будущих экстремистов. И это не случайно. Например, Д.А. Нечитайло отмечает, что «систематические пытки, унижения в местах заключения, особенно в восточных странах, не способствуют снижению напряженности, а дают дополнительный импульс к радикализации молодежи» [383, с. 163]

На наш взгляд, не только в Азии, но и на Востоке, и в Европе ситуация с распространением экстремистской идеологии складывается почти аналогично, так как более 85% всех экстремистов на планете составляют мигранты, которые не смогли имплементироваться в среду народов стран пребывания в связи с их подверженностью к национальному менталитету, культуре, особенно их приверженности к скудным религиозным взглядам.

Например, французский исследователь Паскаль Мейхлос уверен в том, что «ветераны-джихадисты в основном берут на свое вооружение мелких преступников, которые проявляют интерес к религии. Радикальные исламисты в тюрьмах Франции в 2005 году создали 175 ячеек в 168 таких

учреждениях. Всего во Франции 188 тюрем. В 30% это спонтанно возникшие ячейки, в 20% – возникли под давлением сокамерников для примыкания к определенному экстремистскому течению в исламе» [383, с. 165]. Почти аналогичная ситуация в той или иной форме прослеживается во многих европейских, африканских и среднеазиатских тюрьмах.

Испанский ученый Хуан Авилеса также отмечает, что «в тюрьмах Испании находятся люди, которые молоды, отчуждены, у них жажда приключений и рискованных дел, они чувствуют, что их жизнь проходит впустую, – это и есть сырье для превращения в террористов». По его подсчетам, «каждый десятый заключенный в Испании – мусульманин, причем если в 2000 году здесь было 45 тысяч мусульман, то теперь – уже 60 тысяч» [245, с. 84].

Таким образом, наиболее опасные формы религиозного экстремизма проявляются не только среди трудовых мигрантов Средней Азии, но и в тюрьмах как Востока, так и Запада. В западных тюрьмах, где количество мусульман составляют от 2-7% населения этих стран, около 81% экстремистов составляют мусульмане. Поэтому в странах Центральной Азии и России этот процент может варьироваться до 85%, что требует создания институциональных и правовых основ организации противодействия данному явлению на более высоком уровне.

Многие специалисты полагают, что одной из ключевых причин массовой вербовки молодежи в экстремистско-террористические организации, наряду с социально-экономическими проблемами, является отсутствие системной и профессиональной организации противодействия экстремизму. Неэффективность этой работы проявляется в различных сферах, например:

- учебные и религиозные учреждения: школы, вузы и мечети;
- средства массовой информации: СМИ и интернет-пространство;
- исправительные учреждения [См.: Приложение №1].

На наш взгляд, для решения данного вопроса, в первую очередь, в новом проекте УК РТ необходимо закрепить статью под названием «Содержание и сроки применения принудительных мер идеологического воздействия в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений экстремистского и террористического характера». На основе анализа материалов уголовных и оперативных дел становится очевидной необходимость закрепления аналогичной нормы и в КоАП РТ. Существующая правовая практика демонстрирует, что места лишения свободы, призванные способствовать исправлению осужденных, не всегда выполняют эту функцию в отношении убежденных членов экстремистско-террористических организаций. Более того, эти закрытые учреждения зачастую превращаются в платформу для подпольной деятельности, в ходе которой происходит активная вербовка других молодых осужденных.

Эта проблема особенно актуальна, так как лица, отбывающие наказание за общеуголовные преступления, часто становятся легкой мишенью для радикализации. Оказавшись в уязвимом положении, они подвергаются идеологическому воздействию со стороны «опытных» экстремистов. Таким образом, отсутствие адекватных правовых механизмов для пресечения этой деятельности в уголовно-исполнительной системе не только не решает проблему, но и способствует ее усугублению, превращая исправительные учреждения в потенциальные очаги распространения экстремизма. Исходя из этого, обязательное применение идеологических мер принудительного характера в отношении лиц с экстремистским мировоззрением разделяют 77,3% опрошенных респондентов [См.: Приложение №1].

Подводя итог исследованию, проведенному в рамках данного параграфа, необходимо сделать ряд выводов и представить некоторые предложения:

1. Общеправовое понятие «экстремизм» представляет собой «публичное или тайное разжигание ненависти и вражды путем систематического осуществления призывов, распространения идеологии, оправдывающей применение насилия против основ конституционного строя или унижающее

честь и достоинство человека и гражданина, также совершение правонарушений против конституционных прав и свобод человека и гражданина или других насильственных правонарушений по политическим, расовым, националистическим, религиозным и местническим мотивам, имеющим административную и уголовно-правовую природу».

2. Административное правонарушение экстремистского характера – деяние (действие и бездействие) направленное на разжигание ненависти и вражды на социальном уровне путем совершения систематических призывов или распространения идеологии, оправдывающей применение насилия против основ конституционного строя или унижающее честь и достоинство человека и гражданина, либо совершение других правонарушений против конституционных прав и свобод человека и гражданина, если эти деяния совершены по политическим, расовым, националистическим, религиозным и местническим мотивам, предусмотренным в диспозиции или соответствующих частях статей КоАП РТ, не представляющих общественную опасность для личности, общества и государства.

3. Пункты «е» и «е¹» статьи 62 УК РТ изложить в следующей редакции:

е) совершение преступлений по мотиву местнической, националистической, расовой или религиозной (конфессиональной) или политической вражды;

е¹) совершение преступления на почве мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение.

4. В настоящее время экстремистские мотивы в той или иной форме нашли свое отражение в диспозициях или соответствующих частях таких статей УК Республики Таджикистан, как п. «е» ст. 62 УК РТ (Убийство (п. «м» ч. 2 ст. 104; Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. «м» ч. 2 ст. 110); Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (п. «е» ч. 2 ст. 111); Истязание (п. «з» ч. 2 ст. 117); Нарушение равноправия граждан (ст. 143), Терроризм (п. «в» ч. 2. ст. 179), Разжигание социальной, расовой,

национальной, региональной, религиозной (конфессиональной) вражды или розни (ст. 189), Надругательство над телами умерших и местами их захоронения (п. «б» ч. 2. ст. 243) и Геноцид (ст. 398)).

5. В диспозициях статей 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) УК РТ экстремистские мотивы в качестве обязательных признаков состава преступления не предусмотрены, однако название и содержание указанных статей подтверждают, что эти преступления совершаются только по экстремистским мотивам и с учетом того, что содержание ст. 307(1) УК РТ воплощает содержание ст. 189 УК РТ, в совокупности составляют ядро всех преступлений экстремистского характера.

6. В диспозиции статьи 307(2) УК РТ («Организация экстремистского сообщества») к преступлениям экстремистского характера отнесены деяния, предусмотренные статьями 157, 158, 160, 185, 188, 189, 237, 237(1), 242, 243 УК РТ. Примечательно, что в диспозициях и частях перечисленных статей, за исключением статей 189 и 243 УК, экстремистские мотивы в качестве признаков состава преступления не предусмотрены. При этом, согласно п. «е» ст. 62 Общей части УК РТ, эти преступления могут приобрести экстремистский характер, если они совершены по соответствующим мотивам. Исходя из логики законодателя, преступления, направленные против конституционных прав и свобод человека и гражданина, жизни и здоровья, общественного порядка и нравственности, общественной безопасности, а также основ конституционного строя и безопасности государства, приобретают экстремистский характер только в том случае, если они совершены по экстремистским мотивам.

7. При квалификации преступлений экстремистского характера, экстремистские мотивы, как обстоятельства, отягчающие наказание, должны учитываться лишь один раз. Согласно ч. 2 ст. 8 УК РТ, «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление». Следовательно, если экстремистские мотивы уже предусмотрены в диспозиции статьи УК РТ как основной признак состава преступления, то их

повторное использование в качестве квалифицирующего признака противоречит принципу справедливости в уголовном праве. Это же относится и к случаям, когда экстремизм и экстремистские мотивы по своей природе находят отражение в объективных признаках соответствующих преступлений Особенной части УК РТ.

Их повторное признание в качестве квалифицирующих признаков также является неправомерным. Поэтому требование пункта «е» ст. 62 Общей части УК РТ не должно применяться к преступлениям, предусмотренным статьями 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4), 179 УК РТ, поскольку они инструментально не могут быть совершены без экстремистских мотивов.

8. Предлагается объединить содержание статей 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) в одну самостоятельную, но с дифференцированным составом преступления статью под названием «Экстремизм».

ГЛАВА 3. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКСТРЕМИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

3.1. Состояние, структура и динамика экстремистско-террористической преступности в Республике Таджикистан

Рассмотрение состояния, структуры и динамики экстремистской преступности является актуальной задачей, обусловленной необходимостью выработки адекватных мер противодействия. В этой связи целесообразным представляется использование фундаментальных основ криминологии, поскольку ее теоретико-методологический механизм прочно утвердился в науке и позволяет обеспечить системный подход к всестороннему исследованию данной проблемы. К числу приоритетных проблем в криминологии относится всестороннее исследование феномена преступности. Такое положение дел объясняется тем, что феномен преступности носит комплексный и междисциплинарный характер и соответственно, требует постоянного развития методологического аппарата для выявления закономерностей и разработки научно обоснованных рекомендаций.

С учетом наработанного опыта, многие криминологи под «преступностью» понимают «социально-правовой, исторически-изменчивый массив негативных явлений, представляющий совокупность преступлений, совершенных виновными индивидами на определенной территории в определенный период времени, обладающее количественными и качественными характеристиками» [157, с. 58]. В указанном определении следовало бы учесть также как взаимосвязанные, так и взаимообусловленные факторы, порождающие преступность. Например, рост незаконного оборота оружия приводит к совершению насильственных преступлений с применением оружия или же массовое распространение экстремистской идеологии, которая несомненно, порождает акты насильственного

экстремизма или ее более опасный вид – террористические акты. Так же в науке утвердилась прочная позиция о взаимосвязи преступности с «другими социальными явлениями в обществе, что привело к формированию системно-структурного подхода к пониманию преступности» [156, с. 85].

Так, преступность обладает социально-правовым признаком, поскольку формируется она под воздействием социально-экономических, духовно-нравственных и политических противоречий, свойственных обществу. Эти противоречия находят отражение в правовых нормах. Социальные катаклизмы в обществе могут стать причиной не только резкого роста преступности, но и существенного изменения ее количественных и качественных характеристик. Далее исторически изменчивое содержание преступности, неразрывно связано с изменением общественно-политического строя, соответственно и перехода к новым жизненным реалиям, сложность которых порою порождает массовое насилие и тяжкие последствия для общества.

Например, в начале 90-х годов, после приобретения государственной независимости и перехода к новой форме государственного управления и рыночной экономики, Таджикистан, в процессе вмешательства некоторых зарубежных стран, происходящим под лозунгом демократизации общества, столкнулся с острыми внутренними конфликтами и навязанной гражданской войной [442], которая отразилась в официальной уголовной статистике. Существуют многочисленные факты о вербовке в 90-е годы прошлого века граждан республики спецслужбами некоторых мусульманских государств на территории Таджикистана [112, с. 178; 294, с. 13], Кыргызстана, Туркменистана, Казахстана и Азербайджана и их переправки в Афганистан, Пакистан и другие мусульманские страны для прохождения экстремистской и террористической подготовки [112, с. 177-178]. Только сторонники «ПИБТ» с 1992 по 1997 годы совершили сотни преступлений террористического и экстремистского характера. К примеру, с 1994 по 2002 годы вооруженные группировки указанной экстремистско-террористической

организации совершили более 35 дерзких террористических актов в отношении таджикских, российских военнослужащих, общественных и государственных деятелей Таджикистана [112, с. 178].

Также необходимо указать, что, если в 1991 году на территории республики было зарегистрировано всего 18476 преступлений, в 1992 году (в начале гражданской войны) было совершено 25294 преступлений, а в 1993 году эта цифра составила 24646. В 1994 году это количество снизилось сразу до 14279 преступлений. В дальнейшем количество преступлений снижалось из года в год, и в 2006 году было зарегистрировано уже всего 11223 преступлений, что по сравнению с 2005 годом снизилось еще на 7 процентов [80]. Однако подтвердить объективную статистику зарегистрированных преступлений 1992-1993 годов очень сложно, так как многие специалисты утверждают, что в период гражданской войны в указанные годы стали жертвами до 150 тыс. человек, 1 млн. населения вынужденно покинуло территорию республики, а ущерб экономики страны составил более 10 млрд. долларов [203, с. 26]. Если исходить из того, что в указанные годы было убито такое количество человек, то число зарегистрированных преступлений явно занижено. На наш взгляд, это связано с парализацией деятельности правоохранительных органов и всеобщего разгула преступности во время гражданской войны. Указанные обстоятельства являются явным примером массового характера преступности и его негативных последствий для нашего общества.

Анализ состояния преступности на современном этапе показывает, что в 2016 году было совершено всего 21756 преступлений, в 2017 – 22018, в 2018 – 21957, в 2019-21996, в 2020-23460 [82], в 2021 – 22467, в 2022 – 22481, в 2023 – 21319 [218]. В частности, раскрываемость преступлений составила более 83%, в том числе в 2016 – 87,1%, 2017 – 83,3%, 2018 – 83,6%, 2019 – 85,7%, 2020 – 83% [82].

Сравнительный анализ криминологических показателей в период с 1991 и 2023 год выявил существенное снижение уровня преступности. В 1991 году

коэффициент преступности составлял 344 на 100 тысяч населения (18 476 преступлений на 5 361 000 человек), тогда как в 2023 году, несмотря на двукратный прирост населения до 10 288 000 человек, этот показатель снизился до 207 (при общем числе преступлений в 21 319). Указанная тенденция свидетельствует об эффективности государственной политики в сфере противодействия преступности, успешной работе правоохранительных органов и укреплении общественно-политической стабильности в стране.

Приступая к обобщенному анализу количественно-качественных характеристик преступности за последние 10 лет, следует отметить, что если состояние, уровень, динамика и последствия преступности связаны с количественными ее показателями, то к качественным характеристикам преступности относятся структура [154, с. 45-50] и характер преступности. С учетом обще-криминологической концепции о состоянии преступности, под экстремистско-террористической преступностью понимается количество всех совершенных преступлений экстремистского и террористического характера на определенной территории государства или региона в определенный период времени (за год, 5 или 10 лет).

Почти аналогичной позиции придерживаются и другие авторы. Например, О.В. Старков и Л.Д. Башкатов относительно состояния религиозной преступности отмечают, что «показатель преступности и преступного поведения в указанной сфере выражается в абсолютных цифрах» [219, с. 116].

Состояние экстремистско-террористической преступности определяется числом зарегистрированных преступлений на определенной территории в определенный период времени. Если исходить из такой логики исследования, картина указанной преступности выглядит следующим образом: в 2016 году было совершено 1100 преступлений экстремистского и террористического характера, в 2017 – 1053, в 2018 – 765, в 2019 – 1062, в 2020 – 1118 [82; 435], в 2021 – 1147 [130], в 2022 – 1197 [290], в 2023 – 1219 [131] и за 9 месяцев 2024 – 1213 [131].

Согласно анализу официальной статистики, из общего количества преступлений экстремистского характера в 2014 году было совершено 175 (1,84%) преступлений, в 2015 – 463 (4,88%), в 2016 – 891 (9,39%), в 2017– 916 (9,65%), в 2018 – 631 (6,65%), в 2019 – 772 (8,14%), в 2020 – 917 (9,66%), в 2021 – 937 (9,87%), в 2022 – 1047 (10,97%), 2023 – 1266 (13, 34%) и в 2024 – 1475 (15,55%) [См.: Приложение №2].

Несмотря на то, что в ходе анализа уголовной статистики преступлений экстремистского и террористического характера у многих авторов прослеживаются определенные расхождения [311, с. 158; 408, с. 3; 417, с. 197-223], в целом картина таких преступлений вполне объяснима. С уверенностью можно констатировать, что в среднем за последние годы совершается более 1100-1200 преступлений экстремистского и террористического характера, более 85% из которых составляют преступления экстремистского характера [См.: Приложение №2]. К некоторым проблемам, связанным с неоднозначностью официальной статистики о преступлениях экстремистского и террористического характера, мы еще вернемся.

Качественные характеристики преступности имеют уголовно-правовую и криминологическую природу [154, с. 50]. На основе уголовно-правовых характеристик виды преступлений делятся по степени тяжести, по умыслу преступления, по объекту посягательства. Например, по объекту посягательства преступления экстремистского характера закреплены в основном в главе 29 УК РТ – «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Можно определить их удельный вес, как в общем числе зарегистрированных преступлений, так и в структуре преступлений экстремистского и террористического характера. Если по состоянию на 2023 год в республике совершено 21319 преступлений (из них 1219 преступлений экстремистского и террористического характера), то удельный вес таких преступлений в общей структуре преступности составляет 5,26%.

Под структурой экстремистской преступности нами понимается «соотношение по удельному весу преступлений экстремистского характера, их распространенности и общественной опасности, также можно сюда же добавить и активизацию деятельности определенных экстремистско-террористических организаций. Это качественно-количественный показатель преступности, обычно измеряется в процентах, долях и частях» [219, с. 111]. О.В. Старков совершенно справедливо отмечает, что «показатели структуры экстремистской преступности измеряются и по объекту посягательств (какие виды экстремизма совершаются), по тяжести преступлений экстремистского характера (небольшой, средней тяжести, тяжкие или особо тяжкие), с участием несовершеннолетних, по мотивам или видам экстремистских организаций, географии религиозной преступности, организованности (группы, организации, преступного сообщества) и т.д.» [219, с. 112].

Опираясь на анализ полученных данных по указанным критериям, можно утверждать, что более 85,7% всех преступлений экстремистско-террористического характера основаны на религиозно-политических мотивах. Такой подход обосновывается тем, что из 29 экстремистско-террористических организаций, деятельность которых запрещена на территории республики, 26 таких организаций в основном пропагандируют идеи религиозно-политического экстремизма, направленные на насильственное изменение конституционного строя и создание «исламского халифата». Более того, анализ материалов уголовных дел подтверждает, что основная цель экстремистско-террористических организаций направлена на создание «исламского халифата» [479; 480; 481].

Анализ уголовной статистики за 10 лет показывает, что в структуре экстремистской преступности, первое место занимают преступления, совершенные по ч. 2 ст. 307(3) УК РТ – 74,10% (Участие в деятельности экстремистской организации), а в структуре террористической преступности преобладает ст. 401(1) УК РТ – 81,66%, требования которой направлены на

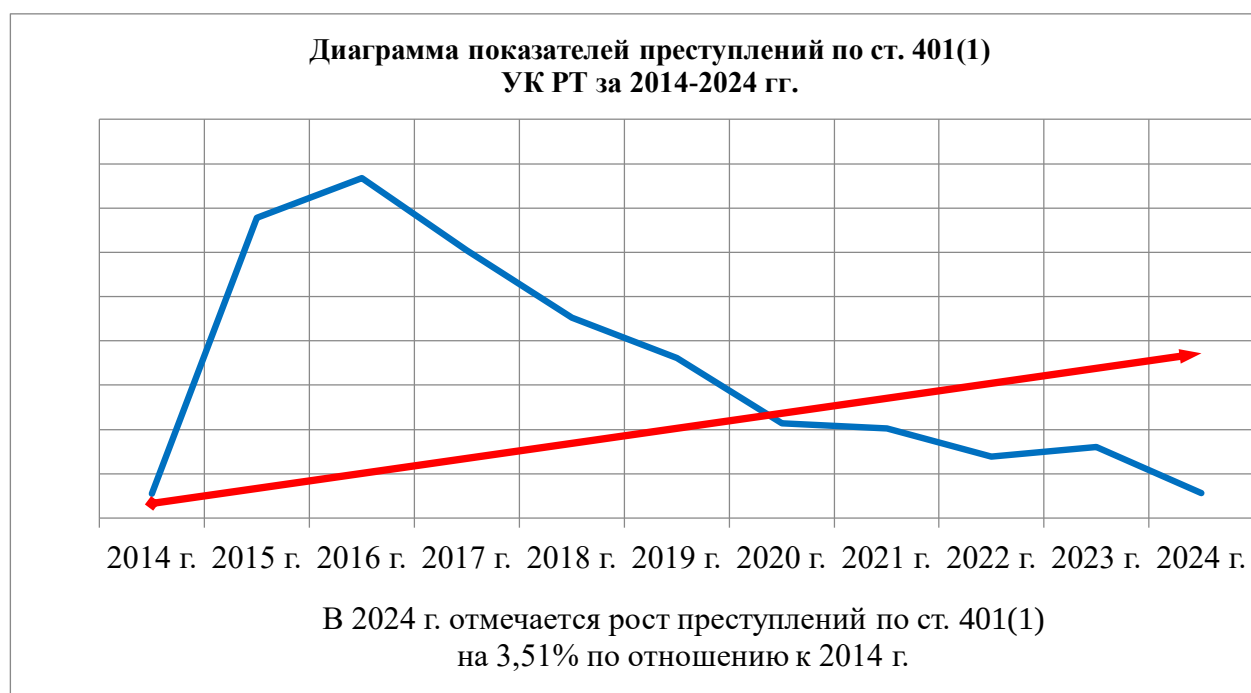
борьбу с незаконным участием граждан в вооруженных конфликтах за рубежом [См.: Приложения 4.1-4.12].

Диаграмма № 3.

Доля других преступлений экстремистского характера в данном периоде составляет: ст. 189 УК РТ – 5,1%, 307 УК РТ – 4,9%, 307(1) УК РТ – 10%, 307(2) УК РТ – 6,6%, 307(4) УК РТ – 0,1%. [См.: Приложения 4.1-4.12].

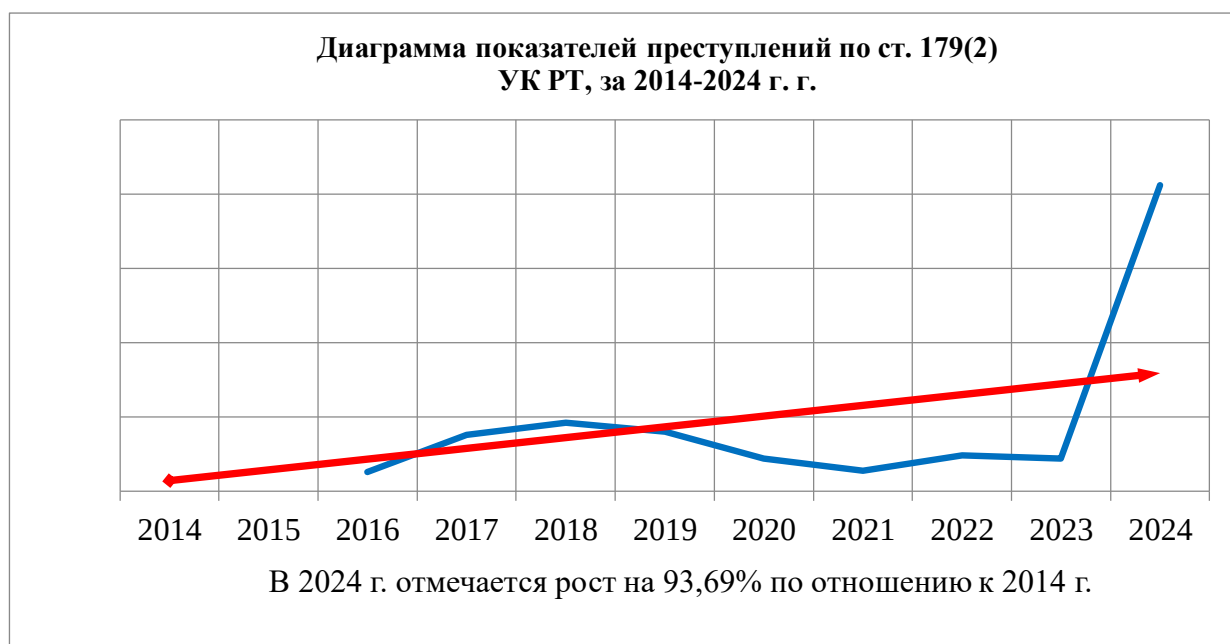
Диаграмма №4.

А структура других преступлений террористического характера за данный период выглядит таким образом: ст. 179 УК РТ – 3,36%; ст. 179(1) УК РТ – 1,83%; ст. 179(2) УК РТ – 9,40%; ст. 179(3) УК РТ – 1,28%; ст. 181 УК РТ – 1,08%; ст. 182 УК РТ – 0,53%; ст. 184 УК РТ – 0,02%; ст. 185 УК РТ – 0,70%; ст. 310 УК РТ – 0,02%; ст. 402 УК РТ – 0,00% [См.: Приложения 4.1-4.12].

Здесь необходимо уточнить, что анализ криминологической статистики выявляет разнонаправленную динамику отдельных видов преступлений. Следует отметить, что, несмотря на стабильность числа преступлений, предусмотренных статьей 401(1) УК РТ (на уровне 5,5% в течение года), в то же время, наблюдается резкий скачок по статье 179(2) УК РТ (см.: диаграмма №5).

Диаграмма №5.

Следует отметить, что определенный скачок преступлений по статьям 179, 179(1) и 179(3) УК РТ прослеживался и в 2022 году в силу известных событий в ГБАО, связанных с террористической деятельностью незаконных вооруженных формирований, действующих на протяжении многих лет на территории области.

Диаграмма №6.

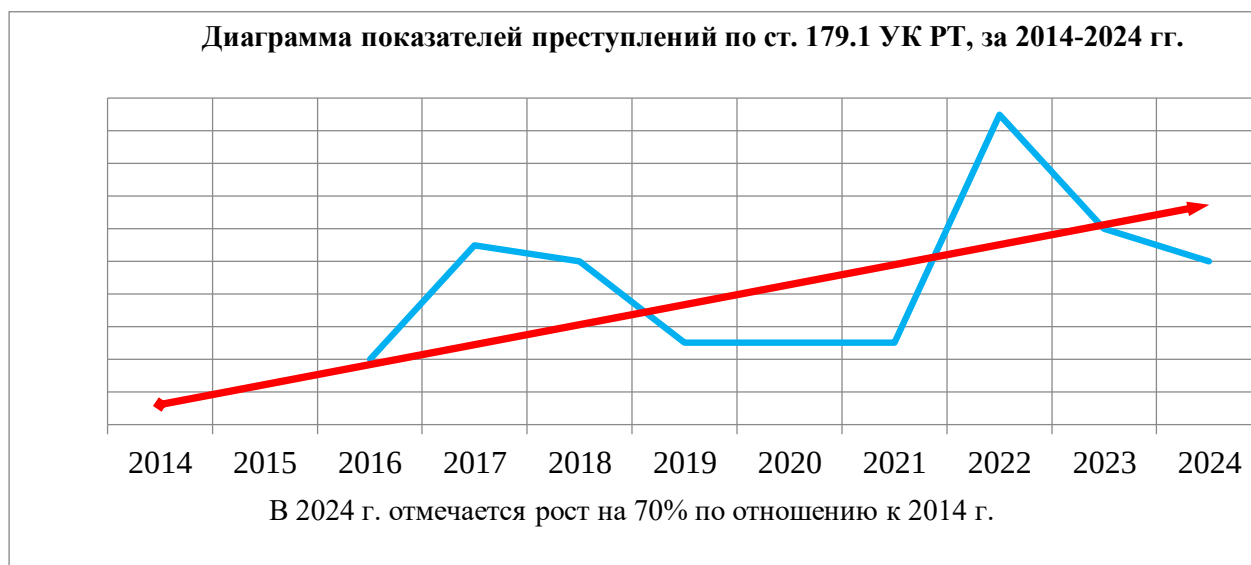

Диаграмма №7.

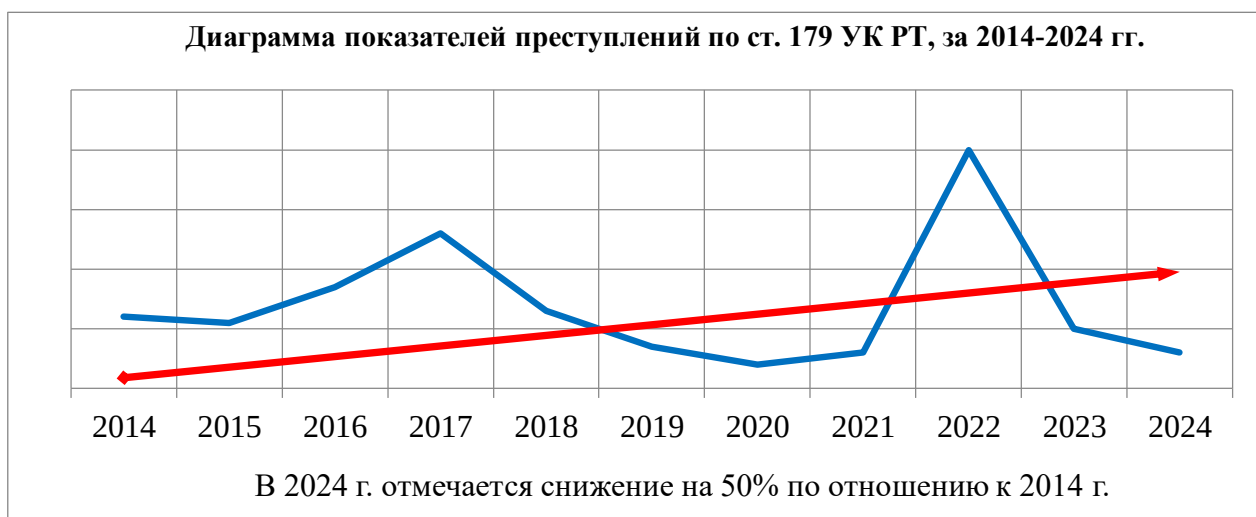

Диаграмма №8.

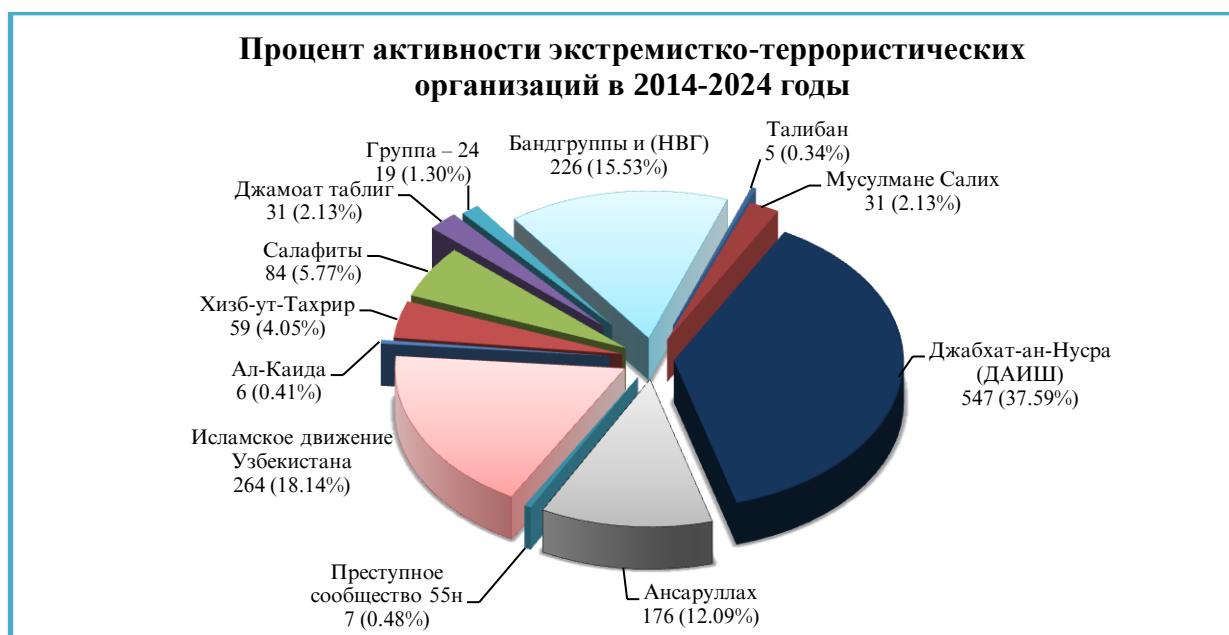
Анализ структуры экстремистской и террористической преступности за десять последних лет (2014-2024) показывает, что ключевую долю в ней занимают деяния, предусмотренные статьями 307(3) УК РТ и 401(1) УК РТ. В совокупности они составляют более 86,4% от общего числа зарегистрированных преступлений данной категории.

При этом, ст. 401(1) УК РТ включает в себя как вербовку и идеологическое обучение молодёжи путём призывов к распространению экстремистской идеологии, так и непосредственное вовлечение завербованных лиц в вооружённые конфликты за рубежом в состав экстремистско-террористических организаций.

Исходя из представленных данных можно сделать вывод о том, что распространение экстремистской идеологии в обозримом будущем может стать причиной совершения насильственных преступлений экстремистского характера (статьи 188, 104, 110 УК РТ и т.д.), в том числе преступлений террористического характера, так как 85% вышеуказанных преступлений совершаются по религиозно-политическим мотивам, которые и составляют суть террористической идеологии.

Следует отметить, что структура экстремистско-террористической преступности определяется мотивами и активностью таких организаций. Например, О.В. Старков и Л.Д. Башкатов уточняют, что из «1006 религиозных преступлений в N-ской области, 8 носителей преступного поведения относятся к секте «Бледные люди» [219, с. 116].

Из расчета более 1086 совершенных преступлений экстремистского и террористического характера по состоянию на 2016 год, доля активности экстремистско-террористических организаций в процентном соотношении выглядит следующим образом:

Как видно, наиболее активными, соответственно и опасными экстремистско-террористическими группировками являются «Джабхат-ан-Нусра» (ДАИШ) – 547 преступлений 37,59%; «Исламское движение Узбекистана» – 264 преступления 18%; «Ансаруллах» – 176 преступлений 12,09%, которые систематически заявляют о себе как на территории государств-участников СНГ, так и на Ближнем Востоке и в Европе.

Следует отметить, что религиозно-политическая мотивация экстремизма в Республике Таджикистан всегда имела доминирующее значение. Об этом особо подчеркивал и Лидер нации, уважаемый Эмомали Рахмон на встрече с представителями духовенства республики 9 марта 2024 года. Он в частности отмечал, что «Представители экстремистского течения «Салафия» негативно относятся к ханафитскому мазхабу и его основателю Иمامу Абу Ханифе, а также крайне враждебно относятся к исмаилизму, который является историческим течением части коренного населения страны. Последователи этого экстремистского течения отрицают убеждения представителей других мазхабов и осуждают их как богохульство, тем самым обостряя межконфессиональные конфликты среди мусульман. Стоит отметить, что большинство примкнувших к «Исламскому государству» и другим

экстремистским и террористическим организациям на первоначальном этапе были последователями салафитского учения» [425].

Анализ уголовной статистики показывает, что с 2015 по 2017 годы, в разгар вооруженного конфликта в Сирии и Ираке, прослеживается определенная «турбулентность» в сторону резкого скачка преступлений террористического характера за счет ст. 401(1) УК РТ. Так, в 2015 году было зарегистрировано 678 преступлений по указанной статье, в 2016 – 767, в 2017 – 604, в 2018 – 452 преступлений. В силу комплексного и динамичного реагирования правоохранительных органов, данная тенденция постепенно приобрела стабильный характер в сторону снижения численности данного преступления.

Например, в период с 2019 по 2024 год количество зарегистрированных по статье 401(1) УК РТ преступлений с 361 снизилось до 57 случаев. Однако, наблюдается резкий рост преступлений, связанных с финансированием терроризма, предусмотренных ст. 179 (1) УК РТ. Так, в 2017 году по указанной статье было совершено 38 преступлений, в 2018 – 46, в 2019 – 40, в 2020 – 22, в 2021 – 14, в 2022 – 24, в 2023 – 22, а в 2024 году – 206 преступлений. В структуре преступлений террористического характера статья 401(1) УК РТ занимает лидирующую позицию с долей в 81,6%. За ней следуют статья 179(1) УК РТ (9,4%) и ст. 179 УК РТ (3,3%). Совокупная доля остальных преступлений, предусмотренных статьями 179(3), 181, 182, 184, 310, 402 УК РТ не превышает 5,6%.

Такая тенденция связана с одной стороны, с активизацией деятельности экстремистско-террористических организаций в указанные годы, с другой - Решением Верховного Суда Республики Таджикистан о запрещении деятельности таких экстремистско-террористических организаций как «Джамаат Ансаруллах» (3 мая 2012 года), религиозного движения «Салафия» (8 декабря 2014 года), Группы-24» (9 октября 2014 года), «Исламского государства» и «Джабхат-ан-нусра» (14 апреля 2015 года) и «Партии исламского возрождения» (29 сентября 2015 года). Так же, в связи

активизацией террористической деятельности определенных граждан республики на Ближнем Востоке, Законом РТ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» от 26 июля 2014 года, в УК РТ была введена новая статья 401(1) («Незаконное вовлечение и участие граждан Республики Таджикистан и лиц без гражданства в вооруженных подразделениях, вооруженном конфликте или военных действиях на территории других государств»), которая позволила более эффективно противодействовать современным проявлениям экстремизма и терроризма.

В этой связи вполне оправданной выглядит позиция профессора И.М. Мацкевича о том, что «криминологическая классификация экстремизма открывает путь к изучению ее причин». К такой классификации автор относит: «а) мотивацию экстремизма; б) его социальную направленность; в) причинение ущерба жизнедеятельности человека; г) социально-демографические группы населения (семья, возраст, образование и т.д.); д) социально-профессиональные группы (вербовщики, организаторы и т.д.), е) другие направления» [154, с. 52]. Под классификацией мы понимаем расчленение явлений на взаимосвязанные виды, вытекающие друг из друга по законам формальной логики [219, с. 116]. Например, религиозная преступность может иметь нерелигиозные свойства. Явным подтверждением является, то, что экстремисты в контексте отстаивания своих религиозно-политических целей, преследует и корыстно-насильственные интересы.

В связи с тем, что криминологическое содержание классификации преступности имеет приграничное значение для причин и условий возникновения экстремистской преступности, считаем целесообразным в общем контексте рассмотреть их в следующем параграфе нашего исследования.

Следует отметить, что согласно подтвержденным криминологическим данным, латентная преступность как минимум в 5 раз выше, чем регистрируемая статистика. Хотя видный российский криминолог, профессор

С.М. Иншаков отмечает, что «фактическая преступность в России составляет не менее 26 млн. преступлений, тогда, когда официальная статистика подтверждает только 3 млн. преступлений» [221, с. 8], что приравнивает латентность преступности 1:8.

Однако, по некоторым оценкам, «латентность естественной преступности (в сфере семейно-бытовых правонарушений, предпринимательства, экологии, криминальной среде) превышает более 70% общего числа латентной преступности» [154, с. 57]. Многие исследователи считают, что латентность в сфере коррупции превышает более 95% общего числа латентных преступлений. А по убийствам и террористическим актам уровень латентности почти приравнивается к нулю прежде всего потому, что указанные преступления практически невозможно скрыть. О низком уровне латентности преступлений террористического характера заявляет и Р.М. Узденов, по утверждению которого, «...они проявляются в публичной форме в целях саморекламы и насаждения страха на социальном уровне, и террористы не скрывают конечный результат своих действий от общества» [404, с. 90].

Однако такой подход неприемлем по отношению к экстремистской преступности. По мнению специалистов, «высокий уровень латентности преступлений экстремистского характера связан с «укрытием правоохранительными органами» [404, с. 90], строгой дисциплинированностью членов экстремистских организаций, преданностью экстремистов своей идее и руководству, дружественных и родственных отношений экстремистов, некомпетентности оперативных работников в сфере современных цифровых и информационных технологий.

Социологический опрос, проведенный нами среди 300 сотрудников ОВД, имеющих опыт противодействия экстремизму показал, что на вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением, что уровень латентности преступлений экстремистского характера составляет 1:5 в связи с дисциплинированностью членов экстремистских организаций, преданностью религиозно-

экстремисткой идеологии, дружественных и родственных отношений членов экстремистских организаций, а так же недостаточного опыта оперативных работников по информационному мониторингу социальных и телекоммуникационных сетей Интернета?», положительно ответили 174 чел. или 58% респондентов, «Частично согласен» – 75 чел. или 25%, «Не согласен» – 22 чел. или 7,33% и «Затруднились ответить» – 29 чел. или 9,66% [См.: Приложение №1].

На наш взгляд, на уровень латентности преступности экстремистского характера влияют и следующие обстоятельства:

1) как свидетельствует география распространения экстремистской преступности, она охватывает все страны Центральной Азии, Северного Кавказа, Афганистана, Пакистана и других государств Ближнего Востока, на территории которых происходит «консолидация» религиозно-политического экстремизма, соответственно, экстремисты находят приют на очень обширных территориях земного шара, что и позволяет им оставаться в тени;

2) культурные и социальные факторы играют значительную роль в обеспечении безопасности и предотвращении экстремизма. Дело в том, что граждане центрально-азиатских стран, в частности, таджики, узбеки, кыргызы и узбеки, находящиеся в других государствах и занятые трудовой деятельностью, часто остаются в стороне от принимающего сообщества из-за особенностей своей культуры и менталитета. В результате, правоохранительным структурам этих стран бывает затруднительно своевременно распознать признаки экстремизма, имеющего религиозно-политический характер;

3) на основе ложного религиозно-экстремистского мировоззрения, современные экстремисты вербуют прежде всего, своих близких родственников (братьев, сестер, дядь и т.д.) и друзей, что дает им возможность в течение долгого времени оставаться незамеченными;

4) более 90% преступлений экстремистского характера обусловлены пропагандой и защитой экстремистских идей, включая преподавание

религиозно-экстремистских взглядов и привлечение новых членов через Интернет, вне границ страны их проживания.

Следует отметить, что в настоящее время более 4 тыс. экстремистов находятся в международном розыске, с каждым годом растет число зарегистрированных преступлений экстремистского характера, расширяется география распространения идеологии и практики экстремизма за рубежом. Исходя из этого можно прийти к выводу о том, что для реальной оценки экстремистской преступности необходимо признать латентность как один из важнейших показателей преступности. Поэтому мы разделяем позицию тех ученых, которые предлагают «признать латентность как показатель преступности» [145; 147].

С учетом выдвинутых гипотез мы считаем, что уровень латентности преступлений экстремистского характера в настоящее время приравнивается как минимум 1:5. Подтверждением этому является и то, что в последние 10 лет пропорционально растет и число преступлений террористического характера, идеологическую основу которых составляет религиозно-экстремистская идеология. Если исходить из того, что в исправительных колониях находятся более 2300 тыс. чел., условно освобожденных от уголовной ответственности составляют 1850 чел. и в международном розыске находятся 4075 лиц, связанных с проявлением экстремизма и терроризма и если учитывать закономерности латентности преступности – 1:5, то получается, что в современном обществе находятся почти 50 тыс. лиц, представляющих опасность для личности, общества и государства.

По нашему мнению, почти аналогичная ситуация прослеживается во всех странах Центральной Азии и Северного Кавказа Российской Федерации, так как угрозы современного религиозно-политического экстремизма направлены не только на Республику Таджикистан, но и на все страны-участники СНГ. Поэтому необходимо учитывать состояние, уровень, динамику, латентность и географию распространения экстремистской преступности не только в пределах государственных границ, но и на

региональном и межгосударственном уровнях. Это связано с тем, что дезорганизация общественных отношений на религиозно-политической основе в любом государстве-участнике СНГ без каких-либо колебаний повлияет и на общественно-политическую ситуацию в других государствах региона.

Для более детального изучения данного вопроса нам необходимо перейти к изучению количественно-качественных показателей преступлений экстремистского характера на примере Республики Таджикистан, так как за последние 10 лет количество преступлений экстремистского характера, соответственно и преступлений террористического характера в республике пропорционально растет.

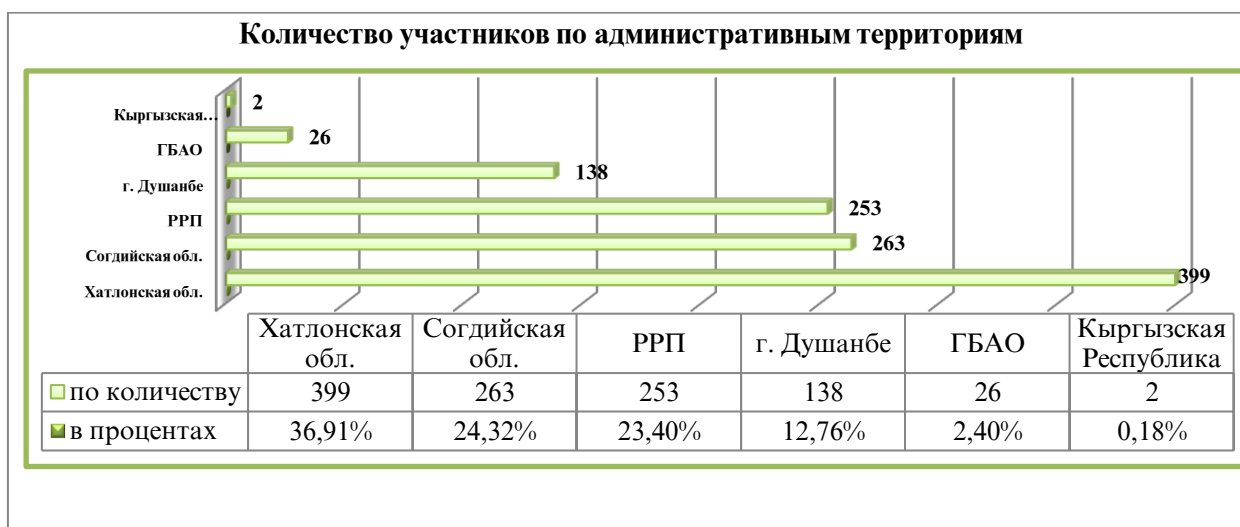
Следует отметить, что под уровнем экстремистско-террористической преступности и преступном поведении экстремистского и террористического характера понимается интенсивность ее распространения относительно определенного количества населения, достигшего возраста уголовной ответственности в области, городе или в районе. Поэтому коэффициент интенсивности признается в качестве показателя уровня экстремистской преступности и преступного поведения таких лиц, соответственно и террористическая активность таких организаций. Получается, что только по коэффициенту интенсивности можно сравнить экстремистско-террористическую преступность на определенной территории на каждые 100 000, 10 000 и 1000 человек.

Главное назначение уровня преступности заключается в том, что из расчета 100 000 тыс. человек, совершивших преступления экстремистского и террористического характера, можно сравнить экстремистско-террористическую активность населения по странам, областям, городам и районам и определить наиболее уязвимые участки работы для оперативных работников и органов, осуществляющих профилактические работы.

Например, если общее число лиц, выехавших за границу для участия в вооруженных конфликтах и примкнувших к «ИГИЛ» по состоянию на конец

февраля 2016 года составляло 1081 человек, необходимо определить уровень такой преступности по городам, областям и районам. Если распределить их по крупным городам, областям и регионам, картина выглядит следующим образом: 138 чел. (12,76%) из города Душанбе, 399 чел. (36,91%) из Хатлонской области, 263 чел. (24,32%) из Согдийской области, 253 чел (23,40%) из районов республиканского подчинения (районы Раштского региона – 38 чел. (3,51%), ГБАО – 26 чел. (2,40%) (См.: диаграмма №10).

Диаграмма №10.

Незаконное участие граждан в вооруженных конфликтах за рубежом из расчета общего количества лиц по городам и районам республики по состоянию на февраль 2016 года был таким: г. Исфара – 86 (7,95%) чел., г. Куляб – 68 (6,29%) чел., г. Вахдат – 64 (5,92%) чел., Бохтарский район – 56 (5,18%) чел., Шахритусский район – 53 (4,90%) чел., район Рудаки – 52 (4,81%) чел., Истаравшанский район – 44 (4,07%) чел., Спитаменский район – 37 (3,42%) чел., Кабадиянский район – 33 (3,05%) чел., Ванджский район – 26 (2,40%) чел., Дж. Руми – 24 (2,22%) чел., город Нурек – 23 (2,12%) чел., город Турсунзаде – 23 (2,12%) и Гиссарский район – 19 (1,75%) чел.

Следует отметить, что коэффициент (показатель) преступности целесообразно рассчитывать «не на всё населения, а на ту ее часть, которая достигла возраста уголовной ответственности» [154, с. 47] или по крайней

мере, учитывать трудоспособную ее часть. Поэтому, если исходить из того, что на 1 января 2023 г. население республики составляло 10 млн. 78 тыс. чел., а его трудоспособная часть – 5 млн. 805 тыс. чел., то коэффициент преступности на 2023 г. составляет $21319 \cdot 100000 / 5804680$ [137, с. 42] = 367. Это означает, что на каждые 100 000 тысяч человек приходится 367 преступлений. В зависимости от численности населения, по такой формуле можно определить коэффициент преступности по регионам, областям и районам (на определенной территории) за определенный период времени (за год, 5 и 10 лет).

Коэффициент (показатель) террористической активности населения в 2023 году согласно общекриминологической формуле (КП(ф)) = $1219 \cdot 100000 / 5804680$, что составляет 21. Это означает, что на каждые 100000 тысяч человек приходится 21 преступление экстремистско-террористического характера. Однако, если считать, что 70% указанных преступлений составляют преступления экстремистского характера и латентность таких преступлений приравнивается 1:5, то на каждые 100 000 населения приходится примерно не менее 74 экстремиста.

Интенсивность террористических и экстремистских преступлений можно определить и по количеству лиц, совершивших аналогичные преступления на определенной территории за определенный период времени. Поэтому если в совокупности умножить 2300 лиц, отбывающих наказания в исправительных колониях, на 1850 лиц, условно освобожденных от уголовной ответственности и 4075 лиц, которые находятся в международном розыске за совершение преступлений экстремистского и террористического характера за последние 10 лет, их число составит 8225 человек.

С учетом указанных обстоятельств, коэффициент экстремистско-террористической преступности в республике составляет $8225 \cdot 100000 / 5804680 = 141$ чел. На основе указанной закономерности можно прийти к выводу, что среди каждых 100 000 населения республики могут

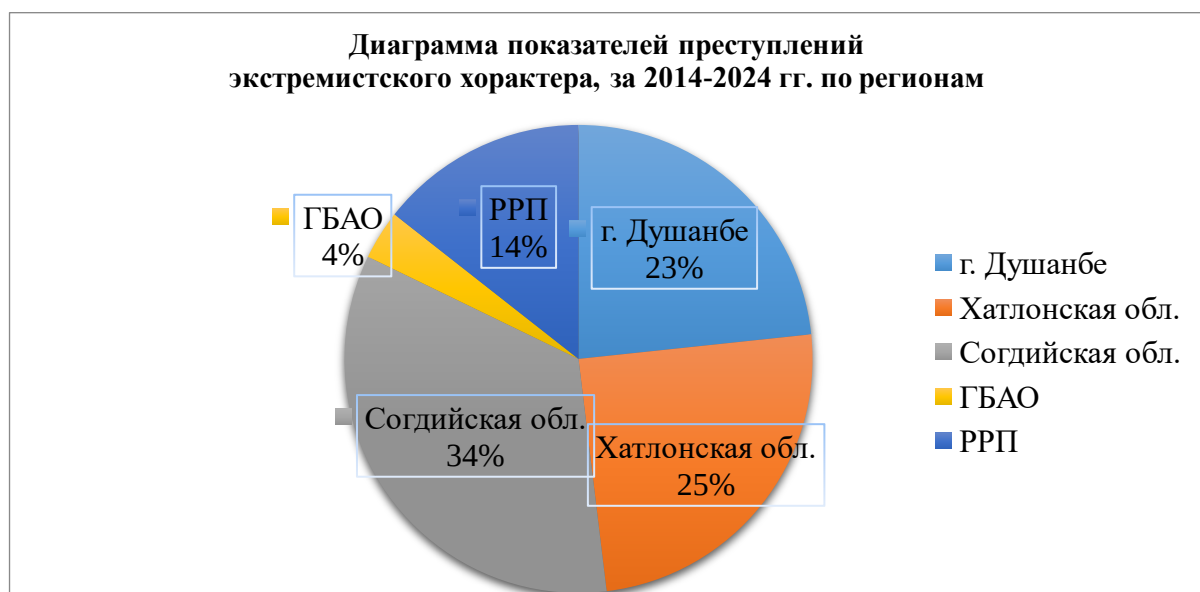
находиться по 141 лицу, склонному к религиозно-экстремистским взглядам, особенно среди лиц молодого возраста (18-35 лет).

В этом контексте следует отметить, из общего количества возбужденных уголовных дел (9484 дел) в отношении лиц, совершивших преступления экстремистского характера (не террористического характера) за 2014 – 2024 годы, 4123 дел (43,7%) были направлены в суд, 15 (0,15%) были прекращены в связи с истечением сроков давности (абз. 3 ч. 1 ст. 27 или абз. 4 ч. 1 ст. 28 УПК РТ), 238 (2,5%) – в связи с принятием акта амнистии (абз. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РТ), 17 (0,17%) – в связи с изменением обстоятельства (абз. 3 ч. 1 ст. 28 УПК РТ), 735 (7,74%) – в связи с деятельным раскаянием (абз. 1 ч. 1 ст. 28 УПК РТ), 35 (0,36%) – в связи с материнством (ст. 5 КМЧ Тадж. ССР), 3 (0,003%) освобождены по другим обстоятельствам, 1318 (13,89%) приостановлены по основаниям (абз. 3 ч. 1 ст. 230 УПК РТ), 63 (0,66%) по основаниям (абз. 1 ч. 1 ст. 230 УПК РТ) и 506 (5,33%) выделены в отдельное производство [220].

Для нас также представляет интерес анализ коэффициента экстремистской преступности по регионам республики (городов, областей и районов) на период с 2014 по 2024 годы. В указанный период в республике было совершено 9484 преступлений экстремистского характера, из них по городу Душанбе – 2212 (22,33%), по Хатлонской области – 2348 (24,75%), по Согдийской области – 3235 (34,11%), по ГБАО – 323 (8,35) и по районам республиканского подчинения – 1366 (14,41%).

Исходя из этого, коэффициент экстремистской преступности по республике за 2014 – 2024 годы с учетом трудоспособной части населения [137, с. 98] составляет $9484 \cdot 100000 / 5918811 = 160$ чел.

В нижеследующей диаграмме представлены показатели экстремистской преступности по регионам на 2014-2024 годы:

На первый взгляд кажется, что наиболее взрывоопасными регионами являются Согдийская и Хатлонская области, однако если распределить экстремистскую активность населения на каждый 100 000 населения, вырисовывается совершенно иная картина. Это связано с тем, что коэффициент такой преступности по г. Душанбе составляет $2212 \cdot 100000 / 806000 = 274$ чел., по Хатлонской области – $2348 \cdot 100000 / 2034000 = 115$ чел., по Согдийской области – $3235 \cdot 100000 / 1714000 = 188$ чел., по ГБАО – $323 \cdot 100000 / 142000 = 227$ чел., по районам республиканского подчинения – $1366 \cdot 100000 / 1222000 = 111$ чел. Таким образом, из расчета 100 тыс. трудоспособной части населения по регионам, больше всего экстремистская активность прослеживается по г. Душанбе, затем по ГБАО и Согдийской области.

По указанной схеме можно определить экстремистскую активность населения на определенный период времени на каждый 100000 и 10000 тыс. населения в определенном городе и районе республики.

В этом контексте следует отметить, что анализ уголовной статистики [См.: Приложение №2] материалов уголовных дел и результаты социологических опросов [См.: Приложение №1] показывают, что в 86,6% случаях совершенные преступления экстремистского и террористического

характера связаны с оправданием и распространением экстремистско-террористической идеологии или же намерениями виновных примкнуть к экстремистско-террористическим организациям. В 83% случаях такой контингент составляет молодежь в возрасте от 18 до 35 лет, которые имеют только основное среднее образование, 85% таких лиц ранее не были осуждены за какие-либо преступления. Поэтому определить основные направления комплексного реагирования на все проявления современного экстремизма является одной из основных задач нашего исследования, так как тезис о дальнейшем перерастании проявления экстремизма в террористические акты подтверждают 77% опрошенных респондентов [См.: Приложение №1].

Увеличение статистических показателей преступности подтверждает низкое качество профилактической работы [404, с. 96]. По мнению большинства отечественных ученых, причина такого роста преступлений экстремистского характера, в первую очередь, связана с проблемами в сфере организации и надзора качества образования на всех уровнях (в школах, колледжах, вузах, среди мигрантов) и непрофессиональной контрпропаганды в СМИ и в социальных сетях Интернет. Следует отметить, что динамика экстремистско-террористической преступности – это изменение ее состояния, уровня, структуры за тот или иной период времени (в год, 5, 10, 15 лет и т.д.) в определенном регионе, о котором мы частично упоминали выше.

На динамику экстремистско-террористической преступности оказывают влияние три основные группы факторов – социальные (социально-политические, экономические, нравственно-духовные, миграция, урбанизация и т.д.); юридические (криминализация и декриминализация преступлений и т.д.) и организационные (профилактика, предупреждение учет, регистрация, выявление, пресечение и т.д.) [219, с. 112-113].

Необходимо отметить, что в 2015-2017 годах динамика экстремистско-террористической преступности резко видоизменилась и расширилась в силу

военно-политических, религиозных, миграционных и других юридических и организационных факторов, к которым мы еще вернемся. В указанный период в основном возросло количество преступлений террористического характера, предусмотренных статьями 179, 179(2) и 401(1) УК РТ, связанных с незаконным участием граждан республики в вооруженных конфликтах в Сирии и Ираке. Доля указанных статей на отмеченный период составляют 94,45% всех проявлений терроризма. Как нами было указано выше, в структуре таких преступлений удельный вес ст. 401 УК РТ составляет 81,6%, так как в 2015-2017 годы по сравнению с 2014 годом количество таких преступлений увеличилось приблизительно в 10-12 раз.

Следует отметить, что за три последних года 2022 г. – 268, 2023 г. – 226 и 2024 г. – 287 просматривается определенная стабилизация преступлений террористического характера приблизительно на уровне 5-6%.

Следует напомнить, что согласно статистическим данным, до февраля 2016 года уголовные дела в отношении 160 участников вооруженных конфликтов за рубежом после завершения предварительного следствия были направлены в суды. Уголовные дела в отношении 23 человек прекращены (в отношении 2 человек в связи со смертью, 1 человек в связи с применением закона об амнистии, 17 человек в связи с применением примечания ст. 401(1) УК РТ и 3 человека в связи с недоказанностью вины), 48 человек было арестовано. Данный аргумент подтверждает, что, начиная с 2014 года и по сей день, политическое руководство и правоохранительные органы страны предпринимают все возможные информационно-пропагандистские и правовые меры по предупреждению примыкания молодежи к деструктивным силам религиозно-экстремистского характера.

Однако, несмотря на относительную стабилизацию террористической активности внутри страны, совершенные за последние 5 лет дерзкие международные террористические акты с участием наших граждан, настоятельно диктует провести тщательный анализ данной тенденции в органической связи с другими преступлениями экстремистского характера,

которые составляют идеологическую основу проявления терроризма. Если взглянуть на динамику преступлений экстремистского и террористического характера за последние 11 лет, то можно наблюдать тот факт, что, если растёт число преступлений экстремистского характера на 100%, обязательно на 30% прослеживается и рост преступлений террористического характера, так как идеология экстремизма и составляет идеологическую основу терроризма (См.: Диаграмма №12).

Диаграмма №12.

Для аргументированного подтверждения нашей позиции необходимо проанализировать факты активизации экстремистско-террористической деятельности с участием граждан Республики Таджикистан как внутри страны, так и за ее пределами. В качестве примера следует привести террористический акт, совершённый 29 июля 2018 года. Группа из пяти молодых граждан Таджикистана, проживавших в городе Нурек, совершила наезд на группу иностранных велотуристов на территории Дангаринского района Хатлонской области. В результате нападения погибли четверо туристов (два гражданина США, один – Нидерландов, один – Швейцарии) и двое получили ранения. Организаторами теракта были двое бывших членов запрещенной Партии исламского возрождения. Позднее террористическая

группа опубликовала в сети видеозапись, где они присягают на верность террористической организации «Исламское государство» [453].

В 2022-2024 годах, с участием 18 наших и других граждан Центральной Азии на территории России, Франции, Турции, Афганистана и Ирана были совершены более 12 террористических актов. В результате этого, погибло свыше 250 человек и более 500 лиц получили тяжкие телесные повреждения [422; 424; 434; 454; 458].

26 апреля 2023 года подразделениями Министерства внутренних дел и Государственного комитета национальной безопасности в селе Язгулом Ванчского района в ходе проведения антитеррористической операции нейтрализовали двух вооруженных членов террористической организации «Движение Талибан», незаконно пересекших государственную границу со стороны Афганистана и проникших на территорию Таджикистана 21 апреля 2023 года. В ходе осмотра места происшествия изъяты 2 автомата Калашникова калибра 7,62 мм, 2 пистолета иностранного производства, 12 патронов, 95 патронов калибра 7,62 мм, 8 гранат Ф-1, 19 взрывпакетов, 2 мобильных телефона Samsung, 2 спецсредства связи, 2 маски, 2 повязки на голову с надписью персидскими буквами «Ля-Иляха Иля-Лах – Исламский Эмират Афганистан» и 2 повязки на голову с надписью персидскими буквами «Ё Шариа, Ё Шахада», которые в основном используют террористы-смертники из отрядов специального назначения Талибана «Лашкар Мансури» и «Китаи Бадри» [431].

В ночь на 30 августа 2023 г. трое членов международной террористической организации «Джамаата Ансорулло» незаконно пересекли линию таджикско-афганской границы на территории села Кеврон Дарвазского района с целью совершения теракта в преддверии дня государственной независимости. По данным Государственного комитета национальной безопасности Республики Таджикистан (далее – ГКНБ), террористы переправили из Афганистана крупную партию вооружения, боевой амуниции и взрывчатых веществ, денежные средства и средства

связи, разместив их в горных тайниках. Утром 5 сентября 2023 года ГКНБ провела контртеррористическую операцию, в результате которой трое членов террористической группы были ликвидированы. На месте происшествия и в схроне было обнаружено и изъято 5 автоматов Калашникова, 2 снайперские винтовки М-16, карабин М-4, 4 пистолета, 13 ручных гранат, множество магазинов к оружию и патронов, различные устройства, в том числе, бинокль ночного видения, 30 упаковок пластида (взрывчатое вещество), 162 капсул-детонаторов, пульта дистанционного управления к взрывчатым веществам, \$10 тыс., медикаменты и религиозная литература [427].

В целом, тенденция совершения террористических актов растет во всем мире. В частности, с 2000 по 2018 годы в мире было совершено более 72 тысяч террористических актов, в результате которых погибло более 170 тысяч человек [150, с. 9]. Вместе с тем, данные научных исследований и глобальные аналитические отчеты свидетельствуют о том, что свыше 80% всех терактов в мире совершаются лицами, придерживающимися исламской веры, и продиктованными религиозно-экстремистскими убеждениями. Следует отметить, что с 2015 по 2024 год за совершение преступлений экстремистского и террористического характера к уголовной ответственности было привлечено 2300 граждан страны, в отношении которых было возбуждено 1945 уголовных дел [425].

За указанный период 1850 лиц, примкнувших к экстремистским организациям, были возвращены на Родину, в отношении которых были применены поощрительные нормы уголовного закона с освобождением от уголовной ответственности. Однако, предстоит сделать очень много работы по возвращению на родину из-за рубежа еще 4075 тысяч граждан, в отношении которых возбуждены уголовные дела за осуществление экстремистской деятельности [425].

В этом контексте следует отметить, что, несмотря на относительную стабилизацию по совершению преступлений террористического характера за последние годы, рост экстремистской преступности наоборот, приобретает

тенденцию к увеличению. Например, если в разгар вооруженного конфликта в Сирии и Ираке, соответственно активизации деятельности экстремистско-террористической организации «Исламского государства» в 2015-2018 годы, в среднем было зарегистрировано 550-650 преступлений экстремистского характера, то в 2022-2024 годы количество таких преступлений (по статьям 189 УК РТ – 5,1%, 307 – 4,9%, 307(1) УК РТ – 10%, 307(2) УК РТ – 6,6% и 307(3) УК РТ – 74,1%) составил 850-950 преступлений экстремистского характера [См.: Приложение №3].

На наш взгляд, всплеску террористической и экстремистской активности в указанные годы сопутствовали следующие факторы:

1) В связи с повышенной восприимчивостью молодых людей к религиозным убеждениям, в том числе, к искусственно созданным экстремистским идеологиям, а также с учётом захвата власти в Афганистане и Сирии экстремистско-террористическими группировками, такими, как движения «Талибан» и «Хайят Тахрир аш-Шам», наблюдается беспрецедентное распространение идеологии экстремизма и терроризма в информационном поле, включая сеть Интернет.

2) Основные идеологи экстремистско-террористических организаций в Афганистане пропагандируют враждебную и насильственную идеологию по Интернету на персидском языке, который очень хорошо понимают таджики.

3) Затяжной конфликт между Израилем и Палестиной, соответственно ее информационное сопровождение со стороны многих идеологов-вербовщиков очень сильно влияет на мировоззрение несведущей части молодежи, а жёсткое осуждение бесчеловечных действий Израильского режима на высоком политическом уровне со стороны лидеров некоторых мусульманских стран способствуют экстремизации массового сознания молодежи.

Поэтому изучение причин и условий возникновения современных проявлений экстремизма и как результат, нахождение оптимальных путей комплексного реагирования на все его проявления, требует более глубоко и

системного подхода, что обязывает нас более детально затронуть данный вопрос при рассмотрении следующего параграфа диссертационного исследования.

Таким образом, обобщенный анализ уголовной статистики о состоянии, структуре, уровне и динамике преступлений экстремистского и террористического характера и деятельности некоторых международных экстремистско-террористических организаций подчёркивает общественную опасность их деятельности, что даёт возможность представить ряд теоретических выводов и практических рекомендаций:

1. Изучение уголовной статистики о состоянии, динамике и уровне экстремистско-террористической преступности подтверждают доминирование деятельности экстремистско-террористических организаций, основанных на религиозно-политических мотивах в более чем 85% случаях. Экстремистская деятельность неразрывно связана с террористической деятельностью, в которой в криминологическом (не уголовно-правовом) плане терроризм составляет крайнюю форму экстремизма.

2. Религиозно-экстремистские организации, осуществляющие деятельность в Таджикистане, имеют свою структуру за пределами республики, в таких странах, как Афганистан, Пакистан, других арабских странах, действие которых координируются иностранными спецслужбами с целью отстаивания геополитических интересов мировых и региональных держав в Центральной Азии. При этом, современные информационно-телекоммуникационные возможности, в том числе Интернет, позволяют экстремистам организовывать конспиративные очаги и группы для обучения, вербовки, идеологической обработки и практической мобилизации молодежи к совершению актов терроризма.

3. В 2015-2024 годах динамика экстремистско-террористической преступности резко видоизменилась в связи с обострением военно-политической ситуации на Ближнем Востоке, соответственно, в указанный

период в основном возросло количество преступлений террористического характера (предусмотренные статьями 179, 179(2) и 401(1) УК РТ).

4. В процентном соотношении преступлений террористического характера в 2015 году по сравнению с 2014 годом составляет + 85,17%, в 2016 году + 87,12%, в 2017 году + 84,78%, а по сравнению с 2018 годом - +80,35%. Однако, если сравнивать динамику преступлений террористического характера в указанные годы (2015 – 701, 2016 – 807, 2017 – 683) за три последние годы (2022 – 268, 2023 – 226 и 2024 – 287) просматривается существенное их снижение в три раза и ежегодно держится на уровне 5-6%.

5. Несмотря на относительную стабилизацию уровня преступлений террористического характера за последние 5 лет, уровень экстремистской преступности наоборот, приобретают тенденцию к росту. Так, в 2015 – 2018 годы в среднем зарегистрировано 550-650 преступлений экстремистского характера, однако в 2022 – 2024 годы количество таких преступлений (в основном по ст. ст. 189 – 5,1%, 307 – 4,9%, 307(1) – 10%, 307(2) – 6,6% и 307(3) – 73,3%) составляют 850-950 преступлений экстремистского характера.

6. Анализ уголовной статистики за последние 10 лет показывает, что в структуре экстремистской преступности первое место занимают ч. 2. ст. 307(3) УК РТ – 73,3% (Участие в деятельности экстремистской организации), а в структуре террористической преступности ст. 401(1) УК РТ – 81,6%.

7. Доля других преступлений экстремистского характера за этот период составляет: ст. 189 УК РТ – 5,1%, 307 УК РТ – 4,9%, 307(1) УК РТ – 10%, 307(2) УК РТ – 6,6, 307(4) УК РТ – 0,1%. А динамика других преступлений террористического характера в этот период выглядит следующим образом: ст. 179 УК РТ – 3,3%, 179(1) УК РТ – 1,8%, 179(2) УК РТ – 9,4%, 179(3) УК РТ – 1,2%, 181 УК РТ – 0,08%, 182 УК РТ – 0,5%, 184 УК РТ – 0,02%, 184 УК РТ – 0,70%, 310 УК РТ – 0,02%, 402 УК РТ – 0,00%. При этом, если рассматривать преступления экстремистского и террористического характера

в совокупности, в связи с резким скачком преступлений экстремистского характера за последние 5 лет, прослеживается рост уголовной статистики указанных преступлений.

8. За последние 10 лет в структуре экстремистско-террористической преступности по ст. 307(3) УК РТ (73,3%) и ст. 401(1) УК РТ (81,6%) составляют основную долю всех аналогичных преступлений, так как в совокупности их число составляет более 86,4% всех преступлений экстремистского и террористического характера.

9. Противодействие насильственной, религиозно-политической идеологии в СМИ, социальных сетях Интернет, среди широких слоев населения (мечетях, школах, джамоатах и др.), в том числе среди трудовых мигрантов представляются приоритетными направлениями деятельности правоохранительных органов по профилактике и предупреждению экстремизма.

10. Обобщенный анализ экстремистско-террористической активности в регионе показывает, что существенное влияние имеют «Движение Талибан», «ИГИЛ», «Джабхат-ан-Нусра», «Ансаруллах», «Джамият Таблиг» и ряд других подобных организаций, очаги которых распространены на Северном Кавказе, в Азии и Африке.

3.2. Причины и условия возникновения экстремизма в Республике Таджикистан

В научной литературе утвердилась твердая позиция о соотношении причин и условий преступности. Отмечается, что «условие не является непосредственным фактором порождения преступности, однако влияет на процессы ее порождения. То есть, детерминирует преступность» [155, с. 232]. В связи с этим, на научно-методологическом уровне до сей поры еще не разработаны четкие разграничительные критерии между причинами и условиями преступности. В связи с этим, Р.М. Узденов утверждает, что

«невозможно выделить явления, служащие только причиной или только условием, ввиду изменчивости функций, которые они несут в различных обстоятельствах» [404, с. 121]. По мнению профессора И.М. Мацкевича, «совокупность неполных причин относительно объединяют значимость для изучения преступности и входящих элементов, которые выступают в роли условий преступности» [154, с. 69]. В другом месте указанный автор «условие» расценивает как «структурный элемент причины» [154, с. 70], тем самым, подтверждая позицию Р.М. Узденова.

Не углубляясь в научные дискуссии, целесообразно рассмотреть причины и условия возникновения экстремизма, поскольку они являются определяющими факторами. На наш взгляд, несмотря на сложность полного разграничения причин и условий преступности, их классификация имеет большое теоретическое и практическое значение. Она позволяет консолидировать подходы и определить приоритетные направления в противодействии экстремизму. Причины и условия преступности классифицируются по различным критериям и, соответственно, имеют разную природу.

Профессор И.В. Мацкевич предлагает трехуровневую классификацию по таким критериям, как:

- исторические предпосылки и обратное воздействие социальных наследований, тенденции отстаивания сознания, усиление негативных социальных процессов и т.д;
- причины и условия совершения различных видов преступления (насильственные, корыстные, неосторожные преступления, преступления, связанные с экстремизмом и терроризмом и т.д.);
- причины и условия типичных и не типичных преступлений (серийных убийств, тюремного насилия, педофилия и т.д.) [154, с. 70-79].

И.П. Гришаев предлагает другие критерии классификации причин и условий преступности:

- главные и второстепенные;

- внутренние и внешние;
- основные и случайные;
- объективные и субъективные;
- общие и специфические [135, с. 20-22].

Причины преступности на глобальном же уровне классифицируются на: «исторические; объективные закономерности; субъективные факторы, связанные с личностью преступника; социальные причины» [154, с. 70]. В этом плане возможно и далее излагать другие критерии классификации преступности.

По нашему мнению, в зависимости от критериев, заложенных в основу любой из предложенных вариантов классификации, в том или ином образе представляет определенные черты накопленного опыта с учетом преемственности фундаментальных основ науки криминологии о причинах и условиях преступности. Для нас выглядит вполне приемлемой позиция Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковского, А.И. Алексеева, Г.А. Аванесова о классификации причин и условий преступности с учетом философских категорий общего, особенного и единичного [111, с. 176]. На основе указанной концепции О.В. Старков и Л.Д. Башкатов предлагают трехуровневую классификацию причин и условий преступности в виде «обще-социальных, специфических (в зависимости от видов преступлений) и индивидуально-значимых» [219, с. 139]. В целом структура причин и условий преступлений соответствует механизмам их воздействия на преступления.

На наш взгляд, чтобы более детально раскрыть сущность и содержание причин и условий преступности, целесообразно разбить их на «внутренние» и «внешние» элементы, так как такие «внутренние факторы» преступности, как урбанизация (территориальный рост городов и увеличение их количества), миграция, рождаемость, занятость женщин в общественном производстве, образовательный и культурный уровень населения, климат, географические особенности местности и т.д. [111, с. 173-175] являются

первопричинами преступности и имеют специфические черты. К внутренним обще-социальным причинам преступности следует отнести различные недостатки в деятельности органов государственной власти, общественных и религиозных организаций, в том числе, в организационно-правовом, информационном, психологическом, экономическом, миграционном и нравственно-духовном плане.

К внешним обще-социальным причинам преступности в целом, и экстремистской преступности в частности, можно отнести косвенное влияние иных стран, международных экстремистских организаций, внешней миграции, экспансии религиозно-экстремистского образования из-за рубежа, инициирование локальных конфликтов, торговые эмбарго, экономический шпионаж и т.д. Например, крупные мировые державы с одной стороны ведут борьбу с международным экстремизмом и терроризмом, а с другой, сами же вдохновляют и поддерживают такие организации [117, с. 430; 138, с. 169; 203, с. 28-30; 209, с. 26; 222, с. 357-362; 273, с. 56; 304, с. 20-22]. Однако, чтобы избежать внешнего воздействия на преступность, необходимо прежде всего, на внутригосударственном уровне построить мощный экономический, информационно-идеологический, образовательный, нравственно-духовный и патриотический «щит», который требует своевременных реформ и преобразований многих направлений общественной жизни. Это связано с тем, что субъективные причины и условия преступности зависят от воли сознания конкретных субъектов, людей, а объективные же причины действуют в большинстве случаев через них [162, с. 21; 166, с. 12-46].

Несмотря на сложность изучения причин и условий возникновения современного экстремизма, на наш взгляд, было бы целесообразным подходить к данной проблеме именно с точки зрения изучения их обще-социальных причин, которые позволили бы раскрыть сущность специфических причин таких явлений, соответственно и определить самодетерминацию, представляющую собой процесс порождения новых антиобщественных деяний. Не только причины порождают преступления, но

и сложившиеся благоприятные условия способствуют их совершению [267, с. 70-75] экстремистской преступности в целом. Такой подход отражает современную концепцию противодействия экстремизму [90].

Итак, несмотря на многообразие обще-социальных причин преступности, по мнению Ю.М. Антоняна, «нынешний терроризм – логическое продолжение всех прежних тенденций, не изменивший своей сущности, но выразившийся в других формах» [259, с. 45-46] и при других условиях.

Исторические, политические и психологические факторы экстремистской преступности, которые имеют внутренние и внешние признаки обязывают нас «заглянуть в то универсальное зеркало, которым является история» [120, с. 3]. Так, по мнению Н.А. Халфина, с начала XX века Великобритания в целях выдавливания России из региона Центральной Азии использует исламский фактор [234, с. 28]. О геополитических конфронтациях указанных государств отмечает и Б. Гафуров в своей книге «Таджики». Он подчеркивает, что «уже в 1910 году с помощью «Бухарского общества распространения полезных знаний среди народа», стамбульские высшие школы приняли около сотни студентов из стран Средней Азии. Вскоре в Стамбуле был создан «Клуб студентов-мусульман России». Этот клуб, как и «Бухарское общество...», был центром вербовки, обучения и засылки шпионов в Среднюю Азию [212, с. 24].

Такая геополитическая игра под знаменем экспансии ислама продолжалась в первые годы формирования таджикской советской государственности, после приобретения государственной независимости и продолжается по настоящее время. Хотя здесь необходимо отметить тот факт, что корни религиозно-политического экстремизма уходят вглубь человеческой истории [212, 13-18; 338, с. 19; 389, с. 16]. Учитывая уязвимость менталитета и психологию мусульман к религиозным ценностям, США, Запад и другие мусульманские государства в свое время поддерживали борьбу исламских радикальных движений для вытеснения СССР из региона.

При этом Афганистан и Пакистан четыре последних десятилетия были оплотом международного терроризма. В 1988 г., по некоторым данным, в Пакистане обучалось до 50 000 студентов – борцов за создание «исламского государства» [323, с. 87].

О. Руа называет указанный процесс «совместным предприятием США, саудовских ваххабитов и пакистанской радикальной религиозной партии «Джамаат-и-ислами» [249, с. 103].

Как отмечает Ш.К. Ризо, «Международные радикальные исламистские структуры начали проявлять интерес к Таджикистану, к другим государствам Средней Азии и Северному Кавказу еще в 90-е годы прошлого века. Приток добровольцев из арабских стран наметился во время гражданской войны в Таджикистане (1992-1997) и первой чеченской войне в 1995 г. в России. Религиозно-экстремистские проповедники и боевики приезжали в Чечню, Таджикистан, Узбекистан и другие страны Средней Азии из различных государств арабо-мусульманского мира» [328, с. 34]. С 1993 по 1997 года на стороне «Исламской партии возрождения Таджикистана», во главе с лидером «Исламского движения Узбекистана» Джума Намангони воевали десятки иностранных боевиков из Узбекистана, Афганистана, Пакистана и других арабских стран. Общая численность данной группы составляла более 250 боевиков, которые проходили диверсионно-террористическую подготовку в Пакистане и Афганистане [320, с. 71-73].

Ю. Боданский отмечает, что «в 90-е годы прошлого века из террористических лагерей Пакистана, Афганистана, Йемена, Судана и других стран исламского мира в Чечню и Таджикистан потянулись сотни боевиков» [244, с. 5], большая часть которых имела криминальное прошлое. В. Хлыстун считает, что «роль экстремистско-террористических организаций «Исламский фонд двух святынь» («Аль-Харамейн») и «Объединение мусульманской боснийской молодежи» в финансирование, вербовки и отправки наемников в указанные страны было значительным» [288, с. 7].

По мнению политических обозревателей, «Исламское государство» было инструментом США и его союзников с целью выдавливания Ирана и России из региона [383, с. 89]. Почти по аналогичному алгоритму в первые годы независимости Таджикистан был втянут во внутривнутриполитический конфликт. Коммунистическая идеология, как светское мировоззрение утратила свою актуальность, общество деморализовано, единственной альтернативой стал де-факто национальный и религиозно-политический экстремизм, так как после снятия «железного занавеса», в регионе усилилось влияние общественных и религиозных объединений, поддерживаемых некоторыми арабскими странами, а молодые люди Таджикистана получили возможность обучаться в религиозных учреждениях зарубежных исламских государств, в которых основной уклон в преподавании делался на внушение насильственного мировоззрения ваххабитского толка. Напомним, что ваххабитами являются приверженцы религиозно-политического течения в исламе, возникшего в XVIII веке в Центральной Аравии (Неджде), основателем которого считается Мухаммед ибн Абд-аль-Ваххаб, главным догматом которых является вера в единого бога (муваххиддун – единобожие), отвергающие новшества, появившиеся в процессе развития ислама, считая их привнесенными извне.

Противоборство Партии исламского возрождения (далее – ПИВ) с тогдашней легальной властью стали первопричиной братоубийственной войны 1992 года [144, с. 120], которая продолжилась вплоть до подписания Соглашения об установлении мира и национального согласия в Таджикистане в июне 1997 г. Следует отметить, что религиозно-политическая мотивация экстремизма наблюдалась не только в экстремистско-террористической деятельности ПИВТ, в те же 90-годы параллельно «прослеживается расширение и влияние экстремистской исламской партии «Хизб-ут-Тахрир», являющейся одним из ответвлений религиозной организации «Ихван-уль-муслимин» («Братья-мусульмане»))» [186, с. 35-39; 379, с. 64-65]. Приведенные К.М. Мухаббатовым данные

подтверждают, что «только за три года (1999-2002) было возбуждено 126 уголовных дел в отношении 276 лидеров и членов этой организации» [237, с. 15]. Наравне с указанными экстремистско-террористическими организациями создание «исламского халифата» преследовали такие организации как «Аль-Каида»; «Исламское движение Восточного Туркестана»; «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»); «Движение Талибан»; «Братья мусульмане»; «Лашкар-е Тайба»; «Джамият-е-Ислам-и Пакистан»; «Джамият-е Таблиг»; Религиозно-миссионерская организация «Созмони таблигот» («Призыв исламу») и «Джабхат-ан-Нусра».

Более того, схожую ситуацию об экстремистской преступности в 2000-е годы можно было проследить и Ферганской долине, Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областях Узбекистана и Боткентской области Кыргызстана, где происходило расширение поля деятельности экстремистской организации «Хизб-ут-Тахрир» и других вышеуказанных экстремистско-террористических организаций. В результате этого, только в Кыргызстане и в Узбекистане тысячи молодых людей вступили в ряды этих организаций [301].

Следует отметить, что в регионе религиозно-экстремистский фактор по сей день дает о себе знать. Например, Г. Харлен отмечает, что «в 2015 году тысячи исламских боевиков из Дагестана, Чечни, Ингушетии и Кабардино-Балкарии – так называемых провинций «Имарат Кавказ», объявили о присоединении к «ИГИЛ» [462]. В указанные годы «число боевиков-выходцев из бывшего СССР, примкнувших к «ИГИЛ», приближалось к 7 тыс. человек» [419].

После подавления «ИГИЛ» в Сирии и Ираке, постепенно часть боевиков, в том числе, выходцы из стран СНГ были переброшены в Афганистан, протяженность государственной границы которой с Таджикистаном составляет более 1400 км. В январе 2015 г. боевики ИГИЛ располагались уже в 11 провинциях Афганистана [461]. Многие из этих

бойцов ранее входили в состав экстремистско-террористической группировки «Тахрики талибы Пакистана», «Исламское движение Узбекистана» и ряда террористических группировок Центральной Азии.

Однако простое констатирование угрозы, исходящей от этой тенденции, не является достаточным решением текущей проблемы. Необходимо дать четкий ответ на два вопроса: «Почему экстремизм развивается в странах мусульманского мира?» и «Что делать, чтобы граждане региона ни примыкали к экстремистско-террористическим организациям?».

На наш взгляд, одним из основных внутренних факторов распространения религиозно-политического экстремизма в исламском мире, в том числе в Пакистане, Афганистане, а также в странах Центральной Азии является беспрецедентный рост численности населения, порождающий проблемы в сфере образования, экономики, миграции и социального обеспечения населения. Например, население Республики Таджикистан в 1991 году составляло 5,5 миллионов человек, а по состоянию на 1 января 2024 года этот показатель составлял уже 10,3 миллиона. За последние десятилетия прирост населения в среднем составлял 2,3% в год, что является одним из самых высоких показателей в регионе [426]. Однако несмотря на то, что Правительство Республики Таджикистан уделяет большое внимание науке и образованию (например, за последние 10 лет научным учреждениям страны было выделено более 1,2 млрд сомони на реализацию 3354 заказных научно-исследовательских проектов) [426], имеются серьезные просчеты в сфере подготовки научных, научно-педагогических кадров, подготовке учебников, отражающих идеи национальных ценностей, культуре, патриотизме, любви к родине и идеологическим основам противодействия экстремизму.

Например, Президент Республики Таджикистан, Лидер нации, уважаемый Эмомали Рахмон на встрече с учеными и работниками образования страны 30 мая 2024 года отметил, что «В системе науки и образования страны имеются два важных учреждения – Академия

образования Таджикистана и Научно-исследовательский институт развития образования, на которые возложены задачи проведения научных исследований по проблемам образования и воспитания, а также повышения качества образования. Однако анализ показывает, что деятельность этих научных учреждений не очень эффективна. Одной из актуальных проблем этих учреждений на протяжении многих лет является разработка государственных образовательных стандартов, учебников и повышения уровня педагогического мастерства учителей. Вышеуказанные структуры до сих пор не разработали учебники, отражающие идеи о национальных ценностях, культуры, патриотизма, любви к родине и другим общечеловеческим ценностям, формирующим идентичность нашего народа» [426].

Видный научный деятель, председатель ГКНБ республики С.С. Ятимов «в облике современного экстремизма и искусственной политизации ислама» в обозримом будущем видит «непосредственную угрозу для конституционного строя, мира и стабильности в Таджикистане» [317, с. 41].

Применительно к проблемам противодействия обще-социальным причинам экстремистской преступности, которые имеют научно-исследовательский и педагогическо-образовательный характер, отмечается и в пункте 11 (подпунктов 1-4) Плана действий по реализации Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы, утвержденного Приказом Президента Республики Таджикистан в 2021 году, в целях расширения прав и возможностей молодежи в образовательных учреждениях, указывается о необходимости совершенствования образовательных программ и методики преподавания по предметам и темам, содействующим воспитанию учащихся в духе патриотизма, уважения к человечеству и его правам, независимо от национальности и вероисповеданию, а также нетерпимости к экстремизму и терроризму. В качестве приоритетных направлений в подпунктах 1-4 п. 11 данной Стратегии указывается:

1) включение в учебные программы гуманитарных дисциплин, в том числе истории, литературы, обществознания, прав человека и т.д. в образовательных учреждениях всех уровней тем, направленных на воспитание учащихся в духе патриотизма, повышения национального самосознания, любви и преданности национальным ценностям и традициям, уважения к людям независимо от национальности и вероисповедания, нетерпимости к проявлениям экстремизма и терроризма;

2) увеличение количества аудиторных часов, практических и внеклассных занятий в общеобразовательных учреждениях по предмету «История таджикского народа»;

3) разработка и внедрение новых образовательных стандартов и методов обучения и повышение профессионального уровня педагогических кадров по противодействию экстремизму и терроризму;

Минобрнауки, Национальная академия наук и Академия государственного управления при Президенте Республики Таджикистан были исполнителями данного предписания. Однако, к сожалению, приходится констатировать тот факт, что ни один из вышеуказанных пунктов не был выполнен на соответствующем уровне. Такой просчет выглядит удивительным еще и потому, что, как указывалось выше, за последние 10 лет научным учреждениям страны было выделено более 1,2 млрд сомони на реализацию 3354 заказных научно-исследовательских проектов [426].

Аналогичный просчет в сфере образования и подготовки кадров в сфере противодействия идеологическим корням экстремизма были допущены еще с 2008 году. Так, в п. 2.6 Государственной программы по борьбе с преступностью в Республике Таджикистан на 2008-2015 гг. [80], Правительство Республики Таджикистан обязывало Министерство образования и науки Республики Таджикистан и Национальную академию наук Таджикистана разработать предмет «Исламское просвещение» для общеобразовательных школ, соответственно, подготовить квалифицированные кадры по преподаванию данной дисциплины. Однако, в

силу отсутствия реформаторской мудрости у исполнителей данной Программы, предмет «Исламское просвещение» был снят с учебной программы общеобразовательных учреждений.

Как следствие этому – в настоящее время у большинства молодых людей бытует вполне устойчивое мнение относительно того, что «все неисламские религии, в том числе иудаизм и христианство – куфр» [456], «общественно-политическое устройство, деятельность совещательных органов, а также всенародное голосование являются чуждыми исламскому обществу» [276], «ведение войны во имя мученичества и для распространения ислама как напрямую, так и путем увеличения числа воинов и поддерживающего эти идеи населения, мобилизации всех усилий для исполнения воли Аллаха считается джихадом» [139], «возрождение начнется меньшинством, которое изолируется от общества варварства и противится ему, не признает для себя в нем ни родины, ни семьи, ни связей, ни законов, ни обычаев. Ими признается только одна бесспорная вещь – разрушение силой и насилием, полное уничтожение, не оставляющее большого и малого. Прежде всякой дискуссии или убеждения необходимо свергнуть правящие режимы, так как они варварские, даже те, которые призывают к исламу в своих документах и конституциях» [168, с. 97-98], «нельзя смешивать сотворенным Богом порядки с созданными людьми» [169, с. 79] и т.д.

На современном этапе «салафиты» по всему миру действуют на основе экстремистской идеологии Ибн-Таймии, которая противоречит основным канонам «ханафитской» школы. Например, «салафиты уничтожают все построения при могилах пророков, праведников, историческое и культурное наследие конкретных наций и народов» [141, с. 156]. Они считают, что суфии поклоняются могилам и занимаются «черной магией».

Однако с точки зрения мусульманского права, есть очень много весомых анти-экстремистских аргументов, основанных на источниках Корана и Сунны и других неопровержимых исторических фактах. Например, в священном Коране есть сура под названием «Шуро» (Совет), в 38-м аяте

которого обмен мнениями и взаимное совещание признается как одно из главных качеств мусульманина: «...дело их по совещанию между ними, и тратят они из того, чем Мы их наделили». В другой суре Корана (3:15) Всевышний Аллах дает четкое указание Пророку Мухаммаду (с) учитывать мнение народа при принятии важных решений: «извини же их и попроси им прощения и советуйся с ними о деле».

Исходя из традиций исламской идеологии можно выявить множество положений Корана, которые способны помочь в решении актуальных современных проблем, имеющих религиозные корни. Например, в Коране сказано, что «Не следует верующему убивать верующего, разве только по ошибке, а если кто убьет верующего умышленно, то воздаянием ему - геенна, для вечного пребывания там» (Коран, 4: 94-95). Также Всевышний Аллах настойчиво напоминает верующим, что мусульмане и другие люди Писания связаны одной верой в Него, Всевышнего Творца: «И не препирайтесь с обладателями Писания, но только добром боритесь, кроме тех, которые несправедливы, и говорите: «Мы уверовали в то, что ниспослано нам, и вам ниспослано. И наш Бог и ваш Бог един, и мы Ему предаемся» [148] (Коран, 29:45).

Как справедливо отмечает Ф.С. Хайруллоев, по мнению ряда видных религиозных ученых, таких например, как Хасан аль-Басри, Абу Ханифа, Аль Газали, само восстание недопустимо, если оно осуществляется в рамках запрещения осуждаемого, которое является предписанным долгом (т.е. даже фарзом), так как это имеет тяжкие последствия [232, с. 16]. На этом фоне выглядит справедливой позиция тех авторов, считающих, что порядок, установленный пророком Мухаммадом (с) на основании положений Корана, является не политическим, а «педагогическим». Он имел целью обучение людей священному писанию и мудрости для того, чтобы вывести их из мрака на свет, направить их к истине и прямому пути» [243, с. 43].

О непригодности халифата для мусульман детально говорит и Абд-ар-Разик (1888-1966) в своей книге Аль-ислам ва усуль аль-хукм (Ислам и

основы власти). Он призывает мусульман в государственном управлении «обратиться к суждениям разума, опыту нации и правилам политики» [107, с. 201]. Консультант кабинета министров государства Кувейт Ахмад Камаль Абу-ль-Маджд на основе исторических фактов, также отвергает представление о халифате как «чисто божественной власти». Он отмечает, что «духу» ислама соответствует светская политическая власть, при которой возможно обеспечить справедливость, свободу и участие всех в государственном управлении [255, с. 22-23].

Изучение и анализ уголовных дел, научной литературы [379, с. 74-77], текстов-стихов Корана и Хадисов Пророка, а также известных тафсиров (комментариев) Корана показывают, что религиозно экстремистская идеология террористических организаций преподносит людям новую интерпретацию ислама, далекую от истинных исламских источников.

Тем не менее, существует противоречие в том, что западные государства и международные институты полностью осведомлены о подверженности молодых людей в регионе Ближнего Востока и Центральной Азии дефициту религиозного образования, а также о разнообразии религиозных школ в исламе, исторически разделенные и соперничающие, где каждая утверждает свою истинность и правоту в отношении собственного мазхаба, течения или секты и т.д.

Более того, международные институты и западные государства совершенно четко представляют ситуацию о террористической опасности в данном регионе, основанной на религиозно-политическом факторе. При этом всякие правовые ограничения религиозно-воинствующего экстремизма в развивающихся странах расцениваются ими как ограничения религиозных прав и свобод человека и гражданина. Так, специальный докладчик ООН по вопросам свободы религии или убеждений Назила Гани критикует законодательство республики в области ограничения посещения мечетей несовершеннолетними в учебное время, запрещении деятельности несанкционированных мечетей, установлении возрастного ценза для

совершения хаджа в 40 лет и запрещении ношения хиджаба в общественных местах. Далее международное сообщество выражает озабоченность в связи с запретом назначения на должность имамов лиц, получившим религиозное образование в Иране, Пакистане, Египте и Саудовской Аравии [438].

В целях подтверждения необоснованности позиции международных организаций по ущемлению религиозных свобод граждан приведем несколько фактов. За последние годы правоохранными органами республики выявлено десятки фактов причастности имамов, ранее получивших религиозное образование за границей к экстремистско-террористическим организациям. Такие имамы в некоторых районах республики вербовали молодежь в ряды религиозно-экстремистской организации «Братья мусульмане». Так, в Канибадаме – 6 чел., в районе Дж. Расулова – 1 чел., в районе Б. Гафурова – 1 чел., в Гулистане 1 чел. и городе Худжанде 2 чел. [203, с. 124]. Тревожная сторона этой ситуации еще и в том, что к такой вербовке привлекаются даже преподаватели. Так, в Национальном университете и Международном университете языков имени С. Улугзаде преподавателями были завербованы 124 студента в ряды религиозно-экстремистской организации «Братья мусульмане» [203, с. 125].

9 марта 2024 года Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон на встрече с активистами, представителями общественности и религиозными деятелями страны напомнил, что 6 ноября 2019 г., при нападении на блокпост пограничных войск «Ишкабад» в результате которого были убиты 6 военнослужащих, одним из членов террористической группировки – пожилая женщина ножом убила часового, поверившего ей как женщине – матери [203, с. 125]. Это ли не подтверждение опасности идеологии религиозно-политического экстремизма.

Следует отметить, что на уровне микросреды содержание экстремистской преступности и экстремистское поведение приобретают особенные черты, связанные с их конспиративностью, преданностью своей

идеологии и мобилизующие завербованные лица к «мусульманскому повиновению», совершению «джихада» во имя Аллаха. Опасность данной тенденции заключается в том, что экстремисты прежде всего вербуют своих жен, детей, близких родственников и друзей, что усложняет на более ранней стадии выявлять и пресекать их преступную деятельность.

Прослеживаются единичные случаи вербовки сотрудников правоохранительных органов. Члены экстремистско-террористических организаций совершают дерзкие террористические акты в отношении работников исправительных учреждений. Так, 8 ноября 2018 г. около 20 заключенных и двое охранников погибли во время бунта членов «ИГИЛ» в колонии строгого режима в Худжанде, активными членами которого были жители района Исфары Согдийской области. 19 мая 2019 года тюремный бунт, начатый заключенными боевиками «Исламского государства» (ИГИЛ) в исправительном учреждении города Вахдат привел к гибели 32 человек, в том числе 24 боевиков ИГ. По мнению иностранных специалистов, исправительные учреждения превратились в центры вербовки новых членов экстремистско-террористических организаций. Именно здесь вербуются заключенные, ранее совершившие общеуголовные преступления [383, с. 163].

Некоторые ученые отмечают, что жесткие условия в исправительных колониях многих стран способствуют радикализации и примыканию некоторой части осужденных к экстремистско-террористическим группировкам [329, с. 175-202]. Например, французский социолог Фархад Хосрохавар утверждает, что «государство не подготовило какие-либо институциональные барьеры на пути распространения исламизма в местах заключения» [324]. Д.А. Нечитайло отмечает, что «во французских тюрьмах отсутствует регулируемая государством деятельность имамов» [383, с. 165-167]. Аналогичная ситуация прослеживается в тюрьмах США, Испании [245, с. 84], Франции [383, с. 165-166], Германии, Китая [383, с. 527], Индии [463], Бангладеш [383, с. 539-540], Таиланда, Индонезии, Малайзии и Филиппин.

Необходимо отметить, что только в Саудовской Аравии реализуется специальная реабилитационная программа в отношении радикальных исламистов, согласно которой максимальное внимание уделяется системной и научно-обоснованной дерадикализации мышления таких лиц с широким применением норм шариата и привлечением авторитетных теологов. В рамках указанной программы были созданы 5 специализированных тюрем, из расчета на содержание 1200 заключенных в каждой. В целях координации деятельности компетентных органов государства и качественного исполнения требований программы был создан «Совещательный комитет» со своими структурными подразделениями в 7 крупных городах королевства [321, с. 18].

Как нами было отмечено выше, в связи с содержанием общеуголовных преступников вместе с радикальными исламистами, «тюрьмы становятся конвейерами воспроизводства религиозного экстремизма» [321, с. 18]. По мнению многих экспертов и опрошенных нами лиц [См.: Приложение №2], исправительные учреждения государств-участников СНГ не справляются с исправлением религиозных экстремистов.

Следует отметить, что согласно требованиям прежней Национальной стратегии [87], приоритетные направления государственной политики по противодействию экстремизму и терроризму наравне с повышением уровня правовой культуры общества, устранением социально-экономических предпосылок экстремизма признавались:

- формирование национальной идеи и усиление идеологической работы;
- противодействие использованию Интернета в экстремистских и террористических целях;
- работа с трудовыми мигрантами;
- пресечение распространения экстремистских и радикальных взглядов в исправительных учреждениях;

- профилактика экстремизма и радикализации среди сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих;
- совершенствование мер преследования и ответственности за экстремистские и террористические действия;
- участие гражданского общества и частного сектора в противодействии экстремизму и терроризму.

В п. 94 Стратегии факторами, стимулирующими экстремистские настроения среди сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, были признаны «несправедливое отношение со стороны руководства (начальства), недовольство службой, неуставные взаимоотношения, жилищные и семейные проблемы, моральная неустойчивость, недостатки политико-воспитательной работы и т.д.[87].

В Концепции государственной политики Республики Таджикистан в сфере религии, утвержденной Указом Президента Республики Таджикистан в 2018 году указывается, что за последние два десятилетия на религиозном пространстве Таджикистана расширяется миссионерская деятельность различных зарубежных неисламских течений, имеющих экстремистский и радикальный характер, что вызывает у научно-культурной общественности республики определенную обеспокоенность. Расширение деятельности экстремистских организаций ставят под угрозу национальную безопасность и социальную стабильность в обществе, отмечается о серьезных проблемах в области получения религиозного образования гражданами республики за рубежом и их примыкания к экстремистским группировкам [84].

За последние 10 лет новые телекоммуникационные технологии и многочисленные платформы социальных сетей Интернета привели к беспрецедентному росту национализма, социального радикализма и религиозного фундаментализма» [383, с. 6], так как из расчета каждые 10 млн. чел. в странах Центральной Азии, более 4 миллионов имеют многофункциональные мобильные телефоны и доступ к Интернету (например, в 2024 году число пользователей Интернета в Таджикистане

составило более 4,2 млн. человек) [426], в связи с чем, сегодняшние реалии таковы, что 90% лиц, подверженных экстремистско-террористической идеологии вербуются именно по Интернету. Многие завербованные лица не имеют жизненного опыта, политической зрелости и соответствующего образования. Основная масса таких лиц (85%) имеют только неполное или полное среднее образование или закончили колледжи и техникумы.

По мнению Дж. Пула, «для многих молодых людей межличностное взаимодействие посредством Интернета на основе общей идеологии «чистого ислама» позволяет получить альтернативную идентичность «глобального джихада» независимо от географической принадлежности» [322, с. 7]. Далее автор отмечает, что «в интересах всемирного движения «джихад» в виртуальном мире действует около 5600 сайтов, причем каждый год открывается около 900 новых» [322, с. 8].

Применительно к молодежи Таджикистана необходимо отметить, что чаще всего завербованные в экстремистско-террористические группировки (85%) использовали приложения Viber, WhatsApp и т.д., так как при помощи таких приложений возможно совершение дешевых телефонных звонков, передавать текстовую, видео и аудиоинформацию. Идеологи экстремизма посредством приложения-рации Zello по Интернету организуют религиозно-экстремистские диспуты в онлайн-режиме одновременно с 1000 клиентами. Также для привлечения молодежи в экстремистские группировки экстремисты-рекруты весьма умело используют социальные сети Интернета, такие как «Одноклассники» (OK.ru), Mail.ru, Twitter, YouTube и другие.

Видный отечественный ученый Д. Зоир «популяризацию экстремистских идей и их манипуляции в сети Интернет считает одним из доминирующих факторов примыкания молодежи в экстремистско-террористические группировки» [274, с. 74], так как 85% таких лиц используют приложения Viber, WhatsApp и т.д.

Д.Дж. Саиб подтверждает, что «YouTube стал важнейшей медиа-платформой для экстремистов, так как его посещают около 70 миллионов

пользователей в день» [253, с. 26]. На указанной платформе террористические организации помимо прочего представляют инструкции по организации и совершению террористических актов [253, с. 27]. Такие организации в пропаганде идеологии и практики терроризма широко используют террористические сайты и транснациональные телеканалы на разных языках мира, однако такие локации расположены в зарубежных странах Запада и Востока, что усложняет их выявление и блокировку. Таковыми например, являются сети «Висоли Хак», «Таухид», «Калима», «Висоли Порси», «Карван Муджахиддин» и «Ахли Байт» и т.д. [211, с. 54].

По мнению исследователей, радикалистами по Интернету может быть получено до 80% информации о важных объектах инфраструктуры государства [327, с. 2] и наиболее «эффективных» методах террористических атак [289, с. 24; 319, с. 81-94].

Дело в том, что десятки экстремистских идеологов Афганистана (пуштуны, таджики, узбеки и т.д.) распространяют экстремистское мировоззрение по Интернету на персидском (дари) языке, который таджикская молодежь прекрасно понимает, соответственно, воздействие такой идеологии на наших соотечественников гораздо выше, чем в других странах региона.

Затрагивая вопрос о противодействии киберпреступности и обеспечения информационной безопасности с уголовно-правовой и криминологической точки зрения Л.Л. Бошаева отмечает, что с точки зрения виктимности «лиц, склонных к вербовке по Интернету проводят много времени в социальных сетях, отдаляются от близких родственников и друзей; у них появляются проблемы в учебе, они становятся агрессивными и или наоборот, замкнутыми» [341, с. 16]. А в связи с тем, что практически невозможно заблокировать все экстремистские сайты, самым эффективным методом является комплексное и системное противодействие экстремистской идеологии в СМИ и по Интернету.

Справедлив А.А. Смирнов в том, что «контрпропагандистская работа требует выделения финансовых ресурсов. Наиболее затратными являются мероприятия, связанные с производством и распространением контента антиэкстремистской направленности (печатных изданий, баннеров, видеороликов и т.п.)» [214, с. 58], однако данное направление является одним из самых слабо обеспеченных в ресурсно-технологичном плане.

Видимо мы давно забыли, что «контрпропаганда как идеологическое оружие в полной мере проявляет свою эффективность при ее систематическом ведении, комплексном характере, постоянном анализе результатов и возникающих проблем» [125, с. 290].

Следует отметить, что «мониторинг представляет собой исследование массивов данных в Интернете, поиск, структурирование и анализ информации об объекте» [200, с. 21]. В нашем случае, объектами мониторинга являются все экстремистско-террористические материалы, лица, осуществляющие пропаганду и ее распространение, а так же лица, содействующие и финансирующие такую деятельность, обучающие молодежь экстремистскому мировоззрению и т.д.

А.А. Смирнов отмечает, что «разработаны определенные поисковые системы (например, АИС компания «СЕУСЛБ» (РФ), который в открытом пространстве социальной сети «ВКонтакте» может провести поиск и мониторинг информации о распространении радикального ислама, разжиганию розни и вражды, призывах к примыканию к «ИГИЛ» и т.д. Так же разработаны система раннего выявления пользователей социальных сетей под названием «Георгий Победоносец» и АИС компании «Крибум», что «обеспечивают автоматический анализ полученной информации, включая их в Единый реестр Минкомсвязи» [298, с. 74].

В этом контексте заслуживает внимания и позиция В.А. Чукреева, который, рассматривая вопрос о криминологической безопасности личности отмечает, что «на фоне негативных тенденций криминогенных факторов следует говорить о косвенных свидетельствах высокого уровня латентности

преступлений, сопряжённых с посягательствами на социальную сущность человека, когда большая часть преступлений, совершаются анонимной личностью с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» [415, с. 21].

Более того, многие молодые люди, попавшие в ловушку вербовщиков-террористов по Интернету, оказавшись в реальных террористических условиях и становясь свидетелями нечеловеческих и дерзких преступлений активных членов таких организаций, не могут покинуть зону боевых действий по собственному желанию.

Д.А. Конев отмечает, что «действующая международная правовая база требует нового подхода по решению проблем о принятии единых правил и создания институциональных механизмов по обеспечению криминологической безопасности в сфере цифровых технологий. Приоритетной считается задача по разработке предупредительной системы (профилактики, предотвращению, пресечению) в сфере цифровых технологий» [358, с. 11-12]. Ученый предлагает озадачить интернет-провайдеров при заключении договора по оказанию услуг устанавливать личность и наличие регистрации идентификатора (MAC – адреса) устройства и при предоставлении доступа к общедоступным сетям Wi-Fi осуществлять соответствующий контроль и идентификацию клиента.

Заслуживает внимания и его предложения о том, что «обеспечение криминологической безопасности в указанной сфере возможно только при взаимодействии правоохранительных органов с коммерческими структурами, имеющими значительный опыт по проектированию, производству, внедрению и эксплуатации информационных продуктов а также предоставление информационных услуг» [358, с. 14].

В ходе проведения социологического опроса среди 300 сотрудников ОВД РТ (руководителей, оперативников, следователей, слушателей, преподавателей), к числу основных факторов, детерминирующих экстремизм и терроризм 195 опрошенных или 65% респондентов указали на нехватку

профессиональных педагогов, теологов, журналистов, отсутствие специальной дисциплины по противодействию религиозно-политическому экстремизму в образовательных учреждениях и слабой контртеррористической пропаганде в СМИ и по Интернету [См.: Приложение №1]. О проблемах противодействия экстремизму среди трудовых мигрантов и исправительных учреждениях органов юстиции указали 199 чел. или 66,33% респондентов [См.: Приложение №1].

Изученные нами уголовные дела также подтверждают, что вербовщики в 85,7% случаях вербуют молодежь по Интернету путем их обучения в религиозно-экстремистских группах, созданных на платформах «Вотсап», «Вайбер», «Имо», «Телеграмм», «Тик-ток», «Ок.ру», «Фейсбук». Таким образом, можно прийти к выводу о том, что на современном этапе вербовка лиц в экстремистские группировки, пропаганда, призывы и оправдание экстремистской идеологии, а также распространение экстремистских материалов в основном осуществляется в тайном или открытом виде по Интернету. Поэтому доминирующую роль в формировании экстремистского мировоззрения молодежи в первую очередь играет систематическое распространение экстремистской идеологии именно в Интернете.

Массовая трудовая миграция так же сопутствует данной тенденции, так как находясь на чужбине, несведущая часть молодежи, почувствовав «запах свободы», бесконтрольность религиозного образования, безнаказанность за распространение насильственной идеологии, несвоевременное реагирование правоохранительных структур на экстремистские взгляды, отчужденность от родителей и в силу ряда других социально-экономических проблем в жизни мигрантов, становятся очень уязвимы перед влиянием экстремистской идеологией. Поэтому незаконная трудовая миграция на уровне концептуальных документов признается одним из факторов возникновения экстремизма [87]. Ежегодно более 650 тыс. мигрантов из Таджикистана выезжают на заработки в Россию, Казахстан и другие страны, где в основном заняты сезонными работами в сфере торговли, сельского хозяйства и

строительства. Необходимо отметить, что более 1 млн. мигрантов республики «как в Европе, так и в России и Турции наравне с другими мигрантами из стран мусульманского мира создают молельные дома, в которых нередко проповедь читают радикальные «салафиты»» [383, с. 569].

На наш взгляд, в силу исторических факторов, неразвитость и архаичность религиозного мышления в некоторых регионах Таджикистана приобрели предвзятый и в определенной степени суеверный характер. Почти аналогичная позиция нашла отражение и в Концепции государственной политики Республики Таджикистан в сфере религии [84].

Проведенный нами социологический опрос среди широких слоев населения: «50 учащихся средних общеобразовательных школ, 50 учащихся техникумов, колледжей, 100 студентов вузов, 50 мигрантов, 30 ученых, 50 преподавателей, 100 работников правоохранительных органов и 20 теологов о фундаментальных основах религии ислама» показывает, что у более 90% указанных категорий лиц (за исключением теологов) самое низкое мировоззрение о сущности и содержании религии ислама. Однако, все они считают себя истинными мусульманами и свою религиозную школу самой правильной [См.: Приложение №1].

На вопрос «Сколько текстов стихов Корана вы знаете наизусть на арабском языке и значение скольких таких постулатов вы знаете на родном языке?», начиная от школьников старших классов и заканчивая учеными и педагогами (за исключением теологов), на арабском языке знают от 3 до 15 постулатов священного Корана, почти столько же Сунн Пророка (с). А на своем родном языке 99% школьников и студентов содержания ни одного постулата не знают. Ученые и педагоги на своем родном языке знают только сущность 1-2 текстов-стихов Корана. Более 85% теологов и имамов в совершенстве знают сущность и содержание всего 35% стихов Корана на двух языках (арабском и таджикском) [См.: Приложение №1]. Более того, у них нет четкого представления о сущности и содержании других враждебно-настроенных между собой религиозных течений в исламе. У большинства

опрашиваемых очень низкое политическое мировоззрение, соответственно, различать геополитическую конъюнктуру заинтересованных враждебных государств и экстремистско-террористических организаций под лозунгом распространения «чистого ислама» им очень сложно [См.: Приложение №1].

На вопрос: «Изучали ли Вы произведения основателя религиозной ханафитской школы Имама Абуханифы и его последователей, таких, как Руми, Матуриди, Санои и т.д.?» и несмотря на то, что более 90% опрошенных лиц в общем знают, что Имам Абуханифа и его последователи (Руми, Матуриди, Санои и др.) являются представителями миролюбивой ханафитской религиозной школы, сущности и содержания ни одного произведения указанных религиозных деятелей назвать не смогли. Всего 8-12% ученых и преподавателей имеют общее представление о сущности и содержании научно-педагогических произведений этих религиозных деятелей [См.: Приложение №1].

Сложившаяся ситуация в обществе подтверждает объективные причины экстремистской преступности. Мы полагаем, что для фундаментального понимания сути ислама необходимо знание арабского языка, на изучение которого требуется не менее пяти лет. Чтобы разобраться в содержании текстов Корана и предписаний Сунны, а также в причинах и условиях разделения ислама на многочисленные течения и секты потребуется столько же времени. Выступления перед широкой аудиторией, в том числе перед людьми, получившими образование в религиозно-экстремистских школах за рубежом и владеющими тонкостями религиозной полемики, требуется ещё пять лет. Таким образом, чтобы стать авторитетным представителем ханафитской школы, способным понимать тонкости религиозных предписаний и направлять общество в созидательное русло, необходим 15-летний кропотливый труд, а также значительные финансовые и материальные затраты.

Это говорит о высоком уровне религиозной безграмотности широких слоев населения Центральной Азии и других государств региона, которому

сопутствуют исторические, ментальные, образовательные, психологические, информационные и другие объективные факторы, о которых мы говорили выше. Однако, официальное духовенство всех государств-участников СНГ, ученые, педагоги, теологи и представители интеллигенции, в связи с отсутствием у них профессионального и качественного образования об устоях священной религии ислама, выбирают роль наблюдателей, придерживаясь нейтральной позиции по отношению к данной проблеме, тем самым косвенно содействуя данной негативной тенденции.

С учетом вышеизложенного, применительно к причинам и условиям экстремистской преступности, можно прийти к следующим теоретическим выводам и практическим рекомендациям:

I. Теоретические выводы:

1. К обще-социальным (внутренним) причинам и условиям экстремистской преступности, которые в совокупности составляют факторы, детерминирующие экстремизм и проявляющиеся не от воли и сознания человека (объективные причины) следует отнести:

1) исторические, психологические, религиозно-культурные и общественные, а также политические предпосылки;

2) беспрецедентный рост численности населения, порождающий другие причины преступности;

3) социально-экономические, нравственно-духовные, образовательные и санитарно-гигиенические;

4) организационно-правовые, научно-педагогические и информационно-пропагандистские;

5) правовые и правоохранительные факторы.

2. В организационно-правовом, научно-педагогическом и информационно-идеологическом плане к объективным обще-социальным (внутренним) причинам экстремистской преступности, следует отнести:

1) отсутствие скоординированной научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности соответствующих государственных

учреждений, министерств и ведомств по изучению природы религиозно-политического экстремизма;

2) отсутствие совершенных государственных стандартов, учебных дисциплин и специальных курсов в общеобразовательных школах, колледжах, техникумах и вузах республики по противодействию экстремизму;

3) отсутствие квалифицированных преподавателей, идеологов и теологов на всех уровнях (в школах, вузах, мечетях, СМИ и других информационных платформах);

4) отсутствие механизма оценки и контроля качества образования учащихся, студентов и педагогов в этом направлении.

3. К специальным (внутренним) социальным причинам и условиям экстремистской преступности, которые в совокупности и составляют факторы, детерминирующие экстремизм и проявляются не от воли и сознания человека (объективные причины) следует отнести:

1) противоречие бытия и сознания духовной сферы общества;

2) потребность в получении религиозного образования и проблемы религиозного просвещения;

3) обостряющаяся конфронтация экстремистских организаций и официального духовенства;

4) бесконтрольное паломничество и отчуждение молодежи от ханафиского мазхаба;

5) неконкурентоспособность духовенства, религиозных школ, мечетей и интеллигенции в противодействии идеологии экстремизма.

4. К обще-социальным (внешним) причинам и условиям экстремистской преступности, которые в совокупности составляют факторы, детерминирующие экстремизм следует отнести:

1) геополитические интересы западных стран на Ближнем Востоке и Центральной Азии;

2) геополитические интересы мусульманских государств в Центральной

Азии;

3) внешняя трудовая миграция и ее последствия для религиозного мировоззрения мусульман Центральной Азии;

4) влияние функционирующих экстремистско-террористических организаций в Афганистане, Пакистане и других мусульманских странах на сознание молодежи в странах Центральной Азии;

5) современные информационно-коммуникационные технологии как средство распространения экстремистского мировоззрения;

6) получение незаконного религиозно-экстремистского образования за рубежом;

7) паломничество как фактор религиозной безграмотности населения.

5. К индивидуальным причинам и условиям порождения экстремизма относятся:

1) морально-психологическая идентичность молодежи;

2) религиозно-экстремистская микросреда (влияние близких родственников, друзей на мировоззрение молодежи);

3) жестокость, зависть, «солидарность» и месть за «братьев мусульман» как элементы формирования личности экстремиста (об этом более подробно остановимся при рассмотрении следующего параграфа).

II. Практические рекомендации:

1. Методология противодействия религиозно-политической идеологии требует законодательной регламентации обязанностей и правовой ответственности должностных лиц компетентных органов государства, в том числе научных, научно-педагогических учреждений (Министерства образования и науки Республики Таджикистан, Национальной академии наук Таджикистана, Академии образования Таджикистана, Центра исламоведения и других аналогических научных и научно-педагогических центров, а также определить статус координирующего органа по разработке междисциплинарных научных исследований в сфере противодействии экстремизму.

2. Разработать государственные стандарты, программы, учебники и специальные курсы по противодействию религиозно-политическому экстремизму для общеобразовательных школ, колледжей, техникумов и вузов республики. Организовать при Министерстве образования и науки Республики Таджикистан курсы повышения квалификации педагогов всех уровней (общеобразовательных школ, колледжей, техникумов и вузов) по противодействию религиозно-политическому экстремизму.

3. Разработать специальные курсы по противодействию религиозно-политическому экстремизму для имамов мечетей и организовать при Министерстве образования и науки Республики Таджикистан краткосрочные курсы по методике преподавания религиозно-политических учений с точки зрения ханафистской школы среди широкого круга общественности.

4. В целях дерадикализации осужденных за экстремизм лиц, организовать в исправительных учреждениях Министерства юстиции Республики Таджикистан специальные курсы по противодействию религиозно-политическому экстремизму.

5. Подготовка высококвалифицированных специалистов-идеологов (политологов, журналистов, филологов, теологов, правоведов, психологов) по противодействию религиозно-политическому экстремизму в СМИ и по Интернету. Создать при Комитете радио и телевидению при Правительстве Республики Таджикистан Комиссию по экспертизе и оценке выступления широкого круга специалистов по противодействию религиозно-политическому экстремизму и на законодательном уровне определить обязанность данного Комитета по распространению видео и аудио анти-экстремистских материалов в СМИ и по Интернету.

6. Организовать специальную государственную Комиссию по изучению и оценке содержания государственных стандартов, программ, учебников и специальных курсов по противодействию религиозно-политическому экстремизму с последующим мониторингом качества усвоения этих материалов школьниками, студентами, педагогами и имомхатибами.

3.3. Характерные признаки личности экстремиста

Личность преступника всегда была проблемой всех наук «криминального» профиля и в первую очередь, криминологии. Изучение личности экстремиста на современном этапе приобрела особую актуальность, так как такой индивид может угрожать не только обществу и государству, но и каждому, кто не разделяет его мировоззрение и личные амбиции, исходя из того, что сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, «в своей действительности он есть совокупность всех общественных отношений» [178, с. 33]. Поэтому личность экстремиста представляет собой прежде всего совокупность интегративных в ней социально «значимых свойств», образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими лицами, разделяющими и распространяющими экстремистскую идеологию и практику, делающих в свою очередь другое лицо субъектом антиобщественной экстремистской деятельности. Личность представляет собой индивидуальную форму общественных отношений, а личность экстремиста, как более частное явление – индивидуальную форму бытия неблагоприятных общественных отношений, связанных с экстремистской деятельностью.

Известный российский криминолог А.И. Алексеев, затрагивая вопрос о личности экстремиста, отмечает, что «человек не рождается экстремистом, а становится таковым в случае неблагоприятных условий формирования его личности. Однако эти условия напрямую не порождают экстремистское поведение. Они обуславливают внутренний духовный мир, психологию личности, которые в свою очередь становятся самостоятельным и активным фактором, опосредующим последующие влияния социальной среды на нее» [152, с. 96]. Поэтому изучение личности экстремиста и соответственно, его неправомерное поведение имеет огромное значение для последующей профилактики преступлений экстремистского характера.

Как справедливо отмечает А.И. Алексеев, «Изучение личности преступника (соответственно – личности экстремиста) должны строиться на твердой правовой основе, т.е. должна изучаться личность тех, кто по закону признается субъектом преступления» [152, с. 96]. Понятие личности преступника применительно к уголовному праву соприкасается с понятием субъекта преступления. Однако понятие «личность преступника» в криминологии намного шире, так как наряду с познанием детерминации преступности, значительное место занимает исследование процесса формирования личности преступника.

Структура личности преступника (соответственно экстремиста – курсив наш С.Х.) представляет собой социальное происхождение, семейный быт, национальная, религиозная, профессиональная принадлежность, уровень материальной обеспеченности. Сюда же можно включить привычки, интересы, культурно-образовательный и нравственно-духовные качества. Так же не исключаются психические процессы, свойства и состояния личности, пол, возраст, состояние здоровья, особенности физической конструкции и т.д.

А.И. Алексеев справедливо отмечает и о том, что «деформация любой из подструктурных элементов личности сопутствуют разрушению целостности всей структуры личности преступника (экстремиста)» [152, с. 101]. Применительно к личности экстремиста, к разрушению такой подструктуры можно сказать, что с точки зрения религии ислама и менталитета таджикского народа, родители считаются «посредниками между детьми и их творцом» [470, с. 20], так как в Коране сказано, что «и не говори им тьфу и не отталкивай их, а говори им почтительное слово» [470, с. 20]. Поэтому дети не в праве без благословения родителей решать жизненно важные вопросы. Однако, в силу вынужденного отчуждения от семейной атмосферы, молодые люди (зачастую – трудовые мигранты) попадают в совершенно иной микроклимат, когда под мощным идеологическим и психологическим воздействием экстремистских идеологов происходит разрушение семейных,

нравственно-духовных и других социальных ориентиров и ценностей. Соответственно, разрушаются основные элементы подструктуры личности законопослушного человека на основе вымышленных и фальсифицированных религиозно-политических догм. Далее происходит формирование личности экстремиста в экстремистской микросреде, в зависимости от психофизических качеств завербованного лица, все больше приобретая антисоциальный характер. Порою завербованное лицо доходит до такого эмоционально-психологического состояния, когда сам проявляет активность для совершения конкретного экстремистского акта или же более опасного преступного деяния - террористического акта (об этом более подробно вернемся ниже).

Справедлив В.Н. Бурлаков в том, что «криминализации личности происходит в процессе тесного взаимодействия ее с окружающей социальной средой, микросредой» [343, с. 10]. Данную позицию разделяют многие видные ученые, такие, например, как Ю.М. Антонян [114, с. 77], А.И. Долгова [352], Р.М. Узденов [404, с. 101] и другие.

Как полагают Ю.Р. Вишневский и В.Т. Шапко, «Двойственность молодежного сознания заметно усиливается на фоне аполитичности, сочетающаяся с нарастающим негативизмом, социальным протестом» [269, с. 26]. Однако изучение и учет криминологических особенностей личности экстремиста позволяет установить отличия таких лиц от других категорий правонарушителей, и в целом не преступников, выявить факторы, влияющие на совершение преступлений экстремистского характера.

Согласно накопленному криминологическому опыту [152, с. 106], значительную часть преступников составляют мужчины (90%). По мнению И.А. Алексеева, «Преступники часто совершают преступления в возрасте 18-40 лет (до 70-75%), средний возраст преступников около 30 лет. Наиболее значительной является группа, включающая лиц до 29 лет. Далее следуют 30-39-летние, а затем преступная активность значительно спадает. Примерно

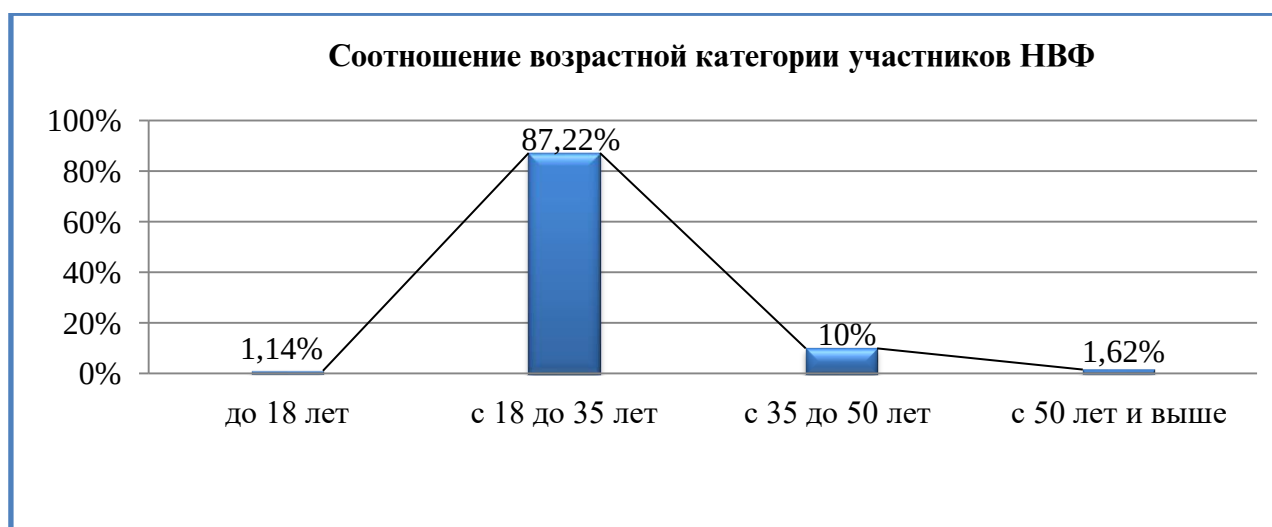
три четверти отбывающих наказание в местах лишения свободы составляют лица в возрасте от 18 до 39 лет» [152, с. 106].

Эти закономерности практически сохраняются и в наше время. Например, статистический анализ экстремистской преступности по состоянию на февраль 2016 г. показывает, что по 822 уголовным делам общее количество лиц, участвовавших в вооруженных конфликтах в Сирии и Ираке составляли 1081 человека. Основной костяк таких лиц составляли мужчины в возрасте от 18 до 35 (87,22%) лет. Лица в возрасте до 18 лет – 1,14%, от 35 до 50 лет – 10% и старше 50 лет – 1,62% [225].

По данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, население Таджикистана на 1 января 2022 года составляло 10 миллионов человек, из которых 50,6% мужчины и 49,4% женщины. То есть, количество мужчин и женщин примерно равное. Необходимо подчеркнуть, что из количества 1081 человек, примкнувших к «ИГИЛ» по состоянию на февраль 2016 года, 42 – были женщины, в отношении которых были возбуждены уголовные дела.

В диаграмме показано возрастное соотношение людей, участвовавших в вооруженных конфликтах за рубежом:

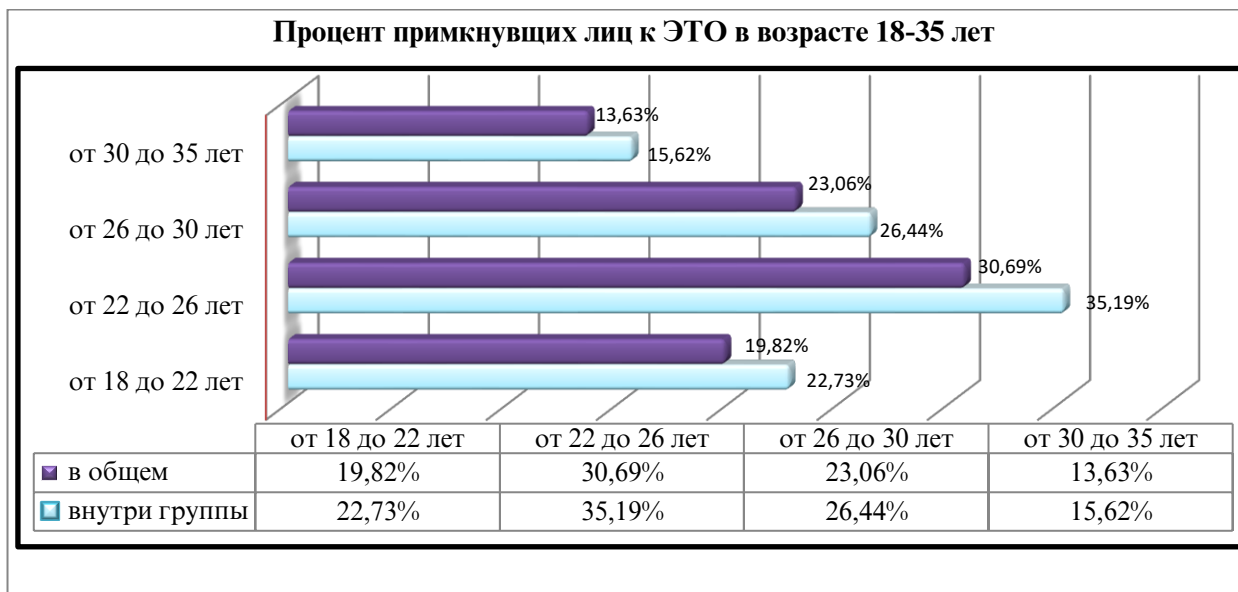
Диаграмма №13.

Причем как видно, лиц от 18 до 35 лет в 6,26 раза больше остального числа участников. Для более понятной картины основного процента

участников в возрастной категории от 18 до 35 лет, она представляется в следующей диаграмме.

Диаграмма №14.

Получается, что в возрасте 18-22 гг. составляют (19-22%) лиц, примкнувших к экстремистско-террористическим организациям, которым в общеобразовательных школах, колледжах, техникумах и вузах на профессиональном уровне не объясняли сути миролюбивой религии ислама, об опасности и последствиях насильственной религиозно-экстремистской идеологии для общества и государства.

В проведенном нами социологическом опросе среди широкого круга практических работников ОВД на вопрос: «Каково Ваше мнение о введении дисциплины по противодействию религиозно-политическому экстремизму в школах, техникумов и вузов?», «Необходимо вести такую дисциплину» ответили – 190 чел. или 63,33% респондентов, «Можно в пределах других предметов, связанных с противодействием экстремизму обучать школьников и студентов» – 60 чел. или 20%, «Нет необходимости» – 20 чел. или 6,66% и «Затруднились ответить» – 30 чел. 9,99% [См.: Приложение №1].

Касаясь темы нашего исследования, А. Соловьев справедливо указывает, что «в условиях реального засилья «искаженных религиозных ценностей»

значительная часть населения вполне удовлетворена использованием методов создания мифологических символов, что свидетельствует об отсутствии или низком уровне противодействия таким «ценностям» [300, с. 11].

Несмотря на то, что с точки зрения мусульманского права религиозно-экстремистская идеология не имеет под собой никакой основы, в условиях реального перевеса «искаженных религиозных ценностей» большая часть населения полностью удовлетворяется использованием формирующихся у них мифологических взглядов к таким «ценностям», так как «общество очень уязвимо перед любыми идеологиями, обещающими «справедливость», потому что невежество превращает такие обещания в идеалы» [392, с. 26].

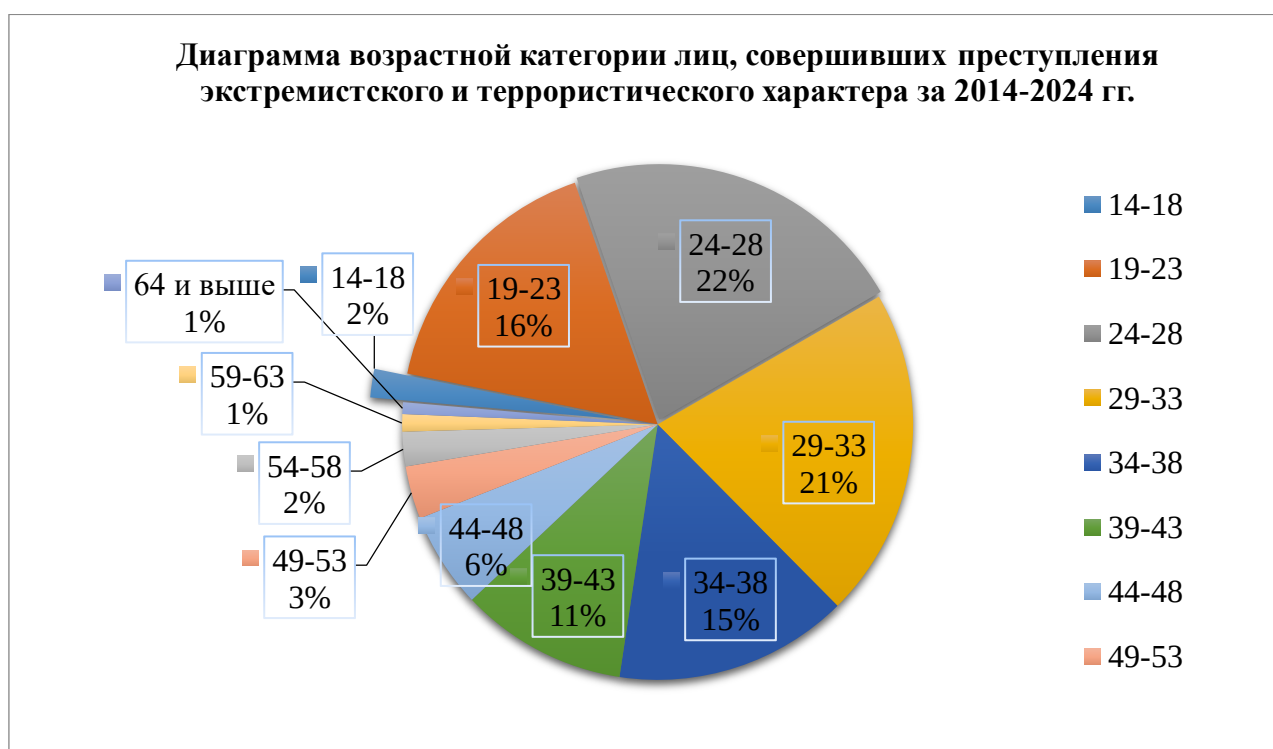
Изученные нами материалы уголовных, оперативных дел и уголовная статистика свидетельствует о том, что в силу вышеуказанных причин и приобретения экстремизма транснационального характера, по состоянию на 2016 г. более 15 студентов были завербованы в экстремистско-террористические группировки из нижеследующих престижных вузов Российской Федерации: Metallургический университет г. Москвы – 1 студент, Московский технический университет г. Иркутск – 1 студент, Государственный университет имени М.В. Ломоносова – 1 студент, Институт МВД России в г. Екатеринбурге – 1 студент, Политехнический университет г. Кострома – 1 студент, Технологический университет г. Ярославля – 3 студента, Казанский государственный университет – 1 студент, Санкт-Петербургский строительный университет – 1 студент, Медицинский университет г. Уфы – 1 студент, Университет «МИСиС» города г. Москвы – 1 студент [225, с. 17]. Так же в течении более 5-7 последних лет примкнули к таким организациям 156 студентов религиозных школ с территорий других мусульманских стран Ближнего Востока [203, с. 40].

Как показывает практика, из общего числа выявленных лиц, примкнувших к террористическим организациям за рубежом, определенное количество получали религиозное образование в Иране, Египте, Пакистане,

Афганистане, Турции, Сирии и других странах мусульманского мира. Общее количество лиц, обучавшихся в медресе и школах этих стран, а затем примкнувших к экстремистско-террористическим организациям по состоянию на 2024 год составляют 129 человек [203, с. 40]. Существуют подтвержденные факты того, как некоторые учащиеся Исламского университета имени Имама Абу-Ханифы в Душанбе присоединились к различным экстремистским организациям через онлайн-платформы Интернета, что вызывает серьезную озабоченность по поводу адекватности религиозной подготовки, предоставляемой университетом.

Как уже отмечалось выше, лица, примкнувшие к экстремистско-террористическим организациям в возрасте 18-22 лет составляют 19-22%, 22-26 лет – 30-35%, 26-30 – 23-26%, что суммарно в возрасте 18-30 лет составляет 72% (см. диаграмма №15). Изученная нами возрастная категория лиц, совершивших преступления экстремистского и террористического характера за 2014-2024 годы показывает приблизительно схожую картину [См.: Приложение №6].

Диаграмма №15.

Как видно, из общего количества таких лиц, более 75% составляют лица в возрасте 19-38 лет. Только 17% составляют лица в возрасте 39-48 лет. На наш взгляд, определенный рост возрастных критериев лиц, осужденных за экстремизм и терроризм, связан со следующими обстоятельствами:

1) речь идет о фактических данных в отношении лиц, отбывающих уголовное наказание, а не о лицах, в отношении которых возбуждены уголовные дела и находящихся в международном розыске;

2) учтены также статистические данные о возрасте лиц, которые в 2015 году осуществляли попытку государственного переворота во главе с мятежным генералом А. Назарзода, численность которых превышала более 250 чел., также в 2022 году в силу известных событий, связанных с деятельностью незаконных вооруженных формирований в ГБАО, численность которых также превышала 200 чел.;

3) лица, отбывающие наказание за совершение экстремизма и терроризма сроком 5 или 10 лет отбывания наказания, которые достигли уже более зрелого возраста.

Как справедливо отмечает академик В.Н. Кудрявцев, «Возраст не может быть носителем криминогенных свойств, однако на возрастные особенности молодого возраста падает наибольшее количество сложных ситуаций, которые способствуют формированию негативных сдвигов в психологии людей. Именно высокая степень социально-нравственной деформации приведет к тому, что большинство из них не смогли или не захотели реализовать себя в рамках легальной работы» [173, с. 122]. Применительно к экстремистам следует сказать, что многие из них были недовольны своим социальным статусом в силу искаженности представления о социальной справедливости «в исламском мире».

Несмотря на то, что коэффициент преступности в общей ее структуре показывает, что доля не состоявших в браке по соотношению к лицам, находящимся в браке в два раза выше, указанный индикатор в отношении преступлений экстремистского и террористического характера составляет

приблизительно 54,97%, так как из общего числа 2232 осужденных за проявления экстремизма и терроризма, этот контингент до совершения преступления уже состояли в браке (см.: Таблица №3).

Таблица №3.

№ т/р	Семейное положение	численность
1.	Холост	794
2.	В браке	1227
3.	Разведенные	180
4.	Не захотели ответить	27

Это подтверждает тот факт, что даже брак мало влияет на примыкание определенных лиц к запрещенным экстремистско-террористическим организациям. Однако этому сопутствуют другие факторы, что вполне объяснимо. Во всех странах Средней Азии наблюдается значительная некомпетентность в вопросах грамотности среди людей, ориентированных на семейные ценности. Это связано с религиозными и культурными искажениями в понимании мира, характерными для различных слоев общества (см.: Таблица №4).

Таблица №4.

№т/р	Образование	численность
1.	Не учился	61
2.	Окончил начальные классы (1- 4)	105
3.	Неполное среднее (9 классов)	502
4.	Полное среднее (11 классов)	900
5. .	Среднее специальное (техникум, колледж и т.д.)	283
6.	Неполное высшее (бакалавр)	253
7.	Высшее (специалист, магистр)	189
8.	Последипломное образование (аспирантура, докторантура)	19

По нашим данным, из 2232 лиц, совершивших экстремистские и террористические преступления, 2024 человека или 90,68%, не имели профессионального образования, качественных религиозных и политических

взглядов, а также постоянной работы. Только 208 осуждённых, или 9,31% имели высшее образование. В этом контексте справедливо утверждение Ю.Д. Блувштейна о том, что «фактический уровень образования преступников явно не соответствует их возрасту» [339, с. 212-216]. Однако количество вербовщиков составляет всего 8-10%. Они, как правило, имеют высшее образование, что позволяет им легко манипулировать сознанием неграмотной молодежи.

Справедлив профессор С.С. Ятимов в том, что «Степень долговечности и стабильности национального государства, счастье и благополучие его жителей полностью зависят от количества и качества образованных, мыслящих граждан и дискуссий, соразмерных реальности – национальных интересов. В случае нарушения дисбаланса между научным мировоззрением и приобретения привилегии экстремистского мировоззрения, поражение национального государства станет необратимым процессом» [459]. Парадоксально выглядит тот факт, что из 2232 осужденных лиц, совершивших преступления экстремистско-террористического характера, 91% ранее не совершали преступлений. Более того, 66% таких лиц считают, что после освобождения от отбывания уголовного наказания не будут сотрудничать с экстремистско-террористическими организациями.

Однако из вышеуказанного числа осужденных лиц, освобожденных из исправительных учреждений, 157 человек повторно совершили преступления, а 49 осужденных совершали повторные преступления экстремистско-террористического характера. Из 49 ярых экстремистов 47 не имели постоянной работы, 1 человек работал врачом и 1 был мастером. 17 таких экстремистов были активными членами религиозно-экстремистского движения «Салафия», 1 – членом «ПИВТ», 18 – членами «ДАИШ», остальные – членами других экстремистско-террористических организаций. Получается, что более 10-12% таких лиц представляют реальную угрозу для общества и государства.

На наш взгляд, причиной экстремизации массового сознания не только молодежи, но и лиц более зрелого возраста кроются в следующих причинах:

1) более 95% всех мусульман неарабского происхождения в силу незнания языка, соответственно, сущности и содержания текстов-стихов Корана, не имея представления о них и на родном языке, об истинном начале священной религии имеют самое смутное представление на уровне эмоционально-психологического состояния и не более.

2) Даже при возможности изучения аятов Корана на родном языке, человек не сможет самостоятельно в полной мере постичь всех тонкостей этой религии. Это связано с тем, что в исламе на сегодняшний день насчитывается более 280 течений, многие из которых не всегда лояльны друг к другу.

3) Для того, чтобы осознать всю сущность Ислама как толерантной и миролюбивой религии в пределах религиозно-правовой школы Абуханифы, для заинтересованных лиц необходимо как минимум 10-15 лет. Однако, научная и информационно-просветительская база всех стран региона не отвечает потребностям современного общества.

4) Искажая истинное значение Корана и Сунны, ключевые экстремистские и террористические организации разворачивают агитацию, стремясь завербовать молодых людей. Подобная деятельность оказывает несомненно пагубное воздействие, в первую очередь, на молодежь, а также на более зрелое поколение мусульман, делая их более подверженными влиянию экстремистским идеологам.

Обоснованность наших выводов подтверждается результатами социологического исследования, в котором приняли участие 300 сотрудников ОВД, имеющих более чем 10-летний стаж в области противодействия экстремизму и терроризму. Результаты опроса подтверждают тот факт, что подавляющее большинство опрошенных согласны с утверждением о низком уровне религиозных знаний у большинства мусульман государств-участников СНГ. Так, 53,33% (160

человек) респондентов полностью согласились с данным утверждением, а ещё 29,66% (89 человек) согласились с ним частично. В совокупности это составляет 82,99% опрошенных. Лишь 9,33% (28 человек) не согласились с данным утверждением, а 7,66% (23 человека) затруднились ответить [См.: Приложение №1].

Более того, 195 или 65% респондентов основными факторами возникновения экстремизма считают нехватку профессиональных педагогов, теологов, журналистов, отсутствие специальной дисциплины по противодействию религиозно-политическому экстремизму в образовательных учреждениях и слабую контртеррористическую пропаганду в СМИ и в сети Интернет. 54 человека или 18% опрошенных лиц частично согласились с вышеуказанным утверждением [См.: Приложение №1].

Беря за основу представленные нами данные, логично утверждать, что в наше время экстремист – это ожидаемый социальный тип, формирующийся в среде, переполненной деструктивной религиозно-политической пропагандой, особенно когда необразованные слои населения не имеют доступа к конструктивной и непредвзятой информации. Достижение современной психологии свидетельствуют о том, что «основным стимулом человеческой деятельности является мотив. Именно в нем отражено то, ради чего совершаются действия, в нем личностный смысл для субъекта» [152, с. 106-110]. Как справедливо отмечает А.И. Алексеев, «деятельность человека обычно полимотивирована, т.е. определяется рядом мотивов, но они не равнозначны. Одни из них являются ведущими, основными, другие выступают в роли дополнительных» [152, с. 110].

В криминологии типология преступников традиционно определяется на основе различных критериев: мотивации (корыстные, насильственные, должностные и т. д.), степени общественной опасности (серийные убийцы, педофилы), разрушительных последствий (терроризм, диверсия, геноцид) или психологических особенностей (неустойчивые, ситуативные) [152, с. 113-114]. Однако любая типология является условной. В нашем

исследовании мы считаем целесообразным использовать смешанный подход к типологии личности экстремиста. Этот подход позволяет учитывать признаки других видов преступлений, например, террористических. Как показывает анализ, 85% экстремистских преступлений совершаются по религиозно-политическим мотивам, тогда как корыстные цели преследуются лишь в 15% случаев. При этом важно отметить, что религиозные мотивы не всегда выступают в чистом виде, но их доминирующая роль несомненна. Для более полного обоснования данной позиции рассмотрим данные о мотивах совершения экстремистско-террористических преступлений (см.: Таблица №5).

Таблица №5.

№т/р	Религиозные мотивы	Численность
1.	Ислам	1889 чел.
2.	Иудаизм	1 чел.
3.	Христианство	3 чел.
4.	Зороастризм	1 чел.
5	Корыстные мотивы	178 чел.
6.	Не ответили	98 чел.

Как справедливо отмечает В.Н. Кудрявцев, «для того, чтобы те или иные интересы или эмоции сформировали мотив преступления, субъект психологически должен еще преодолеть один внутренний «барьер» - систему так называемых ценностных ориентаций» [160, с. 25].

Поэтому целесообразно взглянуть на признаки социального происхождения более 2000 экстремистов, которые выглядят следующим образом:

Таблица №6.

№т/р	Социальный статус	численность
1.	Трудовой мигрант (сантехник, строитель, электрик, охранник и т.д.)	935
2.	Индивидуальный предприниматель (продавец, таксист, швея и т.д.)	105
3.	Фермер, крестьянин и т.д.	247

4.	Студент	160
5.	Интеллигенция (преподаватель, медработник)	147
6.	Работник правоохранительных органов	52
7.	Безработный	234
8.	Домохозяйка	21

На наш взгляд, одним из факторов, способствующим формированию личности экстремиста в странах Центральной Азии является низкий уровень религиозных знаний среди местного мусульманского населения. Так, 90% мусульман неарабского происхождения (таджики, узбеки, казахи, кыргызы и т.д.) знают всего 5-10 постулатов Корана на арабском языке, при этом не понимая их сути на родном языке. Несмотря на это, они считают себя истинными мусульманами и относятся с большим уважением к теологам, которые знают наизусть более 10-20 постулатов Корана и Сунны на арабском языке. Это создает повышенную уязвимость к систематическому воздействию экстремистской идеологии не только среди молодёжи, но и среди специалистов разных профессий, включая некоторых учёных.

Причины и условия экстремистской преступности оказывают прямое влияние на формирование личности экстремиста. Это проявляется в распространении экстремистской идеологии и совершении конкретных экстремистских действий. Следовательно, профилактическая деятельность органов внутренних дел должна осуществляться как на обще-социальном, так и на индивидуальном уровнях.

В связи с этим, целесообразно проанализировать взаимодействие социальных причин преступности и личности экстремиста. Данный подход позволит изучить социально-психологический механизм индивидуального экстремистского поведения. Он также будет способствовать выявлению условий, под влиянием которых формируются негативные нравственно-психологические свойства личности, выступающие в качестве субъективной причины экстремизма. Кроме того, необходимо учитывать внешние

(объективные) обстоятельства, способствующие совершению конкретных преступлений экстремистского характера.

Как справедливо отмечает А.И. Алексеев, «Элементами психологического механизма экстремистского поведения являются нравственные свойства личности, среди которых с деянием непосредственно связаны потребности, интересы, мотивы, цели. А этапами функционирования механизма экстремистского поведения являются формирование негативных «нравственных» экстремистских свойств, их актуализация, принятие решения и его реализация» [152, с. 120]. При этом следует иметь в виду, что дефекты и искажения в условиях нравственного формирования обычно далеки от времени совершения самого преступления. Однако, как писал К. Маркс, «Никто, не может сделать что-нибудь, не делая это вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей» [178, с. 245]. Более того, он также отметил, что «Все, за что человек борется, связано с его интересом» [179, с. 493]. Если исходить из этого, получается, что в силу формирования у экстремиста искаженных представлений о религиозных потребностях, у него появляются интересы служить богу, в том числе в целях создания «исламского халифата».

Конфликт между индивидуальными и общественными интересами может стать причиной преступлений, в том числе экстремистского характера. Это обусловлено тем, что каждый человек в той или иной степени стремится к самовыражению и самоутверждению. На основе данной потребности у него формируются интересы, направленные на привлечение к себе внимания и достижение признания.

На этом фоне любые обещания создания «справедливого мусульманского общества», особенно с использованием концепции «джихада», ведущего к «вечному раю» трансформируются в идеалы в сознании необразованной молодежи. Это, в свою очередь, приводит к переориентации их жизненных ценностей и формированию радикальных интересов. Необходимо отметить, что, если исходить из социального

признака личности преступника, в качестве которого выступает его общественная опасность и мотивация, типологическую личность экстремиста условно можно подразделить на следующие группы:

- 1) профессионально-устойчивый тип экстремиста;
- 2) демонстративно-акцентированный тип;
- 3) социально-неустойчивый (случайный) тип личности экстремиста.

Профессионально-устойчивому типу экстремиста свойственно циничное обладание власти над человеком, прежде всего, многочисленному числу молодежи, распоряжением их судьбами, презрением к органам светской власти. Такой тип экстремиста характеризуется стойкой морально-нравственной деградацией и высокой степенью религиозно-экстремистской мотивации. Он активно создает ситуацию проповеди религиозной идеологии, подыскивает, вербует потенциальных жертв, организует место безопасного распространения такой идеологии, рекламирует «свой профессионализм», решает организационные вопросы по конспирации деятельности экстремистской группы.

В этой связи мы разделяем позицию Э.Р. Макогон о том, что «у более 90% лиц второго типа преобладает эмоциональное состояние, нежели рациональное религиозное и светское миропонимание» [372, с. 128].

По мнению В.И. Коваленко, «для таких лиц позиционирование себя на высших ступенях воображаемого «борца за справедливость» играет ключевую роль [355, с. 246]. К такому выводу приводят также изученные нами уголовные и оперативные дела о лицах, совершивших преступления экстремистского характера, а также проведенный нами социологический опрос среди 300 работников и ОВД РТ [См.: Приложение №2].

Американский социолог Э. Хоффер отмечает, что «активные члены экстремистских организаций находят своих «адептов» среди людей определенного типа, которые по тем или иным причинам обижены на свой социальный статус и общественно политическую систему» [246, с. 74]. К сожалению, в силу ограниченности мировоззрения, большинство лиц,

примкнувших к экстремистским организациям, вербовщики формируют в сознание несведущей части молодежи миф об исламской «справедливости» и создании «исламского халифата». Исследователь считает, что «задача экстремистско-террористических организаций утвердить в мировоззрении недовольных лиц, что единственная дорога достижения справедливости это «джихад во имя Бога». По мнению Э. Хоффера, «социально-экономические проблемы в обществе не являются основной причиной вступления молодежи в экстремистские движения, так как среди экстремистов немало лиц из обеспеченных семей и даже получивших европейское образование» [245, с. 77].

Изученные нами уголовные дела, охватывающие 2232 осужденных, подтверждают, что для 1889 таких лиц экономические мотивы играют второстепенную роль, или вообще не имеют значения. Основной их интерес – это религиозно-политическая мотивация. Корыстные мотивы преследовали только 178 лиц, что не превышает 8-10%. Более того, свыше 189 осужденных имели высшее образование.

Западный социолог Роберт Гарр пишет, что «Объяснением этому может служить соотношение «ожиданий (социальных, политических, экономических) и реальности» [128, с. 8-15]. Он утверждает, что «именно «крушение надежд» политизирует массовые социальные протесты» [128, с. 15]. Применительно к таджикскому обществу можно отметить, что часто молодежь, примкнувшая к радикальным исламистам, находится в трудной жизненной ситуации.

По мнению М. Сейджмана, «84% членов экстремистско-террористических организаций являются мусульманами, которые по тем или иным причинам оторваны от среды своего обитания и не сумевшие найти себя в странах пребывания. А задача вербовщиков заключается именно в выявлении таких отчаянных лиц, вселения в них ощущения отчужденности и изоляции» [383, с. 153].

В этом контексте выглядит оправданной позиция о том, что 1081 трудовых мигрантов, которые были далеки от окружения семьи и близких родственников, вовлечены в экстремистские группировки из разных регионов России [225, с. 18]. Действительно, на территории России большинство завербованных лиц были далеки от влияния родителей, правоохранительных органов и многие из них находились в сложной жизненной ситуации, в том числе под систематическим и порою необоснованным давлением правоохранительных органов за нарушения требований миграционного законодательства, которое сыграло на руку экстремистам-вербовщикам. Анализ миграционных процессов в 2014-2015 годах показал, что наши граждане мигрировали из следующих городов и стран: Харьков (Украина), Алматы, Астана, Шымкент (Казахстан), Стамбул, Анталья, Анкара (Турция), а также из Беларуси, Чуйской области Кыргызстана и Ирана.

Вполне оправдана позиция известного исследователя радикального исламизма М. Сейджмана, который отмечает, что «На первоначальной стадии лица, которые становятся экстремистами, являются вполне нормальными. Они от рождения являются умеренными мусульманами, однако под систематическим информационным и психологическим воздействием рекрутов-вербовщиков становятся «новообращенными» мусульманами, то есть «салафитами». В своем большинстве они происходят из среднего класса. У некоторых есть семьи и дети, они образованны» [252, с. 18]. Необходимо отметить, что под систематическим воздействием религиозно-экстремистской идеологии эмоциональный дискомфорт и неудовлетворенность испытывали не только мужчины, но и женщины.

О. Рой под методом «сеть» понимает «Массовую пропаганду, ориентированную на широкую общественность, когда аудитория воспринимается как гомогенная, не разбивается на отдельные сегменты, так как для слушателей информационной волны будет достаточно восприятия идеологии экстремизма» [328, с. 26]. По его мнению, «такой метод

используется в районах, где экстремистская идеология находит отклик у населения (Афганистан, Пакистан, Средняя Азия, иммигрантские «гетто» в России, Европе и других мусульманских государствах). Наиболее эффективен этот метод там, где накопились социальные проблемы и идеи социальной справедливости, заложенные в радикальном исламе, и которые легко находят отклик у масс» [328, с. 26].

О. Рой отмечает, что «метод «воронки» используется в военнотренировочных лагерях, куда молодежь попадает в ловушки террористов-вербовщиков, уже пройдя предварительную экстремистскую обработку. Такой метод повсеместно применяется в Сирии, Ираке, Афганистане и Пакистане, где жертвы экстремисткой идеологии проходят военнодиверсионную и боевую подготовку. Для метода «воронки» особенно востребованы молодые люди, способные переносить повышенные психологические и физические нагрузки, имеющие представление о современных технологиях, в том числе, в химической и информационной области» [328, с. 23].

По мнению Дж. Викторова, «метод «инфицирования» чаще всего используется для безграмотной аудитории, представляющей для вербовщика пустой сосуд, и очень легко «инфицируют» молодежь идеологией насильственного «джихада». Такой метод эффективен для вербовки военнослужащих, которые слабо знакомы с радикальной исламистской идеологией, не удовлетворены своей работой, но могут быть полезны для проведения операций исламистов [251, с. 68]. Этот метод применяется достаточно эффективно в Сирии, Ираке и Афганистане, единичные случаи прослеживаются и среди военнослужащих стран-участников СНГ». В качестве примера можно привести историю с командиром ОМОН МВД Таджикистана, когда в 2015 году он и ряд его сподвижников примкнули в ИГИЛ, а в 2023 новобранцы из Средней Азии для участия в Специальной военной операции на территории Украины совершили теракт в отношении военнослужащих России, в результате чего погибли 20 человек.

Под методом «кристаллических зерен» М. Сейджман предполагает, что «вербовщики-салафиты с целью сокрытия своего истинного лица не призывают людей к «чистому исламу», проживая среди своих товарищей, знакомых ведут себя как «истинные мусульмане», не навязывая свою точку зрения. Однако в мягкой форме постепенно разрушают миролюбие простых граждан» [252, с. 8]. Так был вовлечен в джихадистскую деятельность Саад Хуссейни (псевдоним Мустафа), известный деятель «Аль-Каиды» в Испании и Северной Африке, получивший ученую степень в области химических наук в университете Валенсии. На его мировоззрение повлиял основатель партии «Ан-Нахда» тунисский исламистский идеолог Р. Ганнуши. О таком процессе Б. Левис говорит, что «Одни салафиты ограничиваются простым любопытством, другие же проявляют устойчивый интерес» [248, с. 89].

С учетом вышесказанного можно выделить два типа экстремистов:

1. Идеино самостоятельная личность, целенаправленно вступающая на путь экстремизма ради «благостных целей». Как правило, этот тип проходил обучение в религиозно-экстремистских школах за рубежом и обладает высокими ораторскими и организаторскими способностями.

2. Зависимая личность, чья социальная позиция формируется главным образом за счет воздействия микросреды, СМИ, Интернета, идеологов, эмиров, руководителей групп и других внешних факторов.

Известный исследователь ислама К. Викторович отмечает, что «Вербовщики радикальной группировки «Аль-Мухаджирун» ведут проповедническую работу среди мусульман в европейских странах. Наибольший интерес для них представляют так называемые «ищущие истины» - коренные европейцы и молодежь из иммигрантских семей. Именно эти категории людей активно вступают в философские диспуты о месте религии в современном обществе, они наиболее восприимчивы к принятию любых экстремистских мировоззрений религиозного толка» [247, с. 13]. Аналогичная ситуация прослеживается среди многочисленных трудовых мигрантов из Средней Азии на территории России, которые

анклавами осуществляют свою трудовую деятельность изолированно от российского общества. Многие из них практически не владеют русским языком, соответственно, не имеют понятия об обычаях и национальной культуре народа. Порою их безграмотностью пользуются правоохранительные органы для ущемления прав и свобод, а национально-молодежные экстремистские организации не могут терпеть сам факт их пребывания на территории России.

Подтверждением данной позиции может быть информация МВД России о том, что сейчас на учетах в органах внутренних дел Российской Федерации состоит свыше 450 молодежных группировок экстремистской направленности общей численностью около 20 тысяч человек. Из них 147 группировок причисляют себя к движению «скинхеды», 72 – к футбольным фанатам, 31 – к Российскому национальному единству, 18 – к реперам, 8 – к национал-большевистской партии. При этом особую роль для увеличения численности своих сторонников лидеры и активисты радикальных политизированных структур отводят вербовочной работе в образовательных учреждениях страны [451]. Значительная часть этой молодежи заражена вирусом фашизма, национализма, ксенофобии и расизма. Зачастую они считают, что причинами их личных неудач и невозможности самореализации являются приезжие граждане [450].

На наш взгляд, указанные факторы также мотивируют маргиналов к примыканию к религиозно-экстремистским организациям, потому что мотивация молодежи в борьбе с несправедливостью превращает идею борьбы с «кафирами» в идеал. А «Мотивационная сфера является центром внутренней структуры личности, интегрирующим ее активность» [410, с. 23]. На вопрос «Почему вы вступили в религиозно-экстремистскую группировку?», подавляющее большинство опрошенных лиц (35%) четко ответили, что «Мы хотели служить исламу и бороться с неверными». Причем 47% опрошенных ответили, что «по Интернету, систематически просматривали религиозные проповеди и видеоматериалы о

несправедливости неверных» и 18% ответили, что на них «повлияли близкие родственники и друзья».

Более 65% респондентов оценили микроклимат в их семьях как положительный. На отсутствие постоянной работы и проблемы в семейно-бытовой жизни жаловались только 23% опрошенных респондентов. Остальные респонденты затруднились ответить. В отличие от бытовых убийц и хулиганов, у будущих террористов детство было вполне нормальным. Они почти не страдали от недостатка родительского внимания [455].

Один из авторов экстремистской литературы Абу Омар аль-Каиди в книге «Искусство отбора» подчеркивает «о принципах вовлечения молодежи в террористические группировки» [432]. По его мнению, «первостепенная задача вербовщика заключается в том, чтобы молодой человек (жертва) быстрее отошел от своих национальных предрассудков, любви к родине и своих близких родственников» [432]. Поэтому вербовщики «Аль-Каиды» рекомендуют индивидуальный подход к каждому из кандидатов. Далее он пишет, что у «интеллектуалов зачастую существует довольно предвзятое отношение к «джихаду», которое служит серьезным барьером на пути восприятия идей «чистого ислама»» [432].

Брат известного террориста З. Муссауи, приговоренный в США к пожизненному тюремному заключению, так описывает процесс психологической обработки: «Однажды, человек полностью меняет свое поведение. Наряду с преподаванием навыков обращения с оружием, моджахед проходит физическую подготовку. Интенсивность физических нагрузок постоянно увеличивается, задания по тактике проведения операций становятся сложнее. При этом по мере увеличения нагрузок инструкторы уменьшают рацион питания. Постепенно молодого человека целенаправленно доводят до психического и физического истощения. Нагрузки продолжают увеличиваться. Начинается следующий этап. Теперь на молодого человека начинают давить психологически, ему постоянно внушают мысль о том, что «от него ожидали большего». Молодой человек

испытывает чувство вины и замешательства. Инструкторы специально говорят будущему моджахеду, что все те, кто проходил подготовку до него, отлично справлялись со всеми заданиями и нагрузками, и теперь они ведут войну против врагов ислама, «продолжают великое дело джихада», а он же самый отстающий и подводит всех, именно такие как он являются причиной всех неудач исламской «уммы». Автор пишет, что чаще всего все это заканчивается печально, посредством подобной психологической обработки некоторые молодые люди готовы на все, чтобы оправдать возлагавшиеся на них надежды» [250, с. 34].

Исследователь радикального исламизма Роберт Пэйп в книге «Умереть, чтобы победить» на основе статистических данных пишет, что «атаки смертников из «Аль-Каиды» в 12 раз более смертоносны, чем любые иные военные операции. Поэтому от них радикальному исламизму трудно отказаться». Автор утверждает, что 3% всех мировых терактов – это взрывы «живых бомб», однако именно на них приходится 48% жертв. По различным оценкам так называемый «пояс смертника» стоит не более 150 долл. [465].

По мнению А.К. Саидова, «Личность террориста является разновидностью личности вооруженного преступника, при этом особенностью личности вооруженного преступника является наличие навыков и умений в обращении с оружием, а особенностью личности террориста является еще и наличие «идеи», обосновывающей допустимость и полезность совершаемых им действий» [391, с. 11]. Автор определяет структуру личности террориста как «личность преступника + оружие + идея».

А.К. Шарипов отмечает, что «криминологически значимыми психологическими особенностями личности преступника, совершающего уголовно наказуемые деяния на почве исламского радикализма, являются жестокость, злоупотребление лидерством, склонность к репрессивным мерам, уверенность в своей исключительности, склонность к фанатизму, деформация нравственных и этических принципов, мстительность, дерзость,

садизм, расчетливость, замкнутость, повышенная импульсивность поведения, исключительный цинизм, склонность к непредсказуемым действиям, повышенному риску поведения, насилию, демонстрации своей силы, наведению страха на окружающих» [416, с. 11].

Однако преступления экстремистского характера не представляют собой внушение страха на социальном уровне. Основным признаком экстремизма – это целенаправленное и систематическое насаждение ненависти и вражды путем публичного распространения экстремистской идеологии. Поэтому личность экстремиста в определенной мере отличается от личности террориста. Основная масса экстремистов занимаются вербовкой молодых людей в целях дальнейшего превращения их в террористов. С определенной условностью можно сказать, что основная масса преступлений экстремистского характера направлена на публичное насаждение ненависти и вражды по разным экстремистским мотивам (религиозный, националистический, расовый и т.д.), а террористические преступления на совершение непосредственных устрашающих актов (взрыв, поджог, стрельбы, захват заложников и т.д.). Соответственно и личность экстремиста представляет те характерные признаки, которые подчеркивают его экстремистские взгляды и призывы, так как не каждый человек может вербовать других лиц.

В свою очередь террорист – это индивид, которому экстремисты внушили насильственную идею, ради которой он готов умереть и убить несогласных.

С учетом вышеизложенного, можно сделать следующие теоретические выводы и практические рекомендации:

I. Теоретические выводы:

1. Личность экстремиста представляет собой совокупность интегрированных в ней антисоциально «значимых» свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими лицами, пропагандирующих экстремистскую идеологию и практику,

превращающих в свою очередь другое лицо в субъект антиобщественной экстремистской деятельности.

2. Структура личности экстремиста представляет собой следующие социально-демографические признаки:

- социальное происхождение и семейный быт, национальная, религиозная, профессиональная принадлежность;
- навыки, привычки, социальная позиция, интересы, культурно-образовательный и нравственно-духовные качества;
- психические процессы, свойства и состояние личности;
- пол, возраст, состояние здоровья, особенности физической конструкции и т.д.

3. Целесообразно провести классификацию типологии личности экстремиста с учетом смешенного подхода, так как в нем прослеживаются определенные признаки других типов преступлений, например, террористических. Если исходить из мотива совершения преступлений экстремистского характера, то в Таджикистане в 80% случаях они совершаются на основе религиозно-политических мотивов, и только в 10% случаях имеют корыстные цели. Это не значит, что религиозные мотивы выступают в чистом виде, но доминирующая их роль бесспорна.

4. Причины и условия экстремистской преступности различными сторонами «входят» в индивидуальные условия нравственного формирования личности экстремиста и проявляются в распространении экстремистской идеологии и экстремистских действий в конкретных ситуациях.

5. Социально-психологический механизм индивидуального экстремистского поведения и условий, под влиянием которых формируются негативные нравственно-психологические свойства людей, составляют субъективные причины экстремистского поведения, а так же внешних (объективных) обстоятельств, способствующих совершению конкретного преступления экстремистского характера.

6. Элементами психологического механизма экстремистского поведения являются нравственные свойства личности, среди которых с деянием непосредственно связаны потребности, интересы, мотивы, цели. А этапами функционирования механизма экстремистского поведения является формирование негативных «нравственных» экстремистских свойств, их актуализация, принятие решения и его реализация.

7. С учетом социального признака личности экстремиста, в качестве которого выступает его общественная опасность и мотивация, типологические личности экстремиста условно можно подразделить на следующие группы:

- 1) профессионально-устойчивый тип экстремиста;
- 2) демонстративно-акцентированный тип;
- 3) социально-неустойчивый (случайный) тип личности экстремиста.

II. Практические рекомендации:

1. Огромное влияние на несведущую молодежь, а порой и представителей широкой общественности, оказывают активные члены экстремистско-террористических организаций, такие в частности, как идеологи-вербовщики. Большинство таких организаций имеют собственный информационный ресурс в Интернете и конкретные международно-телекоммуникационные сети, которые дают им возможность постоянно воздействовать на мировоззрение огромного количества лиц, постепенно формировать у них определенные элементы антиобщественного поведения на основе религиозно-экстремистской мотивации. Обычно, те, кто стоят у истоков экстремистских взглядов (применительно к Таджикистану), одновременно занимают руководящие позиции в экстремистских и террористических организациях, то есть, идейные вдохновители часто являются также и главами структурных подразделений.

2. Отличительная черта идеолога-экстремиста – это его возраст (от 30 до 45 лет). В процентном соотношении численность вербовщиков в общей структуре экстремистских преступлений составляет от 8-11%, имеющих как

высшее или среднее образование религиозного характера, полученного чаще всего за рубежом, так и обладающих гуманитарным светским образованием

3. По возрастному признаку наиболее активными членами экстремистско-террористических организаций являются лица в возрасте от 20 до 35 лет, которые составляют 87%. Причем 75-85% из указанной категории лиц имеют только общеобязательное среднее образование (11 классов) или не полное (9 классов). Только 8-10% таких лиц имеют высшее образование или же среднее специальное.

4. Нравственно-психологическая атмосфера формирования личности экстремиста обуславливается не только постоянным влиянием радикальных религиозных воззрений. Не менее значимую роль здесь играют такие факторы, как оторванность новообращенных от семьи и привычного уклада жизни, уход от контроля правоохранительных органов, пробелы в нравственном и политическом развитии, отсутствие квалифицированного образования и стабильной занятости, систематическое ущемление прав и свобод в стране проживания. Негативное воздействие оказывают также такие чувства, как зависть к преуспевающим ровесникам, эгоцентризм и тщеславие, стремление выделиться в кругу единомышленников, стремление к немедленной борьбе с «социальной несправедливостью» и желание служить Аллаху как «истинного верующего» и т.д.

5. Анализ процесса формирования личности экстремиста показывает, что более 77% завербованных лиц не испытывали притеснения в семье и в детстве не были лишены родительской заботы. Однако в раннем возрасте (18-23 г.), когда у молодежи формируется светское мировоззрение, политический склад ума, нравственно-патриотическое начало и в целом уровень образования, в силу трудностей, связанных с социально-экономической ситуацией, эти лица отправляются в трудовую миграцию за границу. Соответственно, в силу отсутствия профессиональных навыков, незнание языка, культуры и обычаев народов страны пребывания, указанная категория граждан очень сложно имплементируются в новое общество.

Точнее сказать, такая категория лиц развивается изолированно от общества, при этом часто попадая в руки как национальных криминальных и религиозных рекрутов, так и в руки некоторых недобросовестных полицейских и враждебно-настроенной молодежи. В связи с этим, вербовщики весьма ловко эксплуатируют уязвимое положение неосведомленных мигрантов для достижения своих «благостных целей».

6. Особенности личности современного экстремиста – новообращенного мусульманина-«джихадиста» заключается в том, что многие из них (75%) до этого не совершали преступлений и не имели криминального прошлого. В итоге, совершенно добропорядочный человек, не имеющий политической и духовной зрелости, попадая под сильное психологическое воздействие вербовщика в течении 2-6 месяцев может превратиться в экстремиста-проповедника (в зависимости от ораторских и лидерских качеств), боевика-террориста экстремистско-террористической организации (в зависимости от физической и тактической подготовленности), смертника-шахида (в зависимости от эмоционального состояния души).

7. Личность террориста от экстремиста отличается тем, что экстремисты в основном занимаются пропагандой насильственной идеологии, призывами к джихаду, борьбе с неверными и вербовкой других лиц по экстремистским мотивам. Однако лица, разделяющие экстремистские взгляды, могут превратиться в террористов, тогда, когда они морально, психологически и физически готовы ради экстремистских идей «создания исламского халифата» и «борьбы с неверными», совершить террористические акты, так как террорист, соответственно и терроризм немислимы без устрашающих актов насилия в целях нарушения общественной безопасности.

ГЛАВА 4. ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

4.1. Сущность и содержание обще-социальных мер противодействия экстремизму в Республике Таджикистан

В основе содержания основных направлений деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и отдельных граждан в сфере противодействия экстремизму лежит система теоретически обоснованных понятий, закрепленные на законодательном уровне.

В целях комплексного освещения содержания обще-социальных мер противодействия экстремизму необходимо в первую очередь, раскрыть сущность понятия «противодействие экстремизму» как юридической категории, раскрывающей основные направления деятельности государственных органов в сфере противодействия (профилактики), борьбы и ликвидации последствий экстремизма.

Следует отметить, что в советское время «борьба с преступностью» как криминологический термин охватывала практически все сферы современного противодействия преступности, такие, как профилактика, предупреждение и пресечение. Однако в последующем в действующем законодательстве термин «борьба» был заменен на «противодействие» так как слово «борьба» практически во всех лексических источниках определяется как «война, сражение, главной целью которой является подавление и уничтожение чего-либо или кого-либо» [472, с. 56].

Как справедливо отмечает известный российский правовед С.С. Босхолов, «борьба» подразумевает непримиримое противоборство сторон, вступающих в противоборство с конечной целью – победить противника, причем для достижения цели могут быть использованы любые средства».

Далее автор отмечает, что «призывы бороться с преступностью и ужесточать борьбу с ней на самом деле не приносят никакой пользы правоохранительным органам, государству и обществу. Чем раньше такое преследование будет признано нецелесообразным, тем быстрее страна сделает шаг в сторону государства, основанного на верховенстве закона» [119, с. 38-39]. То есть, слово «борьба» с научной точки зрения имеет насильственный и репрессивный характер, но противодействие преступности, помимо мер государственного принуждения (задержание, арест, лишение свободы, нейтрализация и т.п.) акцентировано на широком применении мер профилактического воздействия.

Однако применительно к антитеррористической деятельности, в научной литературе утвердились специальные юридические понятия, представляющие определенные стадии профилактики, предупреждения, пресечения, предотвращения и устранения последствий такой деятельности. Например, под понятием «антитеррористическая деятельность» (соответственно, антиэкстремистская деятельность – С.Х.), А.В. Снеговой понимает «Деятельность органов универсальных и региональных международных организаций, органов власти государств, местного самоуправления и общественных объединений, осуществляемую в соответствии с их правовым статусом по предупреждению, выявлению, пресечению террористической деятельности и минимизации ее последствий, а также поиску и устранению причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности» [401, с. 6-7]. Приблизительно такая же позиция у А.А. Гапона [347, с. 9].

В пункте 7 статьи 1 Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» под понятием «противодействие экстремизму» понимается «Деятельность государственных органов, органов местного самоуправления посёлков и сёл и их должностных лиц, а также иных юридических лиц, направленная на защиту основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, обеспечение суверенитета,

территориальной целостности и безопасности государства, выявление причин и условий, способствующих проявлениям экстремизма, а также направленная на предупреждение, выявление, профилактику, пресечение, прекращение экстремистской деятельности и ликвидацию их последствий» [64].

Если провести параллель между понятиями «антиэкстремистская деятельность» и «противодействие экстремизму», получается, что второе понятие не охватывает таких субъектов, как универсальные и региональные институциональные органы, международные организации и отдельных граждан, что является пробелом в действующем антиэкстремистском законодательстве республики и на это мы уже обращали внимание в предыдущих главах диссертационного исследования, говоря о фундаментальных международно-правовых актах и других институциональных механизмов противодействия экстремизму. Отсутствие упоминания о роли отдельных граждан в противодействии экстремизму также является недоработкой законодателя. Несмотря на то, что понятие «антиэкстремистская деятельность» используется на теоретическом уровне, а «противодействие экстремизму» на законодательном, на наш взгляд, оба эти понятия носят одинаковую смысловую нагрузку и являются синонимами.

Поэтому считаем обоснованным изложить понятие «противодействие экстремизму» в следующей редакции: «Деятельность органов универсальных и региональных международных организаций, государственных органов, органов местного самоуправления посёлков и сёл и их должностных лиц, а также иных юридических и физических лиц, направленная на защиту основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, обеспечение суверенитета, территориальной целостности и безопасности государства, выявление причин и условий, способствующих проявлениям экстремизма, а также на предупреждение, выявление, профилактику, пресечение, прекращение экстремистской деятельности и ликвидацию ее последствий».

Как нами было отмечено в теоритической части диссертационного исследования (параграф 3 Главы 2), обще-социальное предупреждение экстремизма как сложный, многоаспектный процесс, обладающий определенными признаками целостности» [356, с. 51], направлено на «обнаружение и ликвидацию объективных внешних причин и условий, способствующих совершению преступлений экстремистского характера» [151, с. 99].

С учетом позиции профессора И.М. Мацкевича о причинах и условиях преступности, факторами возникновения экстремизма и терроризма следует признать:

- социально-экономические, нравственно-духовные, образовательные проблемы;
 - региональные конфликты, коррумпированность органов государственной власти;
 - незаконная и бесконтрольная миграция;
 - отсутствие общенациональной идеи;
 - снижение уровня патриотизма молодежи;
 - религиозные противоречия в обществе;
 - отсутствие цензуры в СМИ и социальных сетях Интернет;
 - несовершенство антиэкстремистского и антитеррористического законодательства;
 - незаконный оборот наркотиков;
 - торговля людьми,
 - отсутствие совершенной системы противодействия экстремизму и т.д.
- [154, с. 211-215].

Соответственно, государство должно акцентировать внимание компетентных органов в первую очередь на вышеуказанные направления обще-социальной профилактики экстремизма. Поэтому в обще-социальном плане для мобилизации огромного количества государственных и негосударственных органов по противодействию экстремизму и терроризму

огромную роль играют концептуальные документы республиканского значения [80; 82; 86; 88; 81; 91; 92; 93; 94].

В связи со сложностью природы религиозно-политического экстремизма и националистического радикализма наиболее эффективными и результативными признаются «институциональная нормативность предупреждения преступного поведения» [386, с. 18], которая представляет собой способность общества создавать систему норм, составляющих фундаментальные основы устранения причин и условий возникновения экстремизма.

А.В. Петровский отмечает также, что «в механизме противодействия преступным посягательствам необходимо дифференцированно применять институционально-нормативные институты предупреждения по трем направлениям:

- религиозные доктрины и правило доминируют в качестве источников криминологического законодательства;

- государственно-традиционные, использование общественных, семейных и культурных норм наряду с законами для предупреждения преступного поведения, соответственно и экстремистского поведения;

- легислативные, криминологические меры, связанные с реабилитацией лиц, освобожденных из исправительных колоний, болеющих алкоголизмом, наркоманией и т.д., с широким привлечением специализированных не правительственных организаций, коммерческих структур, религиозных и общественных организаций» [386, с. 19].

А.В. Петровский справедлив и в том, что «для построения эффективной институционально-нормативной системы предупреждения преступного поведения необходима интеграция юридических и иных социальных норм криминологической направленности» [385, с. 22]. Далее указанный автор предлагает создание законодательной системы превентивного характера и форм принуждения для устранения криминогенных факторов антисоциальных лиц.

Следует отметить, что Республика Таджикистан последовательно принимает концептуальные документы и нормативные правовые акты, регламентирующие нравственно-духовные, правовые, организационные и институциональные основы противодействия преступности, и экстремизма и терроризма в том числе. Так, в период сложной социально-политической обстановки в республике и резкого роста преступности в 1995 г. была принята Государственная программа по усилению борьбы с преступностью на 1996-1997 гг.» [79], реализация многих положений которой нашла отражение в специальном издании МВД Республики Таджикистан [149, с. 193-195, 229, 337-365].

В дальнейшем в сфере обще-социальной профилактики и предупреждения экстремизма и терроризма немаловажную роль сыграла и Государственная программа борьбы с преступностью в Республике Таджикистан на 2008-2015 гг [80]. Однако, как нами было отмечено ранее (см.: параграф 1 Главы 3), некоторые положения этой Программы в силу отсутствия целостной системы противодействия преступности на тот момент, остались невыполненными.

Следует отметить, что еще в 90-е годы прошлого века был издан Указ Президента Республики Таджикистан «О правовой политике и правовом воспитании граждан Республики Таджикистан» [93]. Данная инициатива не теряла своей актуальности на протяжении всего периода государственной независимости. Например, еще в 2008 году Президент страны в своем Послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан отмечал, что «Развитие демократического, правового и светского государства во многом зависит от уровня правовых знаний и образования населения. В целях более эффективной организации правового просвещения населения необходимо разработать и принять новую комплексную долгосрочную программу и эффективно ее реализовать» [441].

В последующем данное направление государственной политики нашло свое отражение в Программе правового воспитания и обучения граждан на

2009-2019 гг., утвержденной Постановлением Правительства Республики Таджикистан 29 апреля 2009 г. [97].

Практически во всех своих выступлениях Лидер нации уважаемый Эмомали Рахмон уделяет особое внимание данному вопросу. Так, в своем очередном Послании Маджлиси Оли страны, 28 декабря 2023 года, в связи с ростом новых вызовов и угроз, в том числе, проявления экстремизма и терроризма, уважаемый Эмомали Рахмон акцентировал внимание компетентных органов государства и общественности на повышение уровня правового воспитания молодежи [446].

В целях реализации поручений, вытекающих из послания Президента Республики Таджикистан, был издан Указ Президента Республики Таджикистан «Об объявлении 2024 года «Годом правового просвещения» от 30 декабря 2023 года, №668. Целью принятия этого документа было повышение уровня правосознания граждан, пропаганда демократических ценностей, неотвратимость юридической ответственности, координация деятельности всех субъектов правового просвещения, создание эффективного механизма взаимодействия государства и гражданского общества по правовому просвещению граждан [446].

На наш взгляд, повышение правовой грамотности граждан в сфере противодействия экстремизму начинается с системного и эффективного просвещения широких слоёв населения правовым основам противодействия экстремизму, заложенных в нормах Конституции Республики Таджикистан, УК РТ, КоАП РТ, Законов Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях» [56], «Об упорядочении торжеств и обрядов» [71], «Об ответственности за обучение и воспитание ребенка» [72], «О патриотическом воспитании граждан» [69], «О противодействии экстремизму», «О противодействии терроризму», Концепции государственной политики в сфере религии [84] и других стратегических и концептуальных документов, которые определяют теоретические,

политические, правовые, организационные, идеологические и нравственно-духовные основы противодействия экстремизму.

Мы считаем, что наравне с конституционными и другими правовыми нормами, о которых мы говорили ранее (параграфе 1 главы 2), фундаментальную основу устранения причин и условий экстремизма составляют нормы национальных законов «Об упорядочении торжеств и обрядов» [71], «Об ответственности за обучение и воспитание ребенка» [72], «О патриотическом воспитании граждан» [69], потому что в указанных законах заложены требования, направленные на искоренение глубинных причин экстремистской идеологии на более ранних стадиях. Например, п. п. 3, 7, 13, 14 ст.15 Закона Республики Таджикистан «Об ответственности за обучение и воспитание ребенка» обязывают родителей «не препятствовать получению ребёнком общего среднего образования; контролировать освоение знаний и участие ребёнка в процессе обучения, постоянно сотрудничать с администрацией образовательного учреждения, преподавателями, и другими работниками сферы образования по вопросам обучения ребёнка; запрещать ребёнку получать незаконное образование, в том числе незаконное религиозное образование как внутри страны, так и за рубежом» и т.д. [72].

Статья 16 указанного Закона обязывает родителей «воспитывать ребёнка в духе уважения к Родине, верховенству закона, национальным и общечеловеческим ценностям, уважения к себе и окружающим, семье, обычаям, традициям своей национальной культуре и других народов, а также приоритете национальных интересов; не разрешать своему ребёнку посещение центров компьютерных игр с 18:00 до 08:00; запрещать ребёнку просмотр фильмов, содержащих террористические, экстремистские, радикалистские и сепаратистские, порнографические, вызывающие ужас, насильственные действия и другие запрещенные фото и видео кадры; контролировать целевое использование Интернета ребёнком; запрещать ребёнку чтение и распространение электронных записей и роликов (в том числе посредством мобильных телефонов), книг, листовок, газет, журналов и

других печатных материалов, содержащих терроризм, экстремизм, радикалистские и сепаратистские, порнографические, насильственные действия» и т.д.[72].

В Законе Республики Таджикистан «Об упорядочении торжеств и обрядов» заложены фундаментальные основы искоренения религиозного фанатизма и суеверия, сопутствующие расточительству материальных и финансовых возможностей мусульман на основе «вымышленных» и искаженных религиозных догм и традиций. Например, в ст. 11 Закона указывается, что «мероприятия наречения, «гахворабандон» (укладывание впервые новорождённого в колыбель), «чиллагурезон» (угощение по случаю окончания сорока дней после рождения ребёнка), «муйсаргирон» (первая стрижка ребёнка) и другие мероприятия, связанные с рождением ребёнка проводятся в семейном кругу, без забоя скота и услуг артистов» и т.д.

Часть 1 и 2 ст. 13 этого Закона предусматривает также ограничения в проведении «мероприятий проводов и встреч по случаю совершения хаджа и умры, которые проводятся только в семейном кругу»; запрещается организация мероприятий «хочизиёрат», «хочиталбон», «хочиоши» (угощения по случаю паломничества), а также раздача подарков, праздничное украшение дворов, улиц, махаллы, автомашин и другие мероприятия по случаю хаджа и умры». Часть 3 данной статьи рекомендует паломникам вместо мероприятий, запрещенных в части 2 настоящей статьи, осуществлять благотворительность и пожертвования по своему усмотрению, в том числе ремонту дорог, прокладку водопроводных линий, строительство или ремонт социальных объектов, мостов и т.д. [71].

На наш взгляд, резкий рост паломничества граждан с грубейшими нарушениями требований Ислама [203, с. 50-52] так же связан с архаичностью религиозного мышления некоторой части населения. Так, по законам шариата, право на осуществление хаджа имеют только те люди, которые, достигли совершеннолетия, являются вменяемыми, физически здоровыми, не являются должниками перед банками, родственниками,

знакомыми, их семьи и близкие родственники с нравственной и финансовой точки зрения обеспечены и т.д. Однако более 50% нынешних паломников не обладают достаточным образованием, у них нет собственного жилья, их дети и близкие родственники остро нуждаются в получении профессиональных навыков, финансовой, медицинской и другой материальной поддержке [203, с. 53].

Унсуралмаали Кайкавус – эмир мусульман (живший приблизительно в X-XI веке), в главе «Об умножении служения по мере возможности» своей известной книги «Кабуснаме», по поводу совершения хаджа рекомендует своему сыну Геланшаху: «О сын, для хаджа нужно наличие пяти условий: власть, богатство, свободное время, почет, безопасность, и спокойствие» [470, с. 19]. Далее, он отмечает: «Знай, что хадж также служение Богу, что когда у тебя есть нужные средства, если ты отложишь решение ехать на будущий год, греха на тебе не будет, но закят – это такое служение Богу, что не давать его непростительно» [470, с. 20].

В связи с этим, хотелось бы отметить, что если за первые годы независимости ежегодное количество паломников составляло всего 550 человек, то в 2014 году оно перевалило уже за более чем в 6 тыс. человек, что в десять раз больше по сравнению с предыдущими годами [87]. В 2023 году количество паломников из Республики Таджикистан составило уже 63 тыс. человек. Финансовые расходы граждан на совершение паломничества в 2023 году составили 1 млрд. 200 млн. сомони [203, с. 50-52], что в эквиваленте к доллару США составляет 100 млн. 120 тыс. долларов. Учитывая, что многие в последнее время едут в умру и хадж через Узбекистан, Казахстан и Россию (где живет более 1 млн. трудоспособных таджиков), эта категория остается незамеченной для официальной статистики, поэтому можно прийти к выводу, что количество паломничества граждан республики намного выше. В последние годы в Интернет пространстве идет массовая пропаганда по совершению паломничества в виде умры, что с религиозной точки зрения не

считается предписанным фарзом (обязанностью). К сожалению, точной статистики о совершении умры граждан республики нет.

Однако если исходить из подсчетов некоторых экспертов и предположить, что если ежегодно по государственной квоте только в определенное время совершают хадж 5-6 тысяч граждан республики и в связи с тем, что умра совершается в любое время года, в том числе и с территорий других стран СНГ, количество таких лиц ежегодно доходит приблизительно до 50 тысяч человек. Далее, если для совершения хаджа как предписанного фарза один паломник расходует в пределах 5-6 тысяч долларов, то для совершения умры расходуется до 2 тыс. долларов.

Несмотря на то, что совершение умры не ограничивается законом, факты свидетельствуют о том, что в силу особого отношения населения к религиозным ценностям, данный обряд стал поводом для конкуренции граждан, слепое копирование сущности паломничества и расточительства сбережений.

По нашему глубокому убеждению, если бы ежегодно 50 тысяч верующих республики направляли по 2 тысячи долларов на освоение иностранных языков (таких как русский, китайский, английский), а также других гуманитарных и технических наук, это значительно повысило бы уровень образования не только их самих, но и их собственных детей, близких и друзей. Следовательно, перед лицом Всевышнего это стало бы более значимым деянием.

Поэтому, считаем, что крайне важно всесторонне, посредством более структурированной и масштабной просветительской работы информировать широкую общественность о подлинных исламских принципах, касающихся паломничества.

Часть 3 ст. 14 Закона РТ «Об упорядочении торжеств и обрядов» предусматривает, что «в обрядах похорон и траура запрещается забой скота и организация угощений, таких, как «оши сари тахта», «душанбеги», «джумаги», «хафт», «бист», «шашмохаги», а также раздача присутствующим

наличных денег и других вещей запрещается, за исключением оплаты услуг могильщика и обмывальщика» [71].

В целях практического исполнения требований двух вышеуказанных законов, в КоАП РТ введены соответствующие статьи (например, ст. 85 (Принуждение к следованию вероучению или наследованию ему, участию в богослужении или неучастию в нем и к исполнению религиозных обрядов), ст. 90 (Неисполнение обязанностей по опеке, обучению и воспитанию несовершеннолетних), ст. 474(2) (Незаконное осуществление и получение религиозного обучения), ст. 474(3) (Проповедческая и просветительская деятельность религиозных объединений), ст. 477 (Руководство и участие в деятельности незарегистрированных в установленном законодательством Республики Таджикистан порядке общественных и религиозных объединений и организаций, а также их финансирование)) и т.д.[68].

В период с 2020 по 2023 год в республике было выявлено и пресечено 680 случаев нелегального религиозного обучения 5000 детей. Только в 2023 году было выявлено 300 случаев незаконного религиозного обучения и предотвращено участие в нем более 4100 человек, что свидетельствует о расширении процесса «промыывания мозгов» среди детей, подростков и молодежи. За указанный период за подобные нарушения правоохранительными органами к административной ответственности было привлечено 520 так называемых «религиозных деятелей». За последние 10 лет правоохранительные органы выявили 1320 случаев воспрепятствования родителей получению детьми основного среднего образования [203, с. 37].

Лидер нации уважаемый Эмомали Рахмон на встрече с активистами, представителями общественности и религиозными деятелями, состоявшейся 9 марта 2024 года, отметил также, что «с 2010 по 2024 год 4150 чел., обучавшихся в неофициальных религиозных школах за рубежом граждан республики были возвращены на Родину, причем из этого числа 156 студентов примкнули к международным экстремистско-террористическим организациям [203, с. 40]. Вот почему незаконное религиозное образование

как внутри страны так и зарубежом считается одним из основных причин религиозно-политического экстремизма. Именно на основе получения искаженной экстремистской идеологии за рубежом многие молодые люди примыкают к таким организациям.

Следует отметить, что Закон РТ «О патриотическом воспитании граждан» также акцентирует внимание общества на воспитание граждан в духе патриотического отношения и уважения к обществу и государству на основе высокой социальной активности, гражданской ответственности, готовности и способности служить Родине, укреплению и обеспечению жизненно важных интересов и устойчивого развития государства [69].

Общепринято, что патриотизм, как общественный и нравственный принцип характеризует отношение граждан к своей стране. В реальной жизни это отношение проявляется в комплексе знаний, чувств и ценностных установок под общим названием «любовь к Родине» [469, с. 280]. В широком смысле под словосочетанием «любовь к Родине» следует понимать заботу об интересах и исторической судьбе своей страны; гордость ее достижениями; сочувствие и сострадание к социальным нуждам народа; уважение исторического прошлого и традиций своей Родины; любовь к своему народу; готовность к самопожертвованию, борьбе с врагами отечества, защите интересов Родины [345, с. 15-16].

Вот почему патриотическое воспитание остается важным духовным достоянием личности, фундаментом общественной и государственной системы. Однако теория воспитания позволяет проследить некоторую закономерность в обострении различных вопросов воспитания в соответствии с противоречиями между провозглашенными и сложившимися ценностями, между обществом и государством [263, с. 50]. Например, если провести параллель между демократическими и религиозными ценностями, у мусульман практически всегда преобладает второе. Поэтому учет религиозных ценностей в формировании патриотического воспитания молодежи в интересах обеспечения национальной безопасности является

одним из самых важных, но в свою очередь, весьма сложных вопросов, требующих научно-методологической и концептуальной разработки. В качестве доказательства можно привести тот факт, что только через своих суфиев персидские и таджикские народы достигли высшего понимания исламской философии и избрали путь мира и справедливости. Так, идеалы человеколюбия, терпимости, стремления к миру и цивилизованных отношений, проповедуемые Имамом Абу Ханифой, Имамом аль-Бухари, Джалалуддином Руми и другими духовными лидерами, черпавшими свое вдохновение в принципах ислама, нашли отклик в душах огромного числа мусульман, христиан и иудеев. Их учения, получив всеобщее признание, стали символом межкультурного взаимопонимания и мирного сосуществования [202, с. 221].

К сожалению, изучение литературы салафитско-ваххабитского движения доказывает, что они крайне нетерпимо относятся к здравому смыслу и созидательной идеологии традиционных теологов-исломоведов. Последователи «салафитско-ваххабитской» экстремистской идеологии отрекаются от религиозных взглядов основателя миролюбивой ханафиской школы Абу Ханифа Нуъман ибн Сабита (699-767), который излагал сущность Ислама в его чистом виде, как справедливую, миролюбивую, гуманную, терпеливую, созидательную и цивилизованную религию. «Салафиты» так же публично распространяют оскорбительные слова по отношению к арийским и иранским национальным именам, таким, как Рустам, Сухроб, Исфандиёр, Джамшед и т.д. Они называют исконные таджикские имена «языческими», а такие древние национальные праздники как Навруз, Сада, Мехрган - чуждыми мусульманам.

В этой связи полагаем, что основные цели и задачи государственной политики в сфере религии направлены на укрепление независимости страны, обеспечение национальной безопасности, защиту мира и стабильности, демократизацию общественной жизни и создание благоприятных условий для укрепления созидательного сотрудничества государства с религиозными

объединениями, реализацию конституционных гарантий Республики Таджикистан в сфере свободы совести, обеспечение религиозно-конфессионального равенства и толерантности, предотвращение распространения идей и убеждений радикальных движений и течений в религиозной среде, для создания атмосферы толерантности и взаимопонимания в обществе Таджикистана [84].

Правительство Республики Таджикистан принимает действенные меры по возрождению и увековечению доброго имени выдающихся сыновей таджикского народа. Например, в 2009 году при участии известных ученых и деятелей науки исламского мира из 55 стран был торжественно отмечен юбилей 1310-летия Абу Ханифы Нуман ибн Сабит, известного как имам и основатель толерантной религиозной ханафитской школы, последователи которой составляют более 60% исламского мира на всем земном шаре. Проводятся научные мероприятия международного уровня, посвященные таким влиятельным научным и религиозным деятелям, как Мавлана Джалалуддин Балхи, Абу Али ибн Сина, Абдуррахман Джами, Мухаммад Худжанди, Абурайхан Беруни, Мухаммад Газали, Насир Хусрави Кубодийони, Мир Саид Али Хамадани и другим, написавшим множество работ по этике, поэзии, философии, математике, медицине, религиоведению и другим наукам, чьи труды до сих пор являются востребованными для человеческой цивилизации [202, с. 310].

Для достижения намеченных целей в Комитете по делам религии и упорядочению торжеств и обрядов при Правительстве Республики Таджикистан зарегистрировано 4 006 религиозных объединений, в числе которых Республиканский исламский центр, 48 центральных соборных мечетей, 326 соборных мечетей, 3 551 мечетей пятикратной молитвы, 2 Комитета по развитию исмаилитских общин шиитов-имамитов, 70 неисламских религиозных организаций, 1 неисламское религиозное общество, 6 исламских учебных заведений, которые активно функционируют и обеспечивают религиозные потребности населения [90].

По инициативе Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона в целях широкого освещения основ религии Ислама священный Коран был переведен на таджикский язык и подарен ученым-богословам и представителям интеллигенции и науки. Был учрежден Исламский институт Таджикистана имени Азама – Абу Ханифы Нумана ибн Сабита, образовано государственное учреждение Центр исламоведения при Президенте Республики Таджикистан, в учебный процесс общеобразовательных заведений республики введен предмет «История религии» и т.п.[84]. В 2023 году в г. Душанбе была сдана в эксплуатацию одна из крупнейших мечетей в Средней Азии, рассчитанная на более чем 100 тыс. молитвенных мест. Реализован современный проект по строительству нового здания Исламского института имени Имама Абуханифы, который в августе 2025 года успешно и торжественно сдан в эксплуатацию.

Указанные инициативы являются прекрасным доказательством внимания Президента и Правительства Республики Таджикистан к религиозным вопросам и религиозным ценностям как к одним из основных столпов национальной культуры и менталитета таджикского народа [84].

В этой связи особое внимание необходимо уделить качеству образования в целом, о проблемах которого отмечают видные ученые. Так, Е.В. Бондаревский отмечает, что «разрушение социальной инфраструктуры мира детства; запущенность семейного воспитания; криминализация среды, окружающей детей и молодежь; общий упадок школьного и вузовского воспитания; заметное снижение общего уровня культуры и нравственной воспитанности детей и молодежи, утеря нравственных ориентиров, распространение технократических и асоциальных моделей поведения в молодежной среде в обозримом будущем породит новые угрозы для общества и государства» [266, с. 13-17].

Поэтому основной целью Концепция развития профессионального образования в Республике Таджикистан [85], стало проведение полной реформы системы среднего и высшего профессионального образования.

Однако проведенные реформы системы образования вызывают серьезную критику широкого круга общественности, в том числе, политического руководства республики, так как качество современного образования не в полной мере удовлетворяет потребностям современного общества, в том числе, в сфере противодействия идеологии и практики экстремизма.

Лидер Нации прав в том, что «национальное самосознание проявляется с любви к Отечеству, языку, истории, культурным ценностям и ведет к формированию личности со здоровым и прогрессивным мировоззрением» [185, с. 136]. В этой связи неоспоримым является тот факт, что «чувство патриотизма, национального самосознания и преданности Родине являются одной из важных основ государства и государственности, и нация, не уважающая свои национальные ценности, не может стать суверенным государством» [202, с. 110]. Поэтому, по личной инициативе Лидера нации, уважаемого Эмомали Рахмона, за весомые заслуги перед отечеством и таджикским народом были удостоены высшего звания – «Герой Таджикистана», такие славные сыны таджикского народа как Шириншох Шотемур, Нусратулло Махсум, Садриддин Айни, Бободжон Гафуров и Мирзо Турсунзаде. За исключительные заслуги в установлении мира и национального единства, построения демократического общества, обеспечения территориальной целостности, преданное служение народу, 11 декабря 1999 года постановлением Маджлиси Оли Республики Таджикистан Президенту Республики Таджикистан, уважаемому Эмомали Рахмону также было присвоено высшее звание «Герой Таджикистана» [202, с. 206-213].

Под руководством Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона, Правительство Таджикистана предпринимает необходимые меры по повышению национального самосознания. В частности, тысячи молодых людей ежегодно принимают участие в конкурсе «Фуруғи субҳи доноӣ китоб аст» (Мудрости зари сияние – книга), «Илм – фурӯғи маърифат» (Наука – источник просвещения), «Тоҷикистон – Ватани азизи ман» (Таджикистан – моя дорогая Родина), «Тоҷикон» – оинаи таърихи миллат» («Таджики» –

зеркало истории нации) на районном, городском, областном и республиканском уровнях [202, с. 312]. Эта историческая инициатива закладывает прочный фундамент для противодействия экстремистской идеологии, потому что основная суть священной религии ислама очень широко отражена в поэзии Рудаки и Фирдоуси, Саади и Хафиза, Бедила Руми, Авиценны, Санои и других великих мыслителей Востока.

Необходимо отметить, что за период становления независимости республикой была проделана колоссальная работа по укреплению государственной политики в сфере патриотизма и нравственно-духовного воспитания населения. По инициативе Правительства Республики Таджикистан, в целях защиты и возрождения национальных ценностей, национальный праздник «Навруз», а также классические музыкальные направления «Фалак» и «Шашмаком» были включены в список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, а такие исторические места республики как Саразм, Гиссарская крепость, Буддийский храм Аджинатеппа, Город Тахти Сангин, Город Хулбук и др. включены в культурное наследие этой престижной международной организации в качестве историко-культурных памятников [202, с. 218].

В связи с этим следует напомнить, что в числе ключевых задач уголовно-правовой политики Таджикистана находится существенное преобразование текущей картины преступности, включая сокращение масштабов и степени угрозы, исходящей от организованной и насильственной преступной деятельности, террористических и экстремистских проявлений, а также правонарушений, совершаемых несовершеннолетними. Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы регламентирует деятельность государственных органов в контексте уголовно-правовой политики республики и международного «Плана действий по предупреждению насильственного экстремизма» [439], который был принят в 2016 году по решению Генеральной Ассамблеи ООН. В

указанном Плате государствам-членам ООН рекомендуется принимать действенные и комплексные меры социально-экономического, нравственно-духовного, образовательного, информационно-пропагандистского характера по противодействию идеологии и практике экстремизма и терроризма [437].

Следует отметить, что Таджикистан выступает инициатором ряда международных конференций, в том числе конференций высокого уровня. Например, по итогам международной конференции высокого уровня «Борьба с терроризмом и насильственным экстремизмом», проведенной 4 мая 2018 года, была принята Душанбинская Декларация ООН [9].

В мае 2022 г. в г. Душанбе под эгидой Совета министров внутренних дел государств-участников СНГ состоялась международная научно-практическая конференция на тему «Транснациональные криминальные вызовы и риски на пространстве Содружества, обусловленные ситуацией в Афганистане: тенденции, прогнозы, пути нейтрализации», в ходе которой была принята резолюция [296, с. 107-109].

Целенаправленные усилия Правительства Республики Таджикистан позволили превратить страну в одну из самых безопасных стран мира. Так, в 2016 году Душанбе во второй раз получил награду ЮНЕСКО «Город мира, толерантности и согласия в повседневной жизни». Более того, Таджикистан занял первую строчку в Глобальном отчете о законности и порядке 2023 года, который ежегодно готовит американский институт изучения общественного мнения Gallup. Наша республика опередила Финляндию, Исландию, Кувейт, Люксембург, Норвегию, Вьетнам, и Швейцарию [452].

Однако социальная структура таджикского общества, несмотря на некоторое ее улучшение, желает оставить лучшего, так как по статистическим данным Миграционной службы республики, ежегодно на трудовую миграцию в Россию другие страны СНГ и дальнего зарубежья выезжают свыше 650 тыс. трудоспособной части населения.

На основе двусторонних и многосторонних соглашений Правительство Республики Таджикистан динамично развивает государственную политику в

области внутренней и внешней миграции. В результате этого, у трудоспособных граждан республики появляется возможность ежегодно осуществлять трудовую деятельность за пределами страны, набираясь опыта в сфере строительства, торговли и других отраслей трудовых отношений.

Однако с сожалением приходится констатировать тот факт, что некоторые мигранты в силу незнания языков и своих законных прав и свобод на территории принимающей страны попадают в ситуации, которые становятся причиной появления ненависти и вражды в отношении граждан иностранных государств. По мнению российских ученых, бесконтрольная трудовая миграция из стран бывшего Союза «привела к резкому изменению национального состава в некоторых регионах России, и местное население стало ощущать себя не большинством, а меньшинством на исконной исторической родине. При этом новые жители пытаются насаждать собственные правила поведения, чем в еще большей степени усложняют и без того не простую ситуацию, провоцируя представителей местной молодежи на совершение экстремистских действий» [407, с. 288]. В связи с этим, В.Е. Петрищев предлагает «тщательно планировать расселение трудовых мигрантов; разработать программы их адаптации к новым условиям жизни и ужесточить меры наказания за содействие незаконной миграции» [291, с. 336].

Следует отметить, что по утверждению Э.Б. Магомедова, на Северном Кавказе (Северная Осетия-Алания, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия, Чечня, Ингушетия) вовлеченность мигрантов из Таджикистана, Узбекистана и Азербайджана в совершение террористических актов является по сравнению с другими регионами России наиболее высокой. Это связано прежде всего потому, что по менталитету, обычаям и уровню религиозности указанный регион мигрантам наиболее близок [370, с. 13-14]. Несмотря на то, что мигранты в этом регионе развиваются практически изолированно от местного сообщества, предпочитая свои анклавные диаспоры, чаще всего насильственные преступления в отношении них

совершаются как со стороны криминалитета кавказского происхождения, так и со стороны представителей своих же диаспор. И это при том, что многие из них не знают ни язык, ни культуру, ни менталитет местного населения. В связи с постоянным полицейским преследованием за нарушения режима пребывания, многие мигранты чувствуют вполне оправданный дискомфорт. Поэтому Э.Б. Магомедов предлагает принять соответствующие Комплексные региональные программы по адаптации и привлечению мигрантов к организованной трудовой деятельности, где требуется рабочая сила в сфере строительства, сельского хозяйства, торговли, здравоохранения и т.д., обеспечивая их безопасность, представлять социально-экономическую и медицинскую помощь, что заслуживает внимания и одобрения.

С учетом обозначенных причин и условий возрастания экстремистской преступности, введение специальной дисциплины по противодействию экстремизму на всех уровнях образования является объективной закономерностью в повышении правовой просвещенности, религиозной терпимости и политической зрелости учащихся и студентов, которые в обозримом будущем могут стать потенциальными трудовыми мигрантами. В связи с этим, думается, что необходимо более серьезно отнестись к подготовке кадров и проведении серьезной реформы в сфере образования, которое в свою очередь с каждым годом настоятельно диктует отказ от кредитной системы или по крайней мере, переходе к более качественному контролю механизма получения образования на всех уровнях.

Создание совместных институциональных механизмов по контртеррористической пропаганде в информационном пространстве стран-участников СНГ с привлечением возможностей гражданских министерств и ведомств, таких, как Министерство образования и науки, Комитет по делам религии, Министерство культуры, Комитет по делам молодежи, Министерство труда и занятости населения и других компетентных органов является эффективной и своевременной межгосударственной мерой (более подробно см: параграф 3 главы 5 диссертационного исследования).

В новой Государственной программе по противодействию преступности в Республике Таджикистан на 2021-2030 г.г., особое внимание уделяется искоренению обще-социальных причин возникновения экстремизма и терроризма [82].

Концепция уголовно-правовой политики Республики Таджикистан определила перспективы, приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в области противодействия преступности, в том числе с экстремизмом и терроризмом [86]. В целях более эффективного противодействия экстремизму, Законом Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» от 17 мая 2004 г., №35 в УК РТ были введены статьи 307(1) (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма), 307(2) (Организация экстремистского сообщества), 307(3) и (Организация деятельности экстремистской организации). Однако по существу они не в полном объеме выполняют свое уголовно-правовое предназначение.

В целях предотвращения среди населения религиозно-экстремистского мировоззрения, Законом Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в УК Республики Таджикистан» от 2 августа 2011 г., №750 в УК была введена ст. 307(4) (Организация учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера), позволяющая правоохранительным органам республики взять под свой контроль распространение экстремистской идеологии.

Далее, в 2014 г. в УК Республики Таджикистан была введена ст. 401(1) УК РТ, которая дала возможность более эффективно осуществлять деятельность по противодействию вовлечения и незаконного участия граждан республики в вооруженных конфликтах на территории других государств [61].

Ярким примером гуманной политики государства является возвращение на родину более 4000 лиц, незаконно обучавшихся в зарубежных

религиозных школах и более 1850 лиц, примкнувших к экстремистским группировкам.

В социально-экономическом плане Правительство Республики Таджикистан решает наиболее сложные и стратегические задачи, что так же направлено на искоренение общесоциальных и экономических причин и условий преступности в целом, и экстремистской преступности в частности.

Лидер нации уважаемый Эмомали Рахмон в своем Послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан еще 30 апреля 2007, исходя из имеющихся материальных, финансовых возможностей, природных ресурсов и географического расположения республики определил стратегические цели – энергетическую и продовольственную безопасность, преодоление коммуникационного тупика, которые заложили основу социальной политики государства, укрепления его экономики и целенаправленного превращения Таджикистана в одну из развитых стран мира [440].

Учитывая постепенную реализацию указанных стратегических целей, в Республике Таджикистан возникла необходимость введения четвертой национальной цели – «Ускоренной индустриализации стран», которая была объявлена в Послании Лидера нации 22 декабря 2017 года [443].

Своевременное определение и динамичная реализация стратегических целей государства дали новый импульс экономике страны, соответственно и более активному развитию в сферах образования, науки, культуры, здравоохранения, легкой и цветной промышленности и социального обеспечения населения (пенсионеров, студентов, инвалидов, сирот и т.д.).

В частности, за последние пять лет реальный темп роста валового внутреннего продукта достиг 7,5%, получила развитие инфраструктура образования, здравоохранения, туризма и спорта, на территории страны построены сотни малых и крупных промышленных предприятий, гидроэлектростанций (Рогунская, Сангтудинская-1, Сангтудинская-2, КАСА-1000 и др.), тоннелей (Истиклол, Шахристон, Чормагзак) и других жизненно важных объектов.

В 2017 году мы достигли одной из наших стратегических целей, превратив разделенный бездорожьём Таджикистан в единую территорию, соединив республику с соседними и другими зарубежными странами транспортными коридорами.

Правительством страны реализованы государственные инвестиционные проекты на сумму 91 миллиард сомони в сферах энергетики, транспорта, сельского хозяйства, образования, здравоохранения, социального обеспечения, жилищно-коммунального хозяйства и других сферах.

На развитие науки и образования, здравоохранения и социальной защиты населения за этот период из всех источников финансирования государственного бюджета было направлено более 97 миллиардов сомони.

Следует отметить, что в информационно-технологическом плане Республика Таджикистан в пределах деятельности региональных и международных антитеррористических организаций СНГ, ОДКБ, ШОС, Интерпол, Европол, ОБСЕ и т.д. планомерно осуществляет противодействие экстремизму. На региональном уровне реализуются требования многочисленных концептуальных документов международного характера участником которых является Республика Таджикистан [16; 17; 18]. Данное направление противодействия экстремизму нашло широкое отражения в комплексном исследовании отечественных авторов, так как в современных условиях взаимодействие стран-партнеров в борьбе с киберпреступностью, распространением информации, установлением контроля над национальными информационными ресурсами другого государства, а также установлением ограничений, ущемляющих интересы государств-участников, считается приоритетной задачей каждого государства [305, с. 105-115]. Несмотря на то, что мы находимся в начале пути, и говорить о высокой результативности такой деятельности еще рано, думается, что активизация исследований в данной области станет приоритетным направлением науки в недалеком и обозримом будущем.

Анализ теоретических материалов, концептуальных документов внутригосударственного, регионального, международного значения, практических мер обще-социального характера дают возможность предложить следующие теоретические выводы и практические рекомендации по устранению причин и условий возникновения экстремистской преступности:

1. Фундаментальную основу устранения обще-социальных причин возникновения экстремистской идеологии религиозного толка составляют требования национальных законов «Об упорядочении торжеств и обрядов», «Об ответственности за обучение и воспитание ребенка», «О патриотическом воспитании граждан», в которых заложены правовые, организационные, политические, религиозные, патриотические и информационно-пропагандистские основы противодействия экстремистской идеологии. Особенность указанных законов заключается в том, что они нацелены на координацию деятельности многочисленных «гражданских» министерств и ведомств, исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных и религиозных организаций, отдельных граждан по снижению и преодолению обще-социальных причин и условий возникновения экстремизма.

2. Учет религиозных ценностей в формировании патриотического воспитания молодежи в интересах обеспечения национальной безопасности является одним из самых важных, но в свою очередь, одним из сложнейших вопросов, требующих научно-методологической и концептуальной проработки.

3. В контексте научного анализа термин «борьба» зачастую ассоциируется с насилием и подавлением, в отличие от более мягкого и нейтрального «противодействия». В связи с этим, на уровне законодательства более предпочтительным является использование термина «противодействие». Это объясняется тем, что «противодействие» охватывает не только принудительные меры государства (такие, как задержание, арест,

заключение под стражу и обезвреживание), но и подчеркивает широкий спектр профилактических мероприятий. Таким образом, «противодействие» предполагает не только наказание за совершенные преступления, но и активное устранение причин и условий, способствующих их совершению, что делает его более комплексным и эффективным инструментом в борьбе с преступностью.

4. Предлагается изложить понятие «противодействие экстремизму» в следующей редакции: «Деятельность органов универсальных и региональных международных организаций, государственных органов, органов местного самоуправления посёлков и сёл и их должностных лиц, а также иных юридических и физических лиц, направленная на защиту основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, обеспечение суверенитета, территориальной целостности и безопасности государства, выявление причин и условий, способствующих проявлениям экстремизма, а также направленная на предупреждение, выявление, профилактику, пресечение, прекращение экстремистской деятельности и ликвидацию ее последствий».

5. Несмотря на то, что понятие «антиэкстремистская деятельность» используется на теоретическом уровне, а «противодействие экстремизму» на законодательном, оба понятия носят одинаковую смысловую нагрузку и по отношению друг к другу являются синонимами.

6. Информационно-идеологическая контрпропаганда экстремисткой идеологии на региональном и международном информационном пространстве, в том числе по Интернету требует действенных мер организационного, правового, технического и идеологического характера.

7. Резкий рост паломничества граждан, происходящий с грубейшими нарушениями требований основ религии Ислама связано с архаичностью религиозного мышления некоторой части населения, которое требует проведения активной и компетентной разъяснительной работы среди широких слоев населения на более высоком информационно-

пропагандистском уровне.

8. Для борьбы с экстремизмом среди мигрантов необходимо разработать и внедрить специальные образовательные программы в учебных заведениях всех уровней. Эти программы должны включать усиленное правовое обучение, формирование уважительного отношения к различным религиям и повышение уровня политической грамотности учащихся и студентов. Многие из них в перспективе могут оказаться трудовыми мигрантами, что делает данную инициативу особенно актуальной.

9. Реализация и внедрение профилактических мероприятий в пенитенциарных заведениях, касающихся лиц, отбывающих наказание за экстремистскую деятельность, нуждается в пересмотре стратегий и оптимизации законодательной и институциональной базы. Необходима также и квалифицированная кадровая поддержка, с одновременным значительным усилением информационно-идеологической работы в этом направлении.

4.2. Специально-криминологическое и индивидуальное предупреждение экстремизма органами внутренних дел Республики Таджикистан

Специально-криминологическая профилактика – это целенаправленное воздействие на криминальные факторы, направленные на определенные виды преступлений или определенную антисоциальную группу. Такое воздействие акцентированно правоохранительными органами на конкретные причины и условия совершения преступления, чьи полномочия связаны с предупреждением преступности [205, с. 518].

Содержание специально-криминологических и обще-социальных профилактических мер противодействия экстремизму отражаются в международных, региональных, межгосударственных, внутригосударственных и межведомственных договорах, концепциях,

программах, национальных законах, приказах, инструкциях, положениях и других ведомственных нормативных правовых актах правоохранительных органов и других компетентных государственных органов. Такие документы предусматривают организационные и правовые основы деятельности заинтересованных министерств и ведомств государств, международных и региональных организаций, соответственно их задачи и функции по осуществлению системы мероприятий предназначены для профилактики и предупреждения преступлений экстремистского и террористического характера.

Качественная реализация таких нормативных правовых и концептуальных документов осуществляется только путем правильного определения компетенции и задач каждого органа, соответственно и эффективному поддержанию сотрудничества между различными субъектами профилактики по заранее намеченным целям и иерархической и горизонтальной связи друг с другом [205, с. 518].

Специальные (криминологические) меры предполагают осуществление органами внутренних дел (далее – ОВД), национальной безопасности, прокуратуры и т.д., направленной на снижение и преодоление криминогенных факторов, порождающих терроризм и экстремизм. Особый характер специальных (криминологических) мер предупреждения экстремизма и терроризма заключается в том, что они находятся в тесной связи с обще-социальными (социально-экономическими, политическими, правовыми, нравственно-духовными) мерами предупреждения, так как неспециализированные субъекты профилактики преступности (не силовые министерства и ведомства) в силу своего правового статуса не могут в полном объеме реализовывать криминологические мероприятия. Однако ОВД в силу своего предназначения должны инициировать специальные криминологические меры в контексте обще-социальных мероприятий и координировать деятельность других гражданских министерств и ведомств в реализации соответствующих программных установок в сфере

воспитательных, идеологических, правовых, информационных и других обще-социальных мер. Например, при решении проблем правового воспитания граждан, деятельность ОВД имеет свою специфику, которая в основном состоит в реализации административно-правовых и уголовно-правовых механизмов правового воспитания.

Мы вполне разделяем позицию Р.Х. Рахимзода о том, что «система специально-криминологического предупреждения преступлений предполагает два основных направления:

- не персонифицированные мероприятия, основной целью которых является устранение криминогенных факторов;
- индивидуальное предупреждение, имеющее адресный характер в отношении конкретных лиц» [205, с. 518].

Как нами было отмечено в предыдущем параграфе, обще-социальная профилактика направлена прежде всего, на устранение причин и условий преступности, которые в большей мере связаны с деятельностью «гражданских» министерств и ведомств по системной и целенаправленной их деятельности в сфере экономики, науки, образования и т.д. среди широкого круга слоев населения [192, с. 58; 158, с. 163]. Однако специально-криминологическое и индивидуальное предупреждение преступлений, осуществляемое правоохранительными органами, имеют более строгие границы регулирования, так как возможности гражданских учреждений в этом направлении в разы ограничены.

Так, под специально-криминологическими мерами предупреждения преступлений в контексте оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) понимается «проведение мероприятий по воздействию на причины и условия, которые способствуют совершению преступления или применения таких мер к поведению конкретного лица или группы лиц с целью предотвращения антиобщественных деяний» [205, с. 513]. Такие мероприятия проводятся на международном, региональном, межгосударственном, государственном уровнях.

В этом плане важнейшими совместными оперативно-профилактическими операциями, проводимыми на межгосударственном уровне являются мероприятия под кодовыми названиями «Мак», «Мигрант», «Граница», «Заслон», «Арсенал», «Фильтр», «Магистраль», «Канал», «Рубеж», «Иностранец», «Розыск» и другие. Такие операции могут охватывать обширные территории с участием различных правоохранительных органов нескольких государств [205, с. 513].

Например, в соответствии с требованиями Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2019-2023 годы, в целях эффективного реагирования на изменения в криминальной обстановке по инициативе БКБОП в 2022 г. в сфере обеспечения правопорядка и безопасности, правоохранительными и иными государственными органами государств-участников СНГ реализован комплекс специально-криминологических мер.

В соответствии с Планом-графиком проведения комплексных согласованных и/или совместных оперативно-профилактических мероприятий на 2019-2023 годы, БКБОП в 2022 г. организовано проведение 13 комплексных оперативно-профилактических мероприятий МВД государств-участников СНГ, в том числе, по установлению местонахождения и задержанию лиц, находящихся в межгосударственном и международном розыске, лиц, подозреваемых в проявлениях экстремизма и терроризма, незаконного оборота наркотиков, оружия, боеприпасов, торговля людьми и других транснациональных преступлениях [436].

В ходе проведения только двух этапов оперативно-профилактических мероприятий «Розыск» в 2022 г. раскрыто 2 253 преступления, разыскано скрывшихся обвиняемых, подозреваемых – 7 677 лиц; идентифицировано неопознанных трупов – 361; разыскано несовершеннолетних – 457; разыскано лиц, пропавших без вести – 3277 [436]. Однако одним из наиболее уязвимых направлений по выявлению обще-социальных причин и условий противодействия экстремизму на региональном и международном уровнях

заключается в том, что компетентные органы государства-члены СНГ и другие институциональные международные организации осуществляют противодействие экстремизму и терроризму в основном путем реализации специально криминологических мер, обладающих репрессивным, а не обще-социальным (устранение причин и условий экстремистской преступности на более ранних стадиях) характером [190, с. 1-39].

На республиканском, областном и региональном уровнях проводятся такие оперативно-профилактические мероприятия как «Тартибот», «Чустучӯ», «Оворагард», «Ҳосил», «Ҳона ба хона» и т. д., которые имеют свои специфические особенности, соответственно и индивидуальную тактику проведения [205, с. 513].

Таким образом, можно прийти к выводу, что специально-криминологическая профилактика проводится правоохранительными органами как совместно, так и в отдельности по наиболее уязвимым направлениям социальной жизни граждан в целях поиска и устранения причин и условий совершения конкретных преступлений, а также их предупреждения и пресечения.

Такой подход позволяет сделать вывод о том, что обще-социальные профилактические мероприятия в основном проводятся гражданскими министерствами и ведомствами, а специально-криминологические профилактические мероприятия – правоохранительными органами в общем контексте противодействия преступности. Однако индивидуальная профилактика в отношении определенных лиц (например, Комиссией по делам несовершеннолетних) в пределах своей компетенции проводят как работники гражданских организации и учреждений, так и сотрудники ОВД и других правоохранительных органов.

Среди специализированных субъектов профилактики преступности важная роль принадлежит ОВД Республики Таджикистан, так как в соответствии со ст. 3 Закона Республики Таджикистан «О милиции» [51], «профилактика, пресечение преступлений и других правонарушений»

признается одним из основных направлений деятельности милиции. Далее в п. 2 ст. 11 Закона РТ «О противодействии экстремизму» определены общие полномочия Министерства внутренних дел Республики Таджикистан (далее – МВД РТ) по выявлению, предупреждению, пресечению и расследованию преступлений экстремистского характера. Сбор, анализ и обработка статистических данных, регистрация и учёт преступлений экстремистского характера также отнесены к компетенции милиции. Наиболее важным указанием Закона является определение агитационно-пропагандистской функции милиции по предупреждению проявлений экстремизма, что соответствует назначению данного органа [64].

В ст. 3 Закона Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» определены основные задачи ОРД в борьбе с преступностью, соответственно и в противодействии экстремизму. Таковыми являются «выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие преступлений, так же установление и розыск лиц, подготавливающих или совершающих преступления; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания и т.д.; добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу правам и свободам человека и гражданина, общественной, государственной безопасности Республики Таджикистан и т.д.» [58].

МВД Республики Таджикистан и его структурные подразделения, такие, как Управление уголовного розыска (далее – УУР), Управление по борьбе с организованной преступностью (далее – УБОП), Управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (далее – УБНОН), Управление внутренней безопасности (далее – УВБ) и другие всегда были в первых рядах борьбы с экстремизмом и терроризмом.

Такие управления, как УБОП, УУР и другие оперативные подразделения МВД РТ накопили большой опыт по выявлению активных членов Партии исламского возрождения Таджикистана (далее – ПИВТ). В период с 1992 по

1999 гг. указанные структуры установили более 350 членов ПИВТ, «покинувших территорию республики в результате гражданской войны и завербованных спецслужбами заинтересованных мусульманских стран на территории Кыргызстана, Туркменистана, Казахстана и Азербайджана. Эти лица незаконно были переправлены на территорию Пакистана, Афганистана и Ирана, где проходили религиозно-экстремистскую и диверсионно-террористическую подготовку от 6 месяцев до 2 лет» [112, с. 178].

2 января 2002 г в результате проявленного профессионализма работники УУР, УБОП совместно с сотрудниками патрульно-постового полка МВД РТ разоружили членов экстремистско-террористической организации, подготовленной спецслужбами иностранного государства для дестабилизации общественно-политической обстановки в республике. В результате данной операции было арестовано 82 участника и изъято большое количество огнестрельного оружия и боеприпасов. Членами указанной террористической группы было совершено 3 террористических акта (2 человека убиты, 3 – ранены), 3 диверсионных акта (8 человек убиты, 51 – ранены), 22 убийства и покушений на убийство, 1 грабеж и др. [182, с. 34].

Только за 11 месяцев 2009 года сотрудниками отдела по раскрытию преступлений прошлых лет УУР МВД РТ выявлено 115 тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в предыдущие годы. Из них убийства – 27 случаев, причинение тяжкого вреда здоровью – 7 случаев, разбой – 27 случаев, грабежи – 2, похищения людей – 12, бандитизм – 5 случаев, вооруженных нападений – 5 случаев, терактов – 3 случая [182, с. 34].

Однако предупреждение экстремизма как элемента общей структуры преступности требует комплексного взаимодействия всех органов государственной власти, и ОВД в частности.

Усиление сотрудничества с населением является одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере противодействия преступности, в том числе с экстремизмом и терроризмом. Об этом свидетельствует и позиция высшего руководства страны.

Немаловажным фактом реализации такой инициативы является создание официального сайта МВД Республики Таджикистан (vkd.tj@mail.ru info@vkd.tj)), приложения «Мобильный репортер» (992 939-22-21-11), при помощи которых граждане могут оперативно взаимодействовать с милицией в предупреждении и пресечении всех видов правонарушений, стихийных бедствий и других неприятных противоправных событий.

Следует отметить, что правовая основа осуществления индивидуальной профилактики в деятельности милиции закреплена в п. 1 ч. 1 ст. 10 Закона Республики Таджикистан «О милиции», в которой отмечается, что «милиция обязана проводить с правонарушителями индивидуальную профилактическую работу и участвовать в правовом просвещении граждан» [51].

Такой подход законодателя говорит о том, что индивидуальная профилактика также проводится в контексте обще-социальных и специально-криминологических мер. В связи с этим, о полной автономии таких мер говорить нельзя.

Сейчас структурные подразделения ОВД проводят индивидуальное предупреждение проявлений экстремизма по следующим направлениям:

- путем личного участия оперативных работников, участковых инспекторов, инспекторов по предупреждению домашнего насилия и других уполномоченных сотрудников в индивидуальных профилактических мероприятиях;
- по поручению оперативного работника лица, оказывающие содействие милиции в предупреждении и пресечении преступлений на добровольной основе согласно действующему законодательству;
- с участием добровольных дружин при проведении рейдов, бесед и т.д.;
- с участием сотрудников всех оперативных подразделений и других специализированных структур ОВД.

В качестве еще одной специальной структуры МВД РТ в указанной сфере выступал Департамент по профилактике и предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи, который был создан еще в 2008 году (в соответствии с решением Правительства Республики Таджикистан от 30 мая 2008 года и Приказа МВД от 6 июня 2008 г., №330).

В связи с переименованием Департамента 25 ноября 2020 года, приказом МВД Республики Таджикистан за №717 утверждено и введено в действие новое Положение «Об Управлении по профилактике и предотвращению правонарушений несовершеннолетних и молодежи МВД Республики Таджикистан». Организационно-правовые основы деятельности данного органа регулируются в рамках требований «Методического указания по организации служебной деятельности по работе с молодежью в органах внутренних дел», утвержденного приказом МВД Республики Таджикистан 23 апреля 2021 года, №275 с/пр. Аналогичная методичка, утвержденная приказом МВД РТ по несовершеннолетним издана 23 апреля 2021 года, №276 с/пр.

Согласно требованиям этих административно-правовых документов, структурные подразделения Управления по профилактике и предупреждению правонарушений несовершеннолетних и молодежи (далее УППНМ) МВД Республики Таджикистан во всех областях, городах и районах республики наряду с профилактикой и предупреждением наркомании, проституции, употреблением спиртных напитков и других видов правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних и молодежи, играют эффективную роль в предупреждении и предотвращении экстремистско-террористической идеологии и других причин и факторов возникновения экстремистских и террористических проявлений в молодежной среде.

Основными задачами данного управления являются предупреждение и профилактика правонарушений несовершеннолетних и молодежи, выявление

и задержание лиц, подстрекающих их к антисоциальному поведению, а также подстрекательству к экстремизму и пропаганде к насильственному изменению конституционного строя.

УППНМ координирует деятельность других оперативных подразделений как внутри МВД, так и за ее пределами по выявлению лиц, склоняющих несовершеннолетних и молодежь к занятию проституцией, наркомании, кражам, в том числе, к религиозно-экстремистской учебе и примыканию к экстремистско-террористическим организациям.

Таким образом, меры индивидуального предупреждения преступлений, в том числе экстремизма, применяются в отношении лиц, группы лиц, которые:

1) проповедуют идеи религиозного толка неясной этимологии, сопутствующие формированию нетерпимости в отношении представителей других религий и этносов;

2) активно приобретают навыки отдельных видов экстремистских правонарушений;

3) занимаются незаконным религиозным обучением граждан, ограничивают детей и несовершеннолетних в получении основного образования;

4) проявляют неуважение к национальным традициям и видным политическим, религиозным и культурным деятелям и т.д..

Профилактические воздействия осуществляются в следующем виде:

– индивидуальные беседы (разъяснительные, воспитательные беседы с привлечением представителей общественности, предупредительные письма адресатам и т.д.);

– вовлечение других лиц в работу по индивидуальной профилактике лица (в том числе, контролирующих должностных лиц других органов государственной власти, неправительственных организаций, а также членов семьи объекта профилактики), влияющих на окружение объекта (лица) индивидуальной профилактики;

– создание вокруг профилактического объекта нетерпимой среды в отношении антиобщественных действий, которая исключает совершение лицом противоправных действий;

– осуществление постоянного и превентивного (предупредительного) наблюдения за перемещениями профилируемого лица и т.п. [205, с. 522].

Как мы уже говорили выше, требования ведомственных нормативных актов регламентируют деятельность всех подразделений МВД Республики Таджикистан (УБОП, УУР, УБНОН, УООП, УППНМ и т.д.) по предупреждению и профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи в пределах их компетенции.

Однако результаты социологических исследований показывают, что профилактика экстремизма соответствует функциональной специфике УППНМ, а приоритет УБОП МВД Республики Таджикистан отдали только треть опрошенных [См.: Приложение №1].

Межведомственный подход силового блока и гражданских министерств – субъектов противодействия экстремизму по реализации обще-социальной и специально-криминологической профилактики нашли отражение в действующей Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы [90] путем разработки и реализации внутриведомственных планов. Например, 2 июля 2021 года МВД Республики Таджикистан утвердил внутриведомственный «План реализации Стратегии противодействия экстремизму и терроризму». В нем УБОП МВД РТ выступает как координирующий орган всех структурных подразделений ОВД. Ежеквартально, согласно требованиям Плана, все структурные подразделения органов внутренних дел в пределах своих полномочий направляют подробные отчеты в УБОП МВД РТ о реализации конкретных пунктов Плана. Результаты проделанной работы соответствующих подразделений рассматриваются на расширенных заседаниях коллегии МВД РТ.

Более того, приказом начальника Академии МВД РТ от 2 августа 2021 года в этом высшем учебном заведении системы МВД республики, в целях регулярного обеспечения выполнения требований соответствующих разделов вышеуказанного Плана организована постоянно действующая рабочая группа в составе 6 ученых и специалистов. Аналогичные Планы разработаны и в других подразделениях МВД РТ, так как на ведомственном уровне все службы и подразделения ОВД, являясь элементами целостной системы, функционально взаимосвязаны друг с другом. В то же время, каждый из них выполняет функцию борьбы с организованной преступностью своими специфическими средствами, что предопределяет необходимость согласования их деятельности посредством внутреннего взаимодействия и организации.

Службы УУР, УБНОН, УБОП, каждая из которых работает по своим направлениям деятельности, строго согласуют между собой границы деятельности в борьбе с организованной преступностью, и с экстремизмом в том числе. Однако, взаимодействие в борьбе с экстремизмом должно быть постоянным и системным, так как существуют участки работы, которые требуют постоянного взаимодействия, таких например, как взаимный обмен оперативной информацией о состоянии преступности, выявления причин и факторов, порождающих экстремизм с профилактической целью и т.д.

В этом контексте следует отметить, что УБОП МВД РТ по своему предназначению является сугубо оперативным подразделением. В силу того, что работники этого Управления, как специальные субъекты располагают большим массивом информации о сущности и содержании современного экстремизма и терроризма, вполне логично, что данная структура выступает координатором внутри системы МВД РТ, главным образом среди оперативных подразделений. Необходимость внутреннего взаимодействия подразделений ОВД особенно остро проявляется в условиях отсутствия углубленной систематизации предупредительной деятельности отдельных служб. Полностью еще не ликвидированы ведомственные барьеры, поэтому

каждая служба (УУР, УООП, УБНОН) в процессе борьбы с организованной преступностью выполняет только «свой» объем работы. В результате функциональной обособленности возникает отсутствие четкого взаимодействия и единства действия.

Учитывая то, что такое положение серьезно ослабляет результаты борьбы с терроризмом и экстремизмом, МВД Республики Таджикистан в своих нормативных актах постоянно подчеркивает необходимость совершенствования этой работы. Меры, направленные на повышение эффективности взаимодействия между оперативными службами по борьбе с организованной преступностью могут оказаться более результативными, если каждая служба будет четко ориентирована на достижение конечного единого результата. Для этого необходимо создать надлежащую правовую основу взаимодействия, т.е. разработать и принять единые нормативные документы, регламентирующие комплексные меры по организации борьбы с преступностью совместными усилиями, что, несомненно, повысит ее результативность.

На наш взгляд, в целях более эффективного взаимодействия в этом направлении, во всех оперативных подразделениях ОВД необходимо выделить отдельного сотрудника, координирующего весь поток оперативной информации о проявлениях экстремизма и терроризма и лиц, их иницирующих, как внутри оперативного подразделения, так и в целях проведения согласованных оперативно-розыскных и профилактических мероприятий с УБОП МВД РТ. Ввиду специфичности борьбы с экстремистской и террористической деятельностью, отличающейся от пресечения нелегальной наркоторговли, оборота оружия, торговли людьми и прочих преступных деяний, наиболее результативным решением будет задействование опытного и компетентного оперативного сотрудника. По нашему мнению, такой подход придаст новый импульс взаимодействию оперативных подразделений МВД РТ как по вертикали, так и по горизонтали,

соответственно и к формированию целостной системы оперативного реагирования на все проявления экстремизма и терроризма.

Следует отметить, что УППНМ МВД РТ может выступать в качестве внешнего координатора по противодействию экстремизму, так как по своему предназначению выполняет одну из основных функций МВД РТ по профилактике преступности в целом. Более того, во всех территориальных ОВД МВД РТ существуют должности инспекторов по делам несовершеннолетних и молодежи и участковых инспекторов. Соответственно, в целях предупреждения экстремизма, они должны более тесно поддерживать и развивать сотрудничество и с государственными органами и гражданским обществом.

Данный подход разделяет большинство опрошенных сотрудников подразделений ОВД РТ. На вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением, что Управление по профилактике и предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи должно выступать в качестве внутреннего координатора по отношению к другим подразделениям ОВД и внешним координатором по отношению к «гражданским» министерствам и ведомствам по профилактике и предупреждению экстремизма?», «Полностью согласен» ответили – 188 чел или 62,66%, частично согласились – 44 чел. или 14,66%, не согласились – 29 чел. или 9%, затруднились ответить – 35 чел. или 11,66% респондентов и 6 чел. или 2% изложили собственное видение на решение данной проблемы [См.: Приложение №1].

Специально-криминологическую профилактику оперативные подразделения МВД РТ, Управление по охране общественного порядка, ГАИ совместно с другими подразделениями проводят и в ходе пятничных молитв по всей территории республики (областей, городов, районов), обеспечивая общественный порядок на улицах, примыкающих к мечетям, близлежащих автодорогах, а также в самих мечетях. При необходимости проводятся и специальные оперативно-профилактические мероприятия, например, ограничивающие посещение несовершеннолетними мечетей в процессе

учебных занятий, при этом привлекая к административной ответственности родителей.

Как справедливо отмечают некоторые исследователи, «В процессе реализации задач по охране общественного порядка сотрудники милиции применяют административно-правовые предписания, которые в этом случае приобретают значимую роль превентивного характера» [260, с. 85-90].

В этом плане необходимо отметить, что КоАП РТ предусматривает следующие превентивные нормы в области противодействия экстремизму:

- ст. 374 («Изготовление, хранение, ввоз, перевозка и распространение на территории Республики Таджикистан запрещенной продукции средств массовой информации, иной запрещенной печатной продукции»);

- ст. 474 (Нарушение законодательства о религиозных объединениях);

- ст. 474(1) (Нарушение законодательства о производстве, ввозе, вывозе, реализации и распространении религиозной литературы, равно и других предметов и материалов религиозного назначения);

- ст. 474(3) (Проповедническая и просветительская деятельность религиозных объединений);

- ст. 474(4) «Международные связи религиозных организаций»;

- ст. 475 (Нарушение законодательства об общественных организациях);

- ст. 476 (Финансирование политических партий иностранными физическими и юридическими лицами);

- ст. 477 (Руководство и участие в деятельности незарегистрированных в установленном законодательством Республики Таджикистан порядке общественных и религиозных объединений и организаций, а также их финансирование) [37] и т.д.

В соответствии со ст. 178 УПК Республики Таджикистан в ходе рассмотрения уголовного дела следователь определяет причины и обстоятельства, сопутствующие совершению преступления. Однако в настоящее время указанное направление профилактической работы имеет

формальный характер и соответствующие компетентные органы не уделяют этому достаточного внимания. Поэтому считаем целесообразным закрепить на уровне законодательства полномочия следователя по установлению, выявлению и нейтрализации факторов, способствующих преступлениям. Для повышения эффективности профилактической работы и избежание формального подхода к ней следует предусмотреть административную ответственность за невыполнение или некачественное выполнение этих обязанностей.

При проведении анкетирования среди сотрудников ОВД, на вопрос: «По Вашему мнению, в каких форматах следует налаживать взаимодействие с министерствами и ведомствами, не относящимися к силовым структурам, для борьбы с экстремистскими проявлениями?», «В организации и проведении совместных профилактических мероприятий, включая мобилизацию духовенства, научных, политических деятелей и СМИ» ответили – 126 чел. или 42% респондентов, «В представлении сведений относительно лиц, пропагандирующих экстремистские взгляды» – 75 чел или 25%, «В создании совместных комиссий или рабочих групп по информированию населения об опасности проявлений религиозного экстремизма, так же правовому просвещению граждан в школах, мечетях и в СМИ» – 59 чел. или 19,66%, «В разработке и осуществлении стратегии, программ противодействия экстремизму» – 33 чел. или 11% и затруднились ответить – 7 чел. или 2,33% опрошенных [См.: Приложение №1].

Таким образом, взаимодействие между службами и подразделениями ОВД является не просто желательным, но и диктуется объективными обстоятельствами современности. Это связано с тем, что данные структуры преследуют общие цели в сфере противодействия преступности. Кроме того, усиление эффективности борьбы с наиболее тяжкими формами преступной деятельности, такими, как организованная преступность, возможно только при условии консолидации усилий и ресурсов всех заинтересованных

подразделений, так как результативность достигается лишь за счет объединения потенциала и скоординированных действий этих структур.

Применяемые при этом разными службами и подразделениями (УУР, УБНОН, УБОП) меры профилактической работы усиливаются, дополняются, качественнее реализуются. Поэтому, улучшение их взаимодействия в осуществлении предупредительной работы, выступает в качестве важнейшего организационного средства ее совершенствования, повышая при этом результативность.

Стимулирующим дополнительным импульсом в противодействии экстремизму дают специальные приказы, инструкции и положения, регламентирующие совместную деятельность всех оперативных и следственных подразделений ОВД в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Результативность данной нормы подтверждается тем, что более 70% всех преступлений террористического и экстремистского характера раскрываются ОВД республики.

Следует отметить, что п.п. 1 и 3. ст. 11 Закона РТ «О противодействии экстремизму» находятся в определенной конкуренции в отношении определения координирующего статуса Государственного комитета национальной безопасности (далее – ГКНБ) и Генеральной прокуратуры в борьбе с экстремизмом, так как указанные органы определены координаторами противодействия экстремизма, что порождает определенные противоречия функционального характера (более подробно см.: параграф 2 главы 5).

Поэтому, для реализации вышеуказанных целей 16 апреля 2015 года был издан Совместный приказ Генеральной прокуратуры, ГКНБ и МВД Республики Таджикистан «О создании Республиканского штаба по организации и руководству расследования уголовных дел, связанных с привлечением граждан Республики Таджикистан в террористические группировки и их участие в вооруженных конфликтах за рубежом». В результате этого, только в период с 2015 по 2016 годы правоохранные

органы выявили 1110 преступлений экстремистской направленности [112, с. 158].

Скоординированный подход по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений экстремистской направленности позволил в кратчайшее время провести все необходимые следственные действия, назначить соответствующие экспертизы, допросить очевидцев, выявить и привлечь к уголовной ответственности виновных лиц [112, с. 158].

В профилактическом плане совместные усилия правоохранительных органов с другими компетентными органами государства позволили с 2010 г. по 2024 г. вернуть на родину более 4000 тысяч студентов, неофициально обучавшихся в зарубежных религиозных заведениях. Так же в ходе проведения систематической совместной профилактической деятельности за 2015-2024 годы добровольно на родину были возвращено 1850 членов экстремистско-террористических организаций, в числе которых также их жены и дети (381 женщин и детей).

Согласно требованиям поощрительных норм соответствующих статей УК Республики Таджикистан, все добровольно возвращенные на Родину были освобождены от уголовной ответственности. Численность таких лиц в структуре экстремистско-террористических организаций по состоянию на декабрь 2024 года выглядит следующим образом: «Исламское государство» – 325 чел., религиозное течение «Салафия» – 347 чел., «Джамаат Ансарулла» – 32 чел., «Исламское движение Узбекистана» – 44 чел., «Группа-24» – 64 чел., «Исламская партия возрождения» – 43 чел., «Движение Талибан» – 3 чел., «Хизб-ут-Тахрир» – 10 чел., «Братья-мусульмане» – 26 чел., «Национальный альянс Таджикистана» – 1 чел., «Джамаат Таблиг» – 1 чел., «Джабхат-ан-Нусра» – 1 чел. и 8 других лиц, совершивших преступления экстремистско-террористического характера.

Другим важным направлением специальной профилактики экстремизма является систематическое и профессиональное воздействие на экстремистское мировоззрение заключенных в исправительных колониях.

Д.Г. Метлин, рассматривая вопросы правового регулирования воспитательной работы с осужденными к лишению свободы, отмечает, что «содержание данной деятельности непосредственно связано с нравственным, правовым, трудовым, физическим и патриотическим воспитанием» [375, с. 10]. Однако на лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистского и террористического характера по религиозно-политическим мотивам, воспитательные меры сотрудников уголовной юстиции вряд ли повлияют, так как данное направление, как мы уже отмечали, требует глубоких знаний умеренной религиозной школы, политической подкованности, психологических, педагогических и других социально значимых навыков.

Проведенный нами социологический опрос среди сотрудников ОВД и исправительных учреждений подтверждает неспособность инструкторов исправительных колоний по дерадикализации мышления таких осужденных. Поэтому подготовка специалистов, разработка соответствующих программ и стандартов по противодействию экстремистской идеологии осужденных, совершенствование правовых и организационных основ постоянного воздействия на их мышление является самым эффективным способом решения данной проблемы. При этом создание условий для их трудовой, культурной и образовательной деятельности способствует их исправлению и адаптации в обществе, после освобождения.

В этом отношении мы солидарны с мнением С.А. Хохрина о том, что «установлена прямая зависимость количественных показателей пенитенциарных преступлений с показателями нарушения условий отбывания осужденными назначенного наказания. При этом активное функционирование ячеек экстремистских организаций на территории ИУ свидетельствуют о системных просчетах администрации учреждений в профилактической работе» [413, с. 14].

Далее ученый к факторам правового характера, порождающего пенитенциарную преступность относит «необоснованное количество

запретов и ограничений; недостатки в правовом регулировании постановки осужденных на профилактический учет, в определении форм реализации такой работы; значительное количество запретов по усмотрению администрации ИУ и т.д.» [413, с. 15].

Несмотря на то, что согласно действующему законодательству и научным концепциям, под принудительными мерами воспитательного воздействия как разновидности иных мер уголовно-правового характера понимается оказание коррекционного воздействия на поведение несовершеннолетнего, совершившего преступление небольшой и средней тяжести, назначаемых при освобождении от уголовной ответственности или наказания в связи решением суда о нецелесообразности изоляции определенного лица от общества, природа преступлений экстремистского и террористического характера, основанные на религиозно-экстремистской идеологии, требует совершенствования законодательства и применения таких мер в отношении всех категорий лиц, обвиняемых за такие преступления.

Многочисленны факты о нарушении административного и уголовного законодательства в сфере получения религиозного образования, примыкание сотрудников правоохранительных органов и представителей интеллигенции, лиц имеющих светское образование, финансовый достаток и положение в обществе к экстремистским организациям, подтверждает позицию ученых (нашу в том числе) о том, что необходимы меры по более тщательной подготовке специалистов для работы с разными категориями осужденных лиц, подверженных экстремистской пропаганде [226, с. 26-27].

Это связано с тем, что во всем мире наблюдается устойчивая тенденция вербовки заключенных наиболее ярыми экстремистами-идеологами (См.: параграф 3 главы 3). Однако нехватка в исправительных учреждениях республики квалифицированных идеологов-проповедников, а также частая практика совместного содержания экстремистов с иными категориями

осуждённых приводит к необходимости переосмысления и корректировки ситуации.

Подводя итоги исследования по параграфу, мы пришли к следующим выводам:

1. Содержание специально-криминологических и обще-социальных профилактических мер противодействия экстремизму отражаются в концепциях, стратегиях, программах, договорах международного, регионального и внутригосударственного характера а так же в национальном законодательстве, внутриведомственных приказах, инструкциях, положениях и других ведомственных нормативных правовых актах правоохранительных органов и других компетентных государственных органов, призванных противодействовать экстремизму. Такие документы предусматривают организационные и правовые основы деятельности заинтересованных министерств и ведомств государств, международных и региональных организаций, соответственно их задач и функций по осуществлению системы мероприятий, направленных на противодействии экстремизму и терроризму.

2. Несмотря на высокое обеспечение внутренней безопасности республики, рост преступлений экстремистского и террористического характера среди трудовых мигрантов и их незаконное участие в вооруженных конфликтах за рубежом, факты незаконного религиозного обучения как внутри страны, так и за ее пределами, распространение экстремистской идеологии среди заключенных и широкая экстремистская пропаганда в Интернете в обозримом будущем может угрожать национальной безопасности страны.

3. Специальные (криминологические) меры предполагают осуществление органами внутренних дел, национальной безопасности, прокуратуры и другими специализированными органами государства деятельности, направленной на преодоление криминогенных факторов, порождающих проявление экстремизма и терроризма. Такие мероприятия проводятся на международном, региональном, межгосударственном,

внутригосударственном уровнях.

4. Особый характер специальных (криминологических) мер предупреждения экстремизма и терроризма заключается в том, что они находятся в тесной связи с обще-социальными (социально-экономическими, политическими, правовыми, нравственно-духовными) мерами предупреждения. Поэтому ОВД в силу своего предназначения, должны инициировать специальные криминологические меры в контексте обще-социальных мероприятий и координировать деятельность других не силовых министерств и ведомств в реализации соответствующих программных установок в сфере воспитательных, идеологических, правовых, информационных и других обще-социальных мер.

5. Правовая основа осуществления индивидуальной профилактики в деятельности милиции берет свое начало с пункта 1 ч. 1 ст. 10 Закона Республики Таджикистан «О милиции», которая гласит, что «милиция обязана проводить с правонарушителями индивидуальную профилактическую работу и участвовать в правовом просвещении граждан». Такой подход законодателя говорит о том, что индивидуальная профилактика также проводится в контексте с обще-социальными и специально-криминологическими мерами. Поэтому нельзя говорить о полной автономии таких мер.

6. Меры индивидуального предупреждения преступлений экстремистского характера применяются в отношении следующих лиц или группы лиц:

- систематически проповедующих различные идеи религиозного толка непроступного характера,
- свидетельствующие о формировании мотивации перехода на преступный путь;
- активно приобретающих навыки отдельных видов экстремистских правонарушений;
- занимающихся незаконным обучением граждан религиозного

образования;

- возвращенных на родину лиц, обучавшихся в религиозных школах за рубежом;
- возвращенных из зон вооруженных конфликтов из других государств;
- освободившихся из исправительных колоний, совершивших преступления экстремистского характера и могущих допустить рецидив.

7. Профилактическое воздействие осуществляется как:

- индивидуальная беседа (разъяснительные, воспитательные с привлечением представителей общественности, предупредительные письма адресатам и т.д.);
- вовлечение других религиозных и политических деятелей в работу по индивидуальной профилактике лиц, подверженных экстремисткой идеологии;
- создание вокруг профилактического объекта нетерпимой среды в отношении антиобщественных действий, которая исключает совершение лицом противоправных действий;
- осуществление постоянного и превентивного (предупредительного) наблюдения за перемещениями профилируемого лица и т.п.

8. В качестве специализированной антитеррористической структуры в МВД РТ выступает Управление по борьбе с организованной преступностью МВД Республики Таджикистан, однако деятельность Управления по профилактике и предупреждению правонарушений несовершеннолетних и молодежи МВД Республики Таджикистан акцентированно на профилактику и предупреждение экстремизма и терроризма.

9. Для повышения слаженности работы всех оперативных служб ОВД считаем целесообразным назначить отдельного сотрудника, ответственного за анализ всей оперативной информации, касающейся экстремизма и терроризма. В его обязанности также войдет координация действий других подразделений как в рамках данной тематики, так и при проведении совместных оперативно-розыскных и профилактических мероприятий с

УБОП МВД РТ. Дело в том, что борьба с экстремизмом и терроризмом имеет существенные отличия от противодействия незаконному обороту наркотических средств, оружия, торговле людьми и других видов преступной деятельности, что обуславливает необходимость наличия специализированных оперативных сотрудников, обладающих соответствующими знаниями и навыками. Такой подход на наш взгляд, даст новый импульс к взаимодействию оперативных подразделений МВД РТ как по вертикали, так и по горизонтали, соответственно и формированию целостной системы оперативного реагирования на все проявления экстремизма и терроризма.

10. Управление по предупреждению и профилактике правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи МВД РТ может выступать в качестве внешнего координатора по противодействию экстремизму и терроризму, так как по своему предназначению выполняет одну из основных функций МВД РТ по профилактике преступности, и экстремизму и терроризму в частности. Более того, во всех территориальных ОВД МВД РТ функционируют должности инспекторов по делам несовершеннолетних, молодежи и участковых инспекторов милиции.

4.3. Виктимологическая профилактика жертв экстремизма – женщин и несовершеннолетних детей и совершенствование мер по их реабилитации

Для достижения эффективности предупреждения экстремизма без исследования особенностей личности «жертв» преступлений экстремистского характера, данное направление противодействия «не сможет выйти за рамки ранее существующих в значительной степени формальных определений» [353, с. 191].

Итак, «виктимология» как научно-правовой термин означает учение о жертве преступления [126, с. 5]. Поэтому виктимологическая профилактика

на современном этапе развития криминологической науки представляет собой одно «из важных защитных мер криминологического цикла потенциальных жертв преступлений и обеспечения их безопасности» [124, с. 16], так как вследствие подверженности некоторой части женщин и несовершеннолетних манипулятивному влиянию в сфере идеологии и психологии от взрослых преступников, в частности, рекрутеров и пропагандистов экстремистских и террористических группировок [355, с. 7], а также мужчин, вынуждавших своих жен и детей следовать за ними в регионы вооруженных конфликтов за границей, опираясь на извращенные религиозно-экстремистские убеждения.

Так, согласно ст. 1 Дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов, и обычаев, сходных с рабством, «если женщина после смерти мужа или же подросток передается родителями или своим опекуном другому лицу за вознаграждение или без такого с целью его сексуальной или трудовой эксплуатации», такие действия считаются проявлением рабства. Соответственно, все государства должны предпринимать советующие меры для их предупреждения [181, с. 81].

Не случайно, при классификации форм и типов криминальной эксплуатации людей, наряду с более привычными, такими, как «сексуальная» и «трудовая», акцентируется внимание на эксплуататорах, действующих в контексте террористической и экстремистской активности, а также в условиях военных действий и конфликтов [355, с. 206].

Отметим, что к февралю 2018 года по указанию Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмана из Сирии на родину была возвращена 21 семья и еще 83 человека. Из них 22 женщины, 17 мужчин, 26 девочек и 18 мальчиков. 25 июля 2022 года по инициативе правительства еще 146 женщин и детей были возвращены на родину из конфликтных зон Сирии [212, с. 106].

По состоянию на декабрь 2024 года из конфликтных зон Ближнего Востока на родину были возвращены более 381 женщин и детей бывших членов экстремистско-террористических организаций.

Данную инициативу реализовали и другие страны Центральной Азии. Например, Правительство Кыргызской Республики 30 августа 2023 года вернуло на родину из Сирии более 31 женщины и 64 детей, в феврале 2024 года были возвращены еще 18 женщин и 41 ребенок [423].

Республика Узбекистан 31 мая 2019 года из Сирии и Ирака вернула на родину 156 женщин и детей, 8 декабря 2020 года – 25 женщин и 73 ребенка, 30 апреля 2021 года – 24 женщины и 69 детей. В общей сложности, начиная с 2019 года по 5 июля 2021 года Узбекистаном в пять этапов на родину было возвращено 530 женщин и детей [457].

Специальный докладчик ООН по вопросам поощрения и защиты прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом Фиюннала Ни Аoleyн отметила, что в «настоящее время около 70 000 женщин и детей, связанных с ИГИЛ, содержатся в лагерях Аль-Хол и Рож на северо-востоке Сирии. И только некоторые государства выполняют свои международные обязательства в отношении репатриации и реабилитации женщин и детей» [457].

Эти женщины и дети были членами семей бывших участников незаконных вооруженных формирований в Сирии и Ираке. Большинство мужчин из этих семей были убиты или пропали без вести после уничтожения в регионе «ИГИЛ». В результате этого, многие женщины во второй, а то и в третий раз выдавались замуж за других членов террористической организации. Некоторые женщины, оставшиеся вдовами, чтобы прокормить свою семью, выдавали замуж несовершеннолетних девочек (в возрасте 13-15 лет) членам экстремистско-террористических группировок. Мальчики в возрасте 12-18 лет привлекались к тяжелому физическому труду, военной подготовке и совершению террористических актов, из некоторых подростков готовили террористов-смертников.

По мнению специалистов, «исламские радикалы во всех конфликтных зонах Сирии, Ираке, Афганистане и др., вербуют несовершеннолетних из низших слоёв общества. Об этом свидетельствуют показания жителей из

приграничных районов Афганистана (Хост, Пактия, Пактика) с Пакистаном, которые утверждали, что талибы набирают в ряды смертников детей. При этом родители узнают, что их сын погиб, только когда талибы приносят им небольшую сумму денег за совершенный теракт. У талибов опыт подготовки смертников из числа уязвимых слоев населения сложился еще с 2000 годов. Например, по словам очевидцев, талибы пришли в школу в г. Танке силой или обманом из школы увели с собой 30 чел., возраст ребят был от 11 до 15 лет» [433].

Бывший Президент Афганистана Х. Карзай, касаясь проблем использования «живых бомб», отмечал, что «Сегодня в стране сложилась ситуация, когда молодого человека отправляют в школу за знаниями, а там из него делают смертника» [254, с. 56].

Сегодня у талибов «прекрасная возможность» готовить террористов-смертников по всей территории Афганистана.

Указанные обстоятельства подтверждают мнение о том, что женщины и дети, попадающие в зоны военных конфликтов, являются легкой добычей членов экстремистско-террористических организаций, в результате чего, дети попадают в рабство, сексуальную и трудовую эксплуатацию. В этой связи, следует признать их жертвами торговли людьми, связанных с проявлениями экстремизма и терроризма.

В Докладе Республика Таджикистан о торговле людьми за 2023 год (2-ой уровень) отмечается, что «Таджикские женщины и дети, живущие в зонах конфликтов, в том числе в лагерях беженцев в Сирии подвергались риску вербовки вооруженными группами. Таджикских мигрантов могли привлечь к участию в боевых действиях в Сирии путем погашения их долгов в России. Некоторые дети таджикских боевиков ИГИЛ в Ираке и Сирии, по некоторым сообщениям, проходили подготовку для использования в боевых действиях. Так же торговцы людьми перевозят таджикских женщин и девочек в Афганистан и принуждают их вступать в браки, в которых присутствуют элементы торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации и

принудительной домашней службы, в том числе через долговое принуждение [429].

В п. 1 ст. 9 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию организации объединенных наций против транснациональной организованной преступности государствам-членам ООН рекомендуется принимать комплексные меры по защите жертв торговли людьми, особенно женщин и детей [230, с. 25]. В п. 5 ст. 9 данного Протокола особое внимание уделяется проблемам противодействия торговле людьми, в том числе женщин и детей путем проведения системных образовательных, культурных и социально-экономических мероприятий [181, с. 134].

Пункт 2 ст. 10 Протокола обязывает государств-участников готовить сотрудников правоохранительных органов, миграционных и других соответствующих органов по вопросам предупреждения торговли людьми. В ст.ст. 14 и 15 Протокола рекомендует механизм подготовки квалифицированных кадров в данной области, что выглядит весьма привлекательным и для подготовки таких кадров в сфере противодействия экстремизму в контексте борьбы с торговлей людьми.

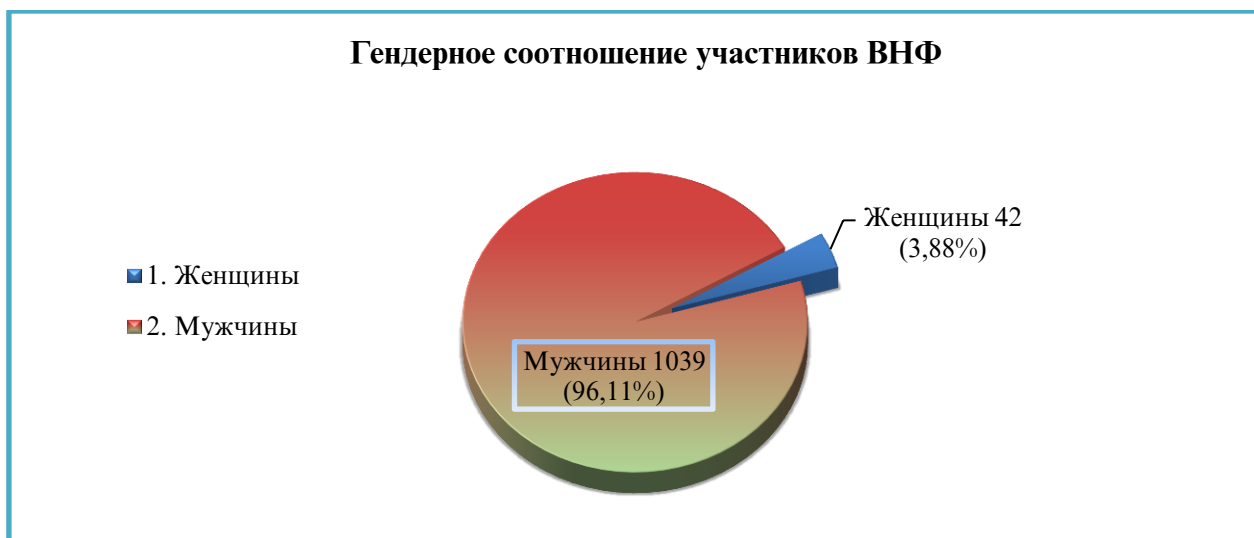
Согласно требованиям международной Конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников, принятой Резолюцией 44/34 Генеральной Ассамблеи 4 декабря 1989 года, любое лицо, совершившее такие преступления подвергается судебному преследованию, либо выдаче [181, с. 97].

Необходимо отметить, что основное отличие лиц, незаконно участвующих в вооруженных конфликтах в Сирии и Ираке от наемников в том, что наемники в основном принимают участие в военных действиях за деньги, а многие члены экстремистско-террористических организаций воюют за искаженные религиозно-политические взгляды. Во многих случаях, для совершения террористических актов молодые завербованные люди используют личные сбережения, считая такой жест как проявление

«джихада». Однако в большинстве случаев экстремистско-террористические организации финансируются заинтересованными государствами в целях отстаивания их геополитических интересов, не раскрывая основной сути такой поддержки.

Зачастую женщины и дети – жертвы вооруженных конфликтов в первый раз становятся жертвами в ходе физического и психологического давления мужчин – глав семей, второй раз, когда попадают под такое давление со стороны боевиков-террористов. Не случайно, что в ст. 1 Закона Республики Таджикистан «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми» под ревиктимизацией понимается повышение риска повторного вовлечения жертвы в сферу торговли людьми в качестве объекта эксплуатации [62]. В этом контексте следует отметить, что из упомянутых в предыдущем параграфе 1081 лиц, примкнувших к ИГИЛ по состоянию на февраль 2016 года, 42 были женщины, в отношении которых впоследствии были возбуждены уголовные дела.

Диаграмма №16.

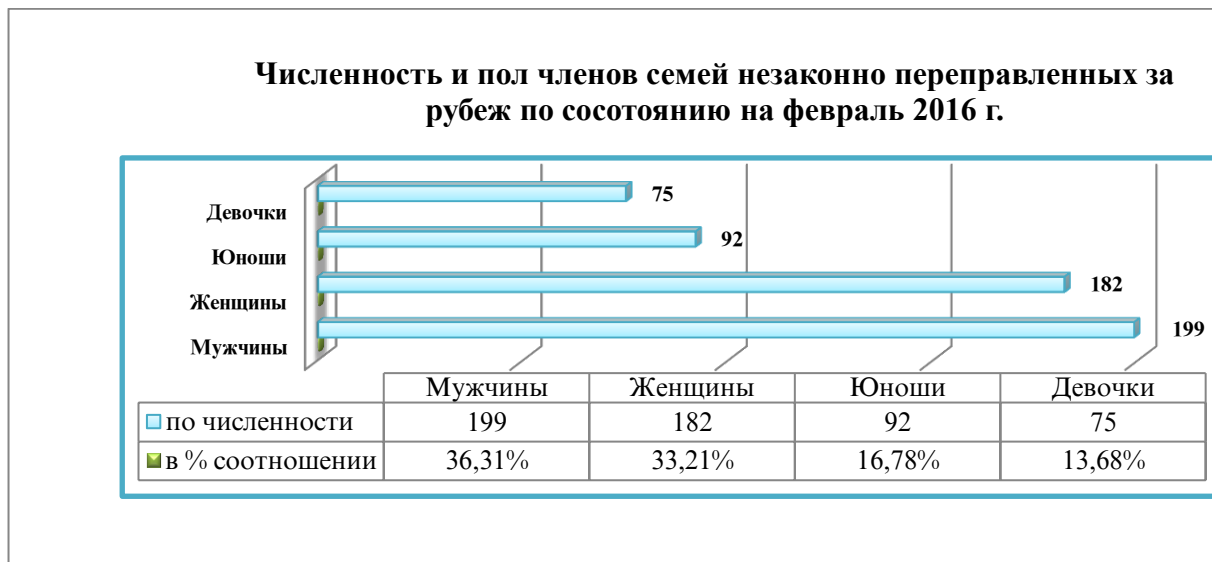

Из числа 42 участвовавших женщин 15 человек (35,71%) являлись жительницами Согдийской области, 13 человек (30,95%) Хатлонской области, 8 человек (19,04%) города Душанбе, 2 человека (4,76%) Шахринавского района, города Вахдат – 1 женщина (2,38%), города

Турсунзаде – 1 человек (2,38%), Гиссарского района – 1 человек (2,38%) и района Рудаки – 1 человек (2,38%).

По состоянию на февраль 2016 года была установлена личность 3 таджикских женщин-вербовщиц, которые впоследствии были привлечены к уголовной ответственности.

Диаграмма №17.

В следующей диаграмме представлено количество семей по областям (Хатлонская область – 45 (27,95%) семей, Согдийская область – 73 (45,34%) семьи, районы республиканского подчинения – 31 (19,25%) семья, районы Раштской долины – 4 (2,48%) семьи, г. Душанбе – 8 (4,96%) семей.

Диаграмма №18.

По состоянию на февраль 2017 года установлено количество 125 вербовщиков, из них 57 (45,6%) – из Хатлонской области, 17 (13,6%) – из Согдийской области, 35 (28%) – из районов республиканского подчинения, 13 (10,04%) чел. из города Душанбе и 1 чел. (0,08%) из ГБАО. Из них 58 человек были арестованы, еще 67 находились в розыске. Пропагандой религиозно-экстремистских взглядов эти вербовщики занимались в таких государствах, как Сирия, Турция, Ирак, Российская Федерация, Афганистан, Египет и на территории Республики Таджикистан.

Как справедливо отмечает академик В.Н. Кудрявцев, «сложный механизм поведения человека не может быть понят без изучения всех его аспектов, в том числе без анализа роли и значения возраста, пола, свойств нервной системы, временных физических и психических состояний» [279, с. 45].

Низкий уровень женской преступности связан прежде всего с ее социальной ролью (воспитание детей, физическая слабость, домашний быт и т.д.). Сюда же можно отнести более жесткий социальный контроль в отношении женщин в семье и обществе. Почти аналогическую позицию поддерживают и другие авторы [153, с. 153; 297, с. 23].

Интенсивность преступной деятельности мужчин и женщин в совершении преступлений экстремистского характера показывает, что доля женщин в общей структуре таких преступлений сравнительно не велика. Однако под влиянием мужчин многие женщины и дети стали заложниками и жертвами экстремистско-террористической деятельности наиболее активных членов таких организаций.

Как отмечалось выше, преступность затрагивает все слои общества, но больше всего страдают уязвимые группы населения. Большинство жертв организованной преступности составляют молодые люди, особенно мальчики. И хотя среди жертв убийств больше мужчин, большинство убитых своими партнерами по-прежнему составляют женщины [421].

Женщины и дети составляют 60 процентов жертв торговли людьми, большинство из которых происходят из бедных слоев населения. Лица, занимающиеся незаконным провозом мигрантов, используют отчаяние людей, которые спасаются бегством от конфликтов, последствий изменения климата и отсутствия экономических возможностей.

Требования п. 3 ст. 6 Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми и наказании за нее, дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности обязывает государства обеспечивать физическую, психологическую и социальную реабилитацию жертв торговли людьми, в том числе в области трудоустройства, образования, медицинской, психологической и материальной помощи [181, с. 28].

Согласно п. 12 Стратегии по противодействию экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы, одним из важных направлений устранения причин и условий экстремизма является реабилитация и интеграция лиц с экстремистским или террористическим прошлым, в том числе:

- повышение уровня образования и толерантности местного сообщества к реабилитированным и интегрированным лицам;
- разработка программы реабилитации и интеграции для заключенных, осужденных за преступления экстремистского и террористического характера, в том числе за участие в военных конфликтах на территории иностранных государств;
- принятие мер по возвращению, медицинскому и психическому здоровью, обеспечению работой и образованием женщин и детей, которые были или будут возвращены из зоны боевых действий на территории других стран;
- реабилитация и реинтеграция боевиков-террористов, отказавшихся от участия в боевых действиях на территории других стран и вернувшихся, а также лиц, добровольно отказавшихся от участия в экстремистских и

террористических организациях, запрещенных на территории Таджикистана [90].

Одним из стратегических направлений предупреждения экстремизма среди женщин и несовершеннолетних, которые часто превращаются в жертвы таких проявлений, является формирование у них прочной антиэкстремистской идеологии, которое требует комплексного решения научно-педагогических, правовых, информационных, образовательных и организационных вопросов.

На вопрос о том, «Почему молодежь так легко принимает насильственную идеологию религиозного экстремизма»? ведущие психологи республики ответили «Потому что в процессе формирования личности несовершеннолетних, который происходит в 14-17 лет, идеология и практика экстремизма, его опасность для национальных, политических, культурных и религиозных интересов таджикского народа, на профессиональном и системном уровне не были доведены до сведения детей-школьников» [211, с. 13].

Такой подход вытекает и из положений концептуальных документов Республики Таджикистан. Например, в п.п. 62-63 Национальной стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы отмечается, что «профилактикой радикализма среди несовершеннолетних и молодежи необходимо заниматься с дошкольного и школьного возраста, когда у ребенка формируется чувство любви к Родине и патриотизма. В школах должны быть предметы, которые бы учили школьников чувству уважения к человеку как к личности, независимо от его национальности или религии, создание условий, которые позволят детям правильно реагировать на поток негативной информации и уметь защищаться от её воздействия. Аналогичные мероприятия необходимо организовывать также для студентов образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования» [87].

Л.Л. Бошаева совершенно верно предлагает в целях противодействия кибертерроризму и киберэкстремизму «разработать соответствующие программы в образовательных учреждениях, включающие цифровую грамотность молодежи и их цифровую безопасность. Так же повышать правовое просвещение в этой области родителей и преподавателей, устанавливать специальные программы-фильтры на нежелательный контент и проведение онлайн – мониторингов активности учащихся» [341, с. 17].

В криминологическом плане организация противодействия экстремизму путем анализа информационного пространства, планирования контрпропаганды на основе научно-обоснованной информации, массовое распространение антитеррористической информации, оценки эффективности такой работы в информационном пространстве с последующей корректировкой и постоянном обновлении такой информации является одним из эффективных методов противодействия на современном этапе. Однако, «для системной и эффективной организации такой деятельности необходимо разработать соответствующую правовую базу, организационные и институциональные основы совместной деятельности компетентных органов государства и других слоев гражданского общества» [214, с. 50-60], которые в свою очередь требуют постоянной координации и контроля.

С учетом сущности изложенного материала, считаем неэффективной деятельность лишь на общественных началах (организация встреч с политиками, правоведами, представителями духовенства и т.д.) по противодействию идеологии религиозно-политического экстремизма, так как формирование антиэкстремистского мировоззрения несовершеннолетних и молодежи требует дифференцированного методологического подхода, которому способствуют систематизированные антиэкстремистские идеи в приделах целостного учебника (спецкурса) для школьников и студентов по противодействию идеологии и практики экстремизма, соответственно и профессиональные педагоги, политологи, теологи, правоведаы, вооруженные междисциплинарными знаниями в области противодействия экстремизму (с

точки зрения истории, литературы, религии, информационных технологий, права и психологии). Разработка востребованных учебников и квалифицированных кадров в этой области требует координации деятельности соответствующих субъектов противодействия экстремизму на правительственном уровне, так как данное направление требует серьезного финансирования и организации эффективного управления в сфере науки и образования.

Следует отметить, что в национальном законодательстве нормы, касающиеся виктимологической профилактики содержатся в Конституции Республики Таджикистан, законах, подзаконных нормативных правовых актах. В частности, в статье 34 Конституции РТ отмечается, что «Мать и ребенок находятся под особой защитой и покровительством государства» [1].

Согласно ч. 2 ст. 35 и п. 8 ст. 85 УПК Республики Таджикистан, уполномоченные компетентные правоохранительные органы обязаны выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений и выносить соответствующие решения для их устранения другими компетентными органами и учреждениями независимо от формы собственности [38]. Эти нормы регламентируют также и виктимологическую профилактику экстремизма среди женщин и несовершеннолетних, так как сегодняшние несовершеннолетние завтра могут превратиться в потенциальных экстремистов. В связи с этим, есть острая необходимость ввести соответствующие изменения и дополнения в указанных нормах УПК.

Более того, ведомственные нормативные акты МВД РТ не в полном объеме регулируют вопросы виктимологической профилактики женщин и детей, даже несмотря на то, что п. 9 ст. 10 Закона Республики Таджикистан «О милиции» обязывает милицию принимать меры для защиты личности, потерпевших, жизни, здоровья и имущества лиц, находящихся в опасности [51].

Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность структурных подразделений МВД РТ также показывает существование

правовых коллизий в сфере виктимологической защиты жертв торговли людьми, связанных с вооруженными конфликтами за пределами республики [48; 58; 104; 105; 106].

В связи с этим, считаем, что следует рассмотреть вышеуказанные направления профилактической деятельности в общем контексте с целью совершенствования деятельности ОВД по предупреждению жертв экстремизма и терроризма.

Общая виктимологическая профилактика экстремизма, как и общая профилактика в целом, не обращена на конкретное лицо, а осуществляется в отношении множества лиц, так или иначе втянутых в сферу действия негативных обстоятельств виктимологического плана.

В связи с этим, в общевиктимологическом плане профилактику нужно провести в следующих направлениях:

- разработки социальных и образовательных программ по реабилитации жертв проявления насильственного экстремизма и терроризма;
- мониторинг и оказание необходимой социальной и психологической помощи жертвам экстремистских проявлений;
- правовое и патриотическое воспитание уязвимых слоев населения, особенно перед отправкой в трудовую миграцию в зарубежные страны;
- проведение индивидуальной и профессиональной профилактической работы с лицами, склонными стать жертвами преступлений экстремистского характера, с целью повышения их защитных реакций;
- разработка и реализации плана по приобретению определенной квалификации, работы и соответствующего жилища для проживания жертв торговли людьми и т.д.

Индивидуальная виктимологическая профилактика преступлений экстремистского характера осуществляется как специализированными не правоохранительными государственными структурами, так и правоохранительными органами.

Таким образом, индивидуальная виктимологическая профилактика жертв экстремистской преступности направлена на выявление лиц, склонных к экстремистским проявлениям в силу их безграмотности; в отношении потенциальных жертв экстремистской преступности с помощью организации системных и профессиональных мер воспитательного, религиозного, патриотического и правового характера.

Система осуществления виктимологической профилактики включает в себя субъекты и объекты такой профилактики, а также совокупность мер и методов ее осуществления.

В этом контексте необходимо отметить, что сложная военно-политическая обстановка в мире, появление новых горячих точек в различных уголках мира и рост на этом фоне идеологии радикального исламизма, перемещение боевиков-террористов из Ирака и Сирии в другие регионы, в том числе на территорию Афганистана, повышают угрозу безопасности государств Центральной Азии, в том числе Республики Таджикистан.

В этом контексте, следует отметить, что в целях реализации пункта 52 Стратегии по противодействию экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы, нами был разработан проект Программы по реабилитации и реинтеграции лиц с экстремистским или террористическим прошлым в Республике Таджикистан на 2024-2028 годы, который был утвержден 1 июня 2024 года, №339.

В данной Программе определены цели, задачи и основные направления государственной политики по унификации совместных мер государственных органов, органов самоуправления городов и сёл, институтов гражданского общества и международных организаций в этой сфере. В ходе реализации широкой профилактической и разъяснительной работы в течении 2015-2024 годов Правительством Республики Таджикистан были предприняты усилия по добровольному возвращению из конфликтных зон на Родину в общей сложности 1850 членов экстремистско-террористических организаций и

участников зарубежных вооруженных конфликтов (в том числе свыше 381 женщин и детей). Согласно требованиям поощрительных норм Уголовного кодекса Республики Таджикистан (за искреннее раскаяние и добровольную явку с повинной), указанные лица были освобождены от уголовной ответственности.

В Программе совершенно четко определены задачи и функции соответствующих государственных органов по возвращению на Родину, реабилитацию и реинтеграцию таких лиц в обществе, механизм проведения просветительской работы среди широких слоёв населения, в том числе среди мигрантов по возвращению молодежи, примкнувшей к экстремистским группировкам.

Согласно требованию указанной Программы, объектами индивидуальной и виктимологической профилактики признаются:

- лица, принимавшие участие в вооруженном конфликте на территории других государств и добровольно отказавшиеся от дальнейшего участия в этих конфликтах;
- члены семьи лиц с экстремистским или террористическим прошлым, ставшие жертвами неправомерных действий их родителей и близких родственников и возвращенных из зон боевых действий на Родину;
- лица, освобожденные от уголовной ответственности за совершение преступлений экстремистского и террористического характера с применением примечаний соответствующих статей УК РТ;
- граждане Республики Таджикистан, в том числе, несовершеннолетние, возвращенные на Родину после получения незаконного религиозного образования за рубежом и т.д.

Как нами было отмечено в предыдущих параграфах, согласно социологическим опросам наибольшее предпочтение респонденты отдают деятельности участковых инспекторов милиции. Поэтому, в Приказе МВД Республики Таджикистан «О мерах по совершенствованию деятельности участковых инспекторов милиции» установлены некоторые меры

виктимологической профилактики, которые в своей деятельности обязаны осуществлять участковые инспектора милиции (далее – УИМ) [106].

Поэтому служба УИМ должна являться важным звеном при проведении мероприятий, направленных на предупреждение преступлений, в том числе и профилактики экстремизма и терроризма.

Следующим по степени эффективности осуществления виктимологической профилактики респонденты назвали все оперативные подразделения МВД Республики Таджикистан, что с учетом их большого оперативно-профилактического потенциала вполне оправдано.

Необходимо также отметить, что в предупреждении экстремизма и терроризма особое значение приобретает эффективное использование органами внутренних дел СМИ. Это обусловлено тем, что СМИ являются главным источником, формирующим представления человека о реалиях окружающего мира. СМИ является одним из основных инструментов социального регулирования.

Механизм взаимодействия ОВД со СМИ регламентирован приказом МВД Республики Таджикистан «Об организации информационно-аналитической работы и планирования в органах внутренних дел» [103].

Как показывает практика, наиболее часто жертвами экстремизма становятся лица, обладающие такими особенностями, как доверчивость, правовая неграмотность, излишняя религиозная внушаемость, средний возраст которых составляет от 18 до 29 лет, обладающие средним образованием [См.: Приложение №3].

Следует отметить, что индивидуальная виктимологическая профилактика должна осуществляться и в отношении ближайшего окружения жертв преступления, так как если бы в профилактике «можно было бы ограничиться лишь конкретной личностью, то все проблемы общевоспитательной работы решались бы однозначно: работать с отдельным человеком и ориентироваться только на него. Такой подход, разумеется, был бы неправильным» [110, с. 445-446].

В результате анкетирования 300 сотрудников ОВД на вопрос: «В каких формах, по Вашему мнению, необходимо сотрудничество с «гражданскими» министерствами и ведомствами в противодействии экстремизму?», доминирующим был ответ «Необходим в организации и проведении совместных профилактических мероприятий и индивидуальных бесед, привлечение педагогов-психологов, духовенства, научных, политических деятелей» – 196 чел. или 65,33% [См.: Приложение №1].

Таким образом, проанализировав виктимологическую профилактику жертв преступлений экстремистского характера, мы пришли к следующим выводам:

1. Для повышения эффективности виктимологической профилактики жертв преступлений экстремистского характера, на наш взгляд, необходимо:

- более активно использовать возможности средств массовой информации;

- разработать систему мер материального и морального стимулирования участия общественности в данном виде профилактики;

- дополнить систему отчетности о деятельности служб органов внутренних дел сведениями, отражающими результаты работы по виктимологической профилактике;

- более четко прописать в ведомственной нормативной базе органов внутренних дел дополнительные меры виктимологической профилактики.

2. Анализ международно-правовых документов в сфере торговли людьми доказывает, что жертвами торговли людьми признаются женщины и дети в зонах боевых действий, которые вовлечены в трудовую, сексуальную эксплуатацию или находятся под давлением и насилием с целью участия в таких конфликтах и государства-члены ООН обязаны осуществлять меры реабилитации, адаптации к мирной жизни, включая образование, юридическую, психологическую, социальную помощь и трудоустройство таких жертв.

3. На международном уровне разработана стратегия противодействия вербовке женщин и детей для использования в вооруженных конфликтах, в целях предотвращения этого процесса методология подготовки образовательных рекомендаций предложена престижной международной организацией ЮНЕСКО, которая считается полезным руководством для государств-членов ООН.

4. Республика Таджикистан реализует свои международные обязательства в этом направлении в контексте Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы, одним из важнейших направлений которой является устранение причин и условий экстремизма, реабилитация и возвращение к мирной жизни людей, примкнувших в прошлом к экстремистским организациям, а также повышение уровня образования и толерантности общества к таким лицам.

5. В целях реализации требований пункта 52 Стратегии по противодействию экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы разработан проект Программы реабилитации, адаптации к мирной жизни и возвращения граждан, добровольно отказавшихся участвовать в вооруженных конфликтах за рубежом и совершивших экстремистские преступления террористического характера. В этой Программе конкретно определены цели, задачи и совместные меры государственных органов, органов самоуправления городов и сёл, институтов гражданского общества и международных организаций в этом направлении.

6. Одним из стратегических направлений противодействию экстремизму и терроризму в сфере образования является разработка научно-методических материалов, учебных пособий для студентов вузов, колледжей и техникумов, образовательных учреждений общего среднего образования и профессиональная анти-экстремистско-террористическая пропаганда в СМИ и по Интернету.

ГЛАВА 5. НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОСНОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

5.1. Концепция совершенствования правовых основ обще-социальной профилактики экстремизма

Изучение концептуальных документов, правовых, организационных, информационных и в целом обще-социальных мер подтверждают, что на национальном, региональном и международном уровнях до сих пор не сформировалось совершенного научно-методологического, общепедагогического и информационно-пропагандистского подхода по организации предупреждения религиозно-экстремистской идеологии [300, с. 8-15; 392, с. 26].

Отечественный исследователь А.И. Муминов справедливо отмечает, что «слепое восприятие религиозных ценностей в современном обществе создает в душе человека иллюзию духовного самоопределения, толкает неограниченное количество лиц к религиозному фанатизму, ненависти и вражде, порождающие кровавые конфликты» [378, с. 22].

На уровне Верховного Комиссара ООН по правам человека признается несостоятельность современного образования в области предупреждения примыкания молодежи к экстремистским организациям [428].

Модельный образовательный кодекс государств-участников СНГ, принятый МПА СНГ 29 ноября 2013 г. и рекомендует странам-участникам СНГ о сближении их позиций по обучению и воспитанию своих граждан в духе уважения прав и свобод человека и гражданина, толерантности, обеспечения мира и безопасности. Основными субъектами данной деятельности выступают образовательные учреждения (организации). Несмотря на то, что контрпропаганда экстремистской идеологии и

образовательная деятельность выступают самостоятельными формами деятельности, между ними существуют определенные пересечения. Так, например, в целях решения задач контрпропаганды в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом в состав учебных дисциплин могут включаться отдельные темы, посвященные разъяснению сущности и опасности терроризма и экстремизма. Также в качестве формы контрпропаганды может рассматриваться проведение сотрудниками правоохранительных органов профилактических занятий с обучающимися по данной проблематике [214, с. 21].

Проблема заключается в том, что наука по сей день не дала четкого ответа в противовес искаженным религиозно-экстремистским взглядам (См: параграф 3 главы 3). Экстремистская идеология наравне с религиозными его качествами охватывает целый ряд других вопросов, имеющих политический, психологический, информационный, идеологический, культурный, нравственно-духовный и исторический характер. Соответственно, междисциплинарный характер экстремизма требует комплексного научного подхода, с привлечением научных деятелей различных направлений в целях разоблачения таких вредоносных идей и соответствующих антитеррористических концепций для защиты человека, общества и государства. Для решения данного вопроса, на наш взгляд, при Национальной Академии наук Таджикистана необходимо создать Государственную комиссию по разработке научных основ противодействия экстремистской идеологии в целях дальнейшего ее использования при разработке государственных образовательных стандартов, учебников и спецкурсов для широкого круга заинтересованных лиц, в том числе, для школьников, студентов, других категорий молодежи, имамхатибов, женщин, работников сферы образования, культуры, религии и т.д.

Это обусловлено многоликостью и многогранностью религиозно-политического экстремизма, сложностью решения научных задач по изобличению искаженных религиозных догм экстремистского характера на

фоне быстрого роста преступлений экстремистского характера. Концентрация сил и средств многочисленных научных и образовательных институтов требует координации их деятельности на основе норм права, в том числе, по разработке концепций, государственных образовательных стандартов, программ, монографий, учебников и спецкурсов.

На наш взгляд, содержание таких учебников и спецкурсов должно содержать приблизительно следующую тематику:

- история возникновения религиозно-политического экстремизма;
- религиозно-политический экстремизм как инструмент геополитического воздействия в регионе;
- нравственно-духовное противостояние экстремистской идеологии;
- ханафитская школа против религиозно-политического экстремизма;
- обеспечение мира и безопасности в обществе и защита Родины с точки зрения религии;
- роль науки и образования с точки зрения ханафитского мазхаба;
- защита и уважение национальных традиций и достояний с точки зрения ханафитского мазхаба;
- значение и требования ханафитского мазхаба по вопросам пожертвования (садака, закят и т.д.) и паломничества;
- характерные признаки лиц, подверженных экстремистскому мировоззрению;
- причины и условия возникновения религиозно-политического экстремизма;
- сущность и значение Законов Республики Таджикистан «Об упорядочении торжеств и обрядов», «Об ответственности за обучение и воспитание ребенка», «О патриотическом воспитании граждан»;
- понятие и природа административных правонарушений экстремистского характера;

– уголовная ответственность за преступления экстремистского характера и т.д.

Надо отметить, что Национальные планы по противодействию торговле людьми на 2016-2018 и 2019-2021 гг. предусматривали разработку учебных программ, курсов повышения квалификации и переподготовку преподавателей, организацию и проведение образовательных курсов с участием преподавателей общеобразовательных, высших учебных заведений и центров обучения для взрослых. В общеобразовательные и высшие учебные заведения республики уже введены специальные курсы по противодействию торговле людьми. С 2024 года в некоторых вузах страны созданы кафедры по противодействию коррупции, соответственно, введены специальные дисциплины. Однако несмотря на то, что пункт 11 (подпункты 1-4) Плана-реализации требования Стратегии по противодействию экстремизму и терроризму в Республики Таджикистан на 2021-2025 годы, утвержденной Указом Президента Республики Таджикистан 1 июня 2021 г., №187 предусматривал определенные требования по введению специальных курсов по противодействию экстремизму, эти требования остались невыполненными.

Постановка вопроса в таком ракурсе заключается в том, что до сих пор нет общепринятого подхода по организации системного идеологического воздействия против экстремистской идеологии на информационном пространстве государств-участников СНГ. Это подтверждается проведенным нами социологическим опросом среди широкого круга сотрудников органов внутренних дел, в том числе, преподавателей и ученых [См.: Приложение №1].

Следует отметить, что согласно требованиям ст. 10 Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму», субъектами, осуществляющими противодействие экстремизму признаны органы национальной безопасности, внутренних дел, прокуратуры, коррупции, таможни, юстиции, обороны, Агентства по контролю за наркотиками, Национальной гвардии, комитетов по делам религии, молодежи, службы

связи, Национального банка. Согласно ст. 12 указанного Закона, субъектами, участвующими в противодействии экстремизму наравне с многочисленными не силовыми министерствами и ведомствами, признаются также местные органы государственной власти и органы самоуправления поселков и сёл. В п. 2 ст. 12 этого же Закона, субъектами, участвующими в борьбе с экстремизмом, признаются также суды Республики Таджикистан [64].

Как видим, в вышеуказанных статьях (10, 12) правоохранительные органы, силовые структуры и гражданские министерства и ведомства как субъекты, непосредственно осуществляющие противодействие экстремизму и участвующие в таком противодействии, смешаны. Более того, по логике Закона, в противодействии экстремизму предпочтение отдается правоохранительным органам. Несмотря на то, что гражданские комитеты по делам религии, молодежи, Служба связи и Национальный банк считаются субъектами, непосредственно осуществляющими противодействие экстремизму, мы считаем, что роль министерств образования и науки, труда, миграции и занятости населения, культуры, иностранных дел и комитетов по делам женщин и семьи, по телевидению и радиовещанию, местных органов государственной власти и органов самоуправления поселков и сёл определённых в качестве второстепенных субъектов, участвующих в противодействии экстремизму, явно занижена. Этому способствует ряд факторов. Так, сам факт переименования Закона «О борьбе с экстремизмом» на Закон «О противодействии экстремизму» подтверждает волю законодателя и уголовной политики государства о демонтаже всего спектра правового регулирования противодействия экстремизму, соответственно, акцентирование деятельности всех государственных органов по устранению причин и условий возникновения экстремистской преступности.

Если исходить из того, что глубинные причины возникновения религиозно-политического экстремизма кроются в слабой научной методологии противодействия ему, отсутствию государственных стандартов, учебных программ и других учебно-методических материалов для

образовательной сферы, получается, что гражданские министерства и ведомства, участвующие в противодействии экстремизму, несут определенную долю ответственности за неэффективную организацию контртеррористической пропаганды как в образовательных учреждениях, так и на информационном пространстве.

Поэтому, мы считаем, что все гражданские министерства и ведомства, которые призваны решать вышеуказанные проблемы нравственно-духовного, патриотического и информационно-идеологического характера, на законодательном уровне следует признать в качестве субъектов, непосредственно осуществляющих противодействие экстремизму. Соответственно, правоохранительные органы и силовые структуры необходимо признать в качестве субъектов, участвующих в борьбе с экстремизмом, так как они осуществляют в основном вынужденные меры «репрессивного» характера. Но к сожалению, они бессильны на соответствующем уровне искоренить идеологическую основу религиозно-политического экстремизма.

Возвращаясь к субъектам противодействия экстремизму, необходимо отметить, что согласно требованиям ст. 14 данного Закона, их перечень, участвующих в противодействии экстремизму открыт, и все заинтересованные органы в пределах своих полномочий должны принимать участие в противодействии экстремизму.

В Постановлении Правительства Республики Таджикистан от 1 июня 2016 года, №240, дается более развернутый перечень субъектов противодействия экстремизму и терроризму. Согласно этому документу таковыми признаются: Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан, Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан, Национальное информационное агентство Таджикистана «Ховар», Уполномоченный по правам человека в Республике Таджикистан, Национальная академия наук Республики Таджикистан, Государственное учреждение «Центр исламоведения» и т.д.

Таких субъектов насчитываются более 33, в числе которых министерства, комитеты, агентства, научные центры и институты.

Совет Безопасности ООН в своих резолюциях №2249 (2015) и №2368 (2017) выразил обеспокоенность действиями международных экстремистских и террористических организаций (ИГИЛ, Аль-Каида и др.), которые распространяют идеологию насилия, основанную на религиозных и политических мотивах, совершающих террористические акты, уничтожающих культурное наследие, вербующих и готовящих иностранных боевиков для террористических целей. В письме Председателя Контртеррористического комитета Председателю Совета Безопасности ООН в 2017 году подчеркивалось, что «в целях эффективного противодействия распространению экстремистских и террористических идей, международное сообщество должно принять необходимые стратегические меры. В частности, государства должны на постоянной основе вести борьбу с ними в СМИ, в Интернете, в школах, исправительных учреждениях, общинах и т.д., так как «эти проявления требуют соразмерного противодействия им» [30].

Организационно-структурная перестройка, изменение задач и направлений деятельности государственных органов, в том числе научных учреждений и гражданских министерств и ведомств, выбор форм и методов ее осуществления определяются прежде всего, реальными общественными явлениями, имеющими свои новые закономерности и объективные характеристики.

Совершенно справедливо отмечает В.А. Бочаров, что «лозунги и шаблонные призывы не воспринимаются молодежью всерьез и проигрывают в конкуренции с организованной на «привлекательном» уровне экстремистской идеологией. Чтобы успешно бороться с врагом, надо хорошо знать его натуру» [134, с. 3].

Продолжая эту идею, совершенно справедлива позиция М.С. Гаврилова относительно того, что «Духовная безопасность граждан является важнейшей составляющей национальной безопасности страны, религиозная

грамотность, знание норм и традиций наших предков являются гарантами предотвращения вовлечения молодежи в экстремистские сайты. Хорошо известно, что экстремистам прекрасно известно, что молодые люди очень любопытны, жаждут нового и очень эмоциональны. Они пользуются их неопытностью и невежеством, и вербуют много сторонников среди молодежи» [134, с. 6].

Следует отметить, что анкетирование, проведенное среди 300 сотрудников ОВД относительно решения проблем научного, образовательного и информационно-пропагандистского характера в сфере противодействия экстремизму подтверждает нашу позицию о концептуальных основах переосмысления государственной политики на более организованном уровне [См.: Приложение №1].

В частности, на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что состояние противодействия религиозно-политическому экстремизму в Таджикистане в первую очередь зависит от деятельности научных учреждений и «гражданских» министерств и ведомств, которые должны повысить качество разработки научных анти-экстремистских материалов, государственных программ и учебников для образовательных учреждений и информационно пропагандистских материалов в СМИ и по Интернету?», полностью согласились с данным утверждением 185 чел. или 61,66%, частично согласны – 60 чел. или 20%, не согласны – 27 чел. или 9%, затруднились ответить – 22 чел. или 7,33% и представили свое мнение – 6 чел. или 2% [См.: Приложение №1].

На вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением о том, что в целях повышения эффективности противодействия экстремизму необходимо на законодательном уровне определить правовой статус координирующего органа в научной, образовательной, информационно-пропагандистской и правоохранительной сфере?», полностью согласными оказались 169 чел. или 56,33%, частично согласны – 74 чел. или 24,66%, не согласны – 25 чел. или

8,33%, затруднились ответить – 25 чел. или 8,33% и представили свое мнение – 7 чел или 2,33% указанных респондентов [См.: Приложение №1].

Мы считаем, что в целях системного решения данной проблемы необходимо на законодательном уровне определить трехуровневую координацию заинтересованных и компетентных органов государственной власти по противодействию религиозно-экстремистской идеологии по следующим направлениям:

1. Определить координирующий орган среди научных учреждений в целях консолидации их деятельности по разработке научных основ противодействия идеологии религиозно-политическому экстремизму, соответственно на законодательном уровне определить сферу научной деятельности этих учреждений, их права и обязанности и правовую ответственность должностных лиц. В качестве координатора определить Национальную академию наук Республики Таджикистан, а в качестве субъектов, непосредственно участвующих в проведении совместных научных исследований по противодействию экстремистской идеологии признать Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан, Государственное учреждение «Центр исламоведения», кафедры, научные институты гуманитарного и государственно-правового цикла всех вузов республики и т.д. Это будет соответствовать ч. 6 ст. 13 Закона РТ «О научной деятельности и государственной научно-технической политике», в которой говорится о том, что «Академия наук проводит фундаментальные и прикладные научные исследования по важнейшим проблемам естественных, технических и гуманитарных наук, участвуют в координации фундаментальных и прикладных научных исследований, выполняемых научными организациями и образовательными учреждениями высшего профессионального образования, финансируемыми за счет государственного бюджета» [63]. Целесообразно также на законодательном уровне определить аналогичное требование для Министерства образования и науки Республики Таджикистан по разработке образовательных

государственных стандартов, учебных программ и спецкурсов по противодействию экстремизму для всех образовательных уровней (школ, колледжей, техникумов, вузов и т.д.), так как совместные концептуальные научные исследования в координации с Национальной академией наук Таджикистана по противодействию экстремизму могут служить фундаментальными основами разработки учебно-методических материалов.

Такой подход соответствует также результатам проведенного социологического исследования среди преподавателей, ученых и практических сотрудников ОВД республики. Так, на вопрос: «Какой орган должен координировать деятельность научных учреждений по разработке совместных научных проектов по противодействию экстремизму?», на Национальную академию наук Таджикистана указали 120 чел. или 40% респондентов, на Министерство образования и науки Республики Таджикистан – 71 чел. или 23%. Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан – 66 чел. или 22%, Центр исламоведения – 41 чел. или 13,66%, иное – 3 чел. или 1% респондентов [См.: Приложение №1].

В целях организации совместной деятельности по разработке государственных образовательных стандартов, программ, учебников и спецкурсов по противодействию идеологии религиозно-политического экстремизма для всех уровней (средних школ, колледжей, техникумов, вузов и т.д.) необходимо также определить координирующий орган и соответственно, на законодательном уровне определить сферу научно-педагогической и образовательной деятельности этих учреждений, их права и обязанности, правовую ответственность должностных лиц по подготовке соответствующих учебно-методических материалов, педагогических кадров и повышения их квалификации. По нашему мнению, в качестве координатора такой деятельности следует определить Министерство образования и науки Республики Таджикистан, на которое по своему предназначению возложены задачи по проведению научных исследований по

проблемам образования и воспитания, повышения качества патриотического воспитания и образования всей образовательной системы. Субъектами, непосредственно участвующими в разработке совместных учебно-педагогических материалов по противодействию экстремистской идеологии определить Академию образования Таджикистана и Научно-исследовательский институт развития образования, а также кафедры гуманитарного и государственно-правового цикла всех вузов республики и т.д. это в большей степени связано с тем, что формирование правового сознания несовершеннолетних отличается тем, что они не способны полностью отказаться от противоречий современного общества, связанных с развитием религиозных убеждений. Только «целенаправленная деятельность по правовому воспитанию регулирует процесс усвоения несовершеннолетними и молодежью правовых ценностей, знаний, навыков и правильных норм поведения. Возможность использования правовых знаний в общественной жизни в соответствии с имеющимся уровнем правового образования для самостоятельного решения правовых вопросов, приобретения правового опыта является важной целью формирования правового сознания, требующей законодательного выражения» [385, с. 19]. В этой связи, освоение требований действующего антиэкстремистского законодательства в рамках общественных и политических наук является одним из основных направлений повышения правосознания несовершеннолетних и молодежи на всех уровнях образования.

Однако подготовка профессиональных педагогов в этой области требует совершенствования организационно-правовых основ деятельности государственных аналитических центров в зависимости от сферы их деятельности. В контексте борьбы с религиозным и политическим экстремизмом Лидер нации, уважаемый Эмомали Рахмон на встрече с активистами, представителями общественности, религиозными деятелями поручил всем государственным структурам и органам власти, включая глав областей, городов и районов, правоохранительные органы, суды, комитеты

по делам молодежи, религии и другие общественные организации «проводить разъяснительную работу и иные эффективные меры по профилактике экстремизма, религиозного фанатизма и повышения правосознания граждан» [425].

На наш взгляд, необходимо законодательно закрепить наличие координирующего органа, отвечающего за противодействие экстремистской пропаганде. Этот орган должен быть сформирован из представителей министерств и ведомств и охватывать различные сферы, такие, как мечети, государственные учреждения, общественные и религиозные объединения, мигрантские сообщества, средства массовой информации и различные платформы Интернета. Соответственно, на законодательном уровне определить сферу деятельности этих учреждений по информационно-идеологической и культурно-просветительской контрэкстремистской пропаганде, их права и обязанности, а также правовую ответственность должностных лиц. В качестве координатора может выступать Министерство культуры Республики Таджикистан, а субъектами, непосредственно участвующими в проведении совместных информационно-идеологических и культурно-просветительских контрэкстремистских мер пропаганды определить Комитет по религии, упорядочению национальных традиций, торжеств и обрядов при Правительстве Республики Таджикистан, государственные органы по делам молодёжи, труда, миграции и занятости населения, Комитеты по делам женщин, по телевидению и радио, а также местные органы государственной власти и органы самоуправления поселков и сёл.

Несмотря на то, что ст. 11 Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму», наряду с правоохранительными органами страны определяет полномочия иных государственных органов (министерств и комитетов) в сфере противодействия экстремизму, по нашему мнению, полномочия «гражданских» министерств и ведомств весьма ограничены, неполны и несовершенны. Например, в подпунктах 3 и 4 п. 8 ст. 11

указанного Закона одним из полномочий Комитета по делам религии, упорядочению традиций, торжеств и обрядов при Правительстве Республики Таджикистан является «регулирование совместно с уполномоченным государственным органом в области образования и науки религиозного обучения граждан; проведение информационно-пропагандистской деятельности; проведение государственной экспертизы в области религиоведения и т.д.». Однако, как нами было отмечено выше, этот комитет совместно с Министерством образования и науки Республики Таджикистан сначала должны получить от специализированных научных институтов концептуальные и обоснованные ответы по поводу экстремистского мировоззрения. Затем вышеуказанные министерства и ведомства должны разработать государственные учебные стандарты, программы, учебники и спецкурсы по противодействию экстремизму. При этом самым важным является то, что эти же министерства и ведомства должны организовать и контролировать процесс планомерного и системного проведения курсов повышения квалификации педагогов и имомхатибов по противодействию религиозно-экстремистской идеологии.

Согласно подпункту 2 п. 9 Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму», одним из полномочий Комитета по делам молодежи и спорта при Правительстве Республики Таджикистан, как непосредственного субъекта противодействия экстремизму, является «предотвращение пропаганды и распространения экстремистской идеологии среди молодежи». В соответствии с ч. 2 ст. 5 Закона Республики Таджикистан «О молодежи и государственной молодежной политике», одним из приоритетных направлений молодежной политики является «формирование национальной идеологии, в том числе непримиримого отношения к терроризму, экстремизму, коррупции, наркокурьерству и другим преступлениям» [67].

Вполне логично задаться вопросом: если специалист из Комитета обладает недостаточным объемом знаний об экстремизме религиозно-

политического характера (в контексте истории, литературы, политологии, религиоведения и юриспруденции), насколько продуктивно он сможет вести просветительскую деятельность среди молодого поколения, в медиапространстве и на платформах Интернета, направленную на предотвращение распространения экстремистской идеологии? На наш взгляд, данный вопрос требует подготовки высококвалифицированных кадров с широкими знаниями относительно религиозного экстремизма, что требует законодательного регулирования в пределах полномочий Министерства образования и науки Республики Таджикистан.

Так, согласно требованиям ст. 30 Закона Республики Таджикистан «О культуре», наряду с другими учреждениями и организациями культуры (театр, филармония, библиотека и т.д.), в систему таких организаций и учреждений входят радио и телевидение, что является абсолютно правильным, так как телевидение и радиовещание должны быть одними из ключевых и постоянных элементов профессионального распространения и пропаганды национальной культуры и противодействия экстремистской идеологии [70].

Такой подход созвучен и с результатами социологического исследования, когда на вопрос «Целесообразно ли организовать специальную комиссию по мониторингу и оценке контртеррористической пропаганды при Министерстве культуры Республики Таджикистан?», положительно ответили 148 чел. или 49,33%, не согласились 24 чел. (8%), ответили, что такая Комиссия должна функционировать при Комитете по делам религии 68 чел. (22,66%), такая Комиссия должна функционировать при Комитете телевидения и радио ответили 53 чел. (17,66%), затруднились ответить 6 чел. (2%) [См.: Приложение №1].

Следует отметить, что требования Закона Республики Таджикистан «О культуре» могут служить платформой для Минобрнауки и других субъектов противодействия экстремизму. Наравне с этим есть необходимость в организации Централизованного государственного органа по координации

деятельности всех государственных и негосударственных органов в сфере противодействия экстремистской идеологии, а в структуре всех субъектов противодействия экстремизму создание специально уполномоченных подструктур.

Такой подход созвучен с позицией высшего руководства страны и конкретно уважаемого Эмомали Рахмона, который отметил о существенных проблемах в сфере образования [426] и религии [203]. В Концепции государственной политики Республики Таджикистан в сфере религии так же отмечается, о «серьёзной угрозе религиозного экстремизма для национальной безопасности» [84].

В этом контексте следует согласиться с позицией Ю.В. Говорухиной о том, что «нецелесообразно разделение доктрин, концепций и стратегий. Основные их положения должны отражаться в одном систематизированном документе, например таком, как Стратегия. Дальнейшее развитие стратегии должно находиться в планах по их реализации на определенное время [349, с. 11], так как многочисленные стратегические документы, порою дублирующие многие положения друг друга, снижают эффективность их реализации и объективной оценки. На наш взгляд, таковой является Концепция государственной политики в сфере религии, так как многочисленные ее предписания приобрели формальный характер. Чаще всего, многие ее требования реализуются при выполнении соответствующих требований Стратегии по противодействию экстремизму и терроризму и других концептуальных документов, регламентирующих правовое и патриотическое воспитание граждан.

В вопросе противодействия экстремизму А.Д. Ульянов, С.А. Давлатов справедливо отмечают, что «Чем больше отодвигается назад вопрос решения идеологических и кадровых мер по противодействию экстремизму и эта сфера деятельности отдается исключительно правоохранительным органам, тем больше возрастает угроза экстремизма в обществе и регионе» [306, с. 41]. Далее авторы отмечают, что «для организованного противодействия

экстремизму необходимо создать Единый центр управления всеми государственными органами, и только после реализации мер разъяснительной работы (обще-социальной, специальной криминологической) целесообразно применять меры государственного принуждения в пределах компетенции правоохранительных органов» [306, с. 42].

Мы согласны с позицией о том, что «идеологическое противодействие экстремистско-террористической идеологии, духовное и правовое воспитание молодежи, вскрытие правды о деструктивной деятельности экстремистско-террористических организаций, активное сотрудничество школ, вузов, традиционных религиозных объединений – это путь, по которому должны совместно идти все государственные органы и гражданское общество» [134, с. 6].

Контроль за качеством образования, связанный с получением необходимых знаний в области патриотизма, национального самосознания, противодействия религиозно-политическому экстремизму следует возложить на специальную Комиссию при Министерстве образования и науки Республики Таджикистан.

В текущих условиях, когда качество образования, особенно в контексте борьбы с экстремистскими идеологиями, находится под пристальным вниманием как государственных органов, так и широкой общественности, представляется оправданным расширение полномочий Комиссии по противодействию экстремизму терроризму и другим формам организованной транснациональной преступности при Правительстве Республики Таджикистан. Нами предлагается наделить указанную Комиссию дополнительными функциями в области контроля качества образования, в частности, в сфере противодействия религиозно-политическому экстремизму, что на наш взгляд, снизит коррупционные риски в работе органов, осуществляющих надзор за качеством образования.

По мнению ученых, «в законе должен быть предусмотрен механизм независимого контроля над реализацией мер профилактики преступлений, основанный на принципах общедоступности информации о планируемых и применяемых мерах (за исключением случаев, предусмотренных законодательством), а также недопустимости совпадения в одном лице субъекта и объекта контроля состояния профилактики преступлений» [119, с. 166]. Это связано с тем, что одним уголовно-правовым контролем ситуацию в позитивную сторону не повернуть, в дополнение к нему необходим комплекс сдерживающих мер на основе предупреждения преступности, который должен осуществляться непрерывно по восходящей линии.

Необходимость нормативного определения системы специализированных и неспециализированных субъектов предупреждения преступлений продиктовано прежде всего, соображениями приведения правового регулирования статуса специализированных субъектов профилактики преступлений в соответствие с принципом «профилактика преступлений есть основная или одна из основных внешних и внутренних функций одновременно» [119, с. 165].

В этой связи, не случайно В.Е. Петрищев предложил радикально упорядочить межотраслевое регулирование профилактики терроризма, создав трехуровневую общегосударственную систему соответствующих мер [292, с. 143]. В.В. Устинов считает необходимым разработать собственно антитеррористическую концепцию, «которая должна охватить весь спектр возможностей государства по контролю над терроризмом и экстремизмом» [307, с. 6]. А.В. Павлинов также отмечает, что одним из условий эффективности противодействия криминальному антигосударственному экстремизму на текущий момент выступает выработка единой концепции антитеррористической и антиэкстремистской стратегии, создание универсальной правовой модели правового обеспечения противодействия терроризму и экстремизму в целом [194, с. 22].

По мнению В.А. Бурковской, сама идея создания такого документа заслуживает поддержки. Однако, как представляется, речь должна идти все-таки об антиэкстремистской стратегии, поскольку терроризм, согласно российскому законодательству, лишь одно из проявлений экстремизма [342, с. 353].

Разумеется, система мер предупреждения преступлений в целом не идентична общегосударственной системе мер профилактики экстремизма ввиду специфичности его детерминантов и генезиса. Вместе с тем, профилактика террористической и иной экстремистской деятельности может и должна рассматриваться как часть более общей системы мер профилактики преступлений и преступности, в связи с чем группы профилактических мер (по сферам применения и рычагам воздействия) будут едиными для обеих систем.

В свете изложенного назревает мысль о том, что если социально-экономические, нравственно-духовные, культурно-образовательные и политические противоречия являются причиной порождения не только терроризма, но и экстремизма и других форм насильственной преступности, то Антитеррористические комиссии под эгидой противодействия терроризму, пытаются решать проблему профилактики всей системы преступности в целом.

Такой подход говорит о чрезмерной политизации противодействия экстремизму и принятии скоропостижных политических решений в сфере профилактики терроризма. Несмотря на особенности отдельных видов преступлений, в обще-социальном и обще-криминологическом (специальном) плане почти вся система преступности имеет общие причины порождения, и соответственно их минимизация требует решения общих задач и единой цели.

Если в криминологическом плане террористическую деятельность признавать в качестве крайней формы экстремистской деятельности, получается, что экстремизм является более ранней стадией формирования и развития террористической деятельности.

В связи с тем, что обще-социальные и обще-криминологические причины экстремизма и терроризма являются идентичными, или, по крайней мере, не требующих самостоятельного направления реагирования, на наш взгляд, при профилактике экстремизма инструментально попадают под воздействие и основные террористические детерминанты.

Развивая данную мысль, следует еще раз напомнить, что в Республике Таджикистан к специально криминологической профилактике (не обще-социальной) в основном привлечены правоохранительные органы. Деятельность других органов государственной власти имеет эпизодичный и фрагментный характер. В этом контексте следует уточнить, что обще-социальная профилактика преступности в Таджикистане ведется разрозненно и эпизодично, по инициативе самых различных органов государственной власти, включая правоохранительные структуры. В силу чрезмерной объемности и многоуровневости этой сферы деятельности и отсутствия соответствующего законодательного акта (например: Закона РТ «Об основах профилактики преступности», централизованного органа управления, такого, как постоянно действующая Межведомственная комиссия по профилактике преступности), об эффективной организации и комплексному подходу в регулировании организационно-управленческих, правовых, социально-экономических, общественно-политических, нравственно-духовных, образовательных и других важных общественных процессов в сфере профилактики преступности, говорить очень сложно.

В плане непосредственной профилактики экстремистской идеологии система государственного реагирования требует глубокого изучения и совершенствования.

Конкретное содержание указанных мер в зависимости от уровня их осуществления и компетенции субъектов профилактики может быть самым различным. При этом одним из главных условий достижения максимального профилактического эффекта остается комплексность применения предупре-

дительных мер, координация и кооперация деятельности всех субъектов профилактики.

В п. 2 ст. 13 Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму», среди прочих полномочий, на Министерство труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан возложено «проведение информационно-разъяснительной работы среди мигрантов внутри страны и за ее пределами по предупреждению их вступления в экстремистские организации» в сфере противодействия экстремизму. Возникает вопрос: «Имеет ли Министерство труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан полномочия и возможности для осуществления агитационной работы среди более чем 650 тысяч трудовых мигрантов за рубежом?» Имеются ли в данном учреждении профессиональные специалисты по противодействию религиозно-экстремистской идеологии? Вряд ли можно найти ответы на данные вопросы.

Несмотря на то, что в Конституционном законе Республики Таджикистан «О местных органах государственной власти» [34] и Законе Республики Таджикистан «Об органах самоуправления поселков и сел» [57], местные органы государственной власти и органы самоуправления поселков и сёл определены в качестве субъектов противодействия экстремизму, однако в этих законах не определены их задачи и функции. В других внутриведомственных нормативных актах (положениях, инструкциях и т.п.), также не определены обязанности в сфере противодействия экстремизму.

Полномочия Министерства культуры Республики Таджикистан и Комитета по телевидению и радио при Правительстве Республики Таджикистан как субъектов, участвующих в противодействии экстремизму, также являются общими и неясными. Ввиду дефицита квалифицированных специалистов по журналистике в высших учебных заведениях, их аналитические и информационные программы на теле- и радиоканалах, а также используемая телекоммуникационная техника, включая Интернет-

платформы, не соответствуют актуальным стандартам продвижения антиэкстремистской идеологии.

Далее пункт 2 ст. 17 Закона Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» регламентирует деятельность Службы связи при Правительстве Республики Таджикистан по ограничению доступа к информации в целях предотвращения пропаганды экстремизма в сети Интернет во взаимодействии с правоохранительными органами. Однако из-за ежедневного распространения тысяч экстремистских идей в социальных сетях, существенно ограничить доступ к такой информации практически невозможно. В этой связи, организация и проведение антиэкстремистской пропаганды на системной и организованной основе с привлечением всех субъектов борьбы с экстремизмом является одним из наиболее эффективных путей, так как контрэкстремистская пропаганда – это относительно новое направление противодействия экстремизму и терроризму. Ее возрастающая значимость на современном этапе обусловлена совокупностью следующих факторов:

1) беспрецедентное усиление пропагандистской деятельности и процесса вовлечения молодежи в террористические и экстремистские организации в информационном пространстве, прежде всего в сети Интернет;

2) ограниченная эффективность традиционных мер противодействия, таких, как уголовное или административное преследование, блокировка веб-сайтов;

3) невозможность нейтрализации экстремистской идеологии посредством запретительных или репрессивных мер [193, с. 7].

Эффективность деятельности в этом направлении заключается в профессиональном использовании возможностей средств массовой информации и сетей Интернет, так как в наше время подобные инструменты играют очень важную роль в формировании культуры межличностных отношений, нравственного, правового, политического и религиозного

воспитания широких слоев общества, в противовес криминальному характеру экстремистских мировоззрений.

В этой связи Ю.И. Авдеев прав в том, что «...в связи с постоянным ростом угрозы экстремизма и терроризма одним из основных путей является создание комплексной системы противодействия этому явлению, что требует формирования соответствующей государственной политики, необходимой системы государственных структур, создания механизмов их централизованного управления, комплексной правовой базы деятельности антитеррористических (анти-экстремистских – Х.С.) субъектов» [213, с. 436].

Наша позиция вытекает из специфики государственной политики, направленной на обеспечение национальной безопасности Республики Таджикистан. Идея общегосударственного (межведомственного) подхода к обеспечению национальной безопасности и организации организованного противодействия экстремизму и терроризму зародилась еще при разработке Закона Республики Таджикистан «О безопасности», в ст. 20 которого «все государственные органы, органы местного самоуправления, организации и учреждения, независимо от организационно-правовой формы, должностные лица и граждане» мобилизуются на обеспечение национальной безопасности Республики Таджикистан [59]. В частности, указанные органы должны внести весомый вклад в формирование национального духа, патриотизма, межнационального согласия, усиление борьбы с преступностью, в том числе организованными ее формами, коррупцией, экстремизмом и терроризмом.

Однако реализация этих задач может быть достигнута только в рамках создания эффективной и комплексной системы противодействия экстремизму и терроризму, поскольку «организация мер по профилактике экстремизма и терроризма требует скоординированной работы государственных органов, общественных организаций и объединений, религиозных структур, иных институтов гражданского общества, а также отдельных граждан» [213, с. 465-466].

Деятельность государственных образовательных, научных и информационно-просветительских систем требует внутренней координации в рамках их собственных структур и внешней координации в рамках взаимовыгодного сотрудничества, так как обще-социальная профилактика экстремизма, как «сложный, многогранный процесс, имеющий определенные общие черты» [356, с. 51], направлена на «выявление и устранение внешних объективных причин и условий, способствующих совершению преступлений экстремистской направленности» [159, с. 99]. Это направление имеет большой потенциал воздействия на все причины и условия экстремистской преступности. Этому подтверждением могут служить слова академика В.Н. Кудрявцева о том, что «Четкие и системные идеологические установки, несомненно, влияют на возрождение духовности, развитие культуры, нравственности, интересов, намерений людей и много другого, от чего зависит выбор хорошего и плохого, законного и незаконного поведения» [167, с. 45].

В контексте вышесказанного считаем, что для решения вышеуказанных научных, нравственно-духовных, образовательных и других проблем обще-социального характера, следует под общим «зонтиком» государства создать трехуровневую систему координации и консолидации деятельности государственных органов, в качестве которого может выступать Антитеррористическая комиссия при Правительстве Республики Таджикистан. Однако, чтобы деятельность этой комиссии дала эффект, наравне с определением ее полномочий, в обязательном порядке на законодательном уровне необходимо определить и ответственность должностных лиц по выполнению решений Комиссии по противодействию экстремизму на соответствующем уровне, так как в противодействии финансированию терроризма уже сложилась определенная практика. Так, в КоАП РТ введены соответствующие статьи, такие, например, как ст. 527(1) (Несоблюдение требований законодательства Республики Таджикистан о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных

преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового поражения) [37].

Следует отметить, что согласно ст. 23 Конституционного закона Республики Таджикистан «О Правительстве Республики Таджикистан», «при необходимости координации деятельности государственных органов для решения отдельных задач, Правительство Таджикистана имеет право создавать постоянно действующие комиссии, определять их задачи, порядок деятельности, утверждать положения об их деятельности. Поскольку Правительство Республики Таджикистан осуществляет руководство и контроль за деятельностью министерств, комитетов и других государственных органов, имеет право создавать департаменты, бюро, комитеты, комиссии, агентства, государственные инспекции и другие органы государственного управления (ст. 12) [33]. Данный нормативный акт считается основой для создания Антитеррористической комиссии при Правительстве Республики Таджикистан, соответственно и Положения о ее компетенции и организационных основах осуществления координационной деятельности министерств и ведомств по противодействию обще-социальных причин и условий возникновения религиозно-политического и других проявлений современного экстремизма.

На основе высказанных суждений, считаем для противодействия экстремизму полезными следующие предложения и выводы:

1. Обще-социальное предупреждение религиозно-политического экстремизма осуществляется не только в рамках централизованных систем (прокуратура, милиция, органы безопасности), но и в рамках деятельности многочисленных не силовых министерств и ведомств, деятельность которых напрямую не подчинена правоохранительным органам, а осуществляется по принципу «многоуровневой координации», но при этом с правовой точки зрения с привлечением равноправных субъектов общественных отношений.

2. Органы местного самоуправления в государственно-правовой системе современного общества и возможности их участия в реализации

государством правоохранительных функций, осуществляют свою деятельность и развиваются как самостоятельные институты общества в рамках сотрудничества и равноправия, выступая низшим и важнейшим уровнем публичной власти (гражданского общества).

3. Органы местного самоуправления как один из элементов гражданского общества при объединении усилий органов государственной власти могут сыграть ключевую роль в противодействии религиозно-политическому экстремизму, поскольку в правовом государстве они являются важнейшей частью механизма правовой защиты членов общества и требуют их участия в правоохранительной деятельности. Опыт организации местных правоохранительных структур в различных странах доказывает, что эффективная система поддержания общественного порядка возможна только при активном участии органов местного самоуправления, как наиболее приближенного к гражданам уровня государственной власти.

4. Анализ антиэкстремистского законодательства, направленного на противодействие экстремистской религиозно-политической идеологии свидетельствует о том, что данное направление является одним из приоритетных в государственной политике, в котором задействованы более 33 не силовых министерств и ведомств. Однако их деятельность на этом стратегическом направлении не отвечает требованиям современной эпохи и требует координации действий на более высоком организационном и организованном уровнях. До сих пор не определены задачи и функции соответствующих министерств и ведомств в рамках нормативных правовых актов, особенно внутриведомственных в сфере просвещения населения об опасности и последствиях экстремистской религиозно-политической идеологии, не созданы внутриведомственные и межведомственные структуры по координации деятельности в этой сфере, что приводит к снижению эффективности деятельности по противодействию экстремизму.

5. Для решения проблем противодействия экстремистской идеологии на обще-социальном уровне требуется координация деятельности субъектов,

участвующих в противодействии экстремизму в трех взаимосвязанных направлениях: в научно-методическом, образовательно-педагогическом и информационно-пропагандистском уровнях. В силу междисциплинарного характера природы религиозно-политического экстремизма, первое направление требует проведения совместных научных исследований по разоблачению искаженных религиозно-экстремистских идей, которые настоятельно рекомендуют координацию деятельности многочисленных научных центров и институтов, соответственно, правовой регламентации их совместной деятельности в пределах своей компетенции. На данный момент это направление считается стратегическим и самым уязвимым прежде всего потому, что без обоснованных научных концепций по противодействию экстремизму, невозможно разработать учебно-методических материалов для широкого круга общественности, которое в них остро нуждается.

Вторым и не менее важным направлением является разработка соответствующих государственных образовательных стандартов, программ и учебников для всех образовательных уровней (школ, колледжей, техникумов, вузов, имамов и т.д.) и подготовки квалифицированных педагогических, религиозных и идеологических кадров, подготовка которых требует координации деятельности многочисленных министерств, ведомств, научно-образовательных центров и институтов, соответственно, правовой регламентации их совместной деятельности в пределах своей компетенции.

Третье направление заключается в координации деятельности многочисленных министерств и ведомств по профессиональной контрпропаганде экстремистской идеологии среди широкого круга общественности (мигрантов, общественных и религиозных организаций, министерств и ведомств и т.д.), в том числе в СМИ и по Интернету.

6. Для решения вышеуказанных научных, нравственно-духовных, образовательных и других обще-социальных проблем, следует создать

Антитеррористическую комиссию при Правительстве Республики Таджикистан.

7. В целях качественной организации координации деятельности многочисленных министерств, ведомств, научных и образовательных институтов по трем вышеуказанным направлениям при Антитеррористической комиссии необходимо создать три подкомиссии, определив их координационные и надзорные функции, соответственно полномочия, права и обязанности привлекаемых сил и средств государственных органов. В целях комплексной и системной организации профилактики религиозно-политического экстремизма, необходимо создание Антитеррористических комиссий при органах исполнительной власти на областном, городском и районном уровнях.

5.2. Направления совершенствования координационной деятельности правоохранительных органов по минимизации причин и условий возникновения экстремизма

«В механизме реализации правоохранительной функции государства важную роль играет система правоохранительных органов, так как их структурно-функциональные характеристики связаны с деятельностью государства по защите прав и свобод человека, обеспечению безопасности общества и государства от преступных посягательств» [189, с. 8-9; 196, с. 4; 208, с. 7].

Несмотря на то, что единой и унифицированной позиции относительно понятия «правоохранительные органы» не существует, «правоохранительными органами целесообразно признать те структуры, которые созданы государством в целях охраны закона, действуют на основе закона и которым предоставлено право применять меры принуждения, а в необходимых случаях – право применять нормы уголовного права при

обязательном соблюдении определенных процессуальных норм» [116; 127; 133; 136; 175; 180; 183; 184; 197; 198; 215; 303].

Структура и полномочия правоохранительных органов определяются прежде всего, возложенными на них задачами. Учитывая доминирование научных теорий и правоприменительной практики относительно системы противодействия преступности (включая экстремизм и терроризм) и иные правонарушения, академик Н.В. Кудрявцев актуальными для правоохранительных функций считает такие направления, как «профилактику преступлений и иных правонарушений (общая, специальная, индивидуальная); предупреждение и пресечение преступлений и иных правонарушений, в том числе выявление (розыскивание) факта совершаемого или готовящегося преступления, преследование и, если возможно, задержание преступника; уголовное и административное преследование на этапе расследования преступления» [161, с. 43].

Следует отметить, что организационную основу деятельности государства составляет совокупность сил и средств специальных служб, правоохранительных и иных государственных органов, мобилизованных государством для противодействия экстремизму. Функционирование такой системы в основном обеспечивает деятельность государственных органов, а ее содержание в целом составляет антиэкстремистскую безопасность. Деятельность государственных органов дополняется деятельностью неправительственных организаций и учреждений различных форм собственности, которые также вносят свой вклад в борьбу с экстремизмом и являются неотъемлемой частью общей системы обеспечения безопасности государства.

Масштаб, важность и многообразие задач правоохранительных органов, связанных с «обеспечением национальной безопасности», а в нашем исследовании – с обеспечением антиэкстремистской (антитеррористической) безопасности, обусловили необходимость функциональной институционализации системы противодействия экстремизму, субъектами

которой выступают большое количество государственных органов, общественных организаций и население. Общее содержание целей и задач правоохранительной деятельности в данной сфере обуславливает необходимость совершенствования организационных структур, материально-технического обеспечения и управления соответствующими структурами, в том числе, возможностей полезного использования правоохранительных функций государственных органов, их централизации, а при необходимости и мобилизации сил и средств на соответствующих направлениях противодействия экстремизму.

Правоохранительные органы и иные органы власти, как правило, с максимальной ответственностью относятся к информации оперативного характера и оказывают содействие органам национальной безопасности и внутренних дел в проведении оперативно-розыскных мероприятий. Формы и методы взаимодействия субъектов оперативно-розыскной деятельности с органами местного самоуправления, органами государственной власти на местах, общественными организациями и объединениями, гражданами осуществляются в соответствии с требованиями соответствующего законодательства, а ГКНБ осуществляет общую координацию деятельности органов, проводящих оперативно-розыскную деятельность.

Однако на современном этапе это направление также требует совершенствования и организации централизованной системы оперативно-розыскных и оперативно-боевых мероприятий, так как на практике нередки случаи, когда несколько ведомств одновременно проявляют оперативный интерес в отношении одного и того же объекта. В итоге оказывается, что время, силы и средства одного из ведомств были потрачены впустую, потому что другие органы уже имели дело с этим объектом.

Несмотря на то, что борьба с преступностью и правонарушениями в целом является делом всех правоохранительных органов, в ряде случаев внутренние интересы берут верх и создаются искусственные препятствия со стороны отдельных должностных лиц. В этой связи, координация

деятельности органов, осуществляющих ОРД по выявлению и предупреждению экстремизма и терроризма требует более высокого уровня координации.

В соответствии с положениями действующего законодательства, МВД Республики Таджикистан располагает практически всеми средствами и методами противодействия экстремизму и терроризму. Однако, в сфере обработки статистических данных, регистрации и учета преступлений экстремистского и террористического характера и розыска лиц, совершивших такие преступления, защиты и обеспечения безопасности лиц, сотрудничающих в противодействии экстремизму, а также пропагандистской и агитационной работы против экстремистской идеологии, имеет особый организационно-правовой статус [51].

Важно отметить, что одним из наиболее перспективных направлений борьбы с религиозно-экстремистской идеологией является выявление и пресечение деятельности экстремистско-террористических организаций.

В соответствии с требованиями Закона Республики Таджикистан «Об органах национальной безопасности Республики Таджикистан», определяющего правовые и организационные основы деятельности этого специально уполномоченного государственного учреждения, обеспечивает безопасность личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в основном путем осуществления разведывательной и контрразведывательной деятельности. Одной из основных задач данного органа является выявление, предупреждение и раскрытие террористической и экстремистской деятельности, организованной преступности, контрабанды, незаконного оборота наркотических средств, оружия, ядерных материалов и других форм транснациональной преступности, в том числе, противодействия экстремизму [53].

Опыт прошлого и настоящего показывает, что деятельность органов национальной безопасности по своей сути во многом является секретной и осуществляется в рамках требований Закона Республики Таджикистан «Об

оперативно-розыскной деятельности» [58] и внутренних нормативных правовых актов секретного характера (приказов, инструкций, положений и т.п.). Это обусловлено прежде всего тем, что ОРД является особым видом деятельности правоохранительных органов, имеющим свой предмет, методы и средства воздействия в борьбе с преступностью и позволяющим органам, осуществляющим данный вид деятельности, собирать соответствующую информацию об экстремистских организациях, выявлять преступников, прогнозировать ход их экстремистской деятельности, внедрять в преступную среду негласных сотрудников, раскрывать цели и преступные планы экстремистов.

Учитывая высказанные мнения относительно назначения правоохранительных органов, полагаем, что в ходе осуществления антиэкстремистской и антитеррористической деятельности органы национальной безопасности как непосредственный субъект данного направления противодействия, должны осуществлять координационную функцию в соответствии с их назначением по выявлению и пресечению экстремизма и терроризма (разведывательная и контрразведывательная деятельность). На наш взгляд, в сфере ОРД ГКНБ призван координировать деятельность милиции, таможни, коррупции и иных субъектов ОРД в противодействии экстремизму и терроризму. А координационная деятельность органов прокуратуры в этом направлении должна иметь контрольный и надзорный характер и прежде всего для достижения следующих целей:

1. С целью обеспечения своевременной координации действий между органами безопасности и ОВД, антикоррупционными подразделениями, таможенной службой и прочими правоохранительными органами в области противодействия экстремизму и терроризму в соответствии со строгим соблюдением правовых норм, регулирующих оперативно-розыскную деятельность.

2. При осуществлении такой координационной деятельности не должны

ущемляться конституционные права и свободы человека и гражданина, а также не должно иметь место вмешательство в компетенцию других государственных органов.

3. В силу того, что органы прокуратуры не являются субъектами, осуществляющими ОРД, они не компетентны осуществлять координацию совместной деятельности субъектов ОРД, но в порядке прокурорского надзора осуществляют общую координацию такой деятельности.

В целях обеспечения полного, всестороннего и объективного предварительного следствия и расследования, независимо от подследственности, в соответствии со ст. 168 УПК РТ, прокурор имеет право (за исключением дел о преступлениях коррупционного характера) затребовать любое уголовное дело из органов дознания и следствия, передать его другому органу или передать в производство прокуратуры.

Так же прокурор вправе при необходимости создавать оперативно-следственные группы и поручать ведение уголовных дел этим органам [112, с. 208].

Несмотря на то, что в соответствии с ст. 178 УПК Республики Таджикистан в ходе расследования преступлений экстремистского характера следователи должны определять причины и обстоятельства, приведшие к совершению таких преступлений и отправлять предложения соответствующим организациям и учреждениям, независимо от их организационно-правовых форм по устранению данных факторов, в настоящее время этому направлению работы не уделяется достаточного внимания [38], хотя в соответствии с этой статьей, следователи имеют право осуществления такой профилактической деятельности. То есть получается, что если они посчитают нужным устранение причин и условий совершения преступлений экстремистского характера, то могут отправить соответствующие предложения организациям и учреждениям по их устранению, если же нет, то особого спроса за это с них не будет. Поэтому целесообразно на законодательном уровне право следователя заменить на их

обязанность и за неисполнение или же ненадлежащее исполнение таких обязанностей предусмотреть административную ответственность, чтобы искоренить формальный характер профилактических мер в этом направлении.

В настоящее время, именно в этом направлении правоохранительные и другие государственные органы нуждаются в организации координации их деятельности на более высоком уровне, так как причины и условия возникновения религиозно-политического экстремизма меньше всего зависят от деятельности правоохранительных органов. Однако выявлять и представлять конкретные предложения и рекомендации соответствующим государственным и негосударственным органам и учреждениям является одной из основных задач именно правоохранительных органов, к которой, к сожалению, не уделяется должного внимания.

Статья 10 Конституционного закона Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» регламентирует координационную деятельность органов прокуратуры в борьбе с преступностью, в том числе, совместную антитеррористическую деятельность ОВД, органов безопасности, налоговых органов, таможенных и других правоохранительных органов республики [35].

Положение «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью», утвержденного Президентом Республики Таджикистан, определяет организационные основы такой деятельности. «Решения Координационного совета обязательны для исполнения всеми правоохранительными органами» [96].

Однако в п. 10 ст. 19 Закона РТ «О противодействии терроризму» координацию деятельности субъектов, осуществляющих противодействие терроризму возложены на органы безопасности [66]. Почти аналогичная позиция прослеживается и в ст. 11 Закона РТ «О противодействии экстремизму», хотя в Законе РТ «Об органах национальной безопасности

Республики Таджикистан» не упоминается о привелегии координационной функции этого органа среди других правоохранительных органов.

Из содержания вышеуказанных нормативных правовых актов вытекает, что полномочия органов прокуратуры, милиции и безопасности по организации предупреждения экстремизму изложены «туманно», так как нет четкого разграничения их координационной функции.

Несмотря на то, что согласно антиэкстремистскому и антитеррористическому законодательствам республики Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан, Агентство по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан и др. являются субъектами борьбы с экстремизмом и терроризмом, их полномочия и функции конкретно ни в Законе Республики Таджикистан «Об Агентстве по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан», ни в «Положении об Агентстве по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан» [95], ни в Законе Республики Таджикистан «Об Агентстве по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан» [54], а также «Положении об Агентстве по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан» не определены. Подобные законодательные просчеты наблюдаются в деятельности таможенной службы и других государственных органов, что противоречит подпункту 3 пункта 12 Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы, в которой в частности отмечается, что «важной проблемой правотворческой деятельности является устранение противоречий и несоответствий между законами и иными нормативными правовыми актами. Такая ситуация может привести к нарушению принципа верховенства права, нарушить нормальное функционирование правовой системы, а также повлиять на эффективность регулирования права, верховенство закона и правопорядка» [83].

По нашему мнению, в целях усиления внутреннего и внешнего межведомственного взаимодействия в структурах правоохранительных органов и с учетом принципа взаимодействия и сбалансированности при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, связанных с выявлением и предотвращением преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, огнестрельного оружия, торговлей людьми, коррупцией и иными преступлениями транснационального характера, оперативным сотрудникам всех правоохранительных органов следует одновременно направлять свои усилия и навыки на получение необходимой информации, связанной с преступлениями экстремистского и террористического характера, поскольку действия членов экстремистско-террористических организаций свидетельствуют о том, что их деятельность в большинстве случаев связана с незаконным оборотом наркотических средств, огнестрельного оружия, торговле людьми, незаконным предпринимательством и иными общественно опасными деяниями. В этой связи, определение в рамках внутренних нормативных документов должностных обязанностей и функций конкретного работника как внутреннего элемента конкретной государственной структуры по направлению координации внутренней деятельности сотрудников по противодействию экстремизму, терроризму, торговле людьми и иным преступлениям транснационального характера, а также установление внешних связей с иными специально уполномоченными структурами по указанному направлению, является требованием времени и будет способствовать созданию централизованной и многоуровневой системы противодействия экстремизму и терроризму.

В контексте реализации уголовной политики Республики Таджикистан наиболее важным документом несомненно является Стратегия реформы милиции на 2013-2020 годы [89], а затем Программа реформы (развития) милиции на 2014-2020 годы.

В указанной Программе предпочтение отдаётся мерам общесоциального предупреждения преступности, повышения уровня доверия граждан к милиции путем общественного контроля, замещения вакантных должностей на конкурсной основе, снижения уровня коррупции, устранение повторение функций в структурах ОВД, сокращение подразделений, несвойственных правоохранительной структуре, организация и контроль качественного образования в образовательных учреждениях МВД РТ, материально-техническое оснащение подразделений ОВД, социальное обеспечение сотрудников милиции и других важных направлений деятельности милиции [88].

Для достижения намеченных целей Программы в МВД Республики Таджикистан были созданы Национальный координатор по реформе милиции, Экологическое и туристическое управление милиции, Управление по профилактике и предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи, Центр системы автоматического управления в сфере транспорта «Безопасный город», милицейский колледж, противопожарно-технический колледж, Научно-исследовательский центр, Центр противодействия торговле людьми, Центр по противодействию экстремизму, отдел по борьбе с киберпреступлениями и обеспечению информационной безопасности и ряд других подразделений с учетом современного состояния преступности и потребностей общества по обеспечению безопасности, функционирует телефон доверия Министра, официальный сайт МВД на трех языках [88].

В целях проведения качественной реформы и устранения некоторых пробелов предыдущей Программы было принята новая Программа реформы милиции на 2021-2025 годы [99].

В связи с объемностью причин и условий, порождающих терроризм, специально-криминологические мероприятия в зависимости от их объектов и субъектов воздействия должны проходить определенные этапы, которые направлены на устранение причин и условий, способствующих порождению экстремизма и терроризма.

На наш взгляд, в зависимости от характера и времени осуществления предупредительных мер в системе предотвращения экстремизма, должны отчетливо выделяться три самостоятельных, но в свою очередь, взаимодополняющих друг друга направления деятельности:

1) устранение (упреждение, ограничение) обще-социальных криминогенных явлений и процессов, выступающих в качестве причин и условий преступности в целом и преступлений экстремистского характера – профилактика;

2) выявление лиц и социальных групп, вынашивающих экстремистские намерения, имеющих преступный умысел и нейтрализация (устранение) их решимости совершать преступления экстремистского характера – предотвращение экстремизма (специально-криминологическая профилактика);

3) прерывание экстремистских акций конкретных лиц на стадиях приготовления и покушения на преступления экстремистского характера – пресечение экстремизма.

Конкретное содержание указанных мер в зависимости от уровня их осуществления и компетенции субъектов профилактики может быть самыми различными. При этом одним из главных условий достижения максимального профилактического эффекта остается комплексность применения предупредительных мер, координация и кооперация деятельности всех субъектов профилактики.

Несмотря на то, что сегодня мы наблюдаем период подъема интереса к решению данного вопроса со стороны государства и общества, активизацию многих направлений профилактической работы, в том числе и в области принятия весьма важных управленческих решений, эти решения не приведут

к позитивному результату, если не изменить сам подход к использованию опыта.

Так, в Российской Федерации по одному из важнейших направлений противодействия преступности, еще в 1999 году был принят Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [77], и на его основе создан Межведомственный оперативный штаб. К сожалению, в силу чрезмерной объемности данной проблемы и отсутствия эффективной организационно-правовой базы он не стал управленческой структурой, влияющей на организацию взаимодействия всех субъектов профилактики и на уровень их работы. Об этом свидетельствует анализ протоколов совещаний оперативного штаба МВД России [384, с. 75].

Почти аналогичная ситуация прослеживается и в Республике Таджикистан. Несмотря на то, что согласно п. 2 ст. 4 Закона Республики Таджикистан «О системе предупреждения и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних», координация деятельности субъектов системы предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних была возложена на Комиссию по правам ребенка при Правительстве Республики Таджикистан [65], ее деятельность не дала желаемых результатов. В связи с чем, согласно п. 1 гл. 1 Плана реализации Национальной программы по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних на 2020-2024 годы, утвержденной постановлением Правительства Республики Таджикистан 30 июля 2020 года, №431, было создана Межведомственная рабочая группа по предупреждению и профилактике правонарушений несовершеннолетних при Министерстве внутренних дел Республики Таджикистан.

Следует отметить, что специально-криминологическая профилактика экстремизма находится в неразрывной связи с ее обще-социальными профилактическими мерами, для чего необходимо найти выгодные точки соприкосновения таких мер в контексте совместной деятельности

правоохранительных органов и несиловых министерств и ведомств. Именно, с такой целью и принимаются соответствующие государственные программы, концепции, и стратегии, о которых мы говорили выше. Однако, как показывает практика, деятельность этих Комиссий носит формальный и не системный характер. Например, З.П. Хайдарзода отмечает, что «в связи с отсутствием эффективной правовой базы, регулирующей взаимодействие органов отраслевого управления на всех уровнях с органами внутренних дел в вопросах противодействия торговле людьми, работа в данном направлении не дает желаемого результата» [230, с. 134-135]. В целях улучшения противодействия торговле людьми, Межведомственная комиссия по борьбе с торговлей людьми при Правительстве Республики Таджикистан была реорганизована и создана Межведомственная рабочая группа при МВД Республики Таджикистан.

На наш взгляд, на реорганизацию вышеуказанных комиссий и создание межведомственных рабочих групп по правам ребенка и по борьбе с торговлей людьми при МВД Республики Таджикистан послужили два основных фактора:

1. Указанные комиссии при Правительстве Республики Таджикистан работают на общественных началах. У них нет постояннодействующих структурных подразделений в виде аппарата управления, оперативного штаба, специализированных подкомиссий. Аналогичные комиссии на областном, городском и районном уровнях отсутствуют.

2. Обще-социальные причины и условия настолько обширны (научные, образовательные, религиозные, политические, социально-экономические, информационные, организационные, правовые и т.д.), что без постоянно действующего аппарата, соответствующих управлений, отделов и квалифицированных специалистов, невозможно координировать такую деятельность в полном объеме.

Например, в целях организации противодействия незаконному обороту наркотиков в Таджикистане 12 апреля 1996 года была создана

Государственная комиссия по контролю за наркотиками. В сфере противодействия коррупции также создана государственная комиссия при Правительстве Республики Таджикистан [54]. Однако в обще-социальном плане профилактики коррупции, торговле людьми и незаконного распространения наркотических веществ, деятельность указанных комиссий большими успехами не блещут.

Сложившаяся ситуация приводит к выводу о том, что деятельность многочисленных государственных комиссий по противодействию правонарушений несовершеннолетних, коррупции, незаконному обороту наркотиков, торговле людьми, соответственно и экстремизму и терроризму не дадут ощутимых результатов, если не решить проблемные вопросы правового регулирования организационных основ координационной деятельности компетентных органов государства в строгом соответствии с их правовым статусом, полномочиями, соответственно правами и обязанностями.

В этом плане, говоря о практике других государств, можно отметить, что, например, после вступления в силу Федерального закона России от 6 марта 2006 г., №35-ФЗ «О противодействии терроризму» и Указа Президента Российской Федерации «О мерах по противодействию терроризму» от 15 февраля 2006 г., №116, в России был образован Национальный антитеррористический комитет, постоянно действующие оперативные штабы и антитеррористические комиссии, которые также имеют определенные трудности по организации предупреждения экстремизма и терроризма на социальном уровне.

Проблемы законодательного регулирования и организации обще-социальной и специально-криминологической профилактики экстремизма прослеживаются и в Таджикистане. Например, в отчёте Генерального Прокурора Республики Таджикистан перед парламентом страны «О контроле за точным соблюдением и единообразным исполнением законов на территории Республики Таджикистан на 2022 год» в сфере реализации

«Государственной программы по борьбе с преступностью в Республике Таджикистан на 2021-2030 годы», а также «Стратегии по противодействию экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы» отмечается, что эти концептуальные документы «находятся под постоянным контролем и исполнение их требований рассматриваются на заседаниях коллегии и Совета по координации деятельности правоохранительных органов республики» [271]. Отмечается, что в результате прокурорских проверок по вопросам соблюдения Закона Республики Таджикистан «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан» вынесено 970 актов прокурорских протестов и привлечено к ответственности 1480 человек. За неисполнение требований Закона Республики Таджикистан «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей» к ответственности привлечено 4000 человек, а в отношении 180 человек возбуждены уголовные дела за воспрепятствование получению основного обязательного образования. Выявлено 124 факта вовлечения несовершеннолетних в незаконное религиозное обучение, из них 73 в Хатлонской области, 25 в Согдийской области и 21 в городах и районах республиканского подчинения [271].

За 2022 год зарегистрировано 1197 преступлений террористическо-экстремистской направленности, что на 222 или на 18,5% больше, чем в 2021 году. Из них 345 преступлений террористического характера, 852 преступления экстремистского характера [271].

Как видно, в силу междисциплинарного характера природы религиозно-политического экстремизма, соответственно и сложности восприятия глубинных причин его возникновения, в официальных отчетах Генеральной прокуратуры нет ни малейшего указания на устранение и минимизацию глубинных причин и условий экстремизма и терроризма. Однако, по выявлению, расследованию и пресечению правонарушений экстремистского и террористического характера, которые имеют специально-криминологический, уголовно-правовой и «репрессивный» характер, можно

проследить эффективную деятельность правоохранительных органов республики в пределах их компетенции.

Следует отметить, что согласно действующему законодательству государств-участников СНГ, координацию деятельности правоохранительных и иных государственных органов по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью осуществляет в основном прокуратура. Компетенция по координации деятельности прокуратуры совпадает с ее надзорной функцией и способствует решению необходимых вопросов путем организации оперативно-следственных групп, проведения оперативных совещаний с сотрудниками правоохранительных органов под руководством прокурора, обеспечения необходимого обмена информацией между органами следствия и дознания, а в необходимых случаях – организации проведения совместных оперативно-розыскных мероприятий.

Однако, по мнению исследователей данной проблемы, критерии оценки эффективности деятельности Координационного совета при прокуратуре на законодательном уровне не определены, и не ясно, в какой степени решения координационных советов приносят пользу личности, обществу и государству. По словам Н.М. Абдирова, одним из критериев определения эффективности деятельности координационных советов является проведение социологических опросов среди населения по вопросам поддержания правопорядка и профилактики правонарушений, оценки экспертами-юристами деятельности координационных советов на городском, областном и районном уровнях, а также постоянная оценка эффективности такой деятельности в рамках официальных отчетов [330, с. 13]. Ученый также отмечает, что борьба с преступностью становится более эффективной посредством налаживания системного и планомерного взаимодействия правоохранительных органов с органами местного самоуправления, здравоохранения, образования, занятости, инспекторами по делам

несовершеннолетних, общественными организациями, средствами массовой информации [420].

В связи с этим, в Республике Казахстан в районах, где условно осужденные не лишены свободы, органами местного самоуправления совместно со службой пробации МВД Казахстана оказывается правовая, социальная, медицинская помощь, проводится воспитательная работа, уровень рецидивной преступности значительно ниже, чем в других регионах с примерно такой же численностью условно осужденных [335, с. 36-37].

На наш взгляд, такой профилактический метод, согласно требованиям поощрительных норм Уголовного кодекса Республики Таджикистан, эффективен и для лиц, репатриированных из-за рубежа.

В этой связи считаем своевременным и полезным шагом разработку и принятие закона «О координации деятельности государственных органов по обеспечению законности, правопорядка и борьбе с преступностью». В этом контексте, считаем вполне уместной позицию Р.К. Байдильдиной о том, что «одним из факторов, обуславливающих низкую эффективность взаимодействия субъектов борьбы с преступностью в сфере исправления осужденных, не лишенных свободы, является отсутствие в полной мере нормативно-правовых документов, регламентирующих механизм взаимодействия правоохранительных органов с органами местного самоуправления» [335, с. 12]. В частности, отмечается, что «если государственные программы, направленные на улучшение благосостояния осужденных и реализуемые соответствующими структурами органов местного самоуправления (здравоохранения, образования, занятости и т.д.) реализуются в рамках установленных требований, то они становятся практическим средством достижения цели защиты прав человека» [335, с. 12].

Аналогичные недостатки наблюдаются и в практической деятельности органов местного самоуправления и государственной власти по реализации

требований программ и стратегий противодействия экстремизму и терроризму в нашей стране.

Наша позиция созвучна с мнением Ю.И. Авдеева, который отмечает, что «...в связи с постоянным ростом угрозы экстремизма и терроризма, одним из основных путей является создание комплексной системы противодействия этому явлению, что требует формирования соответствующей государственной политики, необходимой системы государственных структур, создания механизмов их централизованного управления, комплексной правовой базы деятельности субъектов антитеррористической деятельности» [213, с. 436].

С учетом изложенного, считаем необходимым сделать следующие теоретические выводы и практические рекомендации:

1. Учитывая признаки специального назначения правоохранительных органов, координация их деятельности по противодействию экстремизму требует трехуровневого подхода прежде всего потому, что органы национальной безопасности имеют большой опыт по осуществлению разведывательной и контрразведывательной деятельности, органы прокуратуры по выявлению и расследованию преступлений, а органы внутренних дел по обеспечению общественного порядка и организации профилактики преступности, даже несмотря на то, что все вышеуказанные органы, согласно действующему законодательству, в пределах своих полномочий осуществляют предупреждение, выявление, расследование и пресечение преступлений экстремистского характера.

2. В силу многогранности и сложности современных проявлений экстремизма и терроризма, роста с каждым годом их опасности для общества и государства, согласно требованиям концептуальных документов и действующего антиэкстремистского законодательства, координация деятельности правоохранительных органов требует более высокого уровня как по вертикали, так и по горизонтали, соответственно, привлечения всех правоохранительных органов, силовых структур, а так же многочисленных

не силовых министерств и ведомств – субъектов, участвующих в противодействии экстремизму. Однако, в силу чрезмерного объема фронта деятельности государственных структур в пределах их компетенции, органы прокуратуры либо безопасности не в силах координировать в полном объеме деятельность всех государственных органов.

3. Считаю целесообразным распределить фронт деятельности правоохранительных органов по координации деятельности других государственных органов по противодействию экстремизму по трем направлениям:

а) в сфере оперативно-розыскной деятельности определить статус органов безопасности в качестве координирующего органа, так как многочисленные субъекты, участвующие в пределах своей компетенции в борьбе с преступностью могут обеспечить органы безопасности оперативной информацией, связанной с разведывательной и контрразведывательной деятельностью соответствующих международных экстремистско-террористических организаций;

б) в качестве координирующего органа всех государственных органов по профилактике и предупреждению экстремизма на законодательном уровне следует определить органы внутренних дел, так как профилактическая функция для них считается одним из приоритетных направлений деятельности;

в) прокуратура в пределах своих конституционных компетенций выполняет координацию деятельности всех правоохранительных органов в борьбе с преступностью, в том числе, в порядке ее надзорной функции за деятельностью органов безопасности и внутренних дел по качественной и законной организации координационной деятельности указанных органов по противодействию экстремизму.

4. В сфере профилактики экстремистских преступлений органы внутренних дел, играющие координирующую роль, обязаны стать ключевым элементом, обеспечивающим взаимодействие между правоохранительными

структурами, государственными и общественными организациями в противодействии экстремизму. Этот орган, собирая и систематизируя уголовную и административную статистику, а также анализируя корни и факторы, способствующие возникновению экстремизма, должен координировать усилия различных министерств и ведомств, направленные на устранение этих факторов в рамках их правовых полномочий.

5. Такой подход ни в коем случае не направлен на ограничение или же «захват» каких-то полномочий других государственных органов. Наоборот, он должен активизировать совместную деятельность всех заинтересованных государственных органов, и самое главное: заложить основу по обмену опытом и принятию совместных решений, постановки задач по противодействию экстремизму.

6. Для системной организации профилактики экстремизма необходимо создать Антитеррористические комиссии на республиканском, областном, городском и районном уровнях, в качестве постоянно действующего аппарата управления таких комиссий следует определить Управление по профилактике и предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи МВД.

5.3. Совершенствование концептуальных и законодательных основ по противодействию экстремизму в Республике Таджикистан

Опираясь на представленные данные, заключения и рекомендации, сформулированные нами в предыдущих параграфах исследования, считаем целесообразным провести систематизацию теоретических представлений и практических мер по оптимизации содержания концептуальных и нормативных актов, касающихся системной организации профилактики и предотвращения современных форм экстремизма.

Как нами было отмечено ранее, из содержания пункта 7 Концепции государственной политики в сфере религии и анализа судебно-следственной практики вытекает, что в последние два десятилетия религиозно-экстремистские идеи угрожают основам конституционного строя в Таджикистане и региональной стабильности в целом. Более того, требования Плана действий по реализации подпунктов 1-4 пункта 11 Стратегии по противодействию экстремизму и терроризму в Республики Таджикистан на 2021-2025 годы, которые были направлены на решение фундаментальных научных и педагогических задач по разработке государственных стандартов, программ и учебников по противодействию экстремизму, в полном объеме не решены. Соответственно, в настоящее время в образовательных учреждениях на всех уровнях отсутствуют учебники (спецкурсы) по противодействию экстремизму, утвержденные Министерством образования и науки Республики Таджикистан. В школах и других государственных учреждениях до сих пор нет профессиональных теологов, преподавателей, психологов, идеологов и других специалистов по противодействию религиозно-политической идеологии. А ведь как известно, разработка учебника по противодействию идеологии экстремизма требует глубокого научного и междисциплинарного подхода с привлечением специалистов по теологии, психологии, педагогики, юриспруденции, политологии, истории и других гуманитарных наук, соответственно и организации координации такой деятельности под патронажем Национальной академии наук Таджикистана и Минобрнауки.

На наш взгляд, совершенствование законодательства республики в следующих направлениях может способствовать системной организации профилактики и предупреждения экстремизму и преодолению его детерминирующих факторов:

1) Пункт 2 статьи 13 Закона РТ «О научной деятельности и государственной научно-технической политике» [63] изложить в следующей редакции: «Национальная академия наук Таджикистана осуществляет

координацию деятельности научно-исследовательских организаций (или учреждений), научных организаций (или учреждений) образовательных учреждений высшего профессионального образования и иных организаций (или учреждений), осуществляющих научную и научно-техническую деятельность, а также координирует их деятельность по разработке совместных научных проектов в сфере противодействия экстремистской идеологии, предупреждения, выявления, расследования, предотвращения преступлений экстремистского и террористического характера, административных правонарушений экстремистского характера и других форм транснациональной преступности, угрожающих общественной и национальной безопасности Республики Таджикистан».

2) Пункт 3 статьи 13 Закона РТ «О научной деятельности и государственной научно-технической политике» изложить в следующей редакции: «В целях оценки содержания и качества совместных научных проектов в сфере противодействия экстремизму, терроризму и другим формам организованной преступности, угрожающим общественной и национальной безопасности Республики Таджикистан при Национальной академии наук Таджикистана создается постоянно действующая Экспертная комиссия с привлечением видных ученых - правоведов, политологов, историков, теологов, психологов, философов и педагогов».

Пункт 3 ст. 3 Закона РТ «Об образовании» регламентирует волю и обязанность государства по координации деятельности органов государственной власти, органов самоуправления поселков и сёл т.д. в сфере развития образования. На наш взгляд, в качестве ключевого уполномоченного органа в сфере образования, координации деятельности образовательных учреждений выступает Минобрнауки, так как именно это министерство, согласно действующего законодательства в сфере образования разрабатывает и представляет на утверждение правительству государственные образовательные стандарты, осуществляет контроль выполнения типовых планов и учебных программ во всех образовательных

учреждениях, утверждает издания учебников, учебных пособий и учебно-методических материалов для всех ступеней образования, в ее функции также входит повышение квалификации и переподготовки работников сферы образования и т.д. [60].

Для качественного решения указанной проблемы существует необходимость введения следующих изменений и дополнений в подпункт 4 пункт 7 Положения о Министерстве образования и науки Республики Таджикистан [98] следующего содержания: «... в том числе, координацию деятельности научно-педагогических и образовательных учреждений по разработке государственных стандартов, государственных программ, учебников и спецкурсов в сфере противодействия экстремизму, терроризму, торговле людьми и других транснациональных преступлений для всех уровней образования»; - организовать комиссию по разработке и контролю качества реализации государственных стандартов, государственных программ, учебников и спецкурсов в сфере противодействия экстремизму, терроризму, торговле людьми и другим транснациональным преступлениям для всех уровней образования».

Далее необходимо внести следующие изменения и дополнения в подпункт «а» пункта 7 Положения о Министерстве образования и науки Республики Таджикистан следующего содержания: «- организация совместно с министерствами и ведомствами обучения, повышения квалификации и переподготовки специалистов и сотрудников для организаций, учреждений и других заведений, независимо от их организационно-правовой формы в сфере противодействия религиозно-политической идеологии».

Для практического решения предложенных задач и организации координации деятельности других образовательных и научно-педагогических учреждений Министерство образования и науки Республики Таджикистан может использовать силы и средства всех учреждений и организаций системы образования [60]. Такой подход созвучен с требованиями резолюции №2249 (2015) и №2368 (2017) Совета Безопасности

ООН, которые в целях эффективного противодействия распространению экстремистско-террористической идеологии обязывают государства-членов ООН бороться с ними в СМИ, в Интернете, в школах, мечетях, исправительных учреждениях, общинах и т. д. [30].

Поэтому в новой Стратегии следует определить перспективы организации государственной комиссии и специальной ведомственной структуры по координации деятельности всех государственных органов, компетентных официально пропагандировать государственную позицию в сфере противодействия религиозно-политическому экстремизму при Министерстве культуры Республики Таджикистан, так как распространение антиэкстремистских материалов или же публичные выступления ученых, журналистов, интеллигенции и т.д. в СМИ и по Интернету должны четко отражать позицию официальной власти и международного сообщества в контексте национальных и религиозных интересов народа Таджикистана. Однако в силу религиозно-политического характера экстремистской идеологии и чувствительности широкого круга граждан к религиозным знаниям, предварительный просмотр и обсуждение антиэкстремистских выступлений перед Комиссией, организованной из числа видных ученых - правоведов, теологов, историков, политологов, психологов и т.д. дают возможность распространять научно-обоснованные взгляды по противодействию идеологии религиозно-политического экстремизма.

Такой подход вытекает и из содержания Закона РТ «О культуре», так как согласно п. 5 ст. 1 указанного Закона, «духовные ценности и материальные объекты, имеющие национальное, историческое, археологическое, научно-просветительское, художественное, духовно-нравственное и культурное значение, признаются национальными и общечеловеческими ценностями» [70]. А экстремистско-террористическая идеология направлена именно на подрыв, унижение и уничтожение таких общечеловеческих и национальных ценностей. Согласно п. 2 ст. 4 указанного Закона, «...государство обеспечивает координацию деятельности

министерств и ведомств, местных исполнительных органов государственной власти, органов самоуправления поселков и сел, физических и юридических лиц в целях развития сферы культуры» [70].

Уполномоченный государственный орган в области культуры (Министерство культуры Республики Таджикистан) как центральный исполнительный орган государственной власти реализует государственную политику в области культуры и регулирует культурный процесс в учреждениях культуры независимо от их организационно-правовой формы.

Несмотря на то, что Министерство культуры республики непосредственно не регулирует общественные отношения в сфере религии, однако защита и распространение исторических и религиозных произведений видных представителей ханафитской школы, таких, как Имам Абуханифа, Имам Мотуруди, Руми, Аттор и других ученых считаются важными элементами национальной культуры.

С учетом изложенной позиции можно прийти к выводу, что Министерство культуры Республики Таджикистан может играть важную роль в организации координации деятельности многих «гражданских» министерств и ведомств по противодействию экстремистской идеологии, так как данное министерство имеет большой опыт по изучению, защите и распространению национальной культуры, в том числе, исторических произведений религиозного характера, соответственно с идеологической точки зрения, данное министерство реализует государственную политику по широкому распространения цивилизационных взглядов великих мыслителей таджикского народа, в том числе, таджикских религиозных деятелей.

Мы считаем целесообразным передать данному министерству функцию по организации координации деятельности государственных структур, призванных пропагандировать антиэкстремистские взгляды в СМИ и по интернету. Для решения данного вопроса при Министерстве культуры из числа заинтересованных министерств и ведомств необходимо создать постоянно действующую Комиссию по подготовке и оценке качества

распространяемых антиэкстремистских материалов и выступлений в СМИ и по Интернету. В число членов такой комиссии должны быть включены специалисты Министерства культуры, Министерства образования и науки, Министерства труда, миграции и занятости населения, Комитета по телевидению и радио, Комитета по религии, упорядочению национальных традиций, торжеств и обрядов, Комитета по делам молодёжи и спорту, Комитета по делам женщин и семьи и других заинтересованных государственных органов. Более того, рабочие комиссии должны создаваться на областном, городском и районном уровнях. Такой подход, несомненно активизирует сотрудничество государственных структур в области контртеррористической пропаганды, что, в свою очередь, сократит число молодых людей, вступающих в экстремистские и террористические организации.

В связи с этим, считаем целесообразным в ст. 10 Закона РТ «О культуре» помимо существующих полномочий уполномоченного государственного органа в области культуры закрепить следующие положения: «- координация информационно-пропагандистской деятельности министерств и ведомств по противодействию экстремистско-террористической идеологии в СМИ и по Интернету»; «- создание Комиссии по рассмотрению и оценке содержания и качества выступлений и информационно-пропагандистских материалов по противодействию экстремистско-террористической идеологии из числа крупных специалистов – правоведов, политиков, религиоведов, теологов, психологов, историков, философов и других специалистов».

С учетом изложенного необходимо подчеркнуть, что работа министерств, ведомств, организаций и учреждений, осуществляющих свою деятельность в гражданской сфере и ответственных за противодействие идеологии экстремизма и терроризма, также нуждается в трехуровневой координации действий уполномоченных государственных органов по следующим направлениям:

- а) в научной сфере;
- б) в сфере образования;
- в) в информационно-пропагандистской сфере.

В целях систематизации и сближения антиэкстремистского законодательства с отраслевыми законами субъектов, участвующих в противодействии экстремизму необходимо внести следующие изменения и дополнения в Закон РТ «О противодействии экстремизму»:

1) В статье 10 Закона РТ: в иерархию субъектов, непосредственно противодействующих экстремизму следует отнести следующие научные учреждения и не силовые министерства и ведомства:

- 1) Министерство образования и науки Республики Таджикистан;
- 2) Министерство культуры Республики Таджикистан;
- 3) Министерство труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан;
- 4) Министерство иностранных дел Республики Таджикистан;
- 5) Комитет по делам женщин и семьи при Правительстве Республики Таджикистан;
- 6) Комитет по телевидению и радио при Правительстве Республики Таджикистан;
- 7) Комитет по религии, упорядочению национальных традиций, торжеств и обрядов при Правительстве Республики Таджикистан;
- 8) Комитет по делам молодёжи и спорту при Правительстве Республики Таджикистан;
- 9) Национальная академия наук Таджикистана;
- 10) Центр стратегических исследований при Президенте Республики Таджикистан;
- 11) Центр исламоведения;
- 12) Академия образования Таджикистана;

13) Научно-исследовательский институт развития образования и Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан;

14) Государственное учреждение «Институт развития образования имени Абдурахмона Джами»;

15) Государственное учреждение «Республиканский учебно-методический центр при Министерстве образования и науки Республики Таджикистан»;

16) Государственное учреждение «Республиканский центр информационной технологии и коммуникации».

17) Государственное учреждение «Республиканский центр выявления и развития талантов»;

18) Государственное учреждение «Центр разработки, издания и распределения учебников, научно-методических книг»;

19) Общественные и гуманитарные факультеты и кафедры высших учебных заведений республики;

20) Таджикский национальный университет;

21) Государственное учебное учреждение «Таджикский государственный институт культуры и искусств имени Мирзо Турсунзаде»;

22) Государственное учреждение «Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана»;

23) Государственный институт изобразительного искусства и дизайна Таджикистана;

24) Государственное образовательное учреждение «Таджикский исламский институт имени Имоми Аъзам-Абуханифа Нуъмон ибн Собит»;

25) Государственное образовательное учреждение «Институт государственного управления при Президенте Республики Таджикистан»;

26) Педагогический институт Таджикистана в городе Пенджикент;

27) Государственное образовательное учреждение «Институт повышения квалификации преподавателей учреждений высшего

профессионального образования при Таджикском национальном университете»;

28) Военный институт Министерства обороны Республики Таджикистан;

29) Академия Министерства внутренних дел Республики Таджикистан;

30) Высшее пограничное училище Государственного комитета национальной безопасности Республики Таджикистан;

31) Высшая школа Государственного комитета национальной безопасности Республики Таджикистан.

В этот список должны войти также местные органы государственной власти и органы местного самоуправления, так как именно они должны решать вопросы искоренения идеологической основы религиозно-политического экстремизма

Однако координация деятельности указанных государственных учреждений в научной, образовательной и информационно-пропагандистской сферах является самой уязвимой, требующей, более организованного и научного подхода.

2) В связи с этим, следует внести следующие изменения и дополнения в ст. 11 вышеназванного закона:

1. Государственный комитет национальной безопасности Республики Таджикистан в сфере противодействия экстремизму имеет следующие полномочия:

– координирует деятельность субъектов противодействия экстремизму в сфере оперативно-розыскной деятельности и осуществления разведывательной и контрразведывательной деятельности по выявлению, предупреждению и пресечению экстремистской деятельности.

2. Министерство внутренних дел Республики Таджикистан в сфере противодействия экстремизму имеет следующие полномочия:

- координирует деятельность субъектов противодействия экстремизму в сфере организации профилактики и предупреждения экстремистской деятельности;

- создает комиссию по мониторингу и оценке деятельности субъектов, осуществляющих общую профилактику экстремизма.

Такой подход вытекает и из содержания проведенного социологического опроса широкого круга сотрудников ОВД (ученых, преподавателей, руководителей ОВД, следователей, оперативных работников и т.д.), которые на вопрос «Можно ли утверждать, что органы внутренних дел в силу наибольшего контакта с населением, широкой компетенцией должны координировать деятельность «гражданских» министерств и ведомств по профилактике и предупреждению преступности, в том числе экстремизму и терроризму?», согласились 155 чел. (51,66%), частично согласились – 75 чел. (25%), не согласились – 24 чел. (8%), затруднились ответить – 46 чел. (15,3%) [См.: Приложение №1].

3. Генеральная прокуратура Республики Таджикистан в сфере противодействия экстремизму имеет следующие полномочия:

- координирует деятельность правоохранительных органов по проведению дознания, расследования, профилактики и предупреждения преступлений и правонарушений экстремистского характера в порядке общего надзора».

3) Внести новый пункт 7(1) в ст. 11 Закона РТ «О противодействии экстремизму» следующего содержания:

«7(1). Министерство образования и науки Республики Таджикистан в сфере противодействия экстремизму имеет следующие полномочия:

- координирует деятельность научно-педагогических и образовательных учреждений по разработке государственных стандартов, государственных программ, учебников и спецкурсов в сфере противодействия экстремизму и терроризму для всех уровней образования;

- создает комиссии по разработке и контролю качества реализации государственных стандартов, программ, учебников и спецкурсов в сфере противодействия экстремизму и терроризму для всех уровней образования;

- осуществляет подготовку и переподготовку квалифицированных кадров для всех уровней образования в сфере противодействия экстремистско-террористической идеологии».

4) Внести новый пункт 7(2) в ст. 11 Закона РТ «О противодействии экстремизму» следующего содержания:

«7(2). Министерство культуры Республики Таджикистан в сфере противодействия экстремизму имеет следующие полномочия:

- координирует информационно-пропагандистскую деятельность министерств и ведомств по противодействию экстремистско-террористической идеологии в СМИ и по Интернету;

- создает комиссию по рассмотрению и оценке содержания и качества выступлений и информационно-пропагандистских материалов по противодействию экстремистско-террористической идеологии в СМИ и по Интернету».

5) Внести новый пункт 7(3) в ст. 11 Закона РТ «О противодействии экстремизму» следующего содержания:

«.7(3). Национальная академия наук Таджикистана в сфере противодействия экстремизму имеет следующие полномочия:

- координирует деятельность научных учреждений всех министерств, комитетов и ведомств по проведению совместных и комплексных научных исследований в сфере противодействия экстремистско-террористической идеологии;

- создает комиссию по рассмотрению и оценке содержания и качества комплексных научно-исследовательских проектов по противодействию экстремистско-террористической идеологии».

Для качественной реализации вышеперечисленных полномочий министерств, ведомств, научных и образовательных учреждений необходимо

организовать внутриведомственные структуры по координации их деятельности в сфере противодействия экстремистско-террористической идеологии, так как такие структуры призваны выступать в качестве связующих элементов внешних связей в общей системе противодействия экстремизму и терроризму.

В связи с объемностью и многогранностью работы по противодействию экстремистско-террористической идеологии в научной, образовательной, информационно-пропагандистской и правоохранительной сферах, координация деятельности многочисленных министерств и ведомств требует более высокого формирования организационно-функциональной системы контролирующего качества реализации определенных концептуальных государственных документов и предписания законов в сфере противодействия экстремизму и терроризму. Поэтому считаем целесообразным внести следующие изменения и дополнения в ст. 8 Закона РТ «О противодействии экстремизму»:

«Правительство Республики Таджикистан в сфере противодействия экстремизму имеет следующую компетенцию:

«– создает постоянно действующую государственную Комиссию по противодействию экстремизму, терроризму и другим транснациональным преступлениям при Правительстве Республики Таджикистан;

– утверждает положение Комиссии по противодействию экстремизму, терроризму и другим транснациональным преступлениям при Правительстве Республики Таджикистан и рабочие планы в сфере противодействия экстремизму, осуществляет контроль за их исполнением».

Анализ причин и условий, сопутствующих распространению экстремистско-террористической идеологии и практике совершения экстремистских и террористических акций показывает существенные проблемы в организации профилактики экстремизма, к которым относятся:

– отсутствие системного подхода в антитеррористической и антиэкстремистской политике государства;

- дублирование задач и функций в сфере противодействия экстремизму органами государственной власти, в том числе субъектами принимающими участие в такой деятельности;

- слабая кооперация из-за отсутствия единого центра управления;

- несовершенство системы контроля и проверки за исполнением общеобязательных требований, установленных в области противодействия экстремизму;

- недостаточная научная, образовательная, информационно-пропагандистская база и ресурсное обеспечение органов, занимающихся противодействием экстремистско-террористской идеологии.

Почти аналогичные проблемы, в свое время, существовали в деятельности компетентных органов России [213, с. 415].

Подобные же недостатки и упущения в настоящее время имеются в деятельности республиканских межведомственных комиссий по противодействию торговле людьми, коррупции и незаконному обороту наркотиков.

По нашему мнению, в целях эффективной координации деятельности государственных органов в сфере профилактики и предотвращения проявлений экстремизма, терроризма, торговли людьми и других транснациональных преступлений, создание институционального координационного органа при Правительстве Республики Таджикистан с постоянно действующим рабочим аппаратом и рабочими подразделениями повысит эффективность деятельности государственных органов в этой сфере.

В целях экономии времени, сил и средств ОВД в сфере профилактики экстремизма, терроризма, торговли людьми и других правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи было бы целесообразно организовать при Правительстве Республики Таджикистан объединенную государственную Комиссию по противодействию экстремизму, терроризму, торговле людьми и других правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи, так как в настоящее время основное бремя работы по профилактике в указанных

направлениях лежит на плечах только этих органов. А ведь фундаментальные причины многих преступлений связаны прежде всего, с подрывом и деформацией нравственно-психологических и культурно-просветительских качеств несовершеннолетних и молодежи.

Сам факт функционирования Управления по профилактике и предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи при МВД Республики Таджикистан подтверждает привилегию данного министерства среди других государственных органов в сфере организации профилактики преступности. Однако создание объединенной государственной Комиссии по противодействию экстремизму, терроризму, торговле людьми и другим правонарушениям среди несовершеннолетних и молодежи повысит статус МВД Республики Таджикистан, соответственно обяжет всех субъектов, осуществляющих противодействие преступности к задачам по выполнению своих функциональных задач в указанной сфере относиться более серьезно. Поэтому целесообразно назначить председателем объединенной государственной Комиссии по противодействию экстремизму, терроризму, торговле людьми и другим правонарушениям среди несовершеннолетних и молодежи именно МВД Республики Таджикистан. А УППНМ МВД Республики Таджикистан может выступать в качестве рабочего аппарата данной Комиссии.

Такой подход вытекает и из содержания ст. 1 Закона РТ «О системе предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних» [65]. Пункт 2 ст. 4 указанного Закона в качестве координатора деятельности субъектов системы предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних определяет «Комиссию при Правительстве Республики Таджикистан по правам ребенка». Однако, как нами было отмечено в предыдущем параграфе, в силу отсутствия у данной Комиссии постоянно действующего аппарата по организации и управлению координации деятельности многочисленных субъектов системы предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних, деятельность данной

комиссии была неудовлетворительной и ее полномочия фактически переданы МВД Республики Таджикистан.

Однако такой подход нарушает принцип системности в теории социального управления, в том числе, в организации противодействия преступности, так как УППНМ МВД не обладает статусом координатора среди многочисленных министерств и ведомств субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Прообразом Объединенной государственной Комиссии по противодействию экстремизму, терроризму, торговле людьми и другим правонарушениям среди несовершеннолетних и молодежи при Правительстве Республики Таджикистан может стать Межведомственный штаб по предупреждению и пресечению массовых беспорядков в городе Душанбе.

Согласно действующим межведомственным нормативным правовым актам, министр внутренних дел Республики Таджикистан является руководителем указанного объединенного штаба, так как МВД Республики Таджикистан как специализированный орган, обеспечивающий общественный порядок и предупреждение массовых беспорядков при необходимости координирует и мобилизует силы и средства многочисленных силовых структур в этом направлении.

В качестве постоянно действующего аппарата Межведомственного штаба выступает Управление по обеспечению общественной безопасности МВД Республики Таджикистан. Указанное управление выполняет функции как внутриведомственного, так и внешнего координатора всех сил и средств органов внутренних дел и других правоохранительных органов и силовых структур республики. В связи с этим, представляется обоснованным формирование при Правительстве Республики Таджикистан Объединенной государственной комиссии по борьбе с экстремизмом, терроризмом, торговлей людьми и иными правонарушениями, совершаемыми несовершеннолетними и молодежью. При этом, координирующая функция

должна быть возложена на МВД республики. В качестве постоянно действующего аппарата управления по координации деятельности многочисленных министерств и ведомств может выступать УППНМ МВД Республики Таджикистан.

Указанное управление должно координировать деятельность всех структурных подразделений органов внутренних дел по профилактике экстремизму, терроризму, торговле людьми и других правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи, обобщать и анализировать проблемные вопросы по организации профилактики преступности, соответственно, предложить компетентным органам государственной власти рекомендации и предложения по искоренению их социальных причин и условия возникновения.

В связи с тем, что социальные причины и условия преступности имеют многогранные и очень сложные парадигмы, требующие реформаторской мудрости и политической воли государственной власти, создание Объединенной государственной Комиссии по противодействию экстремизму, терроризму, торговле людьми и другим правонарушениям среди несовершеннолетних и молодежи при Правительстве Республики Таджикистан может стать одним из ключевых решений данного вопроса на более высоком уровне.

С учетом изложенной позиции считаем целесообразным внести следующие изменения и дополнения в законодательство Республики Таджикистан:

1. Закон Республики Таджикистан «О системе предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних» переименовать в Закон Республики Таджикистан «О системе предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи», так как в последние десять лет обще-профилактическая и специально-криминологическая профилактика компетентными органами государства осуществляется не только среди несовершеннолетних, но и среди молодежи в колледжах,

техникумах, вузах, мечетях, среди мигрантов в СМИ и т.д. Это объясняется тем, что наиболее опасные экстремистские и террористические акции в 85% случаях совершаются молодыми людьми в возрасте от 18 до 35 лет. В связи с этим, применение комплексных профилактических мер в нынешней ситуации является одним из необходимых условий снижения уровня экстремистского мировоззрения среди молодежи. И наконец, при МВД Республики Таджикистан уже создано Управление по профилактике и предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи, деятельность которого требует законодательной основы на более высоком уровне.

2. По всему спектру Закона Республики Таджикистан «О системе предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних» после слова «несовершеннолетних», где по логике законодателя требуется реагирование на криминогенные факторы молодежной преступности, добавить слово «и молодежи».

3. Пункт 2 ст. 4 Закона Республики Таджикистан «О системе предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи» изложить в следующей редакции:

«Координация деятельности субъектов системы предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи осуществляется Объединенной государственной Комиссией по противодействию экстремизму, терроризму, торговле людьми и другим правонарушениям среди несовершеннолетних и молодежи при Правительстве Республики Таджикистан».

4. Пункт 2(1) ст. 4 Закона РТ «О системе предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи» изложить в следующей редакции:

«2(1). Министерство внутренних дел Республики Таджикистан выступает организатором координации деятельности государственных органов в Объединенной государственной комиссии по противодействию

экстремизму, терроризму, торговле людьми и другим правонарушениям среди несовершеннолетних и молодежи при Правительстве Республики Таджикистан».

5. В ст. 10 Закона Республики Таджикистан «О системе предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи» дополнить пунктом 1(1) следующего содержания:

«1(1). Органы внутренних дел в рамках полномочий, предусмотренных законодательством Республики Таджикистан, осуществляют координацию деятельности субъектов системы предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи;

– создают межведомственные рабочие Комиссии по предупреждению и профилактике правонарушений несовершеннолетних и молодежи. В органах внутренних дел функционирует специальная структура по профилактике и предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи. Ее подразделения функционируют на областном, городском и районном уровнях;

– предоставляют соответствующим субъектам системы предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи сведения о профилактике правонарушений или других антиобщественных (противоправных) действий несовершеннолетних и молодежи, а также о причинах и факторах, способствующих их совершению;

– мобилизуют субъекты системы предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи в пределах их компетенции для проведения комплексных профилактических мероприятий на постоянной и системной основе».

С учетом высказанных нами предложениях, в Положении УППНМ МВД Республики Таджикистан от 15 ноября 2020 года №717 следует добавить п. 1(1) следующего содержания:

«Управление по профилактике и предупреждению правонарушений несовершеннолетних и молодежи Министерства внутренних дел Республики

Таджикистан как структура Объединенной государственной комиссии по противодействию экстремизму, терроризму, торговле людьми и другим правонарушениям среди несовершеннолетних и молодежи осуществляет координацию деятельности структурных подразделений МВД Республики Таджикистан и других субъектов системы предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи в пределах их компетенции по проведению комплексных профилактических мероприятий и устранению причин и условий совершения правонарушений несовершеннолетних и молодежи».

На наш взгляд, такой подход «перезагрузит» структурные подразделения ОВД, освобождая от выполнения несвойственных им функций и задач, тем самым мобилизует многочисленные субъекты системы предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи в пределах их компетенции по проведению комплексных научных, образовательных, информационно-пропагандистских, правовых, организационных и других обще-социальных мер по устранению причин и условий совершения правонарушений несовершеннолетними и молодежью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты исследования

Уголовно-правовое и криминологическое исследование концептуальных основ противодействия экстремизму в Республике Таджикистан позволило предложить концепции и рекомендации теоретического, правового и практического характера и определить перспективы совершенствования антиэкстремистского законодательства и криминологических мер противодействия экстремизму. В том, числе:

1. Теоретико-методологическое изучение истории правовой регламентации противодействия экстремизму позволило определить не только сущность общеправового понятия «экстремизм», но и религиозный, политический, расовый, националистический, местнический и другие его проявления, которые и составляют основные признаки правового содержания экстремизма. Такой подход позволил выявить наиболее опасные виды и формы экстремизма в историческом, политико-правовом, религиозном, идеологическом, информационном и организационном плане, глубинные причины возникновения экстремизма, соответственно и своевременные подходы по комплексному реагированию на них [3-А, 4-А].

2. Экстремизм может затрагивать многие сферы жизнедеятельности людей (культуры, спорта, экономики и т.д.), однако «крайние» взгляды и меры расцениваются как элементы преступного деяния, тогда, когда они имеют системный характер и сопряжены с обоснованием применения физического или психологического насилия или же унижающие честь и достоинство определенных социальных групп по наиболее распространенным и опасным мотивам экстремизма в публичном или законспирированном виде. Отсутствие системности и явно выраженного характера крайних насильственных взглядов и мер исключает уголовно-правовую природу экстремизма и могут приобрести административно-правовую [33-А].

3. Расчленение современного экстремизма на религиозные,

политические, расовые, националистические или местнические мотивы и на этой основе разработка самостоятельных составов преступлений, не отвечает требованию принципа справедливости и критериям криминализации общественно-опасных деяний, так как эти мотивы всегда переплетаются между собой и никогда не выступают в «чистом» виде. Поэтому определение уголовной ответственности за одно деяние в нескольких нормах уголовного закона нецелесообразно с точки зрения фундаментальных основ науки уголовного права о криминализации и дифференциации уголовной ответственности [18-А].

4. Религиозные (фундаментализм), политические (радикализм), сепаратистские, националистические проявления экстремизма, когда приобретают ярко выраженную насильственную форму «не насильственный экстремизм» (дискриминация) приобретает элементы «насильственной формы экстремизма».

5. Несмотря на то, что часто на концептуальном уровне «фундаментализм» и «экстремизм» различаются на международном и национальном уровнях, эти понятия не имеют четко выраженного самостоятельного значения. Также нет четкого разграничения между определениями «экстремизм» и «терроризм». Расплывчатое правовое понятие «экстремизм», закрепленное в национальном и региональном законодательствах подвергается справедливой критике на международном уровне, как юридическая категория, склонная к злоупотреблениям [20-А].

6. Как в международном, так и в региональном праве экстремизм представляет собой насильственную и не насильственную форму, представляющую четыре основных (религиозный, националистический, расовый, политический) вида. К ненасильственным проявлениям экстремизма следует отнести содержащиеся в уголовных кодексах стран СНГ правовые нормы, обеспечивающие защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, связанные с их религиозной, национальной и другой социальной принадлежностью, не носящий

системный и ярко выраженный насильственный характер. Поэтому уголовно-правовые нормы, регламентирующие защиту прав человека в этой области требуют первоначальной административно-правовой юрисдикции с целью предупреждения ненасильственного экстремизма и его перерастания в насильственный [19-А].

7. Наиболее опасная форма насильственного экстремизма выражается в его антигосударственном характере, т. е. в систематических публичных призывах к насильственному изменению конституционного строя, захвату власти или нарушению территориальной целостности государства, после применения административного наказания за такие же экстремистские правонарушения в течение года. В качестве особо квалифицирующих признаков самостоятельного состава экстремизма следует закрепить следующие организованные формы экстремистской деятельности: «— совершение экстремизма в составе группы лиц по предварительному сговору; — организованной группой; — экстремистским сообществом (организацией) или транснациональным преступным сообществом» [23-А].

8. В Модельном уголовном кодексе государств-участников СНГ мотив национальной, расовой либо религиозной ненависти или вражды указывается в качестве квалифицирующего признака таких преступлений, как «Убийство» (п. «м» ч. 2 ст. 111); «Причинение тяжкого вреда здоровью» (п. «м» ч. 2 ст. 119); «Причинение вреда здоровью средней тяжести» (п. «е» ч. 2 ст. 120); «Истязание» (п. «ж» ч. 2 ст. 126); «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения» (ч. 2 ст. 239); «Умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества по мотивам национальной или расовой вражды либо религиозного фанатизма» (п. «д» ч. 2 ст. 252). Почти такие экстремистские мотивы в качестве квалифицирующих признаков нашли отражение в ряде статей УК РТ: «Убийство» (п. «м» ч. 2 ст. 104); «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» (п. «м» ч. 2 ст. 110); «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью» (п. «е» ч. 2 ст. 111); «Истязание» (п. «з» ч. 2 ст. 117); «Терроризм» (п. «в» ч. 2 ст. 179);

«Надругательство над телами умерших и местами их захоронения» (п. «б» ч. 2 ст. 243); «Геноцид» (ч. 1 ст. 398) [19-А].

9. К административной ответственности целесообразно привлекать лишь категории лиц, систематически просматривающих религиозно-экстремистские сайты и оправдывающих идеологию и практику экстремизма в более пассивной форме, например, проставляя «лайки» или оставляя положительные комментарии, систематически тайным или открытым путём оправдывающих идеологию, направленную против нравственно-духовных ценностей видных представителей таджикско-персидского народа, комментариев, унижающих честь и достоинство основоположников религиозной ханафистской школы, таджикско-персидской литературы, национальных героев таджикского народа, отвергающих национальную культуру и т.д. [21-А].

10. В связи с тем, что преступления экстремистского характера рассредоточены в разных разделах и главах УК РТ, обосновывается позиция о том, что такие преступления посягают одновременно на несколько объектов, как правило, на основной, дополнительный и факультативный. В качестве основного объекта выступают те общественные отношения, которые охраняются законом в соответствующих главах УК РТ. В связи с тем, что религиозные, националистические, политические, расовые, местнические мотивы экстремизма выступают в качестве основного и системообразующего признака общеправового понятия экстремизма, которые закреплены в диспозициях, соответствующих частях и пунктах многочисленных статей УК РТ как основной или квалифицирующие признаки, подчеркивает многообъектность данного явления, направленное против конституционных прав и свобод человека; жизнь и здоровье граждан; общественную безопасность, основы конститутивного строя и т.д. [23-А].

11. На основе социологических опросов, изучения материалов уголовных дел и научной литературы, определяется, что объективная сторона ст. ст. 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) УК РТ выражается в

открытом или тайном насаждении розни и вражды с использованием средств массовой информации, телекоммуникационных технологий, в том числе по Интернету, осуществляемые по экстремистским мотивам.

12. Представлен вывод о том, что ст. ст. 307(2), 307(3), 307(4) УК РТ являются логическим продолжением ст. ст. 189, 307, 307(1) УК РТ, которые представляют наиболее организованные их формы. Раскрывается содержание научных диспутов, пробелы законодательства и противоречивой правоприменительной практики, которые разворачиваются вокруг указанных преступлений, в связи с отсутствием научно обоснованных критериев, касающихся границ и содержания правовых терминов «экстремистская деятельность», «экстремистское объединение», «экстремистская организация», «преступления экстремистского характера» и др. Однако в новом проекте УК РТ прослеживается определенный сдвиг по поводу объединения статей 307, 307(1) УК РТ и статей 307(2), 307(3), 307(4) УК РТ [23-А].

13. Проблема законодательного закрепления признаки экстремизма заключается и в том, что статьи 307 и 307(1) УК РТ представляют собой одну из самых опасных форм экстремизма – публичные призывы к насильственному захвату государственной власти либо ее насильственному удержанию или насильственному изменению конституционного строя, либо насильственному нарушению территориальной целостности Республики Таджикистан. Если в ст. 307 УК РТ указанные признаки состава преступления строго определены, то в ст. 307(1) УК РТ аналогичные признаки экстремизма и другие его проявления сформулированы в обобщенном виде как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и (или) публичное оправдание экстремизма. Однако согласно требованиям ч. 1 ст. 11(1) УК РТ, «Если уголовно-правовая норма изложена двусмысленно или может быть истолкована неоднозначно, то толкование (интерпретация) должна осуществляться в пользу обвиняемого (подсудимого, осужденного)» [23-А].

14. Неоднозначный и противоречивый подход на законодательном уровне прослеживается сегодня и по отношению к квалификации проявлениям экстремизма, указанным в ст. 189 УК РТ, которая имеет административную преюдицию. На сегодня по ст. 462(1) КоАП РТ привлечены к ответственности более 500 человек. Однако анализ уголовных и оперативных дел данной категории показывает, что 75,7% всех преступлений экстремистского характера имеют религиозно-политический характер прежде всего потому, что из 29 экстремистско-террористических организаций, деятельность которых запрещена на территории республики, 26 в основном пропагандируют идеи религиозно-политического экстремизма, связанные с насильственным изменением конституционного строя и создания «исламского халифата». Соответственно, и административные правонарушения экстремистского характера в большинстве случаев также имеют аналогичные мотивы. Однако, в диспозиции ст. 189 УК РТ нет четкой регламентации насильственной природы современного экстремизма. Размытость и порою противоречивость диспозиций ст. ст. 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3) УК РТ грубо нарушают требования принципа справедливости, предусмотренного в ст. 8 УК РТ, которая гласит, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, подлежащие применению к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Часть 2 указанной статьи указывает, что «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

15. Одним из сложных вопросов, возникающих при квалификации преступления «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма» (ст. 307(1) УК РТ), является определение границ понятия «экстремистская деятельность», которая связана с административной преюдицией, предусмотренной ст. 189 УК РТ, соответственно и с административными правонарушениями

экстремистского характера, например, со ст. 462(1) КоАП РТ [23-А].

16. Анализ структуры преступлений экстремистского характера (ст. ст. 188, 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) УК РТ) показывает, что за последние 10 лет не было зарегистрировано ни одного преступления, совершенного по ст. 188 УК РТ или другим статьям УК РТ (104, 110, 237 и т.д.), квалифицирующие составы которых предусматривают экстремистские мотивы в качестве обстоятельств, отягчающих наказание. В связи со сложностью содержания диспозиций ст. ст. 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) УК РТ и их непреодолимой конкуренцией между собой, в некоторых случаях правоприменительные органы не совсем обоснованно квалифицируют одно и того же деяние по нескольким статьям [24-А, 25-А, 70-А, 62-А].

17. Если взглянуть на общую динамику преступлений экстремистского характера за последние 10 лет (в 2014 – 175; в 2015 – 463; в 2016 – 891; в 2017 – 916; в 2018 – 631; в 2019 – 772; в 2020 – 917; в 2021 – 937; в 2022 – 1041; в 2023 – 1266; в 2024 – 1475), можно выявить, что основную массу в структуре этих преступлений составляет ст. 307(3) (Организация деятельности экстремистской организации) – 7028 (74,10%) УК РТ. Доля других статей УК РТ за 10 лет выглядит следующим образом: 189 – 491 (5,17%); 307 – 473 (4,98%); 307(1) – 859 (9,05%); 307(2) – 633 (6,67%) [46]. Однако анализ материалов оперативных и уголовных дел, а также социологический опрос практических работников подтверждают, что в более чем 90% виновные лица привлекаются не как организаторы, а как участники в деятельности экстремистской организации. Более того, виновные лица в большинстве случаев не обладают сведениями о руководителях таких организаций, они имеют скудное представление о них и в виртуальном пространстве. Объективные признаки их экстремистской деятельности выражаются в написании положительных комментариев, проставлении «лайков» или распространении экстремистских материалов, которые охватываются диспозициями ст. ст. 189, 307, 307(1) УК РТ [24-А, 25-А, 70-А,

62-А].

18. Количество роста преступлений, совершенных по ст. 307(3) УК РТ после 2022 г. связано с одной стороны, с приходом к власти талибов в Афганистане и беспрецедентным распространением их экстремистской идеологии на информационном пространстве по Интернету на персидском языке, с другой стороны – с приходом к власти в Сирии экстремистской группировки «Тахрир-аш-Шом» и вооруженный конфликт в Палестине. Указанные обстоятельства спровоцировали несведущую часть молодежи к проявлениям религиозной агрессии. Еще одним фактором роста преступлений, предусмотренных ст. 307(3) УК РТ является то обстоятельство, что данное преступление предусматривает примечание, регламентирующее освобождение от уголовной ответственности лиц, искренне раскаивающихся в совершенных экстремистских деяниях, а также директива политического руководства страны по добровольному возвращению на родину таких лиц. В связи с этим, за последние 10 лет на родину были возвращены более 1850 лиц, примкнувших в свое время к экстремистским организациям [24-А, 25-А, 70-А, 62-А].

19. В организационно-правовом, научно-педагогическом и информационно-идеологическом плане объективными обще-социальными (внутренними) причинами и условиями экстремистской преступности являются:

1) отсутствие скоординированной научно-исследовательской и научно-педагогической деятельности соответствующих государственных учреждений, министерств и ведомств по изучению природы религиозно-политического экстремизма;

2) отсутствие государственных стандартов, программ, учебных дисциплин и специальных курсов в общеобразовательных школах, колледжах, техникумах и вузах республики, касающиеся противодействия экстремизму;

3) отсутствие квалифицированных преподавателей, идеологов и

теологов на всех уровнях (в школах, вузах, мечетях, СМИ и информационных платформах, в том числе Интернет);

4) отсутствия механизма оценки и контроля качества образования учащихся, студентов и педагогов в этом направлении [24-А, 25-А, 70-А, 62-А].

20. Анализ оперативных и уголовных дел, статистики ГИАЦ МВД РТ и результаты анкетирования позволили определить, что в большинстве случаев лицами, совершившими преступления экстремистского и террористического характера, являются мужчины (более 97%) в возрасте: 14-18 лет – 1,81%; 19-23 лет – 16,55%; 24-28 лет – 21,91%; 29-33 лет – 20,91%; 34-38 лет – 14,82%; 39-43 лет – 10,56%; 44-48 лет – 6,05%; 49-53 лет – 3,35%; 54-58 лет – 2,18%; 59-63 лет – 1,11%; 64 лет и старше – 0,74% [46]. Наиболее активными членами экстремистско-террористических организаций являются лица в возрасте 19-38 лет, которые составляют 73,87%, из этой категории лиц 75-85% имеют неполное или полное среднее образование, 8-10% таких лиц имеют высшее или среднее техническое образование, преобладающее большинство из которых являются сельскими либо городскими жителями без определенного рода деятельности [24-А, 25-А, 70-А, 62-А].

21. Личность экстремиста характеризуется комплексной структурой, включающей социально-демографические, психологические и биофизические признаки. К социально-демографическим относятся социальное происхождение, семейный быт, материальное положение, вид профессиональной деятельности, национальная и религиозная принадлежность. Психологические аспекты охватывают уровень умственного развития, навыки, привычки, социальную позицию, интересы, культурно-образовательные и нравственно-духовные качества, а также психические процессы, свойства и состояния. Биофизические признаки включают пол, возраст, состояние здоровья и особенности физической конституции. Нарушение любого из этих взаимосвязанных элементов подструктур ведет к разрушению целостности всей структуры личности

экстремиста, поскольку они в сумме обуславливают ее формирование.

22. Фундаментальную основу устранения обще-социальных причин возникновения экстремистской идеологии религиозного толка составляют требования национальных законов «Об упорядочении торжеств и обрядов», «Об ответственности за обучение и воспитание ребенка», «О патриотическом воспитании граждан», в которых заложены правовые, организационные, политические, религиозные, патриотические и информационно-пропагандистские основы противодействия экстремистской идеологии [40-А, 60-А].

23. Специально-криминологическая профилактика — это целенаправленное воздействие на криминальные факторы, направленные на определенные виды преступлений или определенные антисоциальные группы. Такое воздействие акцентированно правоохранительными органами на конкретные причины и условия совершения преступлений, чьи полномочия связаны непосредственно с предупреждением преступности [55-А].

24. В целях совершенствования деятельности государственных органов по противодействию экстремизму предлагается п. 2 ст. 13 Закона РТ «О научной деятельности и государственной научно-технической политике» от 18 марта 2015 г., за №1197 изложить в следующей редакции: «Национальная академия наук Таджикистана осуществляет координацию деятельности научно-исследовательских организаций (или учреждений), научных организаций (или учреждений) образовательных учреждений высшего профессионального образования и иных организаций (или учреждений), осуществляющих научную и научно-техническую деятельность в сфере противодействия экстремистской идеологии» [45-А, 51-А].

25. Считаю целесообразным в ст. 10 Закона РТ «О культуре», помимо существующих полномочий Министерства культуры закрепить также следующие полномочия: «— координирует информационно-пропагандистскую деятельность министерств и ведомств по

противодействию экстремистско-террористической идеологии в СМИ и по Интернету».

26. В целях экономии времени, сил и средств ОВД в сфере предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи целесообразно создать при Правительстве Республики Таджикистан объединенную государственную Комиссию по противодействию преступности. Это обосновывается тем, что в настоящее время основное бремя профилактической работы в указанных направлениях лежит на плечах ОВД и сам факт функционирования Управления по профилактике и предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи МВД РТ подтверждает привилегию данного министерства перед другими государственными органами в сфере организации профилактики преступности. Такой подход позволяет милиции, как институту, ответственному за организацию профилактики преступности на республиканском уровне, координировать деятельность других министерств и гражданских ведомств, участвующих в профилактической работе в этой области. [43-А, 47-А].

27. Прообразом Объединенной государственной комиссии по противодействию преступности при Правительстве Республики Таджикистан может выступить действующий Межведомственный штаб по предупреждению и пресечению массовых беспорядков в городе Душанбе. Это связано с тем, что согласно действующим межведомственным нормативным правовым актам, министр внутренних дел Республики Таджикистан является руководителем указанного объединенного штаба. Все первые лица министерств, комитетов и агентств правоохранительного назначения, силовых структур республики являются отраслевыми заместителями руководителя Межведомственного штаба и в пределах ведомственных полномочий выполняют совместно принятые решения по выполнению определенных функций в области обеспечения общественного порядка, предупреждения и пресечения массовых волнений.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для решения научных, образовательных, кадровых, информационно-пропагандистских, правовых и других организационных вопросов, направленных на нейтрализацию общесоциальных причин и факторов возникновения экстремизма, рекомендуется:

1. Обобщить судебно-следственную практику о преступлениях экстремистского характера, определить проблемные вопросы уголовно-правового характера, связанные с неоднозначностью и противоречивостью квалификации таких преступлений и принять постановление Пленума Верховного Суда РТ «О практике применения судами уголовно-правовых норм об ответственности за экстремизм». В целях обеспечения единообразия судебной практики об ответственности за экстремизм предлагается в тексте постановления определить критерии разграничения преступлений экстремистского характера от административных правонарушений такого же характера. Так же определить правовые границы между статьями 189 УК РТ и 307(1) УК РТ, между статьями 307 УК РТ и 307(1) УК РТ и между статьями 307(2) УК РТ и 307(3) на более обоснованном уровне с учетом требований ст. 11(1) УК РТ.

2. Статью 462(1) (Экстремизм) КоАП РТ изложить в следующей редакции:

1. Деяние, направленное на тайное или открытое осуществление призывов с целью разжигания ненависти и вражды на социальном уровне, унижение чести и достоинства человека или распространение и оправдание экстремистской идеологии в пассивной форме (проставление «лайков», написание комментариев и т.д.) по политическим, расовым, националистическим, религиозным (конфессиональным) и местническим мотивам, или распространение экстремистских материалов, в том числе с использованием средств массовой информации или сетей электрической связи, включая Интернет, при отсутствии признаков преступления, виновные

лица привлекаются к административной ответственности в виде ареста сроком на двадцать пять суток с применением принудительных мер идеологического характера, к юридическим лицам применяется штраф в размере от четырехсот до пятисот показателей для расчетов.

2. Те же действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные группой лиц, – влекут административный арест для физических лиц сроком до тридцати суток, для юридических лиц – штраф от пятисот до семисот показателей для расчетов.

Примечание 1. К административной ответственности привлекаются лица, чья личность и совершенные ими правонарушения экстремистского характера не представляют общественную опасность для человека, общества и государства.

Примечание 2. Принудительные меры идеологического характера представляют собой государственные стандарты и программы для переобучения лиц, совершивших административные правонарушения экстремистского характера, направленные на формирование толерантного отношения и обеспечение мирного сосуществования всех наций и народов [21-А, 23-А].

3. В связи с неспособностью в полном объеме дерадикализировать религиозно-экстремистского мышления лиц, осужденных за проявления экстремизм и терроризм в исправительных учреждениях Министерства юстиции РТ, целесообразно создать специализированные исправительные колонии для данной категории осужденных с созданием специальных условий. С перспективой подготовки профессиональных идеологов-теологов, разработки специальных дисциплин и программ по их реабилитации и специальный контроль за их проведением [25-А].

4. Разработать и внедрить на всех уровнях образования спецкурс по противодействию религиозно-политического экстремизма на основе научно-обоснованной методологии. Организовать и провести курс повышения

квалификации преподавателей всех уровней образования, по противодействию экстремизму.

5. Создать Государственные антитеррористические комиссии на всех уровнях (республиканском, областном, городском, районном) с привлечением гражданского общества, религиозных деятелей и представителей бизнес сообщества для полномасштабной контртеррористической пропаганды в СМИ и по Интернету [5-А, 10-А].

Внести новый п. 7.3 в ст. 11 Закона РТ «О противодействии экстремизму» следующего содержания: «Национальная академия наук Таджикистана в сфере противодействия экстремизму имеет следующие полномочия:

- координирует деятельность научных учреждений всех министерств, комитетов и ведомств по проведению совместных и комплексных научных исследований в сфере противодействия экстремистско-террористической идеологии».

Ввести новый п. 7.1 в ст. 11 Закона РТ «О противодействии экстремизму» следующего содержания: «Министерство образования и науки Республики Таджикистан в сфере противодействия экстремизму имеет следующие полномочия:

- координирует деятельность научно-педагогических и образовательных учреждений по разработке государственных стандартов, государственных программ, учебников и спецкурсов в сфере противодействия экстремизму и терроризму для всех уровней образования» [51-А].

Ввести новый п. 7.2 в ст. 11 Закона РТ «О противодействии экстремизму» следующего содержания: «Министерство культуры Республики Таджикистан в сфере противодействия экстремизму имеет следующие полномочия:

- координирует информационно-пропагандистскую деятельность министерств и ведомств, общественных и религиозных организации и

отдельных физических и юридических лиц по противодействию экстремистско-террористической идеологии в СМИ и по Интернету».

6. Ввести следующие изменения и дополнения в ст. 11 Закона РТ «О противодействии экстремизму»:

«1. Государственный комитет национальной безопасности Республики Таджикистан в сфере противодействия экстремизму имеет следующие полномочия:

– координирует деятельность субъектов противодействия экстремизму в сфере оперативно-розыскной деятельности и осуществления разведывательной и контрразведывательной деятельности по выявлению, предупреждению и пресечению экстремистской деятельности.

2. Министерство внутренних дел Республики Таджикистан в сфере противодействия экстремизму имеет следующие полномочия:

– координирует деятельность субъектов противодействия экстремизму в сфере организации профилактики и предупреждения экстремистской деятельности.

3. Генеральная прокуратура Республики Таджикистан в сфере противодействия экстремизму имеет следующие полномочия:

– координирует деятельность правоохранительных органов по проведению дознания, расследования, профилактики и предупреждения преступлений экстремистского характера в порядке общего надзора» [55-А].

7. Закон РТ «О системе предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних» переименовать в Закон РТ «О системе предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи.

8. Пункт 2.1 ст. 4 Закона РТ «О системе предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних и молодежи» изложить в следующей редакции:

«– Министерство внутренних дел Республики Таджикистан выступает координатором деятельности государственных органов по профилактике и предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи» [56-А].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (ИСТОЧНИКОВ)

I. Нормативно-правовые и официальные документы:

- [1]. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года (с изменениями и дополнениями от 26.09.1999, 22.06.2003 и 22.05.2016 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.mmk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC (дата обращения: 03.09.2025).
- [2]. Всеобщая декларация прав человека: принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 03.09.2025).
- [3]. Декларация ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации: принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН (XVIII) от 20 ноября 1963 г., №1904 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/r18_1904.shtml (дата обращения: 17.08. 2024).
- [4]. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2625 (XXV) от 24 октября 1970 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 26.08.2025).
- [5]. Декларация о расе и расовых предрассудках: принята Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры на ее 20-й сессии 27 ноября 1978 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/racism.shtml (дата обращения: 10.02.2023).

- [6]. Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях: принята Резолюцией 42/22 Генеральной Ассамблеи от 18 ноября 1987 года [Текст] // Действующее международное право. Документы в 2-х томах. Т. 1. / Сост.: Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С. – М.: Юрайт, Международные отношения, 2007. – 768 с.
- [7]. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений: принята Резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи от 25 ноября 1981 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (дата обращения: 09.10.2023).
- [8]. Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 2000 г., №55/59 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/2565102/#ixzz4vNcYaQvI> (дата обращения: 13.10. 2024).
- [9]. Душанбинская декларация Организации Объединенных Наций от 25 сентября – 1 октября 2018 г., №А/73/884 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.tj/index.php/tj/masoili-mubram/20072-e-lomiyai-dushanbe> (дата обращения: 23.03.2021).
- [10]. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.), ETS N 005 (с изменениями и дополнениями от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г., 13 мая 2004 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/2540800/#ixzz4vNZC9CGv> (дата обращения: 13.10.2024).
- [11]. Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи 2106 (XX) от 21 декабря 1965 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 13.10.2024).

- [12]. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions /paсtpol.shtml> (дата обращения: 13.10.2024).
- [13]. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/2561763> (дата обращение: 22.08.2024).
- [14]. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества «О противодействии экстремизму» от 9 июня 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/542655220> (дата обрушения: 11.06. 2025).
- [15]. Устав Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 г. [Текст] // Бюллетень международных договоров. – 1994. – №1. – 194 с.
- [16]. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с компьютерными преступлениями» от 1 июня 2001 года (г. Минск) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.mmkk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC (дата обращения: 03.09.2025).
- [17]. Концепция сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий» от 25 октября 2013 года (г. Минск) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.mmkk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC (дата обращения: 03.09.2025).
- [18]. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с компьютерной преступностью» от 28 сентября 2018 года (г. Душанбе) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.mmkk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC (дата обращения: 03.09.2025).

- [19]. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1 августа 1975 г.) [Текст] // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XXXI. – М.: Международные отношения, 1977. – 466 с.
- [20]. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Меры по ликвидации международного терроризма» от 9 декабря 1994 г., №49/60 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/768/21/PDF/N9576821.pdf> (дата обращения: 17.08.2024 г.).
- [21]. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Права человека и терроризм» от 22 декабря 2003 г., №58/174 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-ods.un.org/TMP/1206945.40441036.html> (дата обращения: 12.09.2024).
- [22]. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Мир против насилия и насильственного экстремизма» №68/127, принятая 18 декабря 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.mmkk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC (дата обращения: 03.09.2025).
- [23]. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Обзор Глобальной контртеррористической стратегии ООН» от 13 июня 2014 г., №68/276 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/456/03/PDF/N1345603.pdf> (дата обращения: 13.11.2024).
- [24]. Резолюция №2178, принятая Советом Безопасности ООН на его 7272-м заседании 24 сентября 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/548/01/PDF/N1454801.pdf> (дата обращения: 13.10.2018).
- [25]. Резолюция №2195, принятая Советом Безопасности на его 7351-м заседании 19 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N14/708/78/PDF/N1470878.pdf> (дата обращения: 13.10.2024).

- [26]. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Права человека и предупреждение насильственного экстремизма»: принятая Советом по правам человека 2 октября 2015 г., №30/15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G15/232/06/PDF/G1523206.pdf> (дата обращения: 17.07.2024).
- [27]. Резолюция №2249, принятая Советом Безопасности ООН на его 7565-м заседании 20 ноября 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/384/16/PDF/N1538416.pdf> (дата обращения: 13.10.2018).
- [28]. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №70/109 «Мир против насилия и насильственного экстремизма» от 10 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/420/59/PDF/N1542059.pdf> (дата обращения: 22.12.2017).
- [29]. Резолюция №2309, принятая Советом Безопасности ООН на его 7775-м заседании 22 сентября 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/295/81/PDF/N1629581.pdf> (дата обращения: 23.11. 2024).
- [30]. Резолюция №S/2017/375, принятая Советом Безопасности ООН 26 апреля 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/120/85/PDF/N1712085.pdf> (дата обращения: 25.08.2017).
- [31]. Резолюция №2368, принятая Советом Безопасности ООН на его 8007-м заседании 20 июля 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/223/48/PDF/N1722348.pdf> (дата обращения: 23.11. 2024).
- [32]. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №72/241 «Мир против насилия и насильственного экстремизма» от 20 декабря 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://documents-dds-](https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/241/01/PDF/N1724101.pdf)

ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/468/21/PDF/N1746821. pdf (дата обращения: 22.04. 2024).

- [33]. Конституционный закон Республики Таджикистан «О Правительстве Республики Таджикистан» от 12 мая 2001 г., №28 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2001. – №4. – ст. 215; – 2003. – №4. – ст. 152; – 2016. – №7. – ст. 602; – 2017. – №7-9. – ст. 565.
- [34]. Конституционный закон Республики Таджикистан «О местных органах государственной власти» от 17 мая 2004, №28 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2004. – №5 – ст. 339; – 2019. – №7. – ст.462; – 2020. – №1 – ст. 1; – №12. – ст. 898; – 2021. – №6. – ст. 382.
- [35]. Конституционный закон Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» от 25 июля 2005 г., №107 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан – 2005. – №7. – ст. 398; в редакции законов Республики Таджикистан от 30.05.2017 г., №1410, от 20.06.2019 г., №1607, от 17.12.2020 г., №1725, от 29.01.2021 г., №1752, от 24.12.2022, №1917, от 13.11.2023, №1983.
- [36]. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г., №574 (с изм. и доп. на 14.05.2025 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1998. – №9. – ст. 68-69. – №22. – ст. 306 (Законы РТ от 24.12.2022, №1924, №1925; от 13.11.2023, №1984; от 13.11.2023, №1985; от 20.06.2024, №2050; 14.05.2024, №2163, №2169).
- [37]. Кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 г., №455 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2008. – №12. – ч. 1. – ст. 989-990 (Закон РТ от 17.12.2020 г., №1727; Законы РТ от 13.11.2024, №2086, от 13.11.2024, №2087, от 02.01.2025, №2120, от 15.04.2025, №2164).
- [38]. Уголовный процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г., №564 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – №12. – ст. 815-816; Законы Республики Таджикистан от 24.12.2022, №1926, от 24.12.2022, №1927, от 03.01.2024, №2017.

- [39]. Проект Уголовного кодекса Республики Таджикистан по состоянию на 1.01.2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.mmk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC (дата обращения: 03.09.2025).
- [40]. Модельный Уголовный кодекс государств-участников СНГ: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 г. (с изменениями и дополнениями на 17 ноября 2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30074120 (дата обращения: 22.07.2025).
- [41]. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г., №787-IQ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.04.2025 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 02.08.2025).
- [42]. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г., №275-3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.02.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Nk9900275> (дата обращения: 02.09.2025).
- [43]. Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г., №2287-BC (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.05.2025 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37199724&pos=6;-106#pos=6;-106 (дата обращения: 03.09.2025).
- [44]. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года, №226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.09.2023 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=201;-56#pos=201;-56 (дата обращения: 02.07.2025).
- [45]. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г., №985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.07.2025 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923&pos=4782;-46#pos=4782 (дата обращения: 02.09.2025).

- [46]. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г., №63-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.07.2025 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397073 (дата обращения: 02.08.2025).
- [47]. Уголовный кодекс Украины от 05 апреля 2001 г., №2341-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.06.2025 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109&sub_id=436010000&pos=4619;-18#pos=4619;-18 (дата обращения: 03.09.2025).
- [48]. Закон Республики Таджикистан «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Таджикистан» от 28 декабря 1993 г. за №971 // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. – 1994. – №3-4. – Ст. 62 (в редакции Законов РТ от 22 мая 1998 г., №630, от 29 ноября 2000 г., №20, от 10.05.2002 г. №35-36, от 22.04.2003 г., №11, от 27.11.2014 г., №1149, от 25.12.2015 г., №1265, от 17.05.2018 г., №1522, от 17.12.2020 г., №1733).
- [49]. Закон Республики Таджикистан «О политических партиях» от 13 ноября 1998 г., №680 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1998. – №22. – ст. 300; – 2015. – №7-9. – ст. 699; – 2019. – №7. – ст. 472.
- [50]. Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 г., №69 (с изм. и доп. по состоянию на 27.11.2014 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2003. – №12. – ст. 697; – 2007. – №3. – ст. 158; – 2014. – №11. – ст. 655 (утратил силу)
- [51]. Закон Республики Таджикистан «О милиции» от 17 мая 2004 г., №41 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2004. – №5. – ст. 352; – 2018. – №1. – ст.13; – 2019. – №6. – ст. 316; – 2020. – №12. – ст. 910.
- [52]. Закон Республики Таджикистан «Об общественных организациях» от 12 мая 2007 г., №258 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2007. – №5. – ст. 363; Закон РТ от 25.06.2021 г., №1801.

- [53]. Закон Республики Таджикистан «Об органах национальной безопасности Республики Таджикистан» от 20 марта 2008 г., №362 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2008. – №3. – ст. 183; – 2018. – №5. – ст. 274; – 2020. – №12. – ст. 908.
- [54]. Закон Республики Таджикистан «Об Агентстве по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан» от 20 марта 2008 г., №374 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2008. – №3. – ст. 193; – 2020. – №1. – ст. 10; – 2020. – №12. – ст. 909; – 2021. – №1-2. – ст. 6; – 2022. – №6. – ст. 344.
- [55]. Закон Республики Таджикистан «О праве на доступ к информации» от 18 июня 2008 г., №411 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2008. – №6. – ст. 469.
- [56]. Закон Республики Таджикистан «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26 марта 2009 г., №489 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – №3. – ст. 82; – 2011. – №6. – ст.450; – 2018. – №1. – ст. 27; от 19.07.2022, №1913.
- [57]. Закон Республики Таджикистан «Об органах самоуправления посёлков и сёл» от 05 августа 2009, №549 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2009. – №7-8. – ст. 503; – 2019. – №4-5. – ст. 226.
- [58]. Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 25 марта 2011 г., №687 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2011. – №3. – ст. 155; – 2017. – №7-9. – ст. 570.
- [59]. Закон Республики Таджикистан «О безопасности» от 28 июня 2011 г., №721 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2011. – №6. – ст. 434; – 2018. – №7-8. – ст. 524.
- [60]. Закон Республики Таджикистан «Об образовании» от 22 июля 2013 года, №1004 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2013. – №7. – ст. 532; – 2018. – №5. – ст. 278; – 2020. – №12. – ст. 912.
- [61]. Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» от 26 июля 2014 г., №1088

- // Централизованный банк правовой информации «Adlia» Министерства юстиции Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.mmk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC (дата обращения 12.08.2017).
- [62]. Закон Республики Таджикистан «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми» от 26 июля 2014 г., №1096 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2014. – №7. – ч. 1. – ст. 393; – 2019. – №1. – ст. 10.
- [63]. Закон Республики Таджикистан «О научной деятельности и государственной научно-технической политике» от 18 марта 2015 года, №1197 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2015. – №3. – ст. 219; – 2019. – №7. – ст. 469; 23.12.2021 г., №1838.
- [64]. Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 02 января 2020 г., №1655 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2020. – №1. – ст. 2.
- [65]. Закон Республики Таджикистан «О системе предупреждения и профилактики правонарушений среди несовершеннолетних» от 2 января 2020 г., №1658 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2020. – №1. – ст. 5.
- [66]. Закон Республики Таджикистан «О противодействии терроризму» от 23 декабря 2021 г., №1808 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.mmk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC (дата обращения: 03.09.2025).
- [67]. Закон Республики Таджикистан «О молодежи и государственной молодежной политике» от 23 декабря 2021 г., №1830 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.mmk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC (дата обращения: 03.09.2025).
- [68]. Закон Республики Таджикистан «Об изменениях и дополнениях в Кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан» от 18 марта 2022 г., №1861 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

- http://base.mmk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC (дата обращения: 03.09.2025).
- [69]. Закон Республики Таджикистан «О патриотическом воспитании граждан» от 24 декабря 2022 г., №1920 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mmk.tj/node/2063> (дата обращения 07.01.2025).
- [70]. Закон Республики Таджикистан «О культуре» от 03 января 2024 г., №2033 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.mmk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC (дата обращения: 03.09.2025).
- [71]. Закон Республики Таджикистан «Об упорядочении торжеств и обрядов» от 19 июня 2024 г., №2048 (на тадж. языке) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mmk.tj/node/2063> (дата обращения 07.01.2025).
- [72]. Закон Республики Таджикистан «Об ответственности за обучение и воспитание ребенка» от 20 июня 2024 г., №2049 (на тадж. языке) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mmk.tj/node/2063> (дата обращения 07.01.2025).
- [73]. Закон Азербайджанской Республики «О борьбе с религиозным экстремизмом» от 4 декабря 2015 г., №27-VQ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mia.gov.az/ru> (дата обращение: 22.08.2022).
- [74]. Закон Кыргызской Республики «О противодействии экстремистской деятельности» от 24 февраля 2023 г., №40 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/112515/ru> (дата обращение: 02.01.2025).
- [75]. Закон Республики Казахстан «О противодействии экстремизму» от 18 февраля 2005 г., №31-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.08.2024 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30004865 (дата обращение: 22.07.2025).
- [76]. Модельный закон о противодействии экстремизму: принят Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ 14 мая 2009

- г., №32-9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cisatc.org/1289/9115/135/9126/9129/250> (дата обращения: 04.09.2025).
- [77]. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г., №120-ФЗ (ред. от 01.04.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon> (дата обращения: 30.05.2025).
- [78]. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г., №114-ФЗ (в ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 8 декабря 2020 г., 1 июля 2021 г., 14 июля, 28 декабря 2022 г., 14 февраля, 15 мая, 28 декабря 2024 г., 7 апреля 2025 г.
- [79]. Государственная программа Республики Таджикистан по усилению борьбы с преступностью на 1996-1997 гг.: утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 23 сентября 1995 г., №341 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mmk.tj> (дата обращения: 07.05.2020).
- [80]. Государственная программа борьбы с преступностью в Республике Таджикистан на 2008-2015 годы, утвержденная постановлением Правительства Республики Таджикистан от 2 ноября 2007 г., №543 [Текст] (в редакции постановления Правительства РТ от 02.07.2015 г., №442).
- [81]. Государственная программа правового обучения и воспитания граждан Республики Таджикистан на 2020-2030 гг. [Текст]: утверждена постановлением правительства Республики Таджикистан 27 ноября 2019 г., №599.
- [82]. Государственная программа противодействия преступности в Республики Таджикистан на 2021-2030 годы: утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2021 г., №265 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 07.12.2021).
- [83]. Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы: утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 6 февраля 2018 г., №1005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://>

//portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=20686 (дата образования: 10.03.2025).

- [84]. Концепция государственной политики в сфере религии: утверждена постановлением правительства Республики Таджикистан от 4 апреля 2018 г., №1042 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mmk.tj/node/1352> (дата обращения 07.01.2025).
- [85]. Концепция развития профессионального образования в Республике Таджикистан: утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 ноября 2006 г., №484 (в редакции от 10 февраля 2016 г., №66) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tajmedun.tj> (дата обращения: 20.11.2020).
- [86]. Концепция уголовно-правовой политики Республики Таджикистан: утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 2 ноября 2013 г., №492 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 07.02.2020).
- [87]. Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы: утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 12 ноября 2016 г., №776 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mmih.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=128033> (дата образования: 12.07.2025).
- [88]. Программа реформы (развития) милиции на 2014-2020 годы: утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 03 мая 2014 г., №296 [Текст] // Сборник нормативных актов по реформе милиции. – Душанбе: ООО «Полиграф групп», 2015. – 136 с.
- [89]. Стратегия реформы милиции на 2013-2020 годы, утвержденная Указом Президента Республики Таджикистан от 19 марта 2014 г., №1438 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=14909 (дата обращения: 01.01.2025).

- [90]. Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы от 1 июня 2021 г., №187 // Централизованная информационно-правовая база «Адлия» Министерства юстиции Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.mmk.tj> (дата обращения: 03.09.2025).
- [91]. Указ Президента Республики Таджикистан «О добровольной сдаче и изъятии огнестрельного оружия и боеприпасов» от 2 декабря 1994 г., №2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.mmk.tj> (дата обращения: 03.09.2025).
- [92]. Указ Президента Республики Таджикистан «О мерах по усилению борьбы с преступностью, укреплению законности и правопорядка» от 23 сентября 1995 г., №341 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.mmk.tj> (дата обращения: 03.09.2025).
- [93]. Указ Президента Республики Таджикистан «О правовой политике и правовом воспитании граждан Республики Таджикистан» от 9 апреля 1997 г., №691 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://online.zakon.kz>. (дата обращения: 20.05.2020).
- [94]. Указ Президента Республики Таджикистан «О дополнительных мерах по усилению борьбы с преступностью в области экономики и коррупции» от 21 июля 1999 г., №1262 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.mmk.tj> (дата обращения: 03.09.2025).
- [95]. Указ Президента Республики Таджикистан «Об утверждении Положения об Агентстве по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан» от 30 января 2007 г., №156 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.akn.tj> (дата обращения: 25.07.2019).
- [96]. Указ Президента Республики Таджикистан «О Положении о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» от 26 февраля 2025 г., №969 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adlia.tj>. (дата обращения: 20.04.2025).

- [97]. Постановление Правительства Республики Таджикистан «Об утверждении Программы правового обучения и воспитания граждан Республики Таджикистан на 2009-2019 годы» от 29 апреля 2009 г., №253 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://continent-online.com> (дата обращения: 05.10.2020).
- [98]. Постановление Правительства Республики Таджикистан «Об утверждении Положения о Министерстве образования и науки Республики Таджикистан» от 3 марта 2014 г., №145 (в редакции постановления Правительства Республики Таджикистан от 29.12.2022, №613) [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail (дата обращения: 05.09.2020).
- [99]. Постановление Правительства Республики Таджикистан «О Программе реформы милиции на 2021-2025 годы» от 01 июня 2021 г., №211 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mmih.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=139561> (дата обращения: 27.01.2025).
- [100]. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан «О применении законодательства при рассмотрении уголовных дел экстремистской (противоправовой) направленности» от 12 июня 2014 г., №1 [Текст] // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан (2002-2019 гг.). – Душанбе, 2020. – 302 с.
- [101]. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан по уголовным делам [Текст]. – Душанбе, 2023. – 530 с.
- [102]. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г., №11 [Текст] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – №8. – 103 с.
- [103]. Приказ МВД Республики Таджикистан «Об организации информационно-аналитической работы и планирования в органах внутренних дел» от 25 августа 1992 г., за №416 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.tj> (дата обращения: 20.11.2020).

- [104]. Приказ МВД Республики Таджикистан «Об утверждении Устава патрульно-постовой службы милиции Республики Таджикистан» от 15 сентября 1998 г., №370 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.tj> (дата обращения: 20.11.2020).
- [105]. Устав Министерства внутренних дел Республики Таджикистан от 28 декабря 2006 г., №592 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.tj> (дата обращения: 20.11.2020).
- [106]. Приказ МВД Республики Таджикистан «О мерах по совершенствованию деятельности участковых инспекторов милиции» от 02 февраля 2013 г., №10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.tj> (дата обращения: 20.11.2020).

II. Монографии, учебники, учебные пособия:

- [107]. Абд-ар-Разик. Аль-ислам ва усуль-аль-хукм (Ислам и основы власти) [Текст] / Абд-ар-Разик. – Бейрут, 1978. – 730 с.
- [108]. Абдухамитов, В.А. Борьба с религиозным экстремизмом: уголовно-правовые, криминологические проблемы (на материалах Республики Таджикистан) [Текст]: монография / В.А. Абдухамитов. – Бишкек, 2015. – 260 с.
- [109]. Абдушарифи, Б. Трактаты имама Абу Ханифы (да помилует его Аллах) о религиозных ценностях Ислама (на тадж. языке) [Текст] / Б. Абдушарифи. – Душанбе: «Паёми ошно», 2013. – 112 с.
- [110]. Аванесов, Г.А. Криминология и социальная профилактика [Текст]: учебник / Г.А. Аванесов. – М.: Академия МВД СССР, 1980. – 526 с.
- [111]. Аванесов, Г.А. Криминология [Текст]: учебник для Академии МВД СССР / Г.А. Аванесов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Акад. МВД СССР, 1984. – 498 с.
- [112]. Актуальные проблемы противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации и Республике Таджикистан: аналитический обзор

- [Текст] / Под общ. ред. А.С. Ханахмедова. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2018. – 210 с.
- [113]. Аминов, Д.И., Оганян, Р.Э. Молодёжный экстремизм / Под науч. ред. Р.А. Адельханяна. – М.: Триада, Лтд, 2005. – 195 с.
- [114]. Антонян, Ю.М. Социальная среда и формирование личности преступника (неблагоприятные влияния на личность в микросреде) [Текст]: учебное пособие / Ю.М. Антонян. – М.: Академия МВД СССР, 1975. – 150 с.
- [115]. Биккинин, И.А., Блинников, С.А., Пудовочкин, Ю.Е. Обеспечение территориальной целостности и неприкосновенности Российского государства: сравнительно-правовые и уголовно-правовые аспекты [Текст]: монография / И.А. Биккинин, С.А. Блинников, Ю.Е. Пудовочкин. – Ростов-на-Дону, 2004. – 216 с.
- [116]. Бобуа, З.Б. Правоохранительные органы Российской Федерации [Текст]: учебник / З.Б. Бобуа. – Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2002. – 334 с.
- [117]. Богданов, О.В. Курс международного права: Основные институты и отрасли современного международного права [Текст]. В 6-ти томах. Т. 5. – М.: Наука, 1969. – 455 с.
- [118]. Борисов, С.В., Жеребченко, А.В. Квалификация преступлений экстремистской направленности [Текст]: учебное пособие / Отв. ред. и предисл. д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Ветеров. – М.: Вольтерс Кловер, 2011. – 340 с.
- [119]. Босхолов, С.С. Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты [Текст]: монография / С.С. Босхолов. – М.: ЮрИнфоР, 1999. – 293 с.
- [120]. Будницкий, О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) [Текст] / О.В. Будницкий. – 2-е изд., доп. – М.: РОССПЭН, 2016. – 383 с.

- [121]. Буянов, М. Психиатры и политика [Текст] / М. Буянов. – М.: Российское общ-во медиков-литераторов, 1996. – 80 с.
- [122]. Верховский, А., Папп, А., Прибылявский, В. Политический экстремизм в России [Текст] / А. Верховский, А. Папп, В. Прибыловский. – М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1996. – 356 с.
- [123]. Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права [Текст]: учебное пособие / Отв. ред. В.С. Комиссаров. – М., Издательский Дом «Городец», 2009. – 288 с.
- [124]. Виктимологические проблемы борьбы с преступностью [Текст]: сборник науч. трудов / Ред. кол. Н.И. Трофимов и др. – Иркутск: изд-во Иркутского института, 1982. – 132 с.
- [125]. Волкогонов, Д.А. Психологическая война. Подрывные действия империализма в области общественного сознания [Текст]: монография / Д.А. Волкогонов. – М.: 1983. – 290 с.
- [126]. Гаджиева, А.А. Учебное пособие (курс лекций) по дисциплине «Виктимология» для направления подготовки «Юриспруденция», профиль «Уголовное право» [Текст] / А.А. Гаджиева. – Махачкала: ДГУНХ, 2016. – 152 с.
- [127]. Галузо, В.Н. Система правоохранительных органов России [Текст]: учебник для вузов / В.Н. Галузо. – М.: Юнити: Закон и право, 2000. – 286 с.
- [128]. Гарр, Т.Р. Почему люди бунтуют [Текст] / Т.Р. Гарр. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.
- [129]. Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика [Текст]: монография / Л.Д. Гаухман. – М.: «ЮрИнфоР», 2005. – 455 с.
- [130]. ГИАЦ МВД Республики Таджикистан: О состоянии преступлений экстремистско-террористического характера на 2021 год [Текст]. – Душанбе, 2021. – 123 с.

- [131]. ГИАЦ МВД Российской Федерации. Состояние преступности в Российской Федерации и Республике Таджикистан [Текст]. – М., 2024. – 42 с.
- [132]. Гозман, Л.Я., Шестопал, Е.Б. Политическая психология [Текст]: учеб. / Л.Я. Гозман, Е.Б. Шестопал. – М.: Аспект-Пресс, 2007. – 312 с.
- [133]. Григонис, Э.П. Правоохранительные органы [Текст]: курс лекций: учебное пособие / Э.П. Григонис. – СПб.: ПИТЕР, 2001. – 264 с.
- [134]. Григорьев, М.С., Игнатьев, В.С., Магеров, В.М. Противодействие террористической пропаганде [Текст] / М.С. Григорьев, В.С. Игнатьев, В.М. Магеров. – М.: Фонд исслед. проблем демократии, 2017. – 88 с.
- [135]. Гришаев, П.И., Кузнецова, Н.Ф., Миньковский, Г.М. Криминология [Текст]: учебник / П.И. Гришаев, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. – М.: Юридическая литература, 1988. – 384 с.
- [136]. Гуценко, К.Ф. Правоохранительные органы [Текст]: хрестоматия / Под. ред. Гуценко К.Ф. – 4. изд., перераб. и доп. – М.: Зерцало-М, 2001. – 418 с.
- [137]. Демографический ежегодник Республики Таджикистан [Текст]. – Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2024. – 123 с.
- [138]. Жданов, Н.В., Игнатенко, А.А. Ислам на пороге XXI века [Текст]: монография / Н.В. Жданов, А.А. Игнатенко. – М.: «Политиздат», 1989. – 384 с.
- [139]. Заллум, А. Программа «Хизбу-ут-тахрир» [Текст] / А. Заллум. – Душанбе, 2011. – 86 с.
- [140]. Зоир, Дж.М., Холикзода, А.Г., Косимов, Ф.М. Борьба с терроризмом и экстремизмом [Текст]: курс лекций (на тадж. языке) / Дж.М. Зоир, А.Г. Холикзода, Ф.М. Косимов. – Душанбе: 2022. – 440 с.

- [141]. Ибн, Касир. Ибн, Таймийя: Аль-бидая ва-н-нихая (Начало и конец) [Текст] / Ибн Касир. – Бейрут: Даруль-Кулуб аль-ильмийя, 1985/1405. – 220 с.
- [142]. Имомов, А.Х. Терроризм – форма организованной преступности [Текст]: монография / А.Х. Имомов. – Душанбе: «Санадвора», 2003. – 199 с.
- [143]. Иншаков, С.М. Криминология [Текст]: учеб. пособие / С.М. Иншаков. – М.: МГИМО-Университет, 2022. – 426 с.
- [144]. Искандаров, А.И. Родники дружбы: Записки посла [Текст] / А.И. Искандаров. – М.: Международные отношения, 2000. – 294 с.
- [145]. Ковалкин, А.А. Латентная преступность и ее выявление органами внутренних дел [Текст]: учебное пособие / А.А. Ковалкин. – Киев: КВШ МВД СССР, 1985. – 96 с.
- [146]. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Таджикистан (на тадж. языке) [Текст] / Под ред. Х.Х. Шарипова. – Душанбе: Глобус, 2006. – 880 с.
- [147]. Конев, А.А. Реальное состояние преступности в России [Текст]: монография / А.А. Конев. – Н. Новгород: «Сэтрик», 1993. – 324 с.
- [148]. Коран [Текст] / Пер. с арабского акад. И.Ю. Крачковского. – М.: Совмест. советско-иорданское предприятие «Дом Бируни», 1990. – 512 с.
- [149]. Косимов, С., Абдухаликов, У.А., Розикзода, А.Ш. Деятельность ОВД Республики Таджикистан в годы независимости. В 2-х томах. Т. 1 [Текст] / Под общ. ред. Х.Х. Шарипова. – Душанбе: Ирфон, 2006. – 530 с.
- [150]. Кочубей, М.А., Мареев, П.Л., Смирнов, А.А., Сутормина, Е.В. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде [Текст]: учеб. пособие / Под общ. Ред. А.П. Новикова. – СПб.: ООО «Издательство «Русь», 2018. – 93 с.

- [151]. Криминология (общая часть) [Текст]: учебник для бакалавриата и специалитета / Под ред. А.В. Кудрявцева, А.Е. Михайлова. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. – 220 с.
- [152]. Криминология и профилактика преступлений [Текст]: учебник / Под ред. А.И. Алексеева. – М.: МВШМ МВД СССР, 1989. – 430 с.
- [153]. Криминология: Преступность. Виды преступлений. Объяснение преступного поведения. Уголовная юстиция. Проблемы контроля преступности [Текст]: учеб. пособие / Под ред. Джозефа Ф. Шели; [Пер. с англ. И. Малковой и др.]. – 3. междунар. изд. – М.: Питер, 2003. – 860 с.
- [154]. Криминология [Текст]: учебник / Отв. ред. И.М. Мацкевич. – М.: Проспект, 2023. – 512 с.
- [155]. Криминология [Текст]: учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: Норма-ИНФРА-М, 2001. – 784 с.
- [156]. Криминология [Текст]: учебник / Под ред. А.И. Долговой. – М.: Инфра-М Норма, 2010. – 1008 с.
- [157]. Криминология [Текст]: учебник / Под ред. Н.В. Кудрявцева, В.Е. Эминова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Инфра-М Норма, 2010. – 799 с.
- [158]. Криминология [Текст]: учебник для вузов / Под ред. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2011. – 544 с.
- [159]. Кудрявцев, А.В, Михайлов, А.Е. Криминология (общая часть) [Текст]: учебник для бакалавриата и специалитета / А.В. Кудрявцев, А.Е. Михайлов. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. – 220 с.
- [160]. Кудрявцев, В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении [Текст]: монография / В.Н. Кудрявцев. – М.: Норма, 2022. – 128 с.
- [161]. Кудрявцев, В.Н. Борьба с преступностью [Текст] / В.Н. Кудрявцев. – Изд. 2-е, испр. и доп., репр. воспр. изд. 2005 г. – М.: Норма: Инфра-М, 2017. – 365 с.

- [162]. Кудрявцев, В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования [Текст]: учебное пособие для вузов / В.Н. Кудрявцев. – М.: Форум: Инфра-М, 1998. – 214 с.
- [163]. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений [Текст]: учеб. пособие / В.Н. Кудрявцев. 2-е изд., перераб. и дополн. – М.: Юристъ, 1999. – 863 с.
- [164]. Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений [Текст]: учебник / В.Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Юрист», 2001. – 310 с.
- [165]. Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления [Текст]: монография / В.Н. Кудрявцев. – М.: Госюриздат, 1960. – 244 с.
- [166]. Кудрявцев, В.Н. Причины правонарушений [Текст] / В.Н. Кудрявцев. – Репр. воспр. изд. 1976 г. – М.: Норма: Инфра-М, 2017. – 285 с.
- [167]. Кудрявцев, В.Н. Стратегии борьбы с преступностью [Текст] / В.Н. Кудрявцев. – Изд. 2-е, испр. и доп., репр. воспр. изд. 2005 г. – М.: Норма: Инфра-М, 2017. – 365 с.
- [168]. Кутб, С. Аль-адлия аль-иджтимаийя фи-ль-ислам (Социальная справедливость в исламе) [Текст] / С. Кутб. – Бейрут, 1967. – 122 с.
- [169]. Кутб, М. Аш-шубухат хавль аль-ислам (Превратные мнения об исламе) [Текст] / М. Кутб. – Бейрут, 1979. – 110 с.
- [170]. Лазарев, Б.М. Административная ответственность [Текст]: учебное пособие / Б.М. Лазарев. – М.: Знание, 1985. – 64 с.
- [171]. Ламброзо, Ч., Ляски, Р. Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке [Текст]: в 2 ч. / Ч. Ломброзо, Р. Ляски (в переводе К.К. Толстого). – СПб.: Коммерческая Типография Виленчик, 1906. – 255 с.
- [172]. Левин, З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования [Текст]: монография / З.И. Левин. – М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт +, 2005. – 240 с.

- [173]. Личность преступника [Текст] / В.Н. Кудрявцев, Н.Н. Кондрашков, Н.С. Лейкина [и др.]. // Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Юридическая литература, 1975. – 270 с.
- [174]. Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия [Текст]: монография / Н.А. Лопашенко. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 337 с.
- [175]. Лукичев, Ю.А., Вахмистрова, С.И. Правоохранительные органы [Текст]: конспект лекций / Ю.А. Лукичев, С.И. Вахмистрова. – СПб.: Михайлов В. А., 1999. – 140 с.
- [176]. Маджидзода, Дж.З. Противодействие терроризму и экстремизму [Текст]: курс лекций / Дж.З. Маджидзода. – Душанбе: Нашри Мубориз, 2016. – 252 с.
- [177]. Маджидзода, Дж.З., Назаров, Н. Организованная и транснациональная преступность [Текст]: монография / Дж.З. Маджидзода, Н. Назаров. – Душанбе, 2014. – 268 с.
- [178]. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения [Текст]: в 20-и томах. Т. 3 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Изд. второе. – М.: Государственное Изд-во политической литературы, 1955. – 650 с.
- [179]. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения [Текст]: в 20-и томах. Т. 20 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1961. – 858 с.
- [180]. Махмудов, М.А., Худоёров, Б.Т. Правоохранительные органы Республики Таджикистан [Текст]: учебник (на тадж. языке) / М.А. Махмудов, Б.Т. Худоёров. – Душанбе: Андалеб, 2008. – 321 с.
- [181]. Международно-правовые основы борьбы с незаконной миграцией и торговлей людьми [Текст]: сб. документов / Сост. В.С. Овчинский. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 289 с.
- [182]. Милиция – защитник порядка (на тадж. языке) [Текст] / Отв. ред. к.ю.н. А.А. Каххоров. – Душанбе: ЭР-граф, 2010. – 310 с.

- [183]. Михайлов, В.А. Правоохранительные органы [Текст]: учебное пособие / В.А. Михайлов. – М.: Юрид. ин-т МИИТа, 2001. – 267 с.
- [184]. Мосиенко, В.П. Правоохранительные органы России [Текст]: монография / В.П. Мосиенко. – Ростов-н/Д.: Ростовская государственная экономическая академия, 1998. – 215 с.
- [185]. Мудрые слова Президента Таджикистана, Основателя мира и национального единства – Лидера нации Эмомали Рахмона [Текст]: учебное пособие (на тадж. языке). – Душанбе: ООО «Контраст», 2017. – 315 с.
- [186]. Мухаббатов, К.М. Реакционная политика «Хизб-ут-Тахрир» [Текст]: монография / К.М. Мухаббатов. – Душанбе, 2010. – 192 с.
- [187]. Назаров, А.К. Уголовно-правовые нормы Корана и Хадисов и их классификация по институтам уголовного права [Текст]: монография / А.К. Назаров. – Душанбе, 2014. – 193 с.
- [188]. Насуриён, П.А., Сафарзода, Х.С. Основы противодействия религиозному экстремизму [Текст]: монография (на тадж. языке) / Под общ. ред. Шарифзода Ф.Р. – Душанбе, 2022. – 174 с.
- [189]. Нижник, Н.С., Ахмедов, Ч.Н. Правоохранительная система Российской империи: структурно-функциональный анализ [Текст]: монография / Н.С. Нижник, Ч.Н. Ахмедов. – СПб.: Астерион, 2008. – 514 с.
- [190]. О результатах деятельности Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников СНГ за 2020 год [Текст]. – М., 2021. – 98 с.
- [191]. О состоянии преступлений экстремистско-террористического характера на 2021 год [Текст]. – Душанбе: ГИАЦ МВД Республики Таджикистан, 2021.
- [192]. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений [Текст]: учебник / Л.В. Барина, Л.И.

- Беляева [и др.]; Под ред.: Малков В.Д., Токарев А.Ф. – М.: Академия управления МВД России, 2000. – 322 с.
- [193]. Организация контрпропаганды в области борьбы с терроризмом и экстремизмом [Текст]: научно-практическое пособие / А.А. Смирнов; Под ред. А.П. Новикова. – М.: АТЦ СНГ, 2020. – 229 с.
- [194]. Павлинов, А.В. Насильственный экстремизм [Текст]: монография / А.В. Павлинов. – М.: Лика, 2004. – 258 с.
- [195]. Павлинов, А.В. Стратегия борьбы с насильственным антигосударственным экстремизмом и преступностью в условиях современной России [Текст]: монография / А.В. Павлинов. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 256 с.
- [196]. Правоохранительная система Российской Федерации [Текст]: учебник / А.В. Образцов [и др.]; Под ред. Б.Я. Гаврилова. – М.: Академия управления МВД России, 2015. – 224 с.
- [197]. Правоохранительные органы Российской Федерации [Текст]: учебник / [Божьев В. П. и др.]; под ред. В. П. Божьева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2011. – 333 с.
- [198]. Правоохранительные органы [Текст]: учебник / [И.Ю. Белый и др.]; Под общ. ред. Н.А. Петухова, Г.И. Загорского. – Изд. 5-е, перераб. и доп. – М.: Дашков и К, 2007. – 575 с.
- [199]. Противодействие экстремизму: теоретические, правовые и организационные основы [Текст]: монография / Г.И. Дёмин, Ю.Н. Жирнов и др. – М.: Академия управления МВД России, 2025. – 256 с.
- [200]. Прохоров, Н., Сидорин, Д. Управление репутацией в интернете [Текст] / Н. Прохоров, Д. Сидорин. – М.: Университет «Синергия», 2017. – 220 с.
- [201]. Рарог, А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практическое пособие [Текст] / А.И. Рарог. – М.: Проспект, 2006. – 218 с.

- [202]. Рахимзода, Р.Х. Государственная миссия Эмомали Рахмона [Текст]: монография (на тадж. языке) / Р.Х. Рахимзода. – Душанбе: «ЭР-граф», 2025. – 484 с.
- [203]. Рахимзода, Р.Х. Значение встречи Президента Республики Таджикистан с активом, представителями общественности и религиозными деятелями страны [Текст]: монография (на тадж. яз) / Р.Х. Рахимзода. – Душанбе: МВД Республики Таджикистан, 2024. – 160 с.
- [204]. Рахимзода, Р.Х. Нормативные правовые и судебные акты о деятельности террористических и экстремистских организаций, партий и движений [Текст]: монография (на тадж. языке) / Р.Х. Рахимзода. – Душанбе: Ирфон, 2015. – 232 с.
- [205]. Рахимзода, Р.Х. Оперативно-розыскная деятельность. Общая часть [Текст]: учебник. Издание 5 (на тадж. языке) / Р.Х. Рахимзода. – Душанбе: ЭР-граф, 2019. – 776 с.
- [206]. Рахимзода, Р.Х. Оперативно-розыскная деятельность: история и современность [Текст]: монография / Р.Х. Рахимзода. – Душанбе: «ЭР-граф». 2016. – 320 с.
- [207]. Религиозный экстремизм: пути и механизм противодействие (на примере Республики Башкортостан и Республика Таджикистан) [Текст]: учебное пособие / А.А. Исаев, Х.С. Сафарзода [и др.]. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2023 – 48 с.
- [208]. Рудяков, Н.М. Органы внутренних дел в системе правоохранительных органов Советского государства [Текст]: учебное пособие / Н.М. Рудяков. – Хабаровск: Хабаровская ВШ МВД СССР, 1990. – 86 с.
- [209]. Салимов, К.Н. Современные проблемы терроризма [Текст]: монография / К.Н. Салимов. – М.: Изд-во «Щит-М», 1999. – 216 с.
- [210]. Сафарзода, А.И, Шарипов, Т.Ш., Камолов, З.А. [и др]. Уголовное право. Общая часть [Текст]: учебник. Изд. 5-ое, перераб / А.И. Сафарзода, Т.Ш. Шарипов, З.А. Камолов [и др]. – Душанбе: Изд-во ТНУ, 2020. – 223 с.

- [211]. Сафарзода, Х.С., Ахёзода, Ш.Т., Мирзоумарзода, А.М. Профилактика примыкания молодежи к экстремистско-террористическим организациям [Текст]: учебно-методическое пособие (на тадж. языке) / Х.С. Сафарзода, Ш.Т. Ахёзода, А.М. Мирзоумарзода. – Душанбе: Торус, 2021. – 136 с.
- [212]. Сафарзода, Х.С., Насуриён, П.А., Ализода, А.Ш., Самиёзода Б.С., Ахёзода, Ш.Т. Основы противодействия религиозному экстремизму [Текст]: монография (на тадж. языке) / Х.С. Сафарзода, П.А. Насуриён, А.Ш. Ализода [и др.]. – Душанбе: Торус, 2022. – 167 с.
- [213]. Сидоренко, А.Г., Тихомиров, Ю.В. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории и современной геополитики [Текст]: научное издание / А.Г. Сидоренко, Ю.В. Тихомиров. – М.: Кучково поле, 2011. – 639 с.
- [214]. Смирнов, А.А. Организация контрпропаганды в области борьбы с терроризмом и экстремизмом [Текст]: научно-практическое пособие / А.А. Смирнов; Под ред. А.П. Новикова. – М.: АТЦ СНГ, 2020. – 233 с.
- [215]. Смоленский, М.Б. Правоохранительные органы Российской Федерации [Текст]: учебное пособие / М.Б. Смоленский, Л.А. Фисенко. – Ростов-н/Д: Феникс, 2002. – 188 с.
- [216]. Солиев, К.Х. Основы противодействия проявлениям экстремизма на религиозной почве [Текст]: брошюра / К.Х. Солиев. – Душанбе: Академия МВД Таджикистана, 2008. – 16 с.
- [217]. Солиев, К.Х. Состав преступления [Текст]: учебное пособие (на тадж. языке) / К.Х. Солиев. – Душанбе: «Ирфон», 2014. – 40 с.
- [218]. Состояние преступности в Российской Федерации и Республике Таджикистан [Текст]. – М.: ГИАЦ МВД РФ, 2024. – 42 с.
- [219]. Старков, О.В., Башкатов, Л.Д. Криминология: религиозная преступность [Текст]: монография / Под общ. ред. О.В. Старкова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 384 с.
- [220]. Статистические данные ГИАЦ МВД РТ за 2014-2024 годы.

- [221]. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности [Текст]: монография / Под ред. С.М. Иншакова. – М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2012. – 839 с.
- [222]. Трайнин, А.Н. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон [Текст] / Под ред. Р.А. Руденко. – М.: «Наука», 1969. – 456 с.
- [223]. Уголовное право России. Общая и Особенная части [Текст] / Под ред. В.П. Ревина. – М., 2000. – 813 с.
- [224]. Уголовное право России. Общая часть [Текст]: учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева [и другие]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Юристъ», 2006. – 540 с.
- [225]. Уголовно-правовая характеристика экстремизма и тактика допроса подозреваемых (на тадж. языке) [Текст]: научно-практическое пособие / Ш.Х. Хафиззода, К.Х. Солиев, Х.С. Сафарзода [и др.]. – Душанбе, 2018. – 100 с.
- [226]. Умаров, Х.А., Юнусов, Э.А. Организация воспитательной работы с осужденными исповедующими ислам [Текст]: учебное пособие / Х.А. Умаров, Э.А. Юнусов. – Рязань, Академия ФСТН России, 2018. – 102 с.
- [227]. Филимонов, Э.Г. Христианское сектантство и проблемы атеистической работы [Текст]: монография / Э.Г. Филимонов. – Киев: Политиздат Украины, 1981. – 183 с.
- [228]. Фридинский, С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты [Текст]: монография / С.Н. Фридинский. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД России, 2004. – 221 с.
- [229]. Хазрати, М.И. Саидиён. Ислам: его направления, школы и общины (справочный материал) (на тадж. языке) [Текст]. – Душанбе, «Ориёно». 1993. – 224 с.
- [230]. Хайдарзода, З.П. Правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел Республики Таджикистан по противодействию

- торговле людьми [Текст]: монография / Под редакцией И.Ю. Захватава. – Душанбе: «Мехроч–Граф», 2020. – 252 с.
- [231]. Хайруллоев, Ф.С. Принцип справедливости в исламском праве [Текст]: монография / Ф.С. Хайруллоев. – Душанбе: РТСУ, 2017. – 160 с.
- [232]. Хайруллоев, Ф.С. Проблемы методологии исламского права [Текст]: монография / Ф.С. Хайруллоев. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 174 с.
- [233]. Хайруллоев, Ф.С., Кибизова, Л.Ю. Проблемы методологии исламского права [Текст]: монография / Ф.С. Хайруллоев, Л.Ю. Кибизова. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 60 с.
- [234]. Халфин, Н.А. Политика России в Средней Азии (1847-1868) [Текст] / Н.А. Халфин. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 272 с.
- [235]. Хаффиззода, Ш.Х., Сафаров, Х.С. Уголовно-правовая характеристика экстремизма и тактика допроса виновных [Текст]: методическое пособие (на тадж. языке) / Ш.Х. Хаффиззода, Х.С. Сафаров [и др.]. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2018. – 100 с.
- [236]. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность [Текст]: учебник / Х. Хекхаузен. – 2-е изд. – СПб.: Питер; – М.: Смысл, 2003. – 860 с.
- [237]. Хизб-ут-Тахрир. Политико-правовая характеристика: аналитический материал [Текст]. – Худжанд: ООО «Хуросон», 2002. – 74 с.
- [238]. Хлебушкин, А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ [Текст]: монография / А.Г. Хлебушкин; Отв. ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2007. – 160 с.
- [239]. Хомушов, Х.С. Ислам и международное право. Анализ исламской доктрины международного права [Текст]: монография / Х.С. Хомушов. – М.: МАКС Пресс, 2000. – 170 с.
- [240]. Хусейнов, С.Х. Состав преступления [Текст]: учебное пособие (на тадж. языке) / С.Х. Хусенов. – Душанбе: «ЭР-граф», 2013. – 272 с.

- [241]. Шарипов, Т.Ш. Уголовное право и использование интерактивной методики преподавания [Текст]: учебник для вузов / Т.Ш. Шарипов, А.И. Сафаров, Ш.Н. Саидов. – Душанбе: «ЭР-граф», 2016. – 496 с.
- [242]. Ятимов, С. Труды. Часть II. Проблемы языкознания в учениях Лидера нации (на тадж. языке) [Текст] / С. Ятимов. – Душанбе: Нашриёти муосир, 2020. – 384 с.
- [243]. Abu Ghuddah, Abd Al-Fatah. Prophet Muhammad: The Teacher. An Insight into His Teaching Methods [Text] / Abu Ghuddah, Abd Al-Fatah / Translated by Muhammad Z. Abu Ghuddah. – Swansea: Awakening Publications. – 449 p.
- [244]. Bodansky, Y. Chechnya Fighting to Resume [Text] / Bodansky Y. – Defense & Foreign Affairs' Strategic Policy. November-December, 1996. – 78 p.
- [245]. Cragin, K. Sharing the Dragon's Teeth: Terrorist Groups and the Exchange of New Technologies [Text] / Cragin, K. – Santa Monica: Calif. et al.: RAND Corporation, 2007. – 106 p.
- [246]. Hoffer, E. The True Believer: Thoughts on the Nature of Mass Movements [Text] / Hoffer, E. – Harper & Row, 1951. – 89 p.
- [247]. Kingdom Relations Report. From Dawa to Jihad: The Various Threats from Radical Islam to the Democratic Legal Order. – London, 2005. – 70 p.
- [248]. Lewis, B. What Went Wrong. The Crisis of Islam: Holy War, Holy Terror [Text] / Lewis B. – New York: Oxford University Press, 2002. – 92 p.
- [249]. Mohapatra, A. Radical Islam: Ideology behind global terrorism [Text] / Mohapatra, A. – New Delhi: India quart, 2002. – 178 p.
- [250]. Moussaoui, Z. The making of a terrorist. Serpents Tail [Text] / Moussaoui Z. – London, 2003. – 143 p.
- [251]. Psychology of terrorism: key readings: classic and contemporary insights [Text] / ed. by Jeff Victoroff, Arie W. Kruglanski. – New York; Hove: Psychology press, 2009. – XV. – 496 p.

- [252]. Sageman, M. Understanding Terror Networks [Text] / Sageman M. – Pennsylvania: University of Pennsylvania Press. – 2004. – 89 p.
- [253]. Seib, D. Janbek. Global Terrorism and New Media: The Post-al Qaeda Generation [Text] / Seib, D. Janbek. – London and New York: Routledge. 2011. – 74 p.
- [254]. Senlis, K. Afghanistan, Countering the Insurgency in Afghanistan: Losing Friends and Making Enemies [Text] / K. Senlis. – London: MF Publishing, February 2007. – 210 p.

III. Статьи и доклады:

- [255]. Абду-ль-Маджид, А. Ат-турас ва-ль-иджитihad ва назарийя аль-ислам ас-сиясийя (Культурное наследие, свободное суждение и политическая теория ислама) [Текст] / Абду-ль-Маджид А. // Аль-Араби. – 1984. – №308. – С. 22-23.
- [256]. Авцинова, Г.И. Политический радикализм в России: концептуальные подходы к понятию и пути нейтрализации [Текст] / Г.И. Авцинова // Вестник Московского государственного университета. Серия 12. Политические науки. – 1995. – №3-4. – С. 45-51.
- [257]. Авцинова, Г.И. Политический радикализм как одна из российских традиций [Текст] / Г.И. Авцинова // Власть. – 1996. – №3. – С. 33-39.
- [258]. Алиев, А.Ш. Некоторые аспекты противодействия экстремистской деятельности в Республике Таджикистан [Текст] / А.Ш. Алиев // Труды Академии. – 2011. – №1 (15). – С. 119-122.
- [259]. Антонян, Ю.М. Типология и причины терроризма [Текст] / Ю.М. Антонян // Проблемы борьбы с терроризмом: Материалы научно-практической конференции (21 марта 2000 г.). – М., 2000. – С. 45-46.
- [260]. Арестов, А.И., Кобец, П.Н. Профилактический потенциал административно-правовых средств и их роль в предупреждении преступности [Текст] / А.И. Арестов, П.Н. Кобец // Административное и муниципальное право. – 2011. – №6. – С. 85-90.

- [261]. Аршба, О.И. Современный правый экстремизм в Европе [Текст] / О.И. Аршба // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2002. – №4. – С. 26-34.
- [262]. Афанасьев, Н.Н. Идеология терроризма [Текст] / Н.Н. Афанасьев // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – №1. – С. 224-235.
- [263]. Ахмедова, М.Г. Воспитание ценностных ориентации в переходном обществе [Текст] / М.Г. Ахмедова // Вестник ДНЦ РАО. – 2003. – Вып. II. – С. 48-51.
- [264]. Бободжонзода, И.Х., Кудратов, Н.А. Проблемы квалификации преступлений по бланкетным нормам в Уголовном кодексе РТ (на тадж. языке) [Текст] / И.Х. Бободжонзода, Н.А. Кудратов // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2024. – №3 (63). – С. 30-42.
- [265]. Бободжонзода, И.Х., Кудратов, Н.А. Проблемы квалификации преступлений по оценочным признакам состава преступления [Текст] / И.Х. Бободжонзода, Н.А. Кудратов // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2024. – №4 (64). – С. 15-25.
- [266]. Бондаревская, Е.В. Воспитательный потенциал базового учебного курса «Духовно-нравственная культура» [Текст] / Е.В. Бондаревская // Развитие личности в образовательных системах Юга России, Центральной Азии и Казахстана: материалы докладов XXVIII международных психолого-педагогических чтений. – Ростов н/Д: ИПО ПН ЮФУ, 2009. – Ч. 1. – С. 13-17.
- [267]. Бочкарева, Е.В. Основные направления противодействия самодетерминации преступности в целях их минимизации [Текст] / Е.В. Бочкарева // Юрист. – 2019. – №7. – С. 70-75.
- [268]. Бражник, И.И. Религиозный экстремизм: попрание прав верующих [Текст] / И.И. Бражник // Наука и религия. – 1981. – №1. – С. 17-19.
- [269]. Вишневский, Ю.Р., Шапко, В.Т. Парадоксальный молодой человек [Текст] / Ю.Р. Вишневский, В.Т. Шапко // Социс. – 2006. – №6. – С. 26-35.

- [270]. Волженкин, Б. Хулиганство [Текст] / Б. Волженкин // Уголовное право. – 2007. – №5. – С. 17-23.
- [271]. Выступление Генерального прокурора Республики Таджикистан перед парламентом страны «О контроле за точным соблюдением и единообразным исполнением законов на территории Республики Таджикистан на 2022 год» (на тадж. языке) [Текст] // Садои мардум. – 15.03.2023. – №37-38 (4620-4621).
- [272]. Демидов, А.И. Политический радикализм как источник правового нигилизма [Текст] / А.И. Демидов // Государство и право. – 1992. – №4. – С. 73-78.
- [273]. Джалилов, К. Исламский фактор и внешняя политика Таджикистана [Текст] / К. Джалилов / Таджикистан и современный мир. – 2007. – №2 (15). – С. 55-58.
- [274]. Зоиров, Дж. Механизмы вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность в сети Интернет (по материалам Российской Федерации и Республики Таджикистан) [Текст] / Дж. Зоиров // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – №2. – С. 74-78.
- [275]. Иванов, Н.Г. Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности группового совершения преступлений [Текст] / Н.Г. Иванов // Государство и право. – 2003. – №5. – С. 42-52.
- [276]. Ислам, противоречащий Корану [Текст] // Независимая газета. – 4 августа 2004 г.
- [277]. Киреев, М.П. Противодействие экстремизму в современной России и задачи органов внутренних дел [Текст] / М.П. Киреев // Труды Академии управления МВД России. – 2009. – №2 (10). – С. 97-102.
- [278]. Кругликов, Л.Л., Лапшин, В.Ф. О последствиях включения категории «уголовный проступок» в российский уголовный закон [Текст] / Л.Л. Кругликов, В.Ф. Лапшин // Уголовное право. – 2017. – №4. – С. 80-84.

- [279]. Кудрявцев, В.Н. Социальная обусловленность преступного поведения и роль биологических факторов [Текст] / В.Н. Кудрявцев // Социалистическая законность. – М.: Известия, 1967. – №6. – С. 45-50.
- [280]. Ломакина, В.Ф. Разграничение преступлений и сходных с ними административных правонарушений [Текст] / В.Ф. Ломакина // Институты административного права России. – М., 1999. – С. 245-249.
- [281]. Лопашенко, Н.А. Пенализация преступлений против собственности: состояние и проблемы [Текст] / Н.А. Лопашенко // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2011. – №1. – С. 6-23.
- [282]. Лунеев, В.В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму [Текст] / В.В. Лунеев // Государство и право. – 2009. – №9. – С. 44-64.
- [283]. Малахов, Л.К. Преступления и административные проступки в теории и в действующем законодательстве [Текст] / Л.К. Малахов // Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: вопросы охраны социалистической собственности и общественного порядка: Сборник научных трудов. – Горький, 1985. – С. 45-55.
- [284]. Маликов, Б.З., Биккинин, И.А. Особенность общеправовых последствий судимости [Текст] / Б.З. Маликов, И.А. Биккинин // Вестник Чеченского государственного университета. – 2021. – №2. – С. 104-106.
- [285]. Мартыненко, Б.К. Политический терроризм: понятие, признаки, классификация [Текст] / Б.К. Мартыненко // Северокавказский юридический вестник. – 1999. – №7. – С. 66-74.
- [286]. Милюков, С.Ф. О социально-правовом единстве некоторых институтов административного и уголовного права [Текст] / С.Ф. Милюков // Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: вопросы охраны социалистической собственности и общественного порядка: Сборник научных трудов. – Горький, 1985. – С. 32-38.

- [287]. Мухаммад, Бен Ахмад ас-Салам. 39 Василя ли-Хидмат аль-Джихад ва аль-Мушарака фих (39 способов служения джихаду и участие в нем) [Текст] / Мухаммад Бен Ахмад ас-Салам. – Бейрут, 2006. – С. 23-28.
- [288]. Нечитайло, Д.А. След «Аль-Каиды» на Северном Кавказе [Текст] / Д.А. Нечитайло // Азия и Африка сегодня. – 2006. – №7. – С. 9-12.
- [289]. Нуруллаев, А.А. Преодоление религиозного политического экстремизма – важное условие укрепления национальной безопасности России [Текст] / А.А. Нуруллаев // Безопасность Евразии. – 2002. – №1 (январь-март). – С. 543-548.
- [290]. Отчет Генерального прокурора Юсуфа Рахмон «О контроле и за точным соблюдением и однообразном исполнением законов на территории Республики Таджикистан в 2022 году (на тадж. яз.) [Текст] / Садои мардум. – 15 марта 2023 г. – №37-38 (4620-4621).
- [291]. Петрищев, В.Е. Некоторые проблемы противодействия экстремизму в Российской Федерации [Текст] / В.Е. Петрищев // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2010. – С. 324-337.
- [292]. Петрищев, В.Е. Проблема создания общегосударственной системы мер профилактики терроризма [Текст] / В.Е. Петрищев // Борьба с терроризмом. – М.: Наука, 2004. – С. 143-163.
- [293]. Полонская, Л.Р. Современный исламский фундаментализм: политический тупик или альтернатива развития? [Текст] / Л.Р. Полонская // Азия и Африка сегодня. – 1994. – №11. – С. 21-24.
- [294]. Расулзода, Т. Едем на заработки: готовы идти даже пешком! [Текст] / Т. Расулзода // ASIA-PLUS. – 29 июня 2011 г.
- [295]. Русанова, О.А. Этно-религиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере северокавказского региона) [Текст] / О.А. Русанова // Вестник московского университета. Сер. 18. Социология и политология. – 2005. – №2. – С. 108-124.

- [296]. Сборник материалов Международной научно–практической конференции «Транснациональные криминальные вызовы и риски на пространстве Содружества, обусловленные ситуацией в Афганистане: тенденции, прогнозы, пути нейтрализации» (г. Душанбе, 25 мая 2022 г.) / Под ред. д.ю.н., доцента Р.Х. Рахимзода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2022. – 110 с.
- [297]. Серебрякова, В.А. Социологические аспекты изучения женской преступности [Текст] / В.А. Серебрякова // Вопросы борьбы с преступностью. – 1979. – №30. – С. 17-26.
- [298]. Смирнов, А.А. Организация контпропаганды в области борьбы с терроризмом и экстремизмом [Текст] / Под ред. А.П. Новикова. – М.: АТЦ СНГ, 2020. – С. 50-60.
- [299]. Солиев, К.Х. Противодействие «религиозному» экстремизму в Центрально-Азиатском регионе [Текст] / К.Х. Солиев // Труды Академии управления МВД России. Специальный выпуск. – 2007. – №2. – С. 53-56.
- [300]. Соловьев, А. Политическая идеология в российском транзите: возможности и пределы влияния [Текст] / А. Соловьев // Власть. – 2001. – №8. – С. 8-15.
- [301]. Степанищев, М. У последней черты [Текст] / М. Степанищев // Республика. – 22.11.2001.
- [302]. Сычаева, В. Саддаму назначили преемника [Текст] / В. Сычаева // Азия плюс. – 14.03.2002.
- [303]. Тарасов, А. Правоохранительная деятельность: ее понятие и сущность [Текст] / А. Тарасов // Российский следователь. – 2002. – №4. – С. 34-38.
- [304]. Терехов, В.Д. Международный терроризм и борьба с ним [Текст] / В.Д. Терехов // Новое время. – 1974. – №11. – С. 20-22.
- [305]. Третьяков, В. Загадка экстремизма [Текст] / В. Третьяков // Российская газета. – 15 июня 2002 г.

- [306]. Ульянов, А.Д., Давлатов, С.А. Проблемы противодействия экстремизму в Таджикистане [Текст] / А.Д. Ульянов, С.А. Давлатов // Межнациональные и межконфессиональные конфликты: пути и средства их предупреждения и пресечения: Материалы восьмой научно-практической конференции 24 ноября 2006 г. – М.: Академия управления МВД России; Институт социологии РАН; Институт этнологии и антропологии РАН, 2006. – С. 40-43.
- [307]. Устинов, В.В. Государственная антитеррористическая стратегия: общая концепция и правовые аспекты [Текст] / В.В. Устинов // Государство и право. – 2003. – №3. – С. 5-18.
- [308]. Устинов, В.В. Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации [Текст] / В.В. Устинов // Российская юстиция. – 2002. – №5. – С. 34-36.
- [309]. Хайдарзода, М.П. Теоретические основы понятия экстремизма [Текст] / М.П. Хайдарзода // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 20-21 апреля 2017 года). В 5 ч. Ч. 3 / Под общ. ред. Ф.Б. Мухаметшина. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017. – С. 155-158.
- [310]. Ханьжов, К.В. Правовые основы противодействия экстремизму как фактору дестабилизации общественного порядка и общественной безопасности [Текст] / К.В. Ханьжов // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2007. – №1. – С. 401-403.
- [311]. Хафиззода, Ш.Х. Политико-правовые меры противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан [Текст] / Ш.Х. Хафиззода // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2017. – №4 (36). – С. 153-160.
- [312]. Чичановский, А.А. Национальный экстремизм и проблемы информационной безопасности страны [Текст] / А.А. Чичановский // Материалы регионального «круглого стола» «Национальное согласие и

- национальный экстремизм в современной России: исторические корни, реалии и перспективы». – Саратов, 2000. – С. 25-29.
- [313]. Шарипов, Т.Ш., Бахриддинов, С.Э. Понятие и виды преступлений против конституционных основ и безопасности государства (на тадж. языке) [Текст] / Т.Ш. Шарипов, С.Э. Бахриддинов // Государства и права. – 2007. – №3. – С. 56-63.
- [314]. Шарипов, Т.Ш., Сафаров, А.И. Анализ некоторых вопросов конституционных принципов уголовного права (на тадж. языке) [Текст] / Т.Ш. Шарипов, И.А. Сафаров // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2015. – №3 (27). – С. 218-226.
- [315]. Шарипов, Т.Ш., Сафаров, Х.С. Некоторые размышления относительно соотношения понятий «экстремизм», «фундаментализм», «радикализм», «национализм» и «сепаратизм» (на тадж. языке) [Текст] / Т.Ш. Шарипов, Х.С. Сафаров // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2015. – №4. (28). – С. 46-53.
- [316]. Шергин, К.Ф. Разграничение административных правонарушений и преступлений [Текст] / К.Ф. Шергин // Кодекс РСФСР об административных правонарушениях: вопросы охраны социалистической собственности и общественного порядка: Сборник научных трудов. – Горький, 1985. – С. 39-44.
- [317]. Ятимов, С.С. Факторы распространения теории и практики экстремизма и терроризма: пути и средства борьбы с ними (на тадж. языке) [Текст] / С.С. Ятимов // Противодействие современным вызовам и угрозам в Центрально-Азиатском регионе: достижения и перспективы Таджикистана в борьбе с терроризмом, экстремизмом и коррупцией: Материалы республиканской научно-практической конференции. – Душанбе: «Шахпар», 2014. – С. 40-52.
- [318]. Яхьяев, М.Я. Экстремизм как особое состояние психики [Текст] / М.Я. Яхьяев // Дагестанская правда. – 25 апреля 2008 г.

- [319]. Яхьяев, М.Я., Яхьяев, А.М. Феномен джихада в исламе [Текст] / М.Я. Яхьяев, А.М. Яхьяев // Исламоведение. – 2020. – Т. 11. – №4. – С. 81-94.
- [320]. Evangelista, M. The Chechen Wars. Will Russia Go the Way of the Soviet Union? [Text] / Evangelista M. – Washington: D.C.: The Brookings Institution, 2002. – Pp. 71-73.
- [321]. Knights, M. The Current State of Al-Qaida in Saudi Arabia [Text] / Knights, M. – 2008. – Vol. 1. – №10. – Pp. 16-21.
- [322]. Pool, J. New Forum Postings Call for Intensified Electronic Jihad against Government Websites [Text] / Pool, J. – Volume 3. – Issue 8. August 29, 2005. – Pp. 6-10.
- [323]. Rashid, A. Taliban (Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia [Text] / Rashid, A. – London: Yale University Press. New Haven. 2000. – Pp. 84-92.
- [324]. Ross, B. Terror Plot Hatched in California Prison [Text] / Ross, B. ABC News. 16 August 2005.
- [325]. Roy, O. Globalized Islam: The Search for a New Ummah [Text] / Roy O. – New York: Columbia University Press, 2004. – Pp. 23-28.
- [326]. Sageman, M. Understanding Terror Networks [Text] / Sageman M. – New York: University of Pennsylvania Press, 2004. – Pp. 17-21.
- [327]. Scheuer, M. Al-Qaeda's Media Doctrine: Evolution from Cheerleader to Opinion-Shaper [Text] / Scheuer M. – Volume 4. – Issue 15. May 22. 2007. – Pp. 2.
- [328]. Shah-Kazemi Reza. Crisis in Chechnya [Text] / Shah-Kazemi Reza // Islamic World Report. – 1995. – Vol. 1. – №1. – Pp. 32-36.
- [329]. Wenger, A. How States Fight Terrorism: Policy Dynamics in the West [Text] / Wenger, A. – Boulder. Colo: Lynne Rienner Publishers, 2007. – Pp. 175-202.

IV. Диссертации и авторефераты:

- [330]. Абдиров, Н.М. Координационная деятельность прокуратуры по обеспечению законности, правопорядка и борьбы с преступностью в Республике Казахстан [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Абдиров Нургалым Мажитович. – М., 2017. – 244 с.
- [331]. Абдуллаев, Н.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности (на материалах Республики Таджикистан) [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Абдуллаев Нозим Саодуллаевич. – Душанбе, 2020. – 181 с.
- [332]. Азизов, У.А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Азизов Убайдулло Абдуллоевич. – Душанбе, 2015. – 413 с.
- [333]. Ахёзода, Ш.Т. Уголовно-правовая природа информационного экстремизма по законодательству Республики Таджикистан [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ахёзода Шохрух Табарукшоевич. – Душанбе, 2024. – 58 с.
- [334]. Ахёзода, Ш.Т. Уголовно-правовая природа информационного экстремизму по законодательству Республики Таджикистан [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 (на тадж. языке) / Ахёзода Шохрух Табарукшо. – Душанбе, 2024. – 222 с.
- [335]. Байдильдина, Р.К. Организационно-правовой механизм взаимодействия службы пробации Министерства внутренних дел Республики Казахстан с иными правоохранительными органами и органами исполнительной власти общей компетенции регионального и районного уровней [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Байдильдина Рязия Казбековна. – М., 2021. – 289 с.
- [336]. Басханов, А.М. Институт прикосновенности к преступлению: особенности регламентации и перспективы развития [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Басханов Ахмад Магомедович. – Волгоград, 2024. – 27 с.

- [337]. Бешукова, З.М. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности: сравнительно-правовое исследование [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Бешукова Зарема Муратовна. – Краснодар, 2011. – 237 с.
- [338]. Бешукова, З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Бешукова Зарема Муратовна. – Краснодар, 2020. – 632 с.
- [339]. Блувштейн, Ю.Д. Теоретические основы статистического изучения личности преступника (по материалам уголовных дел о грабежах и разбойных нападениях) [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Блувштейн Юрий Давыдович. – Вильнюс, 1967. – 342 с.
- [340]. Борисов, С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Сергей Викторович Борисов. – М., 2012. – 484 с.
- [341]. Бошаева, Л.Л. Предупреждение киберпреступности в отношении несовершеннолетних [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Бошаева Лариса Лангиевна. – М., 2025. – 259 с.
- [342]. Бурковская, В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Бурковская Виктория Алексеевна. – М., 2006. – 469 с.
- [343]. Бурлаков, В.Н. Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Бурлаков Борис Николаевич. – СПб., 1998. – 418 с.
- [344]. Быков, Е.П. Административно-правовой механизм противодействия экстремистской деятельности в информационной сфере в Российской Федерации [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Быков Егор Павлович. – М., 2025. – 25 с.

- [345]. Вайланматова, Я.З. Патриотическое воспитание старшеклассников на примере жизни и деятельности выдающихся ученых [Текст]: дис... канд. пед. наук: 13.00.01 / Вайланматова Якут Забитовна. – Махачкала, 2012. – 222 с.
- [346]. Воронович, Н.К. Интернет как угроза информационной безопасности России [Текст]: дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.04 / Воронович Николай Константинович. – Краснодар, 2012. – 151 с.
- [347]. Гапон, А.А. Министерство внутренних дел Российской Федерации как структурно-функциональный элемент механизма антитеррористической деятельности [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Гапон Александр Александрович. – СПб., 2008. – 25 с.
- [348]. Глущенко, П.А. Криминологические основы противодействия финансированию экстремистской и террористической деятельности [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Глущенко Полина Андреевна. – Краснодар, 2025. – 30 с.
- [349]. Говорухина, Ю.В. Стратегия как правовой документ [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Говорухина Юлия Валерьевна. – Н. Новгород, 2021. – 234 с.
- [350]. Давлатзода, К.Д. Уголовно-правовые и криминологические вопросы противодействия киберпреступности: теоретические и практические проблемы [Текст]: дис... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Давлатзода Комрон Давлат. – Душанбе, 2024. – 480 с.
- [351]. Давыдов, В.О. Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Давыдов Владимир Олегович. – Тула, 2018. – 576 с.
- [352]. Долгова, А.И. Криминологические проблемы взаимодействия социальной среды и личности [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Долгова Азалия Ивановна. – М., 1980. – 32 с.

- [353]. Ёров, Ё.Х. Предупреждение органами внутренних дел Таджикистана мошенничества в отношении собственности граждан [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ёров Ёрмахмад Хакимович. – Душанбе, 2022. – 200 с.
- [354]. Ильницкий, А.С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Ильницкий Александр Сергеевич. – Краснодар, 2022. – 213 с.
- [355]. Коваленко, В.И. Теоретические и прикладные проблемы противодействия криминальной эксплуатации человека (криминологическое исследование) [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Коваленко Вера Ивановна. – М., 2017. – 515 с.
- [356]. Ковбенко, Н.Д. Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия мошенничеству [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ковбенко Николай Дмитриевич. – СПб., 2006. – 156 с.
- [357]. Ковлагина, Д.А. Информационный терроризм: понятие, уголовно-правовые и иные меры противодействия [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ковлагина Дарья Александровна. – М., 2016. – 270 с.
- [358]. Конев, Д.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере цифровых технологий [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Конев Денис Андреевич. – Омск, 2022. – 206 с.
- [359]. Королев, Ю.А. Дифференциация уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Юрий Алексеевич Королев. – Екатеринбург, 2022. – 165 с.
- [360]. Костылева, О.В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание и пропаганда терроризма: уголовно-правовое исследование [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Костылева Ольга Владимировна. – М., 2024. – 33 с.

- [361]. Кочои, Р.С. Противодействие транснациональной преступности террористических организаций [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Кочои Рон Самвелович. – М., 2024. – 28 с.
- [362]. Кротов, С.Е. Дифференциация уголовной ответственности в зависимости от категоризации преступлений, квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих наказание [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Кротов Сергей Евгеньевич. – М., 2005. – 176 с.
- [363]. Кудратов, Н.А. Уголовно-правовая охрана основ конституционного строя и безопасности государства: проблемы доктрины, право применения и совершенствования законодательства [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Кудратов Некруз Абдунабиевич. – Душанбе, 2021. – 539 с.
- [364]. Кузнецова, М.О. Расследование преступлений экстремистской направленности, совершаемых молодежными неформальными группировками [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Кузнецова Мария Олеговна. – Саратов, 2024. – 30 с.
- [365]. Кулешов, Р.В. Теоретико-методологические основы раскрытия и расследования преступлений в сфере экстремистской деятельности [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12 / Кулешов Роман Владимирович. – Ростов-на-Дону, 2017. – 545 с.
- [366]. Курбонзода, Б.Ш. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества в Республике Таджикистан [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Курбонзода Бехруз Шариф. – Душанбе, 2017. – 212 с.
- [367]. Курдуков, А.Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступлениям террористического характера, совершаемых ненасильственными способами [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Курдуков Андрей Николаевич. – Екатеринбург, 2024. – 236 с.

- [368]. Лабунец, М.И. Политический экстремизм: этно-национальная регионализация [Текст]: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 22.00.02 / Лабунец Михаил Иванович. – Ростов-на-Дону, 2002. – 21 с.
- [369]. Леньшин, Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Леньшин Дмитрий Иванович. – М., 2011. – 174 с.
- [370]. Магомедов, Э.Б. Криминологическая характеристика преступности мигрантов-иностранцев в Республиках Северо-Кавказского федерального округа и её предупреждение [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Магомедов Эльдар Балабекович. – Грозный, 2020. – 276 с.
- [371]. Макеева, И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конститутивного строя и безопасность государства [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Макеева Ирина Сергеевна. – Екатеринбург, 2017. – 177 с.
- [372]. Макогон, Э.Р. Скука как экзистенциал культуры [Текст]: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / Макогон Эллада Рубеновна. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1999. – 144 с.
- [373]. Мамхягов, З.З. Административная преюдиция в уголовном праве [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Мамхягов Зураб Зунелевич. – Ставрополь, 2022. – 193 с.
- [374]. Мельшина, К.Ю. Международно-правовые средства борьбы с экстремизмом [Текст]: дис... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Мельшина Ксения Юрьевна. – М., 2018. – 268 с.
- [375]. Метлин, Д.Г. Правовое регулирование воспитательной работы с осужденными к лишению свободы [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Дмитрий Геннадьевич Метлин. – Рязань, 2023. – 236 с.
- [376]. Можегова, А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской

- Федерации [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Можегова Анастасия Анатольевна. – М., 2015. – 169 с.
- [377]. Мозговой, В.Э. Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества [Текст]: дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.04 / Мозговой Владимир Эдуардович. – Краснодар, 2015. – 146 с.
- [378]. Муминов, А.И. Религиозный экстремизм в контексте социальных изменений [Текст]: дис. ... д-ра философ. наук: 09.00.11 / Муминов Ахмад Исмамович. – Душанбе, 2018. – 294 с.
- [379]. Мухаббатов, К.М. Социально-политические факторы образования религиозно-политической организации «Хизб-ут-Тахрир» и ее реакционная сущность: по материалам Таджикистана [Текст]: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Курбонали Мухаббатович Мухаббатов. – Душанбе, 2004. – 174 с.
- [380]. Назиров, Д. Проблемы терроризма, религиозного экстремизма и пути их преодоления [Текст]: автореф. дис. ... д-ра философ. наук: 09.00.11 / Давлятходжа Назиров. – Душанбе, 2009. – 47 с.
- [381]. Невский, Р.Э. Преступления против человечности: вопросы криминализации и квалификации в российском уголовном праве [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Невский Руслан Эмилевич. – Ставрополь, 2022. – 209 с.
- [382]. Некрасов, Д.Е. Расово-этнический экстремизм: криминологический аспект [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Некрасов Денис Евгеньевич. – Рязань, 2006. – 254 с.
- [383]. Нечитайло, Д.А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика [Текст]: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01 / Нечитайло Дмитрий Анатольевич. – М, 2018. – 633 с.

- [384]. Остапенко, Н.И. Основы формирования системы управления профилактикой несовершеннолетних [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Остапенко Наталья Ивановна. – М., 2004. – 229 с.
- [385]. Певцова, Е.А. Проблемы формирования правового сознания учащейся молодежи: (теоретико-правовые аспекты [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Елена Александровна Певцова. - М., 2001. - 452 с.
- [386]. Петровский, А.В. Институционально-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4 / Петровский Антон Владимирович. – Краснодар, 2023. – 593 с.
- [387]. Пихов, Х.А. Теоретические основы противодействия транснациональной преступности [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Пихов Аслан Хазрет-Алиевич. – Краснодар, 2017. – 488 с.
- [388]. Политов, С.И. Современный международный терроризм как угроза национальной безопасности России [Текст]: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Политов Сергей Иванович. – М., 2007. – 178 с.
- [389]. Помазан, С.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия терроризму [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Светлана Витальевна Помазан. – М., 2001. – 197 с.
- [390]. Пошелов, П.В. Уголовно-правовая оценка реабилитации нацизма [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Павел Викторович Пошелов. – Омск, 2023. – 193 с.
- [391]. Саидов, А.К. Криминологическая характеристика терроризма в Республике Дагестан [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Саидов Аскер Казбекович. – М., 2007. – 23 с.
- [392]. Сайфулин, И.С. Идеология экстремизма и аксиологическая рефлексия антиэкстремистской деятельности в современной России [Текст]: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.03 / Сайфулин Илья Сергеевич. – Саратов, 2015. – 176 с.

- [393]. Саркисов, Д.Н. Уголовно–правовые средства противодействия экстремистской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 [Текст] / Дмитрий Николаевич Саркисов. – М., 2010. – 198 с.
- [394]. Сафаров, А.И. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств либо иного имущества, полученных противозаконным путем (по материалам Республики Таджикистан) [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сафаров Анвар Исломович. – М., 2011. – 229 с.
- [395]. Сафаров, Х.С. Терроризм: проблемы законодательного закрепления и квалификации: На материалах Республики Таджикистан и стран СНГ [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сафаров Хаёт Саидамирович. – М., 2005. – 157 с.
- [396]. Сергун, Е.П. Экстремизм в Российском уголовном праве [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сергун Евгений Петрович. – Тамбов, 2009. – 235 с.
- [397]. Сидоров, В.И. Групповая форма соучастия в преступлении: вопросы дифференциации ответственности [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Сидоров Владимир Иванович. – Казань, 2024. – 259 с.
- [398]. Сиоридзе, А.Т. Групповой молодёжный экстремизм: криминологическое исследование [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Сиоридзе Андрей Теймуразович. – М., 2007. – 212 с.
- [399]. Сироткина, Т.Г. Криминологическая характеристика и предупреждение экстремистской преступности несовершеннолетних [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Сироткина Татьяна Геннадьевна. – М., 2024. – 172 с.
- [400]. Скворцова, Т.А. Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 23.00.02 / Скворцова Татьяна Александровна. – Ростов-на-Дону. 2004. – 23 с.

- [401]. Снеговой, А.В. Организационно-правовые аспекты взаимодействия министерств внутренних дел государств-участников СНГ в антитеррористической деятельности [Текст]: дис... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Снеговой Андрей Валентинович. – М., 2005. – 216 с.
- [402]. Степанов, Н.В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Степанов Николай Владимирович. – М., 2003. – 182 с.
- [403]. Тарасов, В.Ю. Применение специальных видов освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Владимир Юрьевич Тарасов. – Ульяновск, 2023. – 208 с.
- [404]. Узденов, Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействию [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Узденов Расул Магомедович. – М., 2008. – 220 с.
- [405]. Фенева, В.В. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: дифференциация уголовной ответственности и особенности квалификации [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Фенева Виктория Викторовна. – Краснодар, 2024. – 28 с.
- [406]. Фридинский, С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Фридинский Сергей Николаевич. – Ростов-н/Д, 2003. – 217 с.
- [407]. Фридинский, С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование) [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Фридинский Сергей Николаевич. – М., 2011. – 366 с.
- [408]. Хайдарзода, М.П. Проблемы совершенствования законодательства и квалификации преступлений экстремистской направленности в Республике

- Таджикистан [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Хайдарзода Мурод Пирмахмад. – Душанбе, 2020. – 59 с.
- [409]. Хайдарзода, М.П. Проблемы совершенствования законодательства и квалификации преступлений экстремистской направленности в Республике Таджикистан [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 (на тадж. языке) / Хайдарзода Мурод Пирмахмад. – Душанбе, 2020. – 221 с.
- [410]. Халиков, А.Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Халиков Аслям Наилевич. – М., 2005. – 238 с.
- [411]. Ханьжов, К.В. Организация органами внутренних дел противодействия экстремизму как фактору дестабилизации общественного порядка [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Ханьжов Константин Владимирович. – М., 2006. – 26 с.
- [412]. Хлебушкин, А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Хлебушкин Артем Геннадьевич. – Саратов, 2007. – 215 с.
- [413]. Хохрин, С.А. Концептуальные основы предупреждения пенитенциарной преступности [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Хохрин Сергей Александрович. – Ханты-Мансийск, 2024. – 45 с.
- [414]. Чуклина, Э.Ю. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Чуклина Елена Юрьевна. – М., 2024. – 357 с.
- [415]. Чукреев, В.А. Концептуальные основы уголовно-правовой и криминологической безопасности биологической природы и социальной сущности человека [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4 / Чукреев Вадим Андреевич. – М., 2024. – 420 с.
- [416]. Шарипов, А.К. Предупреждение преступлений, обусловленных исламским радикализмом: по материалам Республики Таджикистан

[Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шарипов Алишер Каюмович. – М., 2017. – 34 с.

[417]. Шарипов, А.К. Предупреждение преступлений, обусловленных исламским радикализмом (по материалам Республики Таджикистан) [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шарипов Алишер Каюмович. – М., 2017. – 228 с.

[418]. Шарифзода, Ф.Р. Теоретико-правовые основы организации деятельности органов внутренних дел Республики Таджикистан в системе обеспечения национальной безопасности государства [Текст]: дис... д-ра юрид. наук: 12.00.11 / Файзали Рахмонали Шарифзода. – М.: 2022. – 442 с.

V. Электронные источники [Электронный ресурс]:

[419]. 7000 граждан бывших советских республик борются за исламское государство. Tribunal, November 10, 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tribunal-today.ru/news/7000-grazhdan-byvshikh-sovetskikh-respublik> (дата обращения: 20.12.2023).

[420]. Абдиров, М.Н. О мерах, принимаемых Министерством внутренних дел и местными исполнительными органами по реализации Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации в Республике Казахстан, на 2017-2019 годы. Мажилис «Правительственный час». Астана, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: parlam.kz/ru/blogs/oleynik/Details/6/52108 (дата обращения: 20.12.2023).

[421]. В 2017 году 81% всех жертв убийств составляли мужчины, а 82% жертв интимных партнеров – женщины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: UNODC, Global Study on Homicide 2019 (дата обращения: 20.12.2023).

[422]. В Иране задержали 10 человек по делу о теракте в мечети [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2023/08/14/v-irane->

- arestovali-10-chelovek-po-delu-o-terakte-v-mecheti.html (дата обращения: 24.03.2024).
- [423]. В Кыргызстан вернули 31 женщину и 64 ребенка из Сирии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.sputnik.kg/20230830/vozvraschenie-siriya-kyrgyzstantsy-1078197662.html> (дата обращения: 10.08.2023).
- [424]. В результате теракта в Белгородской области 11 человек погибли, еще 15 ранены [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/868033> (дата обращения: 24.03.2024).
- [425]. Выступление на встрече с активистами, представителями общественности и религиозными деятелями страны. 9 марта 2024 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.tj/event/speeches/37087> (дата обращения: 09.09.2025).
- [426]. Выступление Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмана на встрече с учеными и работниками образования страны. 30 мая 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.tj/event/speeches/37699> (дата обращение: 12.08.2025).
- [427]. ГКНБ: В Таджикистане пресекли попытку теракта в канун Дня Независимости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/security/20230906/gknb-v-tadzhikistane-presekli-popitku-terakta-v-kanun-dnya-nezavisimosti> (дата обращения: 23.09.2024).
- [428]. Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. Резюме обсуждения в рамках дискуссионной группы на тему «Молодежь и права человека». 2017. Дос. А/HRC/35/7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G17/078/59/PDF/G1707859.pdf> (дата обращения: 10.08.2023).
- [429]. Доклад о торговле людьми за 2023 год: Республика Таджикистан (2-й уровень) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/>

docs/view?tm=1758528448&tld=ru&lang=ru&name=Доклад-о-торговле-людьми.pdf&text (дата обращения: 23.10.2023).

- [430]. Заключительные замечания Комитета по ликвидации расовой дискриминации по 23-му и 24-му периодическим докладам Российской Федерации. 2017. Doc. CERD/C/RUS/CO/23–24 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2fRUS%2fCO%2f2324&Lang=ru (дата обращения: 14.01.2024).
- [431]. Заявление Министерства иностранных дел Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://avesta.tj/2023/04/26/zayavlenie-ministerstva-inostrannyh-del-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 23.08.2024).
- [432]. Искусство вербовки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00016/00016sageman1.htm> (дата обращения: 15.02.2024).
- [433]. Командир Талибана обещает новую волну атак смертников (на англ. языке: Taliban Commander Vows New Wave of Suicide Attacks) // British Channel Four News Release2, March 2007.
- [434]. МИД Китая: В результате теракта в Кабуле пострадали пять граждан КНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/12/13/mid-kitaia-v-rezultate-terakta-v-kabule-postradali-piat-grazhdan-knr.html> (дата обращения: 24.03.2024).
- [435]. Министерство внутренних дел. Рамазон Рахимзода: раскрыты 1091 преступлений экстремистско-террористического характера (на тадж. яз) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://khovar.tj/2021/02/vaziri-koroi-dohil-ramazon-ra-imzoda-1091-inoyati-doroi-hususiyati-terrorist-ekstremist-oшkor-gardid> (дата обращения: 20.02.2021 г.).
- [436]. О результатах деятельности Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений на территории государств-участников СНГ за 2022 год [Электронный

- ресурс] – Режим доступа: <https://bkbopcis.ru/dokumenty/ОТЧЕТ%20БКБОП%202022.pdf> (дата обращения: 05.06.2023).
- [437]. Обсуждение в рамках дискуссионной группы вопроса об осуществлении Декларации Организации Объединенных Наций об образовании и подготовке в области прав человека: оптимальные виды практики и трудности: Краткий доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека. 2017. Дос. A/HRC/35/6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G17/075/54/PDF/G1707554.pdf> (дата обращения: 03.08.2017).
- [438]. Отчет специального докладчика ООН по правам человека о свободы религии и убеждений в Республике Таджикистан. Пятьдесят пятая сессия ООН, 26 февраля – 5 апреля 2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1758008626&tld=ru&lang=ru&name=TJK> (дата обращения: 10.09.2025).
- [439]. План действий по предупреждению насильственного экстремизма: доклад Генерального Секретаря ООН. 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/456/24/PDF/N1545624> (дата обращения: 25.11. 2017).
- [440]. Послание Президента Таджикистана Эмомали Рахмона Парламенту страны. 30 апреля 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.tj/event/missives/643> (дата обращения: 08.04.2025).
- [441]. Послание Президента Таджикистана Эмомали Рахмона Парламенту страны. 25 апреля 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.tj/event/missives/642> (дата обращения: 23.05.2024).
- [442]. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 22 декабря 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.tj/event/missives/12761> (дата обращения: 09.09.2025).
- [443]. Послание Президента Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики». 22 декабря

- 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/node/27417> (дата обращения: 08.04.2025).
- [444]. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики». 21 декабря 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.tj/event/missives/24851> (дата обращения: 08.10.2023).
- [445]. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации, уважаемого Эмомали Рахмон Маджлиси Оли Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 23 декабря 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.tj/node/19088#lakhsh> (дата обращения: 11.09.2025).
- [446]. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации, уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 28 декабря 2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prezident.tj/node/32191> (дата обращения: 05.01.2024).
- [447]. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105)» от 27 января 1999 г., №1 (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007, №7, от 03.04.2008, №4, от 03.12.2009, №27, от 03.03.2015, №9) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=7&documentId=105535> (дата обращения: 04.09.2025).
- [448]. Рассмотрение докладов в Комитете по ликвидации расовой дискриминации, представленных государствами-участниками в соответствии со ст. 9 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации: 23-й и 24-й периодические доклады РФ. 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno (дата обращения: 12.01.2024).

- [449]. Рассмотрение докладов в Комитете по правам человека, представляемых государствами-участниками в соответствии со ст. 40 Пакта о гражданских и политических правах»: 7-й периодический доклад Российской Федерации. 2015 г. Doc. CCPR/C/RUS/7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno (дата обращения: 07.01.2025).
- [450]. Результаты мониторинга проявлений религиозного и национального экстремизма в Санкт-Петербурге. – СПб., 2024. – 66 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm> (дата обращения: 17.09.2025).
- [451]. Современное состояние молодежного экстремизма в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://спбсву.мвд.рф/document/19316097> (дата обращения: 17.09.2025).
- [452]. Таджикистан – самое безопасное государство в мире. Американский институт «Gallup» поместил Таджикистан на первое место по безопасности и стабильности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://khovar.tj/rus/2023/11> (дата обращения: 23.06.2025).
- [453]. Теракт в Дангаре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asiaplustj.info/stories/20180801/terakt-v-dangare> (дата обращения: 23.06.2025).
- [454]. Теракт на кладбище в Иране [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/terakt-na-kladbische-v-irane> (дата обращения: 24.03.2024).
- [455]. Терроризм сегодня – Анатомия террора – Война и мир [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sem40.ru/warandpeacc/terror/today/13339/index.shtml> (дата обращения: 08.08.2025).
- [456]. «Хизб-ут-тахрир» – волк в овечьей шкуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bashinform.ru/news/politics/2005-07-07/hizb-ut-tahrir-volk-v-ovechiey-shkure-2027270> (дата обращения: 29.08.2025).

- [457]. Узбекистан представил свой опыт репатриации граждан страны из Сирии и Ирака в ходе сессии Совета ООН 5 июля 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://insonhuquqlari.uz/ru/news/uzbekistan-presented-its-experience-of-repatriation-of-citizens-of-the-country-from-syria-and-iraq-during-the-session-of-the-un-council> (дата обращения: 22.10.2023).
- [458]. Число пострадавших при теракте в «Крокусе» выросло до 182 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/897741> (дата обращения: 24.03.2024).
- [459]. Ятимов, С.С. Гегель и проблемы национального самосознания (на тадж. языке) / С.С. Ятимов // Илм ва чомеа. – 2020. – №1 (19) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://peshina.jumhuriyat.tj/index.php?art_id (дата обращения: 14.08.2025).
- [460]. Doc. E/CN.4/Sub.2/2002/35. Доклад, подготовленный Специальным докладчиком К. Куфой «Терроризм и права человека». 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G02/142/84/PDF/G0214284.pdf> (дата обращения: 20.12.2024).
- [461]. Jean MacKenzie and Aziz Ahmad Tassal. ISIS in Afghanistan is like the boogeyman under the bed. The Week. January 27. 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://theweek.com/articles/534830/isisin-afghanistan-like-boogeyman-under-bed> (дата обращения: 20.12.2024).
- [462]. Meredith Hoffman. Caucasus Emirate Militants Pledge Allegiance to the Islamic State in a Video. VICE, December 20, 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.vice.com/article/caucasus-emirate-militants-pledge-allegian> (дата обращения: 20.12.2024).
- [463]. Press Information Bureau Government of India Ministry of Home Affairs, Suspects associated with Islamic state. 15 March. 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pib.nic.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=159234> (дата обращения: 20.12.2024).

- [464]. Preventing violent extremism through education. A guide for policy-makers. 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002477/247764e.pdf> (дата обращения: 07.02.2024).
- [465]. Robert A. Pape. Dying to Win: The Strategic Logic of Suicide Terrorism [Text] / Robert A. Pape. – New-York: Random House, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inkyfada.com/wp-content/themes/inky/assets/pdf> (дата обращения: 20.01.2023).
- [466]. Report of the Special Rapporteur in the field of cultural rights // Human Rights Council 34th session (27 February – 24 March 2017). Promotion and protection of all human rights, civil, political, economic, social and cultural rights, including the right to development. 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ohchr.org/_layouts/15/WopiFrame.aspx?sourcedoc (дата обращения: 22.11. 2024).
- [467]. Report of the Special Rapporteur on the rights to freedom of peaceful assembly and of association. 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ohchr.org/_layouts/15/WopiFrame.aspx?sourcedoc (дата обращения: 22.11.2024).

VI. Энциклопедические словари:

- [468]. Абаренков, В.П., Абова, Т.Е., Аверкин, А.Г. [и др.] Краткий политический словарь [Текст] / Под общ. ред. Л.А. О니кова, Н.В. Шишлина. – 6-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1989. – 623 с.
- [469]. Даль, В.И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка [Текст] / В.И. Даль. – М.: «Белый город», 2007. – 896 с.
- [470]. Кабуснаме. Энциклопедия персидско-таджикской прозы. Главная научная редакция таджикской советской энциклопедии [Текст]. – Душанбе: Таджикская советская энциклопедия, 1986. – 478 с.
- [471]. Краткий словарь современных понятий и терминов [Текст] / Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова [и др.]; Сост. и общ. ред. В.А. Макаренко. – 3-е изд., дораб. и доп. – М.: Республика, 2000. – 670 с.

- [472]. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «А Темп», 1995. – 944 с.
- [473]. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: ООО Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство мир и Образование», 2005. – 787 с.
- [474]. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л.И. Скворцова. – М.: Мир и Образование, 2018. – 778 с.
- [475]. Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь / А.Л. Андреев; Отв. ред. М.П. Мchedлов. – М.: Республика. 2002. – 544 с.
- [476]. Советский энциклопедический словарь [Текст] / Научно-ред.: А.М. Прохоров (пред.). – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 1600 с.
- [477]. Философский энциклопедический словарь [Текст] / А.Л. Грекулова и др.; Редкол.: С.С. Аверинцев и др. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 814 с.

VI. Судебная практика и статистические данные:

- [478]. Уголовное дело №19505/12 // Архив суда г. Душанбе.
- [479]. Уголовное дело №1-102/16 // Архив суда р. Шохмансур г. Душанбе.
- [480]. Уголовное дело №83017/15 т. 1. №1-434 // Архив суда р. Шохмансур г. Душанбе.
- [481]. Уголовное дело №22-213-15 и №22-229/15 // Архив суда р. Шохмансур г. Душанбе.
- [482]. Уголовное дело №1-521/20 // Архив суда р. Сино г. Душанбе.
- [483]. Уголовное дело №1-223/19 // Архив суда р. И. Сомони г. Душанбе.
- [484]. Уголовное дело 1-263/19 // Архив суда р. И. Сомони г. Душанбе.
- [485]. Уголовное дело №1-223/19 // Архив суда р. И. Сомони г. Душанбе.
- [486]. Уголовное дело №1-95/20 // Архив суда р. И. Сомони г. Душанбе.

- [487]. Уголовное дело №1-620/20 // Архив суда р. Сино г. Душанбе.
- [488]. Уголовное дело №1-48/20 // Архив суда р. Сино г. Душанбе.
- [489]. Уголовное дело №1-241/20 // Архив суда р. Сино г. Душанбе.
- [490]. Уголовное дело №1-620/20 // Архив суда р. Сино г. Душанбе.
- [491]. Уголовное дело №1-361/21 / Архив суда р. И. Сомони г. Душанбе.
- [492]. Уголовное дело №1-20/22 // Архив суда р. И. Сомони г. Душанбе.
- [493]. Уголовное дело №1-346/22 // Архив суда р. И. Сомони г. Душанбе.

ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ

I. Монографии и учебно-научные пособия:

[1-A]. Сафаров, Х.С. Актуальные проблемы законодательного регулирования и квалификации терроризма (на материалах Республики Таджикистан и стран СНГ) [Текст]: монография / Х.С. Сафаров. – Душанбе: 2006. –116 с.

[2-A]. Сафаров, Х.С. Основы антитеррористической деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан [Текст]: монография / Х.С. Сафаров. – Душанбе: «Ирфон», 2010. – 256 с.; ISBN 978-99947-65-33-1.

[3-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Асосҳои муқовимат ба экстремизми (ифротгароии) динӣ (мазҳабӣ) [Матн]: монографияи дастҷамъона / Ҳ.С. Сафарзода [ва диг.]. – Душанбе: «Торус», 2022. – 260 с.; ISBN 978-99985-67-01-6.

[4-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Муқовимат ба экстремизм ва терроризм [Матн]: дастури илмӣ-таълимӣ / Ҳ.С. Сафарзода [ва диг.]. – Душанбе: «Торус», 2024. – 432 с.; ISBN 978-99985-67-26-9.

[5-A]. Сафарзода, Х.С. Терроризм и экстремизм как угроза национальной безопасности: криминалистическое противодействие и профилактика. [Текст]: монография / Х.С. Сафаров [и др.] / Под ред. Т.С. Волчецкой. – Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. – 184 с.; ISBN 978-5-9971-0939-4.

II. Статьи, опубликованные в рецензируемых и рекомендованных

Высшей аттестационной комиссией при Президенте

Республики Таджикистан журналах:

[6-A]. Сафаров, Х.С. Некоторые проблемы ограничения терроризма от террористического акта по уголовному законодательству Таджикистана [Текст] / Х.С. Сафаров // Право: теория и практика. – 2005. – №2 (№3/5 (118)). – С. 105-111; ISSN 2413-5151.

[7-A]. Сафаров, Х.С. Основные подходы к определению соотношения понятий терроризм и экстремизм в уголовном праве [Текст] / Х.С. Сафаров // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2010. – №2 – С. 75-80; ISSN 2413-5151.

[8-A]. Сафаров, Х.С. К вопросу о соотношении законодательных определений «антитеррористическая деятельность», «противодействие терроризму», «контртеррористическая деятельность» и «борьба с терроризмом» [Текст] / Х.С. Сафаров // Труды Академии управления МВД России. – 2011. – №4 (20). – С. 89-94; ISSN 2072-9391.

[9-A]. Сафаров, Ҳ.С., Ҳайдарзода, М.П. Баъзе масъалаҳои тавсифи криминологии ҷиноятҳои хусусияти экстремистидошта дар Ҷумҳурии Тоҷикистон [Матн] / Ҳ.С. Сафаров, М.П. Ҳайдарзода // Осори Академия. – 2018. – №2 (38). – С. 111-115; ISSN 2412-141X.

[10-A]. Сафаров, Х.С. Теоретические аспекты организации антитеррористической деятельности [Текст] / Х.С. Сафаров // Труды Академии МВД РТ. – 2018. – №3 (39). – С. 49-55; ISSN 2412-141X.

[11-A]. Сафаров, Х.С. Табиати ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ терроризми байналмилалӣ дар қонунгузории зиддитеррористии Ҷумҳурии Тоҷикистон [Матн] / Х.С. Сафаров // Осори Академия. – 2019. – №1 (41). – С. 80-87; ISSN 2412-141X.

[12-A]. Сафарзода, Ҳ.С., Ҳайдарзода, М.П. Оид ба баъзе масъалаҳои бандубасти ҷинояти ҷосусӣ [Матн] / Ҳ.С. Сафарзода, М.П. Ҳайдарзода // Осори Академия. – 2020. – №4 (48). – С. 82-88; ISSN 2412-141X.

[13-A]. Сафарзода, Ҳ.С., Аҳёзода, Ш.Т. Вижагиҳои ҳосси ҷиноятҳои характери экстремистидошта, ки бо истифодаи ВАО, шабакаҳои алоқаи барқӣ, аз ҷумла интернет содир карда мешаванд [Матн] / Ҳ.С. Сафарзода, Ш.Т. Аҳёзода // Осори Академия. – 2021. – №4 (52). – С. 92-100; ISSN 2412-141X.

[14-A]. Сафарзода, Ҳ.С., Мирзоумарзода, А.М. Хусусиятҳои ҳоси ҷинояткории ноболиғон ва роҳҳои пешгирии онҳо [Матн] / Ҳ.С. Сафарзода,

А.М. Мирзоумарзода // Осори Академия. – 2021 – №4 (52). – С. 97-102; ISSN 2412-141X.

[15-A]. Сафарзода, Ҳ.С, Нурулло, М. Масоили назариявӣ-ҳуқуқии мафҳумҳои «ҳолати ғавқулӯдда» ва «вазъияти ғавқулӯдда» [Матн] / Ҳ.С. Сафарзода, М. Нурулло // Осори Академия. – 2023. – №4 (60). – С. 116-127; ISSN 2412-141X.

[16-A]. Сафарзода, Ҳ.С., Самиъзода, Б.С. Андешаҳои Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон чӣхати баланд бардоштани маърифати ҳуқуқии шаҳрвандон дар муқовимат ба экстремизм [Матн] / Ҳ.С. Сафарзода, Б.С. Самиъзода // Осори Академия. – 2024. – №2 (62). – С. 57-67; ISSN 2412-141X.

[17-A]. Сафарзода, Ҳ.С., Сидорова, Е.З. Терроризм как угроза государственной и международной безопасности: уголовно-правовая характеристика [Текст] / Ҳ.С. Сафаров, Е.З. Сидорова // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2024. – №3 (63). – С. 64-71; ISSN 2412-141X.

[18-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Основные подходы по определению правового содержания современного экстремизма и перспективы его совершенствования [Текст] / Ҳ.С. Сафарзода // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2024. – №4 (64). – С. 69-77; ISSN 2412-141X.

[19-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Понятие и содержание экстремизма в региональном международном праве [Текст] / Ҳ.С. Сафарзода // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2025. – №2 (66). – С. 57-67; ISSN 2412-141X.

[20-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Сущность и содержание понятия «экстремизм» в международном праве [Текст] / Ҳ.С. Сафарзода // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2025. – №2 (66). – С. 70-79; ISSN 2412-141X.

[21-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Конституционные и административно-правовые нормы как источники определения уголовно-правовой природы экстремизма [Текст] / Ҳ.С. Сафарзода // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2025. – №3 (67). – С. 73-79; ISSN 2412-141X.

[22-A]. Сафарзода, Х.С., Солиев, К.Х. Факторы, детерминирующие экстремизм в Республики Таджикистан [Текст] / Х.С. Сафарзода, К.Х. Солиев // Законодательство. – 2025. – №3 (59). – С. 203-213; ISSN 2410-2903.

[23-A]. Сафарзода, Х.С., Солиев, К.Х. Некоторые направления совершенствования уголовно-правовых мер противодействия экстремизму в Республике Таджикистан [Текст] / Х.С. Сафарзода, К.Х. Солиев // Законодательство. – 2025. – №3 (59). – С. 214-222; ISSN 2410-2903.

[24-A]. Сафарзода, Х.С. К вопросу о концептуальных основах правовой квалификации экстремизма и криминологических мер противодействия экстремистской преступности в Республике Таджикистан [Текст] / Х.С. Сафарзода // Наука и безопасность. Высшая школа КГНБ РТ. – 2025. – №3 (13). – С. 112-118; ISSN 2959-6394 (Print).

[25-A]. Сафарзода, Х.С., Зоир, Дж.М. Некоторые особенности специально-криминологической профилактики экстремизма органами внутренних дел Республики Таджикистан [Текст] / Х.С. Сафарзода, Дж.М. Зоир // Законодательство. – 2025. – №4 (60). – С. 214-222; ISSN 2410-2903.

III. Научные статьи, опубликованные в сборниках и других научно-практических изданиях:

[26-A]. Сафаров, Х.С. Особенности закрепления и соотношения законодательных конструкций терроризма в Республике Таджикистан и странах СНГ [Текст] / Х.С. Сафаров // Труды Академии. – 2007. – Выпуск 10. – С. 81-94.

[27-A]. Сафаров, Ҳ.С. Таносуби мафҳумҳои «такрори ҷиноят» ва маҷмуи ҷиноят дар қонунгузори ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон (проблемаҳо ва мулоҳизаҳо) [Матн] / Ҳ.С. Сафаров // Осори Академия. – 2008. – Нашри 11. – С. 88-95.

[28-A]. Сафаров, Х.С. К вопросу религиозном экстремизме и терроризме [Текст] / Х.С. Сафаров // Труды Академии. – 2010. – №1 (13). – С. 93-111.

[29-A]. Сафаров, Х.С. О проблемах координационной деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан в борьбе с терроризмом [Текст] / Х.С. Сафаров // Труды Академии. – 2010. – №2 (14). – С. 33-39.

[30-A]. Сафаров, Х.С. Соотношение определений «террористическая деятельность» и «экстремистская деятельность» в законодательстве Республики Таджикистан [Текст] / Х.С. Сафаров // Труды Академии. – 2011. – №1 (15). – С. 110-118.

[31-A]. Сафаров, Х.С. Особенности организации и проведения контртеррористической операции [Текст] / Х.С. Сафаров // Труды Академии. – 2011. – №2 (16). – С. 26-35.

[32-A]. Сафаров, Ҳ.С., Солиев, К.Ҳ. Самтҳои асосии таъкили мубориза бар зидди терроризм ва экстремизм дар Ҷумҳурии Тоҷикистон [Матн] / Ҳ.С. Сафаров, К.Ҳ. Солиев // Осори Академия. – 2012. – №2 (18). – С. 16-21.

[33-A]. Шарипов, Т.Ш., Сафаров, Ҳ.С. Баъзе андешаҳо перомунӣ таносуби мафҳумҳои «экстремизм», «фундаментализм», «радикализм», натионализм ва «сепаратизм» [Матн] / Т.Ш. Шарипов, Ҳ.С. Сафаров // Осори Академия. – 2015. – №4 (28) – С. 33-40.

[34-A]. Сафаров, Х.С. Современные угрозы экстремизма и проблемы их пресечения [Текст] / Х.С. Сафаров // Актуальные проблемы реформирования органов внутренних дел Республики Таджикистан: мат. международной науч.-практич. конф. – Душанбе, 2015. – С. 173-178.

[35-A]. Сафарзода, Х.С. О некоторых организационно-правовых аспектах противодействия экстремизму и терроризму в Таджикистане [Текст] / Х.С. Сафарзода // Актуальные проблемы права и государства: в XXI веке: материалы IX Международной научно-практической конференции – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2017. – С. 45-50.

[36-A]. Сафаров, Х.С., Мансурзода, А.М. Общая характеристика терроризма в международном и уголовном праве [Текст] / Х.С. Сафаров, А.М. Мансурзода // Развитие юридической науки в современных условиях: теория и

практика: VI Международная научно-практическая конференция, 2018. – С. 243-246.

[37-A]. Сафарзода, Х.С., Мансурзода, А.М. Терроризм и экстремизм как форма отрицания прав человека [Текст] / Х.С. Сафарзода, А.М. Мансурзода // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2019. – №2. – С. 39-45.

[38-A]. Сафарзода, Х.С. Основные причины активизации экстремистко-террористической деятельности в Афганистане и проблемы обеспечения безопасности в странах Центральной Азии [Текст] / Х.С. Сафарзода // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Транснациональные криминальные вызовы и риски на пространстве содружества, обусловленные ситуацией в Афганистане: тенденции, прогнозы, пути нейтрализации». – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2022. – С. 86-90.

[39-A]. Сафарзода, Х.С. Теоретические основы формирования сущности и содержания религиозного экстремизма и его закрепления в законодательстве Республики Таджикистан [Текст] / Х.С. Сафарзода // Права и свободы человека и гражданина: актуальные проблемы науки и практики : Сборник научных статей и докладов XIV Международной научно-практической конференции. – Орёл: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2022. – С. 239-244.

[40-A]. Сафарзода, Ҳ.С., Ализода, А.Ш. Худогоҳии Пешвои миллат – пояи устувори фарҳанги милли ва заъфи ифротгарой [Матн] / Ҳ.С. Сафарзода, А.Ш. Ализода // Пешвои миллат – бунёдгузори давлатдории миллат: маҷмуи мақолаҳои профессорону омӯзгорони Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Хучанд: «Ношир», 2023. – С. 44-51.

[41-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Проблемаҳои ташкили муқовимат ба идеологияи экстремизми динӣ [Матн] / Ҳ.С. Сафарзода // Маҷмуаи мақолаҳои конференсияи ҷумҳуриявии илмӣ-амалӣ дар мавзӯи «Терроризм

ҳамчун омили таҳдидкунандаи пойдории давлатҳо дар шароити ҷаҳонишавӣ». – Душанбе: Матбааи ДМТ, 2023. – С. 166-172.

[42-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Самтҳои асосии рушди консепсияи мудифоии миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон [Матн] / Ҳ.С. Сафарзода // Шарҳи мухтасари Паёми Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, мухтарам Эмомалӣ Раҳмон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи самтҳои асосии сиёсати дохилӣ ва хориҷии ҷумҳурӣ». – Душанбе: Нашриёти ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2023. – С. 133-142.

[43-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Сущность религиозно-политического экстремизма в странах Центральной Азии и некоторые особенности противодействия ему в Республике Таджикистан [Текст] / Ҳ.С. Сафарзода // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, психологические, социологические и политологические аспекты: материалы X Междунар. науч.-практ. конф. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. – С. 192-202.

[44-A]. Сафарзода, Ҳ.С., Аҳёзода, Ш.Т. Нигоҳе аз таърихи миллати форсу тоҷик перомуни паёмадҳои ифротгароии динӣ-мазҳабӣ [Матн] / С.Ҳ. Сафарзода., Ш.Т. Аҳёзода // 25-солагии Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон: ҳолат ва дурнамо: маводи конференсияи байналмилалӣ илмӣ-амалӣ. – Душанбе: Нашриёти ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2023. – С. 211-218.

[45-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Особенности противодействия религиозному экстремизму в Республике таджикистан [Текст] / Ҳ.С. Сафарзода // Проблемы противодействия экстремизму и терроризму: региональный формат: электронный сборник материалов международной научной конференции. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2023. – С. 57-63.

[46-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Таълимоти ғайриқонунии динӣ ва ба ҳам бархурдани манфиатҳои абарқудратҳо ҳамчун сарчашмаи пайдоиши экстремизми динӣ [Матн] / Ҳ.С. Сафарзода // Маҷмуаи мақолаҳои конференсияи ҷумҳуриявӣ илмӣ-амалӣ дар мавзӯи «Терроризм ҳамчун

омили таҳдидкунандаи пайдоиши давлатҳо дар шароити ҷаҳонишавӣ». – Душанбе: Матбааи Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни, 2024. – С. 21-26.

[47-A]. Сафарзода, Ҳ.С., Айнуддинзода, Ш.А. Занон ва кӯдакон ҳамчун қурбониёни савдои одамон дар задухӯрдҳои мусаллаҳона дар хориҷи кишвар [Матн] / Ҳ.С. Сафарзода, Ш.А. Айнуддинзода // Маҷмуаи маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявии «Муқовимат ба савдои одамон: мушкилот ва мулоҳизаҳо». – Душанбе: «Контраст», 2024. – С. 180-187.

[48-A]. Сафарзода, Ҳ.С., Саидзода, З.А. Мушкилоти муқовимат ба идеологияи экстремистии динӣ-мазҳабӣ ва дурнамои ҳалли онҳо [Матн] / Ҳ.С. Сафарзода, З.А. Саидзода // Маҷмуаи маводи III-юмин конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ дар мавзӯи «Илми ҳуқуқшиносӣ ва амалияи он» бахшида ба Рӯзи илми тоҷик ва эълон гардидани «Соли маърифати ҳуқуқӣ». – Душанбе: Матбааи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2024. – С. 200-207.

[49-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Общесоциальные меры противодействия экстремизму в Республике Таджикистан [Текст] / Ҳ.С. Сафарзода // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Проблемы борьбы с преступностью на Евразийском пространстве», посвященной «Году правового просвещения». – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. – С. 150-157.

[50-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Сущность религиозно-политического экстремизма в странах Центральной Азии и некоторые особенности противодействия ему в Республике Таджикистан [Текст] / Ҳ.С. Сафарзода // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции на тему «Юридическая наука и практика», посвященная Дню таджикской науки и объявлению «Года правового просвещения». – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. – С. 194-200.

[51-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Сущность и содержание общесоциальных мер противодействия экстремизму в Республике Таджикистан и перспективы их совершенствования [Текст] / Ҳ.С. Сафарзода // XII Балтийский юридический

форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. – Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2024. – С. 75-79.

[52-A]. Сафарзода, Х.С. Направления активизации сотрудничества государств-участников СНГ по противодействию экстремистско-террористической идеологии [Текст] / Х.С. Сафарзода // Оперативный вестник. – 2024. – №1. – С. 50-56.

[53-A]. Сафарзода, Ҳ.С., Аҳёзода, Ш.Т. Таҳдиду хатарҳои муосири экстремизму терроризм ва самтҳои мукамалгардонии асосҳои ташкилӣ-ҳуқуқии муқовимат ба онҳо [Матн] / Ҳ.С. Сафарзода, Ш.Т. Аҳёзода // Пайки оперативӣ – 2025. – №1 (2). – С. 46-54.

[54-A]. Сафарзода, Ҳ.С., Саидзода, З.А., Комилов, Д.Р. Назари Мотуридӣ дар муқовимат ба тафаккури ифротии динӣ [Матн] / Ҳ.С. Сафарзода, З.А. Саидзода, Д.Р. Комилов // Қонунгузориҳои ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон: таърих, дурнамо ва рушд. Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявӣ бахшида ба 27-солагии Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе: Нашриёти ВКД ҚТ, 2025. – С. 92-97.

[55-A]. Сафарзода, Х.С., Захватов, И.Ю. Совершенствование координации деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан по противодействию экстремизму [Текст] / Х.С. Сафарзода, И.Ю. Захватов // Международная научно-практическая конференция «Государственное управление в правоохранительной сфере»: материалы международной научно-практической конференции. – Москва: Академия управления МВД России, 12 ноября 2025. – С. 281-290.

[56-A]. Сафарзода, Х.С., Аҳёзода, Ш.Т. Концептуальные основы общесоциальной профилактики экстремизма [Текст] / Х.С. Сафарзода, Ш.Т. Аҳёзода // II международный форум: передовой мировой криминологии (17-18.11.2025). – Ташкент: «Nashriyot-hisob tabagi», 2025. – С. 145-156.

IV. Учебники, учебные и методические пособия:

[57-A]. Сафаров, Х.С., Ревин, В.П. Уголовное право Республики Таджикистан. Общая часть [Текст]: учебник для ВУЗ-ов / Х.С. Сафаров, В.П. Ревин. – Душанбе: «Ирфон», 2011. – 448 с.; ISBN 978-99947-0-2381.

[58-A]. Сафаров, Х.С., Ревин, В.П. Уголовное право Республики Таджикистан. Особенная часть. [Текст]: учебник для ВУЗ-ов / Х.С. Сафаров, В.П. Ревин. – Душанбе: «Ирфон», 2011. – 400 с.; ISBN 978-99947-0-2381.

[59-A]. Сафаров, Ҳ.С. Хатарҳои ғайриқонунии экстремистӣ-террористии «Давлати исломӣ» [Матн]: дастури амалӣ / Ҳ.С. Сафаров. – Душанбе: «Матбааи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон», 2016 – 60 с.

[60-A]. Сафаров, Ҳ.С. Пешгирии шомилшавии ҷавонон ба ташкилотҳои экстремистӣ [Матн]: дастури методӣ / Ҳ.С. Сафаров. – Душанбе: «Матбааи Академияи ВКД ҶТ», 2017. – 33 с.; ISBN 978-99975-947-2-3.

[61-A]. Сафаров, Ҳ.С. Табиати ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ савдои одамон ва тактикаи гирифтани нишондоди аз гумонбаршудагон ва қурбонӣҳои савдои одамон [Матн]: дастури методӣ / Ҳ.С. Сафаров ва диг. – Душанбе: Матбаи РТИТ ва Н ВКД ҶТ, 2017. – 64 с.; ISBN 978-99975-947-6-1.

[62-A]. Сафаров, Х.С. Актуальные проблемы противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации и Республике Таджикистан [Текст]: аналитический обзор / Под общ. ред. А.С. Ханахмедова. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2018. – 223 с.; УДК 343.974.0223(048.83)(470+575.3); ББК 57.518.5(2Рос)я46+67.518.5(5Тад)я46.

[63-A]. Сафаров Ҳ.С. Тавсифи ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ экстремизм ва тактикаи пурсиши гумонбаршудагон [Матн]: дастури илмӣ-амалӣ / Ҳ.С. Сафаров [ва диг.] – Душанбе: Матбааи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2018. – 100 с.; ISBN 978-99975-947-8-5.

[64-A]. Сафаров, Ҳ.С., Ҳафиззода, Ш.Х. Муқовимат ба қонунигардонии (расмиқунонии) даромадҳои бо роҳи ҷиноят бадастоварда, маблағгузории терроризм ва маблағгузории паҳнкунии силоҳи қатли ом [Матн]: воситаи

таълимӣ-методӣ / Ҳ.С. Сафаров, Ш.Х. Ҳафиззода. – Душанбе: Матбааи РТМТ ва Н-и ВКД ҚТ, 2019. – 100 с.; ISBN 978-99975-947-6-8.

[65-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Пешгирии шомилшавии ҷавонон ба ташкилотҳои экстремистӣ-террористӣ [Матн]: дастури таълимӣ-методӣ / Ҳ.С. Сафарзода [ва диг.]. – Душанбе: «Торус», 2021. – 136 с.; ISBN 978-99975-947-2-3.

[66-A]. Сафарзода, Ҳ.С., Сафаров, С. Гулчине аз муҳаббати Пешвои миллат [Матн]: дастур барои машғулиятҳои тарбиявӣ ва ҳештаншиносӣ / Ҳ.С. Сафарзода, С. Сафарзода. – Душанбе: Матбааи ДДМИТ, 2021. – 82 с.; ТДУ: 323 (092) (575.3); ТКБ: 66.3 (2 тоҷик).

[67-A]. Сафарзода, Ҳ.С., Исаев, А.А. Религиозный экстремизм: пути и механизм противодействия (на примере Республики Башкортостан и Республика Таджикистан) [Текст]: учебное пособие / А.А. Исаев, Х.С. Сафарзода [и др.]. – Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2023 – 48 с.; ISBN 978-5-7247-1171-5

[68-A]. Сафарзода Ҳ.С. Ҳуқуқи ҷиноятӣ [Матн]: китоби дарсӣ: дар III ҷилд. Ҷилди II / Ҳ.С. Сафарзода [ва диг.] (Муал. боби 30. – С. 459-506). – Душанбе: «Нашриёти муосир», 2023. – 640 с.; ISBN 978-99985-900-7-6.

[69-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Административно-правовые основы деятельности полиции по предупреждению и пресечению правонарушений экстремистской направленности [Текст]: учебное пособие / Х.С. Сафарзода [и др.]. – Орёл: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2024. – 91 с.

[70-A]. Сафарзода, Ҳ.С. Табиати ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ экстремизм ва терроризм [Матн]: дастури таълимӣ / Ҳ.С. Сафарзода – Душанбе: «Контраст», 2024. – 194 с.; ISBN 978-99985-930-4-6.

[71-A]. Сафарзода, Ҳ.С., Аҳёзода, Ш.Т., Маҳмараҳимзода, Ф.М. Тавсифи криминологӣ ва ҳуқуқи ҷиноятӣ экстремизм ва терроризм [Матн]: воситаи таълимӣ / Ҳ.С. Сафарзода, Ш.Т. Аҳёзода, Ф.М. Маҳмараҳимзода. – Душанбе: «Торус», 2025. – 210 с.; ISBN 978-99985-67-73-3.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение № 1.

Анкета для опроса

Уважаемый коллега!

В настоящее время проводится исследование по вопросам, связанным с криминологическими мерами противодействия экстремизму. В связи с этим, просим Вас ответить на вопросы предлагаемой анкеты. Ваше мнение очень важно и будет обязательно учтено при подведении общих результатов работы.

При заполнении анкеты прочитайте вопрос и, ознакомившись сразу со всеми вариантами ответа к нему, обведите кружочком тот из вариантов, с которым Вы в целом согласны, а если такого варианта нет, то напишите свое мнение в графе «Иное». В некоторых вопросах возможен лишь один вариант ответа, в других возможно и большее количество вариантов.

Данные анкеты будут использованы только в обобщённом виде, поэтому Вашу фамилию указывать не надо.

I. Согласны ли Вы с тем, что состояние противодействия религиозно-политическому экстремизму в Таджикистане в первую очередь зависит от деятельности научных учреждений и «гражданских» министерств и ведомств, которые должны повысить качество разработки научных антиэкстремистских материалов, государственных программ и учебников для образовательных учреждений и информационно-пропагандистских материалов в СМИ и по Интернету?

1. полностью согласен;
2. частично согласен;
3. не согласен;
4. затрудняюсь ответить;
5. иное (указать, что именно): _____

II. Согласны ли Вы с утверждением о том, что в целях повышения эффективности противодействия экстремизму необходимо на законодательном уровне определить правовой статус координирующего органа в научной, образовательной, информационно-пропагандистской и правоохранительной сферах?

1. полностью согласен;
2. частично согласен;
3. не согласен;
4. затрудняюсь ответить;
5. иное (указать, что именно): _____

III. Можно ли утверждать, что органы внутренних дел в силу наибольшего контакта с населением, широкой компетенцией должны координировать деятельность «гражданских» министерств и ведомств по профилактике и предупреждению преступности, в том числе, экстремизму и терроризму?

1. вполне согласен;
2. частично согласен;
3. не согласен;
4. затрудняюсь ответить;
5. иное (указать, что именно): _____

IV. Согласны ли Вы с утверждением, что Управление по профилактике и предупреждению правонарушений несовершеннолетних и молодежи должно выступать как внутренний координатор среди других подразделений ОВД и внешним координатором среди всех «гражданских» министерств и ведомств по профилактике и предупреждению экстремизма?

1. полностью согласен;
2. частично согласен;
3. не согласен;
4. затрудняюсь ответить;
5. иное (указать, что именно): _____

V. В каких формах, по Вашему мнению, необходимо сотрудничество с «гражданскими» министерствами и ведомствами в противодействии с экстремизмом?

1. в организации и проведении совместных профилактических мероприятий, включая мобилизацию духовенства, научных, политических деятелей и СМИ;

2. в представлении сведений относительно лиц, пропагандирующих экстремистские взгляды;

3. в создании совместных комиссий или рабочих групп по информированию населения об опасности проявлений религиозного экстремизма, так же правового просвещения граждан в школах, мечетях и в СМИ;

4. в разработке и осуществлении стратегий, программ по противодействию экстремизму;

5. затрудняюсь ответить;

6. иное (указать, что именно): _____

VI. Какой орган должен координировать деятельность научных учреждений по разработке совместных научных проектов по противодействию экстремизму?

1. национальная академия наук Таджикистана;

2. министерство образования и науки Республики Таджикистан;

3. центр стратегических исследований при Президенте Республики;
Таджикистан;

4. центр исламоведения;

5. иное (указать, что именно): _____

VII. Целесообразно ли организовать специальную комиссию по мониторингу и оценке контртеррористической пропаганды при Министерстве культуры Республики Таджикистан?

1. да;

2. нет;

3. такая Комиссия должна функционировать при Комитете по делам религии;

4. такая Комиссия должна функционировать при Комитете по телевидению и радио при Правительстве Республики Таджикистан;

5. иное (указать, что именно): _____

VIII. Каково Ваше мнение относительно введения специальной дисциплины по противодействию религиозно-политическому экстремизму в школах, колледжах, техникумов и вузах?

1. необходимо ввести такую дисциплину;

2. нет необходимости;

3. можно в пределах других предметов обучать школьников и студентов вопросам, связанным с противодействием экстремизму;

6. группе, интересующуюся такой информацией и т.п.;

4. затрудняюсь ответить;

5. иное (указать, что именно): _____

IX. Считаете ли Вы удовлетворительной профессионализм наших имамхатибов, журналистов и интеллигенции в противодействии экстремисткой идеологии в СМИ и по Интернету?

1. да;

2. нет;

3. частично;

4. существенных претензий нет;

5. затрудняюсь ответить;

6. иное (указать, что именно): _____

X. Согласны ли Вы с утверждением, что в настоящее время противодействие экстремизму среди трудовых мигрантов и в исправительных учреждениях не отвечает национальным интересам Таджикистана?

1. вполне согласен;

2. частично согласен;
3. не согласен;
4. затрудняюсь ответить;
5. иное (указать, что именно): _____

XI. Считаете ли Вы основными факторами возникновения экстремизма нехватку профессиональных педагогов, теологов, журналистов, отсутствие специальной дисциплины по противодействию религиозно-политическому экстремизму в образовательных учреждениях и слабую контртеррористическую пропаганду в СМИ и по Интернету?

1. вполне согласен;
2. частично согласен;
3. не согласен;
4. затрудняюсь ответить;
5. иное (указать, что именно): _____

XII. Согласны ли Вы с утверждением, что уровень латентности преступлений экстремистского характера приравнивается 1: 5?

1. полностью согласен;
2. частично согласен;
3. не согласен;
4. затрудняюсь ответить;
5. иное (указать, что именно): _____

XIII. Согласны ли Вы с утверждением, что более 85 % всех лиц, исповедующих ислам на пространстве государств-участников СНГ не знают содержания более трех-пяти стихов Корана на своем родом языке, так же не знакомы с произведениями основоположников религиозных школ ханафия, моликия, хамбалия и шофеия на соответствующем уровне?

1. вполне согласен;
2. частично согласен;
3. не согласен;

4. затрудняюсь сказать;

5. иное (указать, что именно): _____

XIV. Согласны ли Вы с утверждением, что в отношении организаторов, вербовщиков и лиц, призывающих к насильственному изменению конституционного строя и захвату власти или систематически пропагандирующих такую идеологию, нецелесообразно применять нормы КоАП РТ?

1. вполне согласен;

2. частично согласен;

3. не согласен;

4. затрудняюсь ответить;

5. иное (указать, что именно): _____

XV. Согласны ли Вы с утверждением, что за проставление «лайков» или положительных комментариев, оправдывающих экстремистскую идеологию необходимо привлекать виновных лиц к административной ответственности, а после повторного совершения таких действий в течении года – к уголовной ответственности?

1. вполне согласен;

2. частично согласен;

3. не согласен;

4. затрудняюсь ответить;

5. иное (указать, что именно): _____

XVI. Согласны ли Вы с утверждением, что в отношении лиц, привлеченных к административной или уголовной ответственности за совершения правонарушений экстремистского характера, необходимо применять принудительные меры идеологического характера, на основе государственных образовательных программ путем проведения с такими лицами лекций, бесед и их принуждения к изучению произведений,

формирующих национальную, религиозную и культурную идентичность таджикского народа?

1. вполне согласен;
2. частично согласен;
3. не согласен;
4. затрудняюсь ответить;
5. иное (указать, что именно): _____

XVII. Согласны ли Вы с утверждением, что основной причинной роста количества преступлений, предусмотренной ч. 2 ст. 307(3) УК Республики Таджикистан 73 % – это акцентированное внимание практических работников по возвращению на Родину лиц, примкнувших к экстремистским группировкам за рубежом, так как примечание данной нормы предусматривает основание для освобождения от уголовной ответственности лиц, добровольно вернувшихся на родину?

1. полностью согласен;
2. частично согласен;
3. не согласен;
4. затрудняюсь ответить;
5. иное (указать, что именно): _____

XVIII. Поддерживаете ли Вы инициативу автора о том, что ст. ст. 307(2), 307(3), 307(4) УК РТ представляют взаимосвязанные формы организованного экстремизма, находящиеся в органической связи с идеологической частью данного явления, элементы которого нашли отражение в ст. ст. 307, 307(1) УК РТ и требующие объединения в пределах самостоятельного и дифференцированного состава преступления под названием «Экстремизм»?

1. полностью согласен;
2. частично согласен;
3. не согласен;

4. затрудняюсь ответить;

5. Иное (указать, что именно): _____

XIX. Согласны ли Вы с утверждением, что экстремистская деятельность связана с публичными призывами и оправданием идеологии о насильственном «джихаде», создании «исламского халифата», изменением основ конституционного строя, а также разжигания вражды и розни по политическим, религиозным, националистическим, расовым и местническим мотивам?

1. полностью согласен;

2. частично согласен;

3. не согласен;

4. затрудняюсь ответить;

5. иное (указать, что именно): _____

XX. В заключении, сообщите пожалуйста некоторые сведения о себе.
Должность и место Вашей службы: _____

XXI. Стаж работы:

1. от 1 до 5 лет;

2. от 5 до 15 лет;

3. свыше 15 лет.

Благодарим Вас за участие в опросе!

СВОДНЫЕ ДАННЫЕ

социологического опроса по проблемным вопросам уголовно-правовой
квалификации экстремизма и организации профилактики и предупреждения
современных форм и видов экстремистской преступности

№ вопроса	№ вари- анта	Общая числ. в процентах из расчета 300 чел.	Руководи- тели ОВД 50 чел.	Следователи ОВД 50 чел.	Слушатели 1-го факультета 150 чел.	Преподава- тели 50 чел.
I	1	185-61,66%	28	25	99	33
	2	60-20%	13	15	21	11
	3	27-9%	3	6	15	3
	4	22-7,33%	4	3	13	2
	5	6-2%	2	1	2	1
II	1	169-56,33%	30	23	89	27
	2	74-24,66%	11	17	31	15
	3	25-8,33%	4	7	12	2
	4	25-8,33%	3	2	15	5
	5	7-2,33%	2	1	3	1
III.	1	155-51,66%	28	23	79	25
	2	75-25%	13	17	31	14
	3	24-8%	3	5	12	4
	4	40-13,3%	5	4	25	6
	5	6-2%	1	1	3	1
IV.	1	188-62,66%	32	26	97	33
	2	44-14,66%	7	15	16	6
	3	27-9%	4	5	12	6
	4	35-11,66%	6	3	22	4
	5	6-2%	1	1	3	1
V.	1	126-42%	17	19	69	21
	2	75-25%	11	10	41	13
	3	59-19,66%	13	11	22	13
	4	33-11%	7	7	17	2
	5	7-2,33%	2	3	1	1
VI.	1	120-40%	18	19	61	22
	2	71-23%	10	10	41	10
	3	66-22%	13	11	32	10
	4	41-13,66%	8	9	17	7
	5	3-1%	1	1	0	1
VII.	1	148-49,33%	25	19	80	24
	2	24-8%	5	5	11	3
	3	68-22,66%	11	15	30	12

	4	53-17,66%	8	9	26	10
	5	6-2%	1	1	3	1
VIII.	1	190-63,33%	25	25	113	27
	2	20-6,66%	5	5	7	3
	3	60-20%	11	10	25	14
	4	25-8,33%	8	9	3	5
	5	5-1,66%	1	1	2	1
IX.	1	32-10,66%	9	7	13	3
	2	196-65,33%	33	25	111	27
	3	38-12,66%	4	10	13	11
	4	28-9,33%	3	7	10	8
	5	6-2%	1	1	3	1
X.	1	199-66,33%	32	26	113	28
	2	29-9,66%	10	6	11	2
	3	38-12,66%	4	10	13	11
	4	28-9,33	3	7	10	8
	5	6-2%	1	1	3	1
XI.	1	195-65%	29	27	111	28
	2	54-18%	13	9	21	11
	3	24-8%	5	7	9	3
	4	19-6,33%	2	5	6	6
	5	8-2,66	1	2	3	2
XII.	1	174-58%	23	29	101	21
	2	75-25%	19	7	31	18
	3	22-7,33	5	5	9	3
	4	23-7,66	2	7	7	7
	5	6-2%	1	2	2	1
XIII.	1	160-53,33%	19	27	91	23
	2	89-29,66%	23	9	41	16
	3	28-9,33%	6	7	8	7
	4	15-5%	1	5	6	3
	5	8-2,66%	1	2	4	1
XIV.	1	180-60%	24	32	96	28
	2	69-23%	18	4	36	11
	3	24-8%	5	6	7	6
	4	20-6,66%	2	6	7	5
	5	7-2,33%	1	2	4	0
XV.	1	203-67,66%	32	34	108	29
	2	46-15,33%	10	2	24	10
	3	28-9,33%	6	7	8	7
	4	20-6,66%	1	5	11	3
	5	3-1%	1	1	0	1
XVI.	1	153-51%	16	26	88	23
	2	96-32%	26	10	44	16

	3	20-6,66%	3	5	7	5
	4	29-9,66%	4	7	12	6
	5	2-0,66%	1	1	0	
XVII.	1	165-55%	19	29	91	26
	2	84-28%	23	7	41	13
	3	30-10%	5	8	12	5
	4	16-5,33	3	4	5	4
	5	5-1,66		1	2	2
XVIII.	1	150-50%	17	25	81	27
	2	98-32,66%	25	11	51	11
	3	27-9%	5	9	10	3
	4	21-7%	3	5	7	6
	5	4-1,33%			2	2
XIX.	1	177-59%	27	29	91	30
	2	81-27%	15	14	41	11
	3	20-6,66%	3	4	10	3
	4	22-7,33%	5	3	8	6
	5	1-0,33%			1	
XX.	№ п\п	Занимаемая должность:				
	1	16,6%	Руководители и заместители ОМВД РТ			
	2	16,6%	Следователи МВД и ОМВД РТ			
	3	50%	Слушатели 1-го факультета Академии МВД РТ (оперативные работники, участковые, аналитики)			
	4	16,6%	Преподаватели Академии МВД РТ			
	5	300 чел. (99,9%)	Итого			

**Статистические показатели преступлений экстремистского характера
за 2014-2024 годы, приобретенные на основе официального письма**

ГИАЦ МВД РТ от 20 марта 2025 года, № 14/З-377

№ п/п	Наименование статей УК РТ	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Итого	%
1.	158. Воспрепятствование деятельности политических партий и общественных объединений	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
2.	160. Нарушение порядка организации и проведения собраний, митингов, демонстраций, пикетирований и уличных шествий	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
3.	188. Массовые беспорядки	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
4.	189. Разжигание социальной, расовой, национальной, региональной, религиозной (конфессиональной) вражды или розни	19	47	66	86	84	74	87	8	14	3	3	491	5,17
5.	237. Хулиганство	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
6.	237(1). Вандализм	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
7.	242. Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
8.	243. Надругательство над телами умерших и местами их захоронения	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.

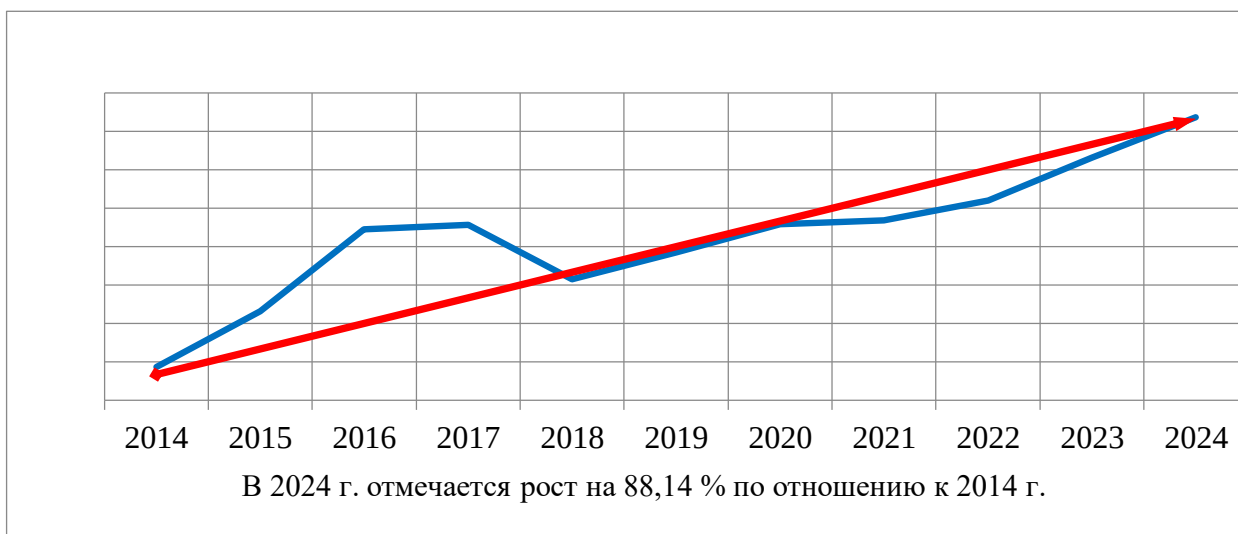
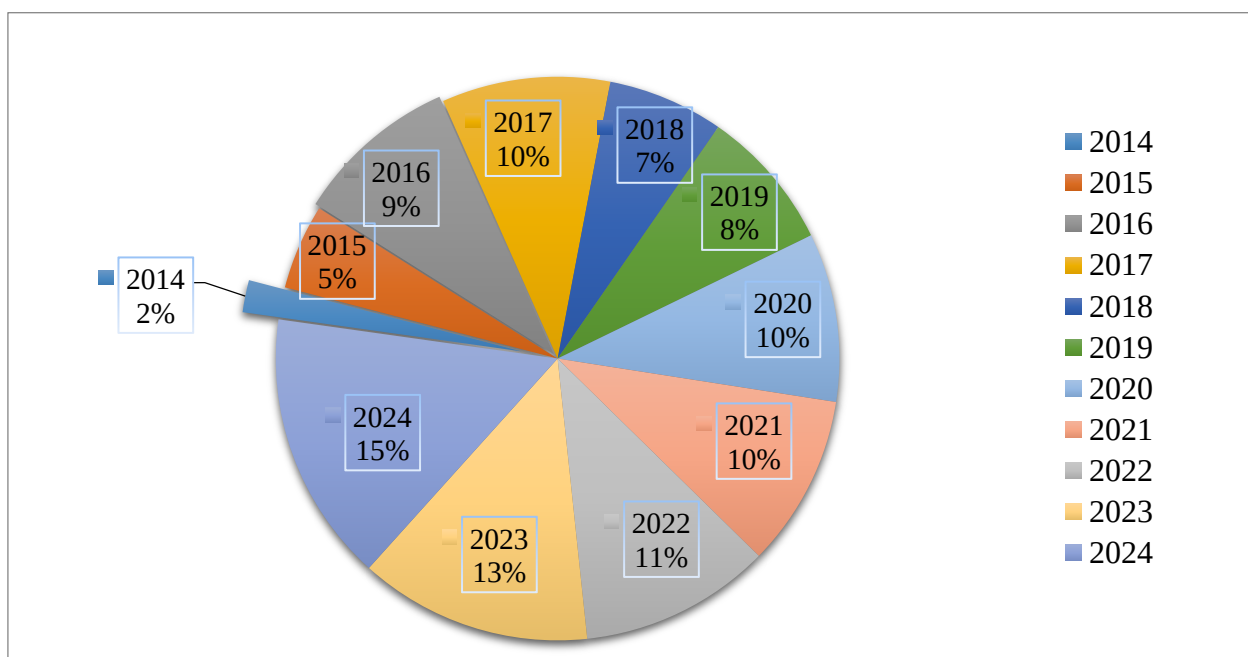
9.	307. Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан	38	39	70	55	36	20	89	43	37	23	23	473	4,98
10.	307(1). Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма	20	47	90	123	73	71	42	132	93	89	79	859	9,05
11.	307(2). Организация экстремистского сообщества	43	112	97	73	35	77	92	37	23	11	33	633	6,67
12.	307(3). Организация деятельности экстремистской организации	55	218	568	579	403	530	607	717	874	1140	1337	7028	74,10
13.	307(4). Организация учебы или учебной группы	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итог		175	463	891	916	631	772	917	937	1041	1266	1475	9484	-
%		1,84	4,88	9,39	9,65	6,65	8,14	9,66	9,87	10,97	13,34	15,55	100	
В 2015 г. отмечается рост совершения преступлений экстремистического характера на 62,21% по отношению к 2014 г.														
В 2016 г. отмечается рост совершения преступлений экстремистического характера на 80,36% по отношению к 2014 г.														
В 2017 г. отмечается рост совершения преступлений экстремистического характера на 80,9% по отношению к 2014 г.														
В 2018 г. отмечается рост совершения преступлений экстремистического характера на 72,27% по отношению к 2014 г.														
В 2019 г. отмечается рост совершения преступлений экстремистического характера на 77,74% по отношению к 2014 г.														
В 2020 г. отмечается рост совершения преступлений экстремистического характера на 80,92% по отношению к 2014 г.														
В 2021 г. отмечается рост совершения преступлений экстремистического характера на 81,33% по отношению к 2014 г.														

В 2022 г. отмечается рост совершения преступлений экстремистического характера на 83,19% по отношению к 2014 г.

В 2023 г. отмечается рост совершения преступлений экстремистического характера на 86,18% по отношению к 2014 г.

В 2024 г. отмечается рост совершения преступлений экстремистического характера на 88,14% по отношению к 2014 г.

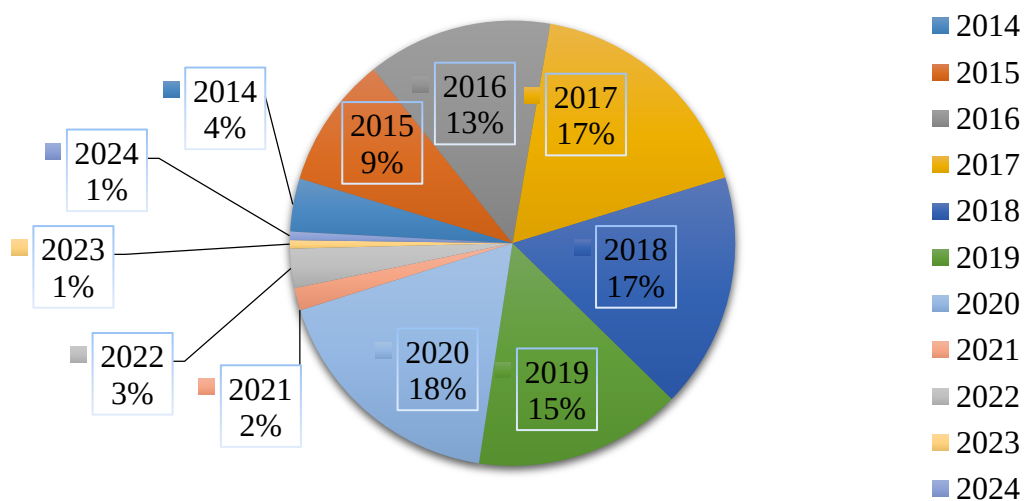
Диаграмма показателей преступлений экстремистского характера, за 2014-2024 гг.

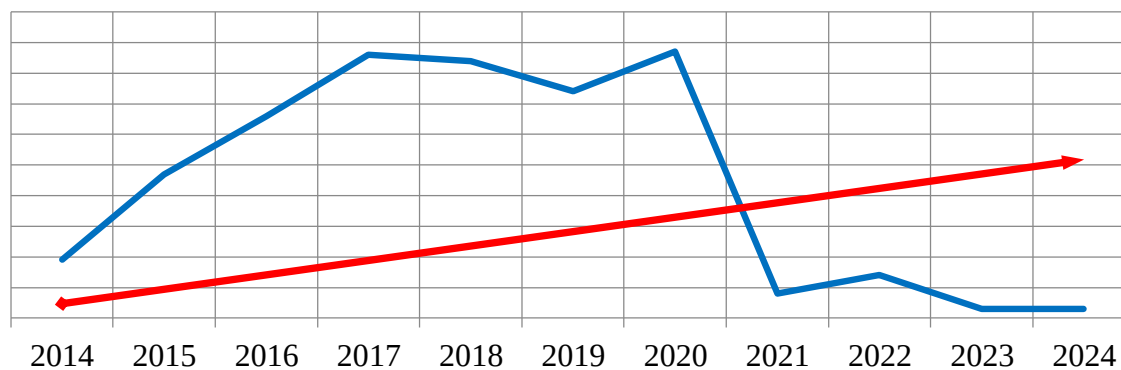
**Статистические показатели ст. 189 УК РТ за 2014-2024 гг.,
анализ по отношению к 2014 году**

Наименование статей УК РТ	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Итого	%
189. Разжигание социальной, расовой, национальной, региональной, религиозной (конфессиональной) вражды или розни	19	47	66	86	84	74	87	8	14	3	3	491	
%	3,86	9,57	13,44	17,51	17,10	15,07	17,71	1,62	2,85	0,61	0,61	100	
В 2015 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 189 на 59,58% по отношению к 2014 г.													
В 2016 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 189 на 71,23% по отношению к 2014 г.													
В 2017 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 189 на 77,91% по отношению к 2014 г.													
В 2018 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 189 на 77,39% по отношению к 2014 г.													
В 2019 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 189 на 74,33% по отношению к 2014 г.													
В 2020 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 189 на 78,17% по отношению к 2014 г.													
В 2021 г. отмечается снижение показателей совершения преступлений по ст. 189 на 57,9% по отношению к 2014 г.													
В 2022 г. отмечается снижение показателей совершения преступлений по ст. 189 на 26,32% по отношению к 2014 г.													
В 2023 г. отмечается снижение показателей совершения преступлений по ст. 189 на 84,22% по отношению к 2014 г.													
В 2024 г. отмечается снижение показателей совершения преступлений по ст. 189 на 84,22% по отношению к 2014 г.													

Диаграмма показателей преступлений **по ст. 189 УК РТ за 2014-2024 гг.**

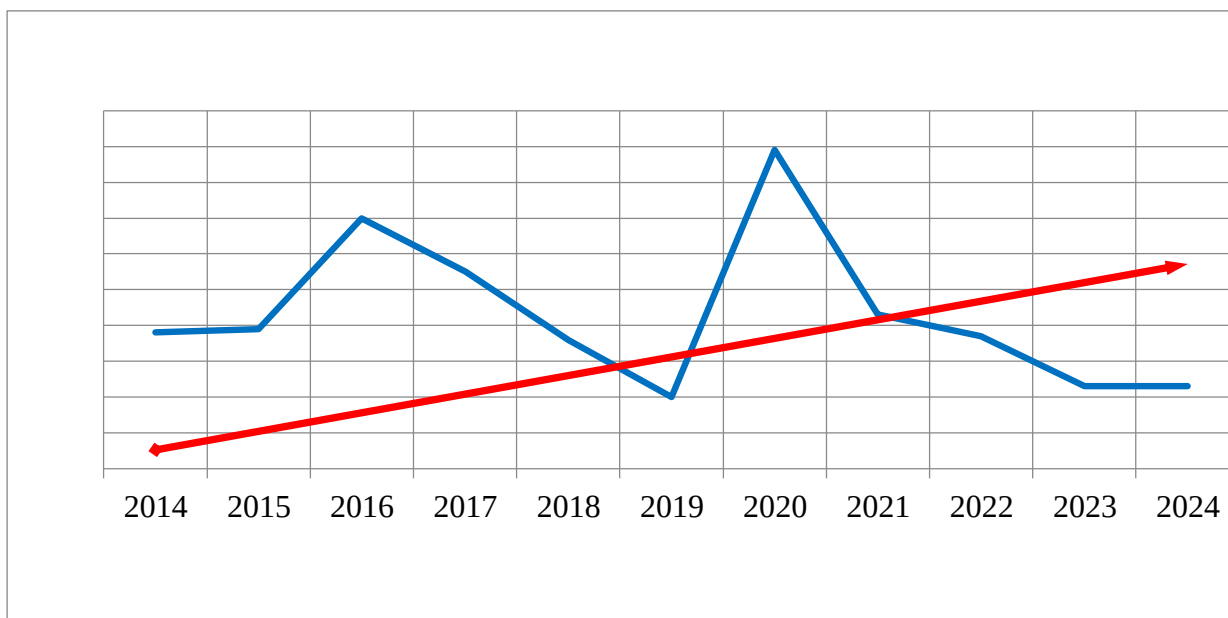
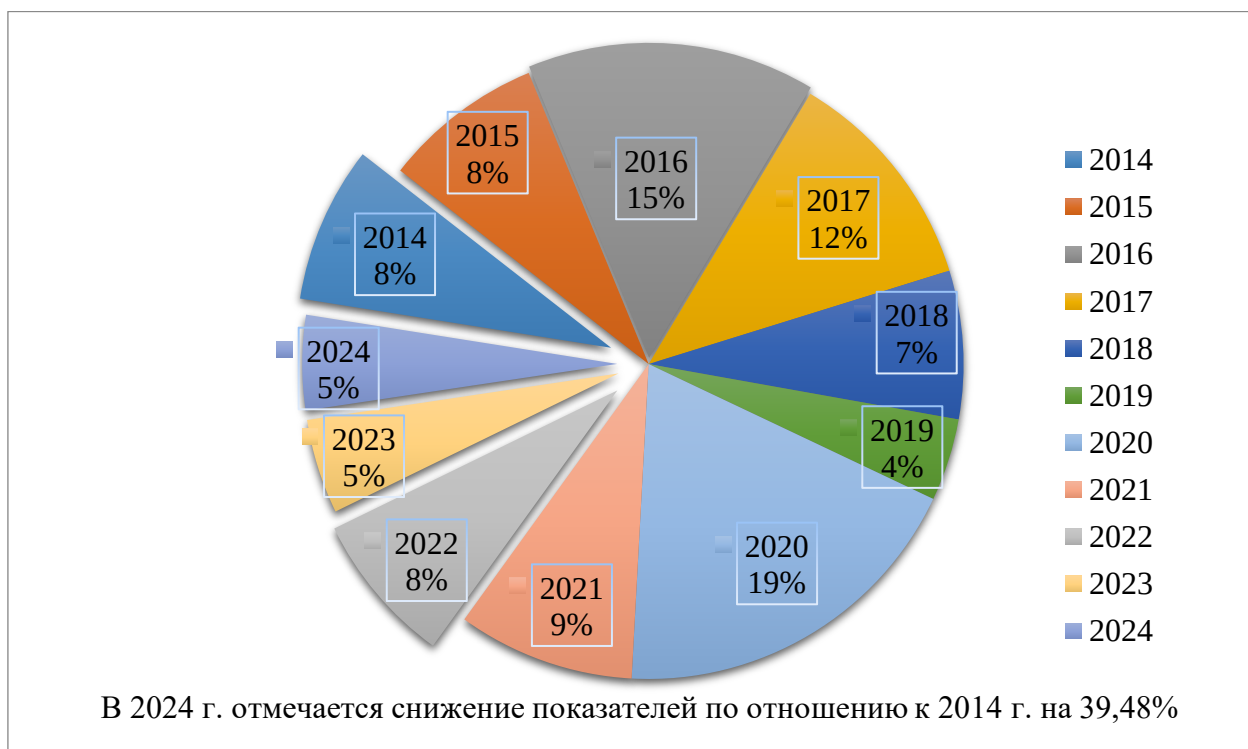
В 2024 г. отмечается снижение показателей по отношению к 2014 г. на 84,22%

**Статистические показатели преступлений, совершенных по ст. 307
УК РТ за 2014-2024 гг., анализ по отношению к 2014 году**

Наименование статей УК РТ	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Итого	%
307. Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан	38	39	70	55	36	20	89	43	37	23	23	473	
%	8,03	8,24	14,79	11,62	7,61	4,22	18,81	9,09	7,82	4,86	4,86	100	
В 2015 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307 на 2,57% по отношению к 2014 г.													
В 2016 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307 на 45,72% по отношению к 2014 г.													
В 2017 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307 на 30,91% по отношению к 2014 г.													
В 2018 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307 на 5,27% по отношению к 2014 г.													
В 2019 г. отмечается снижение показателей совершения преступлений по ст. 307 на 47,37% по отношению к 2014 г.													
В 2020 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307 на 57,31% по отношению к 2014 г.													
В 2021 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307 на 11,63% по отношению к 2014 г.													
В 2022 г. отмечается снижение показателей совершения преступлений по ст. 307 на 2,64% по отношению к 2014 г.													
В 2023 г. отмечается снижение показателей совершения преступлений по ст. 307 на 39,48% по отношению к 2014 г.													
В 2024 г. отмечается снижение показателей совершения преступлений по ст. 307 на 39,48% по отношению к 2014 г.													

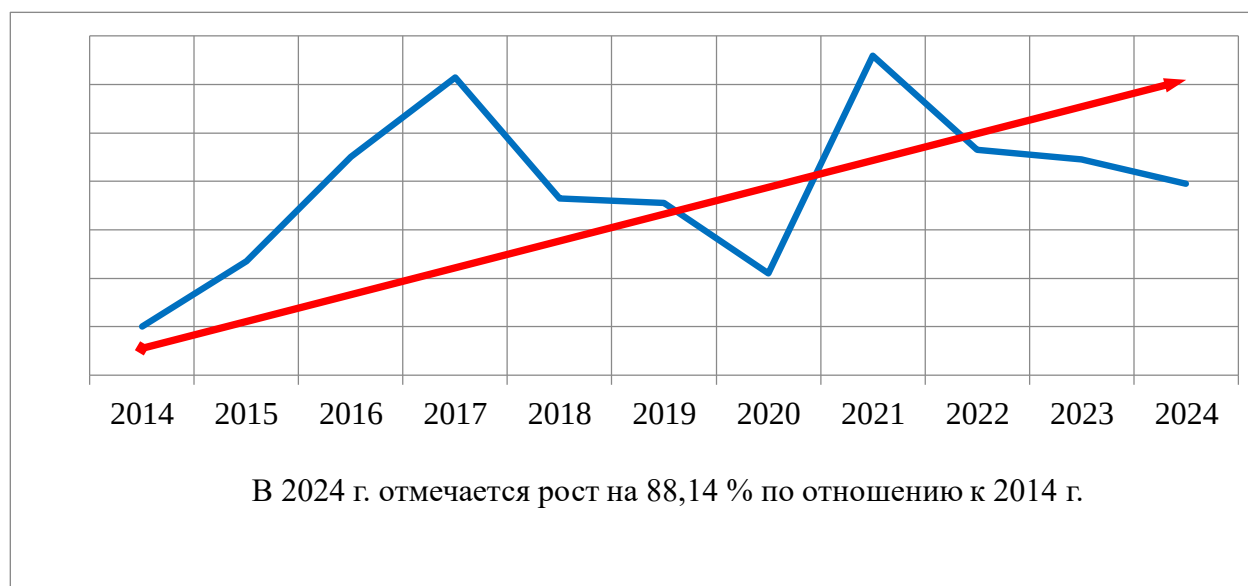
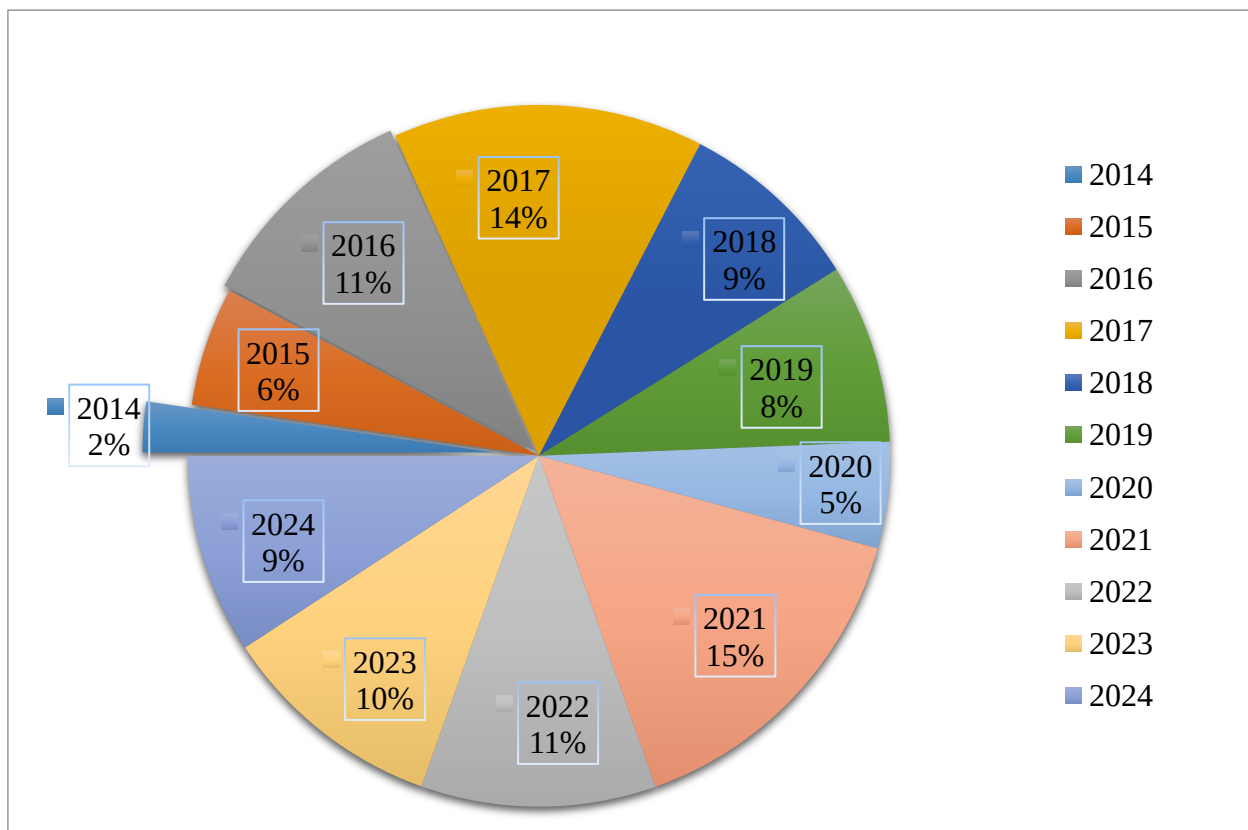
**Диаграмма показателей преступлений, совершенных
по ст. 307 УК РТ за 2014-2024 гг.**

**Статистические показатели совершенных преступлений по ст. 307(1)
УК РТ за 2014-2024 гг., анализ по отношению к 2014 году**

Наименование статей УК РТ	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Итого	%
307(1). Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма	20	47	90	123	73	71	42	132	93	89	79	859	
%	2,32	5,47	10,47	14,31	8,49	8,26	4,88	15,36	10,82	10,36	9,19	100	
В 2015 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(1) на 57,45% по отношению к 2014 г.													
В 2016 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(1) на 77,78% по отношению к 2014 г.													
В 2017 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(1) на 83,74% по отношению к 2014 г.													
В 2018 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(1) на 72,61% по отношению к 2014 г.													
В 2019 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(1) на 71,84% по отношению к 2014 г.													
В 2020 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(1) на 52,39% по отношению к 2014 г.													
В 2021 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(1) на 84,85% по отношению к 2014 г.													
В 2022 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(1) на 78,5% по отношению к 2014 г.													
В 2023 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(1) на 77,58% по отношению к 2014 г.													
В 2024 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(1) на 74,69% по отношению к 2014 г.													

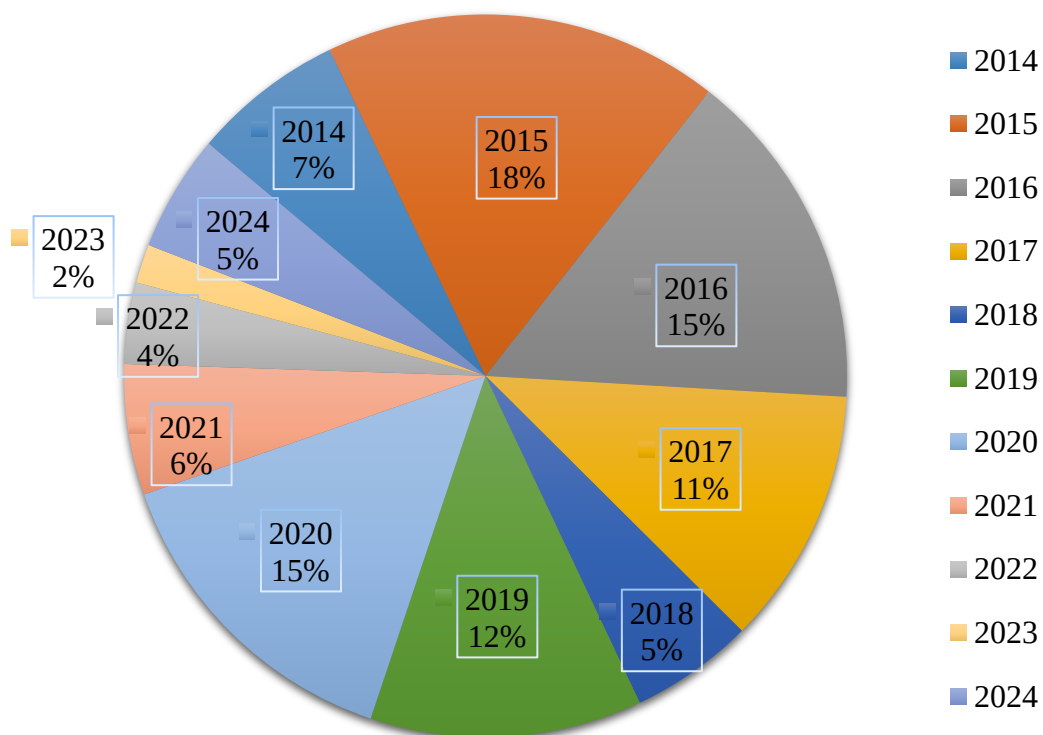
**Диаграмм показателей преступлений по ст. 307(1)
УК РТ, за 2014-2024 гг.**

**Статистические показатели преступлений, совершенных по ст. 307(2)
УК РТ за 2014-2024 гг., анализ по отношению к 2014 году**

Наименование статей УК РТ	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Итого	%
307(2). Организация экстремистского сообщества	43	112	97	73	35	77	92	37	23	11	33	633	
%	6,79	17,69	15,32	11,53	5,52	12,16	14,53	5,84	3,63	1,73	5,21	100	
В 2015 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(2) на 61,61% по отношению к 2014 г.													
В 2016 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(2) на 56,68% по отношению к 2014 г.													
В 2017 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(2) на 41,1% по отношению к 2014 г.													
В 2018 г. отмечается снижение показателей совершения преступлений по ст. 307(2) на 18,61% по отношению к 2014 г.													
В 2019 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(2) на 44,16% по отношению к 2014 г.													
В 2020 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(2) на 53,27% по отношению к 2014 г.													
В 2021 г. отмечается снижение показателей совершения преступлений по ст. 307(2) на 13,96% по отношению к 2014 г.													
В 2022 г. отмечается снижение показателей совершения преступлений по ст. 307(2) на 46,52% по отношению к 2014 г.													
В 2023 г. отмечается снижение показателей совершения преступлений по ст. 307(2) на 74,42% по отношению к 2014 г.													
В 2024 г. отмечается снижение показателей совершения преступлений по ст. 307(2) на 23,26% по отношению к 2014 г.													

**Диаграмма показателей преступлений, совершенных
по ст. 307(2) УК РТ за 2014-2024 гг.**

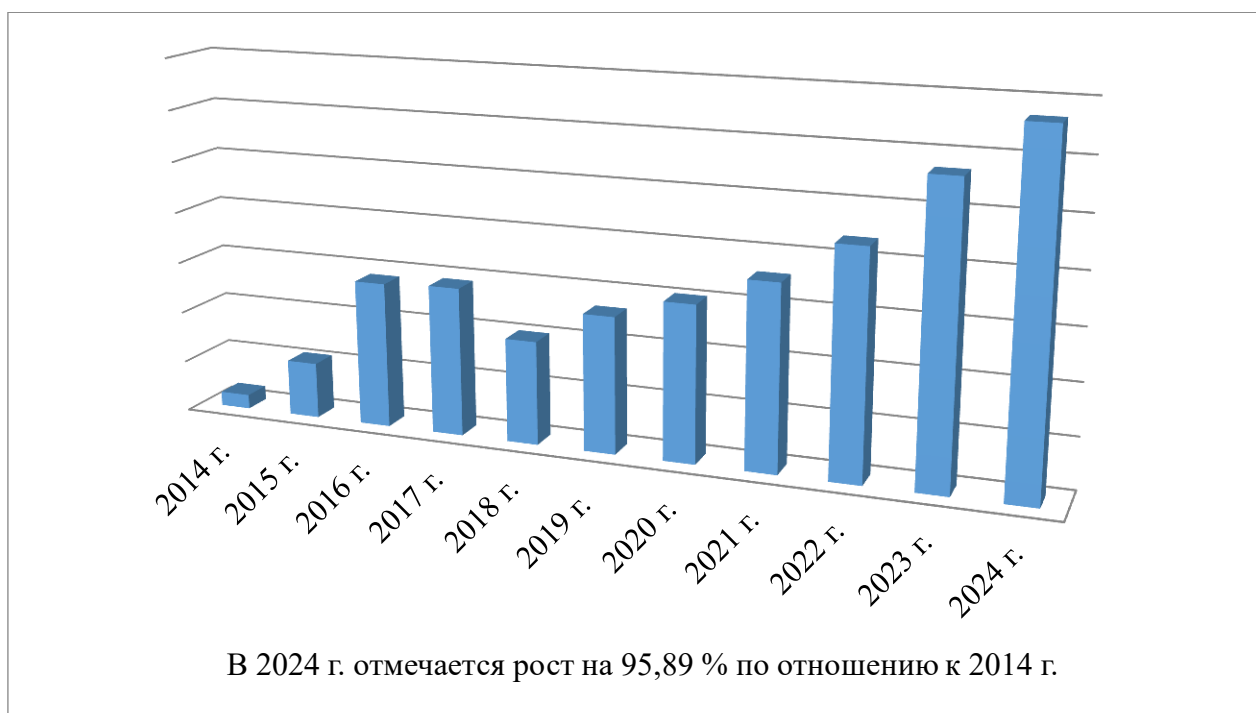
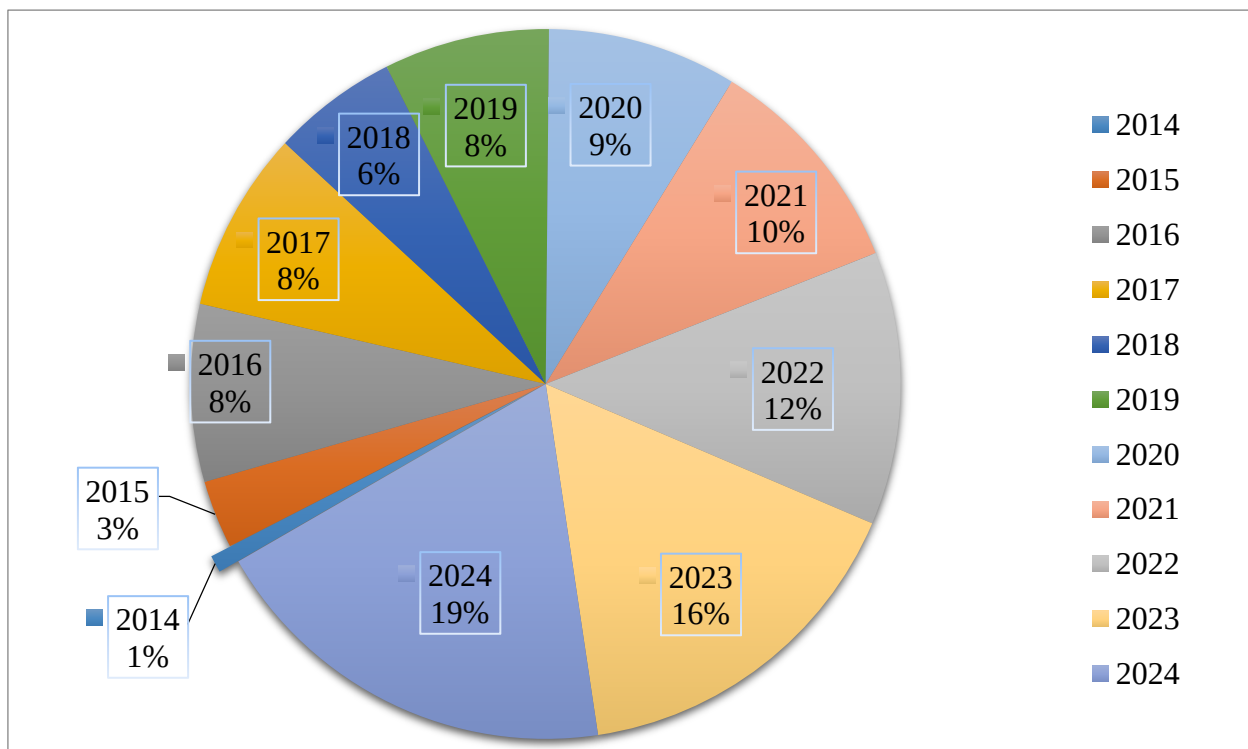
В 2024 г. отмечается снижение по отношению к 2014 г. на 23,26%

**Статистические показатели совершения преступлений,
предусмотренных ст. 307(3) УК РТ за 2014-2024 гг.,
анализ по отношению к 2014 году**

Наименование статей УК РТ	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Итого	%
307(3). Организация деятельности экстремистской организации	55	218	568	579	403	530	607	717	874	1140	1337	7028	
%	0,78	3,10	8,08	8,23	5,73	7,54	8,63	10,20	12,43	16,22	19,02	100	
В 2015 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(3) на 74,78% по отношению к 2014 г.													
В 2016 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(3) на 90,32% по отношению к 2014 г.													
В 2017 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(3) на 90,51% по отношению к 2014 г.													
В 2018 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(3) на 86,36% по отношению к 2014 г.													
В 2019 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(3) на 89,63% по отношению к 2014 г.													
В 2020 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(3) на 90,94% по отношению к 2014 г.													
В 2021 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(3) на 92,33% по отношению к 2014 г.													
В 2022 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(3) на 93,71% по отношению к 2014 г.													
В 2023 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(3) на 95,18% по отношению к 2014 г.													
В 2024 г. отмечается рост показателей совершения преступлений по ст. 307(3) на 95,89% по отношению к 2014 г.													

Диаграмм показателей преступлений по ст. 307(3)

УК РТ, за 2014-2024 гг.

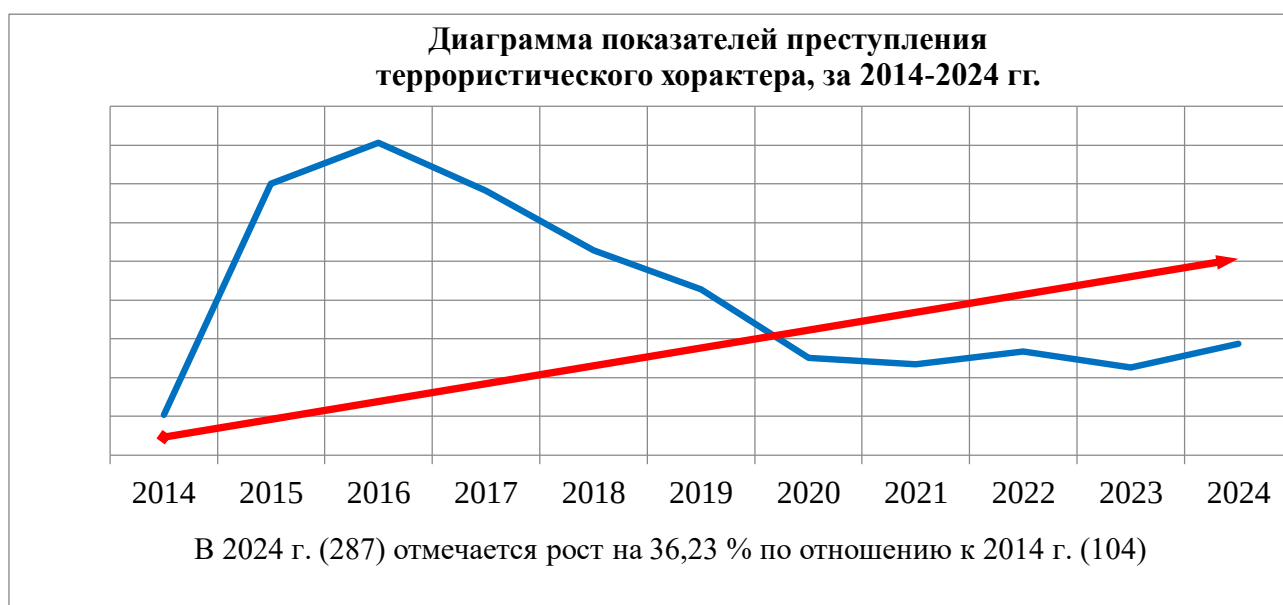
Статистические показатели преступлений террористического характера, совершенные за 2014-2024 гг. и их анализ по отношению к 2014 году

№ п/п	Наименование статей УК РТ	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Итого	%
1.	179. Терроризм	12	11	17	26	13	7	4	6	40	10	6	152	3,36
2.	179(1). Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению	3	-	4	11	10	5	5	4	19	12	10	83	1,83
3.	179(2). Финансирование преступлений террористического характера	-	-	12	38	46	40	22	15	24	22	206	425	9,40
4.	179(3). Публичные призывы к совершению преступлений террористического характера и (или) публичное оправдание террористической деятельности	-	1	1	-	1	6	4	2	20	17	6	58	1,28
5.	181. Захват заложника	5	10	6	2	5	4	2	2	11	2	-	49	1,08
6.	182. Захват зданий, сооружений, средств сообщения и связи	1	1	-	-	1	3	-	1	15	2	-	24	0,53
7.	184. Угон или захват воздушного, водного судна либо железнодорожного состава	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	0,02

8.	184(1). Захват, разрушение, совершение актов насилия на стационарной платформе, расположенной на континентальном шельфе	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
9.	184(2). Умышленные действия против безопасности воздушного или водного судна	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
10.	184(3). Умышленные действия против безопасности аэропортов, обслуживающих гражданскую авиацию	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
11.	184(4). Незаконная перевозка на транспорте лица, совершившего преступление террористического характера	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
12.	185. Организация незаконного вооруженного формирования	28	.	.	.	1	1	.	2	.	.	.	32	0,70
13.	194. Хищение радиоактивных материалов	.	.	.	.	.	.	.	.	.	1	2	3	0,06
14.	194(1). Незаконное использование радиоактивного материала, устройства или ядерного объекта	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
15.	194(2). Умышленные действия против безопасности ядерной установки	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
16.	194(3). Незаконное изготовление ядерного взрывного устройства либо устройства, излучающего радиацию	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.

17.	194(4). Незаконная перевозка взрывчатых веществ, радиоактивных материалов, биологического, химического или ядерного оружия на борту водного, воздушного судна или наземном транспорте	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
18.	194(5). Незаконное использование или сбрасывание с судна или стационарной платформы, расположенной на континентальном шельфе, взрывчатых веществ, биологического, химического или ядерного оружия, опасных и вредных веществ	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.	.
19.	310. Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля Республики Таджикистан	.	.	.	1	.	.	.	.	.	.	.	1	0,02
20.	401(1). Незаконное вовлечение и участие граждан Республики Таджикистан и лиц без гражданства в вооруженных подразделениях, вооруженном конфликте или военных действиях на территории других государств	55	678	767	604	452	361	214	202	139	160	57	3689	81,66
21.	402. Нападение на лиц и учреждения, пользующихся международной защитой	-	-	.	-	.	.	.	.	.	.	.	.	-
Итог		104	701	807	683	529	427	251	234	268	226	287	4517	
%		2,30	15,51	17,86	15,12	11,71	9,45	5,55	5,18	5,93	5,00	6,35	100	

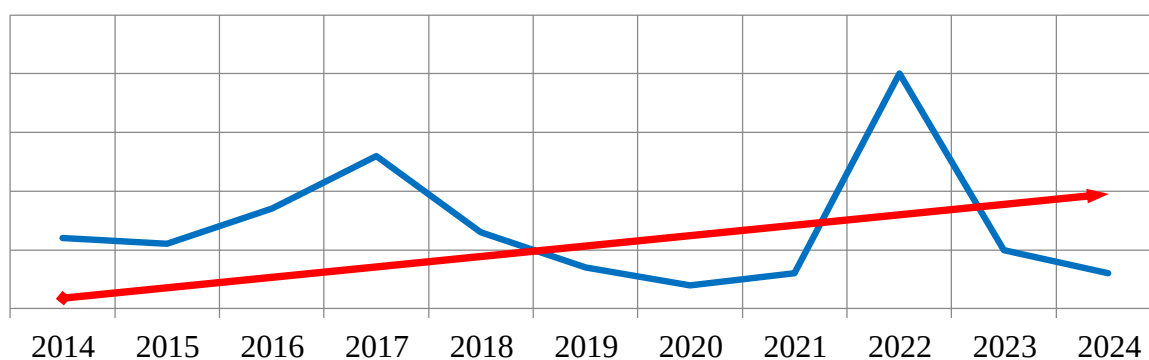
В 2015 г. отмечается рост преступлений террористического характера на 85,17% по отношению к 2014 г.
В 2016 г. отмечается рост преступлений террористического характера на 87,12% по отношению к 2014 г.
В 2017 г. отмечается рост преступлений террористического характера на 84,78% по отношению к 2014 г.
В 2018 г. отмечается рост преступлений террористического характера на 80,35% по отношению к 2014 г.
В 2019 г. отмечается рост преступлений террористического характера на 75,65% по отношению к 2014 г.
В 2020 г. отмечается рост преступлений террористического характера на 58,57% по отношению к 2014 г.
В 2021 г. отмечается рост преступлений террористического характера на 55,56% по отношению к 2014 г.
В 2022 г. отмечается рост преступлений террористического характера на 61,2% по отношению к 2014 г.
В 2023 г. отмечается рост преступлений террористического характера на 53,99% по отношению к 2014 г.
В 2024 г. отмечается рост преступлений террористического характера на 36,23% по отношению к 2014 г.

**Статистические показатели преступлений, совершенных по ст. 179
УК РТ за 2014-2024 гг., анализ по отношению к 2014 году**

Наименование статей УК РТ	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Итого	%
179. Терроризм	12	11	17	26	13	7	4	6	40	10	6	152	
%	7,89	7,23	11,18	17,10	8,55	4,60	2,63	3,94	26,31	6,57	3,94		100
В 2015 г. отмечается снижение показателей преступлений по ст. 179 на 8,34% по отношению к 2014 г.													
В 2016 г. отмечается рост показателей преступ. по ст. 179 на 29,42% по отношению к 2014 г.													
В 2017 г. отмечается рост показателей преступ. по ст. 179 на 53,85% по отношению к 2014 г.													
В 2018 г. отмечается рост показателей преступ. по ст. 179 на 7,7% по отношению к 2014 г.													
В 2019 г. отмечается снижение показателей преступлений по ст. 179 на 41,67% по отношению к 2014 г.													
В 2020 г. отмечается снижение показателей преступлений по ст. 179 на 66,67% по отношению к 2014 г.													
В 2021 г. отмечается снижение показателей преступлений по ст. 179 на 50% по отношению к 2014 г.													
В 2022 г. отмечается рост показателей преступ. по ст. 179 на 70% по отношению к 2014 г.													
В 2023 г. отмечается снижение показателей преступлений по ст. 179 на 16,67% по отношению к 2014 г.													

**Диаграмма показателей преступлений, совершенных по
ст. 179 УК РТ за 2014-2024 гг.**

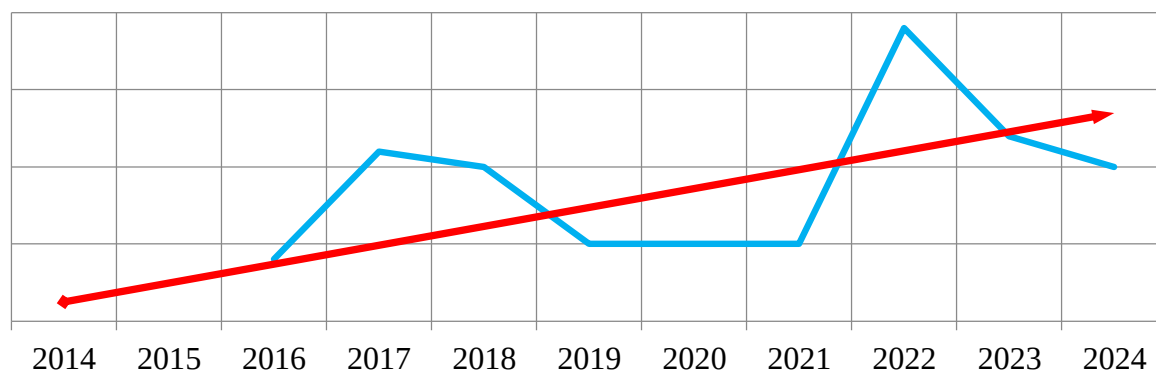
В 2024 г. отмечается снижение на 50% по отношению к 2014 г.

Статистические показатели преступлений, совершенных по ст. 179(1)

УК РТ за 2014-2024 гг., анализ по отношению к 2014 году

Наименование статей УК РТ	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Итого	%
179(1). Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению	3	-	4	11	10	5	5	5	19	12	10	84	
%	3,57	-	4,76	13,09	11,90	5,95	5,95	5,95	22,61	14,28	11,90	100	
В 2015 г. незарегистрировано преступлений, свершенных по ст. 179(1)													
В 2016 г. отмечается рост показателей преступ. по ст. 179(1) на 25% по отношению к 2014 г.													
В 2017 г. отмечается рост показателей преступ. по ст. 179(1) на 73% по отношению к 2014 г.													
В 2018 г. отмечается рост показателей преступ. по ст. 179(1) на 70% по отношению к 2014 г.													
В 2019 г. отмечается рост показателей преступ. по ст. 179(1) на 40% по отношению к 2014 г.													
В 2020 г. отмечается рост показателей преступ. по ст. 179(1) на 40% по отношению к 2014 г.													
В 2021 г. отмечается рост показателей преступ. по ст. 179(1) на 40% по отношению к 2014 г.													
В 2022 г. отмечается рост показателей преступ. по ст. 179(1) на 84% по отношению к 2014 г.													
В 2023 г. отмечается рост показателей преступ. по ст. 179(1) на 75% по отношению к 2014 г.													
В 2024 г. отмечается рост показателей преступ. по ст. 179(1) на 70% по отношению к 2014 г.													

Диаграмма показателей преступлений по ст. 179(1)
УК РТ, за 2014-2024 гг.

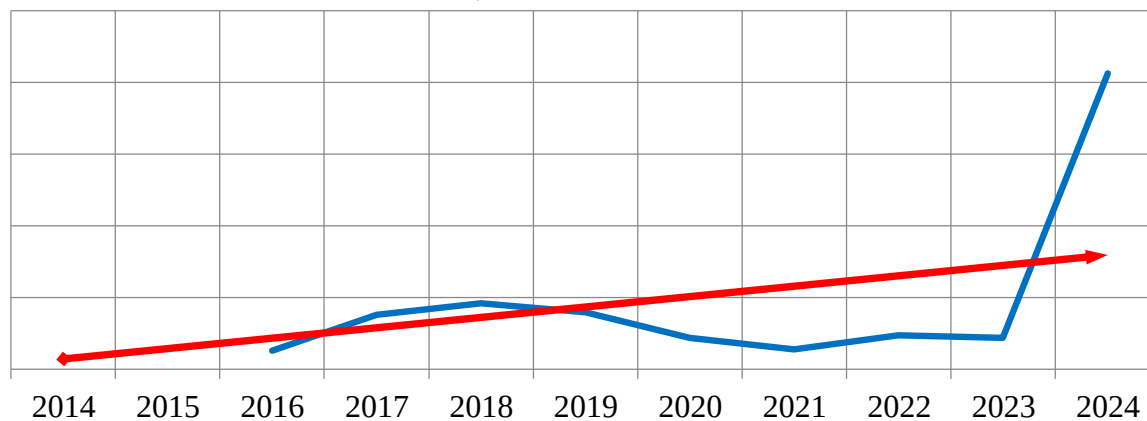

В 2024 г. отмечается рост на 70 % по отношению к 2014 г.

**Статистические показатели преступлений, совершенных по ст. 179(2)
УК РТ за 2014-2024 гг., анализ по отношению к 2014 году**

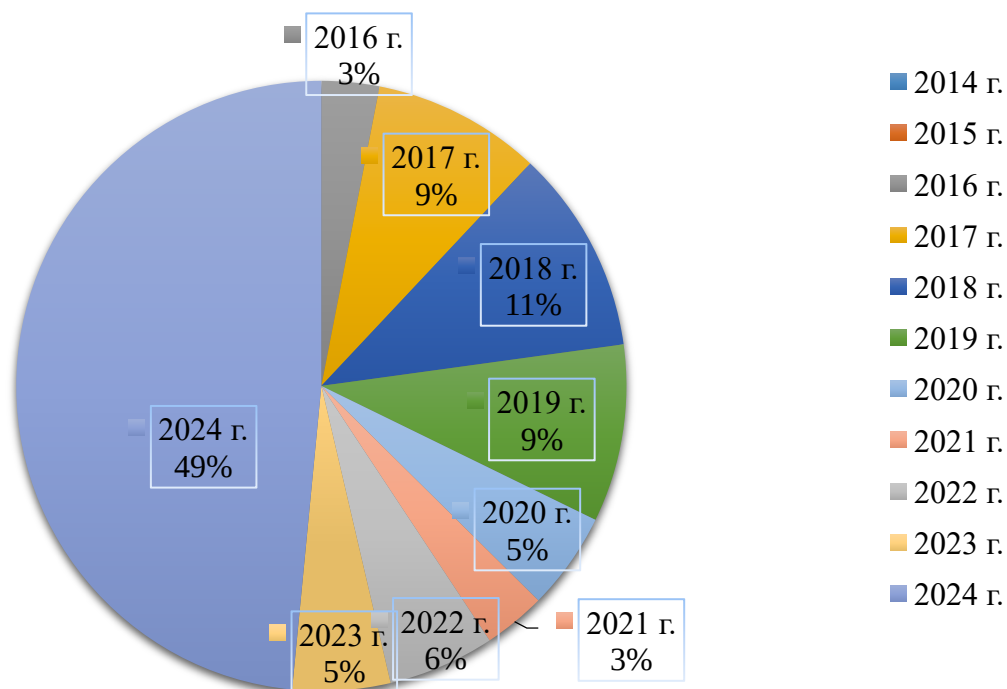
Наименование статей УК РТ	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Итог	%
179(2). Финансирование преступлений террористического характера	-	-	13	38	46	40	22	14	24	22	206	425	
%	-	-	3,05	8,94	10,82	9,41	5,17	3,29	5,64	5,17	48,47	100	
В 2015 г. незарегистрировано преступлений по ст. 179(2)													
В 2017 г. отмечается рост показателей преступлений по ст. 179(2) на 65,79% по отношению к 2016 г.													
В 2018 г. отмечается рост показателей преступлений по ст. 179(2) на 71,74% по отношению к 2016 г.													
В 2019 г. отмечается рост показателей преступлений по ст. 179(2) на 67,5% по отношению к 2016 г.													
В 2020 г. отмечается рост показателей преступлений по ст. 179(2) на 40,91% по отношению к 2016 г.													
В 2021 г. отмечается рост показателей преступлений по ст. 179(2) на 7,15% по отношению к 2016 г.													
В 2022 г. отмечается рост показателей преступлений по ст. 179(2) на 45,84% по отношению к 2016 г.													
В 2023 г. отмечается рост показателей преступлений по ст. 179(2) на 40,91% по отношению к 2016 г.)													
В 2024 г. отмечается рост показателей преступлений по ст. 179(2) на 93,69% по отношению к 2016 г.													

**Диаграмма показателей преступлений по ст. 179(2)
УК РТ, за 2014-2024 гг.**

В 2024 г. отмечается рост на 93,69 % по отношению к 2014 г.

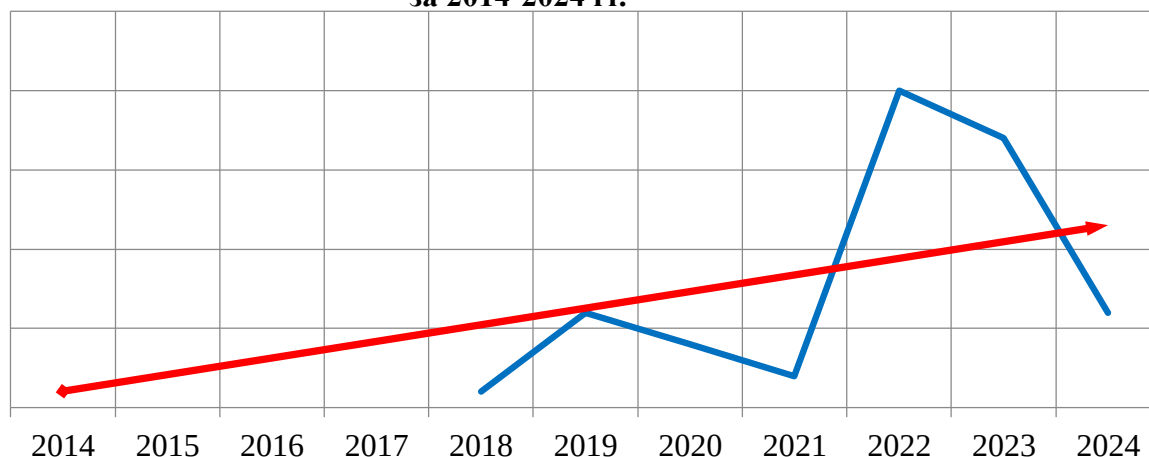
**Диаграмма показателей преступлений, совершенных
по ст. 179(2) УК РТ за 2014-2024 гг.**

**Статистические показатели преступлений, совершенных по ст. 179(3) УК
РТ за 2014-2024 гг., анализ по отношению к 2014 году**

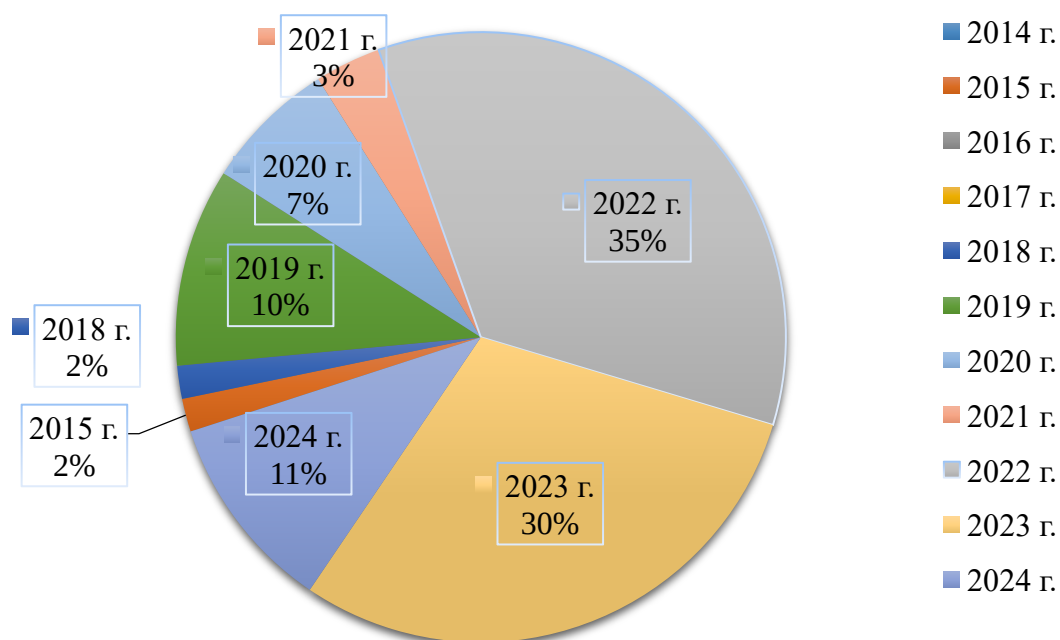
Наименование статей УК РТ	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Итого	%
179(3). Публичные призывы к совершению преступлений террористического характера и (или) публичное оправдание террористической деятельности	-	1	-	-	1	6	4	2	20	17	6	57	
%	-	1,75	-	-	1,75	10,52	7,01	3,50	35,08	29,82	10,52	100	
В 2016 г. незарегистрировано преступлений по ст. 179(3)													
В 2017 г. незарегистрировано преступлений по ст. 179(3)													
В 2019 г. отмечается рост показателей преступлений по ст. 179(3) на 83,34% по отношению к 2015 г.													
В 2020 г. отмечается рост показателей преступлений по ст. 179(3) на 75% по отношению к 2015 г.													
В 2021 г. отмечается рост показателей преступлений по ст. 179(3) на 50% по отношению к 2015 г.													
В 2022 г. отмечается рост показателей преступлений по ст. 179(3) на 95% по отношению к 2015 г.													
В 2023 г. отмечается рост показателей преступлений по ст. 179(3) на 94,12% по отношению к 2015 г.													
В 2024 г. отмечается рост показателей преступлений по ст. 179(3) на 83,34% по отношению к 2015 г.													

**Диаграмма показателей преступлений по ст. 179(3) УК РТ,
за 2014-2024 гг.**

В 2024 г. отмечается рост на 83,34 % по отношению к 2015 г.

**Диаграмм показателей преступлений, совершенных
по ст. 179(3) УК РТ, за 2014-2024 гг.**

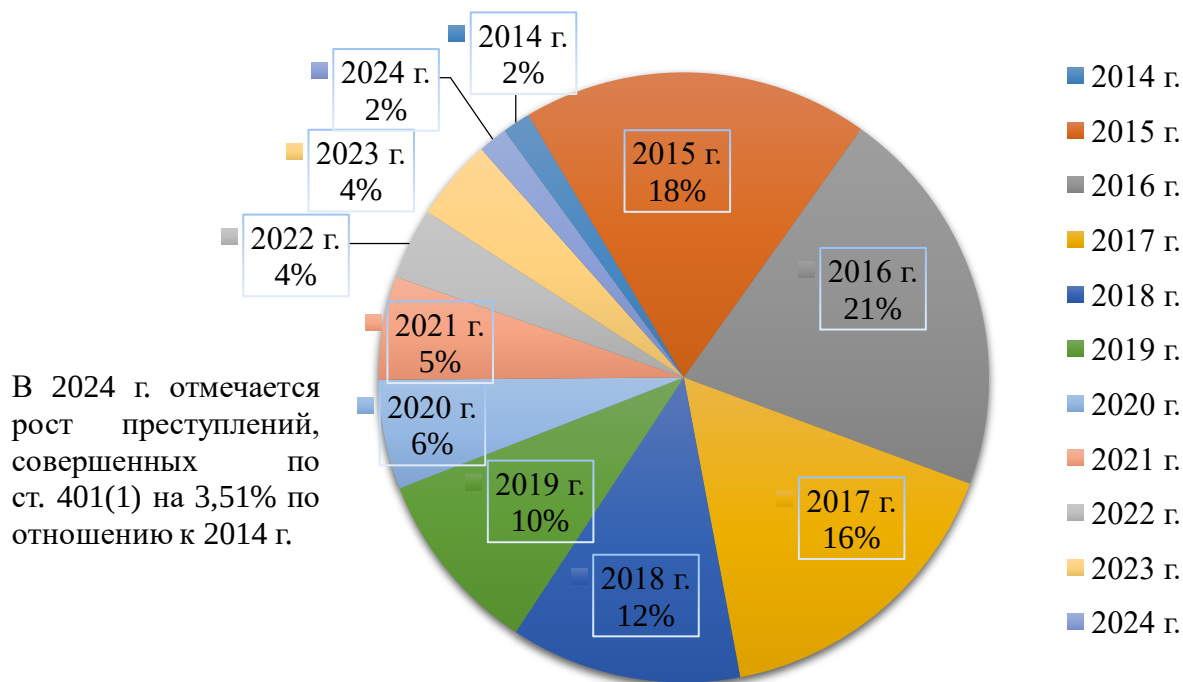

В 2024 г. отмечается рост на 83,34% по отношению к 2015 г.

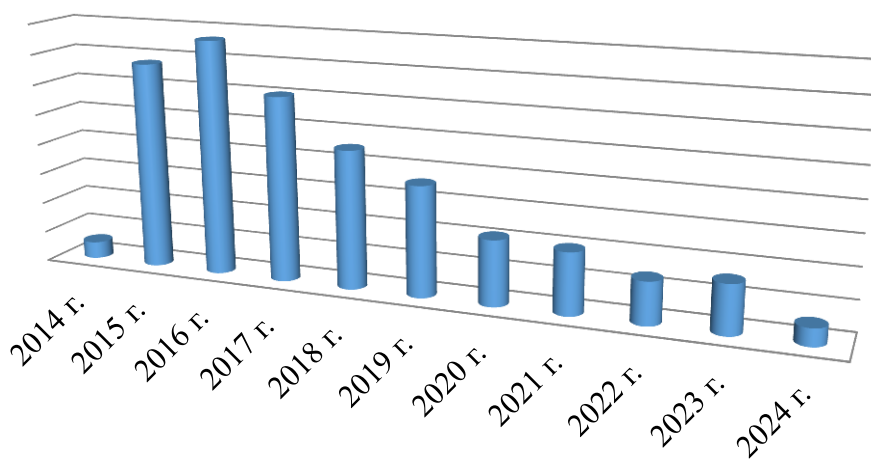
**Статистические показатели преступлений, совершенных по ст. 401(1)
УК РТ за 2014-2024 гг., анализ по отношению к 2014 году**

Наименование статей УК РТ	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Итог	%
401(1). Незаконное вовлечение и участие граждан Республики Таджикистан и лиц без гражданства в вооруженных подразделениях, вооруженном конфликте или военных действиях на территории других государств	55	678	767	604	452	361	214	202	139	160	57	3689	
%	1,49	18,37	20,79	16,37	12,25	9,78	5,80	5,47	3,76	4,33	1,54		100
В 2015 г. отмечается рост преступлений по ст. 401(1) на 91,89% по отношению к 2014 г.													
В 2016 г. отмечается рост преступлений по ст. 401(1) на 82,83% по отношению к 2014 г.													
В 2017 г. отмечается рост преступлений по ст. 401(1) на 90,9% по отношению к 2014 г.													
В 2018 г. отмечается рост преступлений по ст. 401(1) на 87,84% по отношению к 2014 г.													
В 2019 г. отмечается рост преступлений по ст. 401(1) на 84,77% по отношению к 2014 г.													
В 2020 г. отмечается рост преступлений по ст. 401(1) на 74,3% по отношению к 2014 г.													
В 2021 г. отмечается рост преступлений по ст. 401(1) на 72,78% по отношению к 2014 г.													
В 2022 г. отмечается рост преступлений по ст. 401(1) на 60,44% по отношению к 2014 г.													
В 2023 г. отмечается рост преступлений по ст. 401(1) на 65,63% по отношению к 2014 г.													
В 2024 г. отмечается рост преступлений по ст. 401(1) на 3,51% по отношению к 2014 г.													

Диаграмма показателей преступлений, совершенных по ст. 401(1) УК РТ, за 2014-2024 гг.

Диаграмм показателей преступлений по ст. 401(1) УК РТ, за 2014-2024 гг.

В 2024 г. отмечается рост преступлений по ст. 401.1 на 3,51 % по отношению к 2014 г.

Изменение структуры преступлений экстремистского и террористического характера в процентах при квалификации по совокупности преступлений за 2014-2024 гг.².

За 2014-2024 годы деяния 83% виновных лиц квалифицируются по одной статье, 9% по двум и 8% таких преступлений по трем и больше статьям УК РТ.

² Зелёный (или оранжевый) цвет по одной статье, красный (или голубой) цвет по двум и синий (или желтый) цвет по трем статьям УК РТ.

Структура преступлений экстремистского и террористического характера в процентах при квалификации деяний виновных лиц по одной или нескольким статьям УК РТ за 2013 г.

№ р/г	2013	%
1	Статья 185	5,26
	Часть 1	
	Часть 2	
2	Часть 2 статьи 187	52,63
3	Часть 1 статьи 188	2,63
4	Часть 2 статьи 189	2,63
5	Статья 307	26,31
	Часть 1	
	Часть 3	
6	Часть 2 статьи 307(1)	2,63
7	Часть 2 статьи 307(3)	7,89

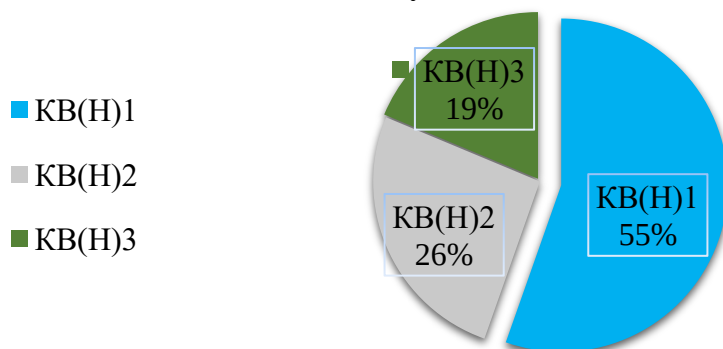

В 2013 году в отношении 41,17% виновных лиц за экстремизм и терроризм возбуждены уголовные дела по одной статье УК РТ, в отношении 21,17% – по двум статьям и в отношении 34,11% – по трем и более статьям УК РТ.

Структура преступлений экстремистского и террористического характера в процентах при квалификации деяний виновных лиц по одной или нескольким статьям УК РТ за 2014 г.

№ р/г	2014	%
1	Статья 179	3,89
	Часть 1	
	Часть 2	
2	Часть 2 статьи 181	1,29
3	Статья 185	23,37
	Часть 1	
	Часть 2	
4	Статья 187	19,48
	Часть 1	
	Часть 2	
	Часть 3	
5	Часть 1 статьи 188	1,29
6	Статья 189	16,88
	Часть 1	
	Часть 2	
7	Часть 1 статьи 193	1,29
8	Статья 307	15,58
	Часть 1	
	Часть 2	
	Часть 3	
9	Часть 2 статьи 307(1)	1,29
10	Часть 2 статьи 307(3)	12,98
11	Часть 2 статьи 313	1,29
12	Часть 1 статьи 401(1)	1,29

Диаграмма по процентному соотношению квалификации преступлений экстремистского и террористического характера по совокупности за 2014 г.

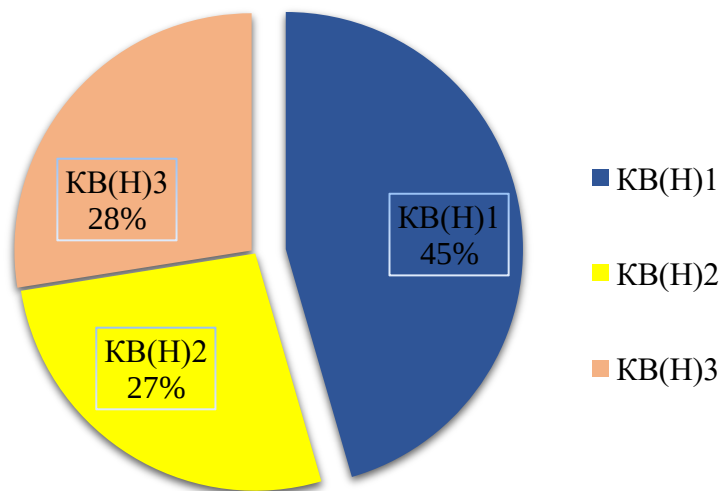

В 2014 году в отношении 55% виновных лиц за экстремизм и терроризм возбуждены уголовные дела по одной статье УК РТ, в отношении 26% по двум статьям и в отношении 19% – по трем и более статьям УК РТ.

**Структура преступлений экстремизма и терроризма
в процентах при квалификации деяний виновных лиц по одной или
нескольким статьям УК РТ за 2015 г.**

№ р/г	2015	%
1	Часть 3 статьи 179	0,57
2	Статья 187	20,80
	Часть 1	
	Часть 2	
3	Статья 189	4,62
	Часть 1	
	Часть 2	
4	Статья 307	42,19
	Часть 1	
	Часть 2	
	Часть 3	
5	Часть 2 статьи 307(1)	1,73
6	Статья 307(2)	1,15
	Часть 1	
	Часть 2	
7	Статья 307(3)	10,98
	Часть 1	
	Часть 2	
8	Статья 313	0,57
9	Статья 401(1)	17,34
	401(1)	
	Часть 1	

Диаграмма в процентном соотношении квалификации преступлений экстремизма и терроризма по совокупности за 2015 г.

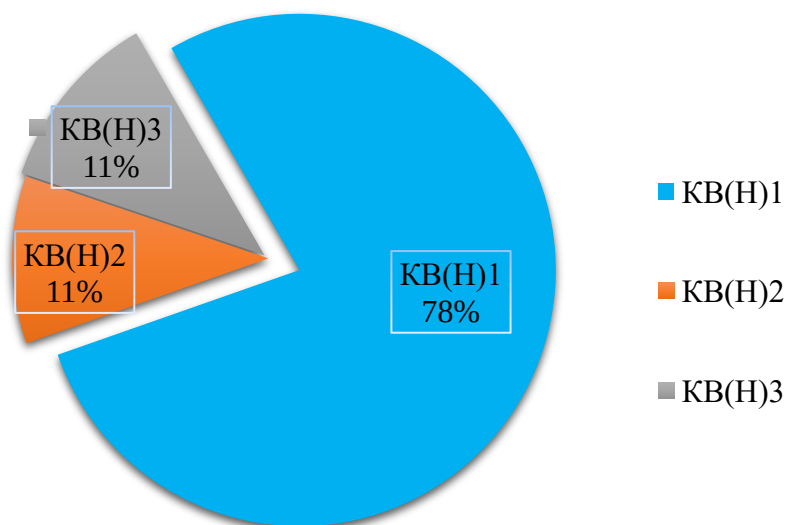

В 2015 году в отношении 45,64% виновных лиц за экстремизм и терроризм возбуждены уголовные дела по одной статье (далее – KB(H) 1), в отношении 54,36% лиц – по двум статьям (далее – KB(H) 2) и в отношении 27,44% – по трем и более статей (далее – KB(H) 3) УК РТ.

**Структура преступлений экстремизма и терроризма
в процентах при квалификации деяний виновных лиц по одной или
нескольким статьям УК РТ за 2016 г.**

№ р/г	2016	%
1	Статья 179	0,66
	Часть 2	
	Часть 3	
2	Часть 2 статьи 181	0,33
3	Часть 3 статьи 182	0,16
4	Статья 187	10,53
	Часть 1	
	Часть 2	
	Часть 3	
5	Статья 189	2,34
	Часть 1	
	Часть 2	
6	Статья 307	31,60
	Часть 1	
	Часть 2	
	Часть 3	
7	Статья 307(1)	1,67
	Часть 1	
	Часть 2	
8	Статья 307(2)	0,50
	Часть 2	
	Часть 3	
9	Статья 307(3)	39,63
	Часть 1	
	Часть 2	
10	Статья 401(1)	12,54
	401(1)	
	Часть 1	
	Часть 3	

Диаграмма в процентном соотношении квалификации преступлений экстремизма и терроризма по совокупности за 2016 г.

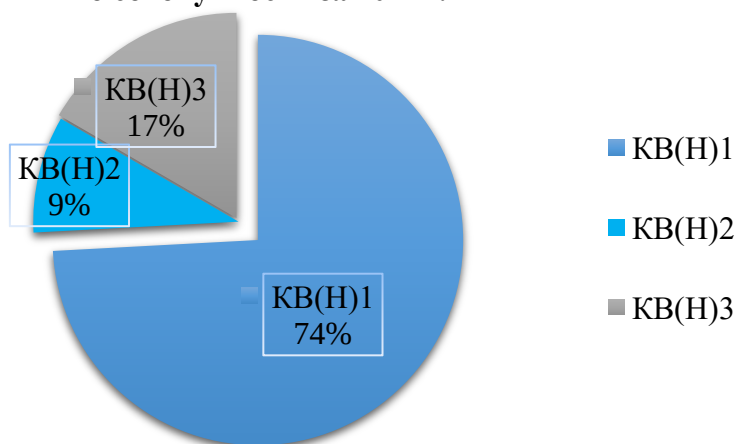

В 2016 году в отношении виновных лиц за экстремизм и терроризм возбуждены уголовные дела по KB(H) 1 – 77,96%, по KB(H) 2) – 10,56% и по KB(H) 3 – 11,47%.

**Структура преступлений экстремизма и терроризма
в процентах при квалификации деяния виновных лиц по одной или
нескольким статьям УК РТ за 2017 г.**

№ р/г	2017	%
1	Статья 179	1,52
	Часть 1	
	Часть 2	
	Часть 3	
2	Статья 179(2)	1,08
	Часть 1	
	Часть 2	
3	Часть 2 статьи 181	0,65
4	Статья 187	8,06
	Часть 1	
	Часть 2	
5	Статья 189	4,13
	Часть 1	
	Часть 2	
	Часть 3	
6	Статья 307	31,15
	Часть 1	
	Часть 2	
	Часть 3	
7	Статья 307(1)	2,39
	Часть 1	
	Часть 2	
8	Часть 3 статьи 307(2)	0,21
9	Статья 307(3)	40,74
	Часть 1	
	Часть 2	
10	Статья 401(1)	10,02
	401(1)	
	Часть 1	
	Часть 2	

**Диаграмма о процентном соотношении квалификации
преступлений экстремизма и терроризма
по совокупности за 2017 г.**

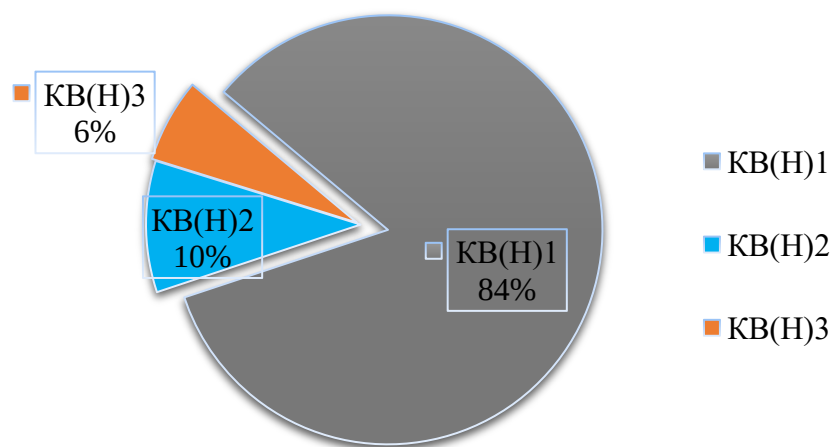

В 2017 году в отношении виновных лиц за экстремизм и терроризм возбуждены уголовные дела по KB(H) 1 – 83,30%, по KB(H) 2) – 10,34% и по KB(H) 3 – 6,35%.

**Структура преступлений экстремизма и терроризма в процентах
при квалификации деяния виновных лиц по одной или нескольким
статьям УК РТ за 2018 г.**

№ р/г	2018	%
1	Статья 179	0,61
	Часть 2	
	Часть 3	
2	Статья 179(1)	1,42
	Часть 1	
	Часть 2	
3	Часть 179(2)	2,64
	Часть 1	
	Часть 2	
4	Часть 2 статьи 179(3)	0,20
5	Часть 2 статьи 181	4,88
6	Статья 189	9,97
	Часть 1	
	Часть 2	
7	Статья 307	5,29
	Часть 1	
	Часть 2	
	Часть 3	
8	Часть 2 статьи 307(1)	5,90
9	Статья 307(2)	2,24
	Часть 2	
	Часть 3	
10	Часть 2 статьи 307(3)	48,67
11	Статья 310	0,20
12	Статья 401(1)	17,92
	401(1)	
	Часть 1	
	Часть 2	
	Часть 3	

Диаграмма о процентном соотношении квалификации преступлений экстремизма и терроризма по совокупности за 2018 г.

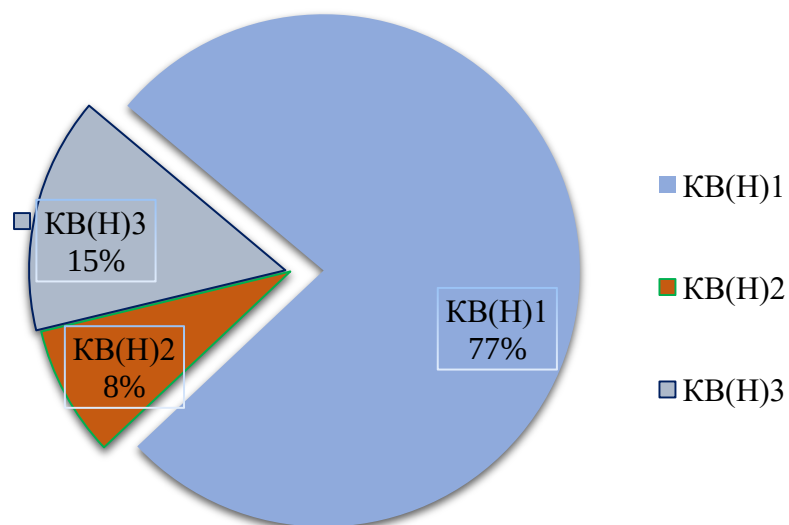

В 2018 году в отношении виновных лиц за экстремизм и терроризм возбуждены уголовные дела по KB (H) 1 – 83,76%, по KB(H) 2) – 9,89% и по KB(H) 3 – 6,31%.

**Структура преступлений экстремизма и терроризма в процентах
при квалификации деяния виновных лиц по одной или
нескольким статьям УК РТ за 2019 г.**

№ р/г	2019	%
1	Статья 179	2,18
	Часть 1	
	Часть 3	
2	Статья 179(2)	0,58
	Часть 1	
	Часть 3	
3	Часть 1 статьи 179(3)	0,14
4	Статья 187	9,02
	Часть 1	
	Часть 2	
5	Часть 1 статьи 188	0,14
6	Статья 189	5,96
	Часть 1	
	Часть 2	
	Часть 3	
7	Статья 307	2,18
	Часть 1	
	Часть 2	
	Часть 3	
8	Статья 307(1)	3,05
	Часть 1	
	Часть 2	
9	Часть 2 статьи 307(2)	0,72
10	Статья 307(3)	66,37
	Часть 1	
	Часть 2	
11	Часть 1 статьи 307(4)	0,29
12	401(1)	9,31
	401(1)	
	Часть 1 статьи 401(1)	

Диаграмма по процентному соотношению квалификации преступлений экстремизма и терроризма по совокупности за 2019 г.

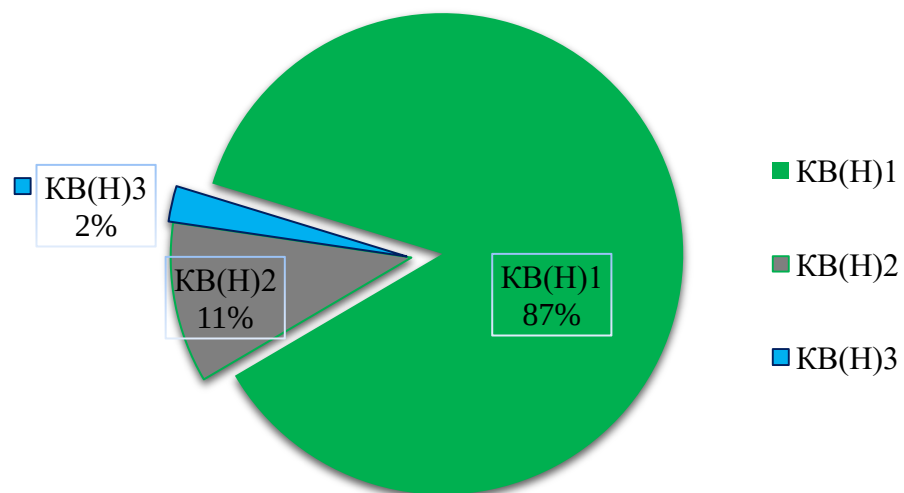

В 2019 году в отношении виновных лиц за экстремизм и терроризм возбуждены уголовные дела по KB (H) 1 – 76,84%, по KB(H) 2) – 8,27% и по KB(H) 3 – 14,87%.

**Структура преступлений экстремизма и терроризма в процентах при
квалификации деяния виновных лиц по одной или
нескольким статьям УК РТ за 2020 г.**

№ р/т	2020	%
1	Статья 179	0,68
	Часть 1	
	Часть 2	
2	Часть 1 статьи 179(1)	0,22
3	Статья 179(2)	1,83
	Часть 1	
	Часть 2	
4	Часть 1 статьи 179(3)	0,45
5	Часть 2 статьи 187	1,83
6	Статья 189	8,50
	Часть 1	
	Часть 2	
7	Статья 307	4,13
	Часть 2	
	Часть 3	
8	Часть статьи 307(1)	0,68
9	307(2)	1,14
	Часть 2	
	Часть 3	
10	Статья 307(3)	74,94
	Часть 1	
	Часть 2	
11	Статья 401(1)	5,51
	401(1)	
	Часть 1	

Диаграмма по процентному соотношению квалификации преступлений экстремизма и терроризма по совокупности за 2020

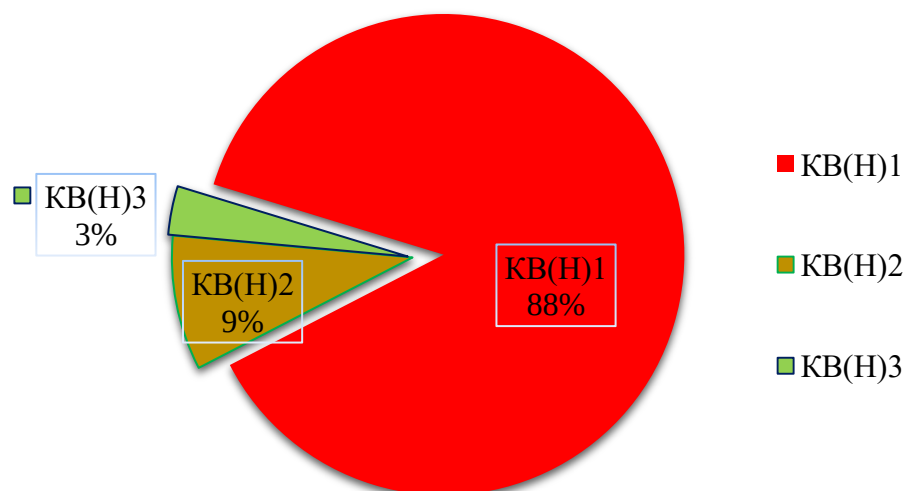

В 2020 году в отношении виновных лиц за экстремизм и терроризм возбуждены уголовные дела по KB (H) 1 – 86,82%, по KB(H) 2) – 10,77% и по KB(H) 3 – 2,39%.

**Структура преступлений экстремизма и терроризма в процентах при
квалификации деяния виновных лиц по одной или
нескольким статьям УК РТ за 2021 г.**

№ р/т	2021	%
1	Статья 179(2)	0,87
	Часть 1	
	Часть 2	
2	Часть 2 статьи 182	1,31
3	Часть 1 статьи 189	1,09
4	Статья 307	11,40
	Часть 1	
	Часть 2	
	Часть 3	
5	Статья 307(1)	9,86
	Часть 1	
	Часть 2	
6	Статья 307(2)	1,53
	Часть 2	
	Часть 3	
7	Статья 307(3)	69,29
	Часть 1	
	Часть 2	
8	Часть 1 статьи 307(4)	0,21
9	Статья 401(1)	4,38
	401(1)	
	Часть 1	

Диаграмма по процентному соотношению квалификации преступлений экстремизма и терроризма по совокупности за 2021 г.

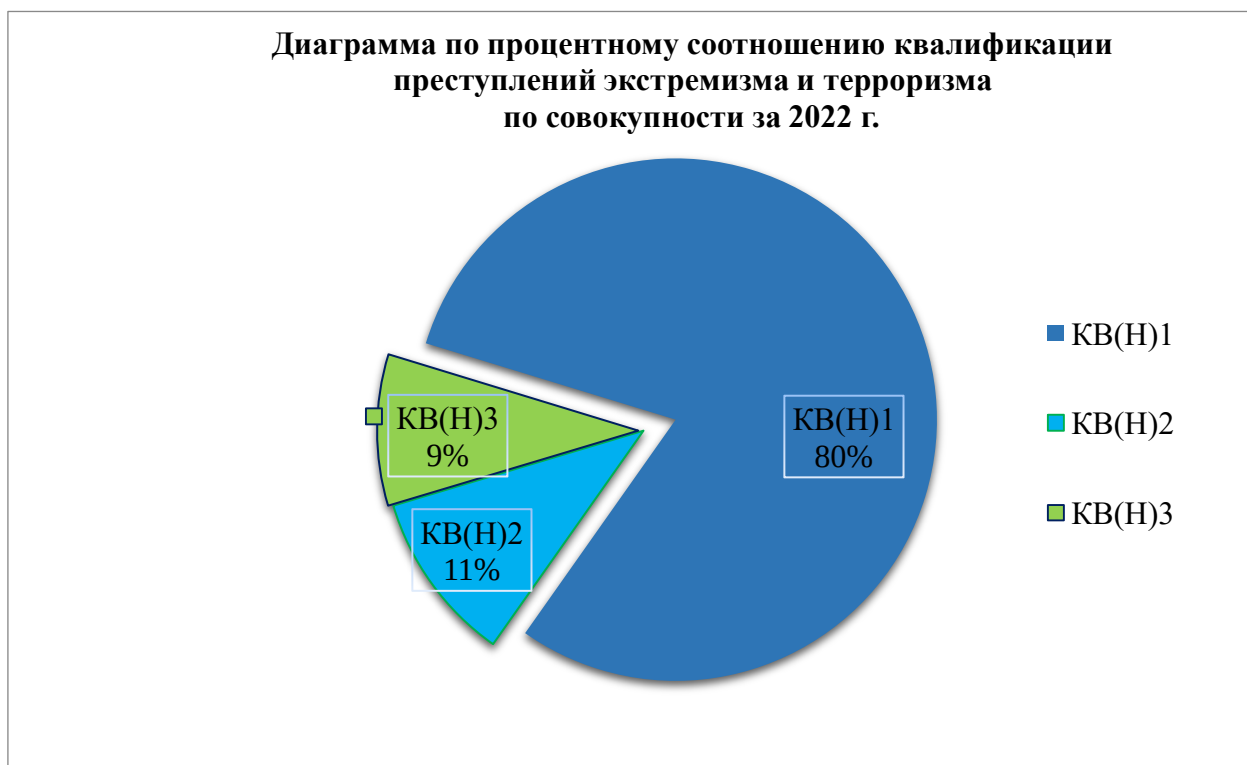

В 2021 году в отношении виновных лиц за экстремизм и терроризм возбуждены уголовные дела по KB (H) 1 – 87,69%, по KB(H) 2) – 9,03% и по KB(H) 3 – 3,26%.

**Структура преступлений экстремизма и терроризма в процентах
при квалификации деяния виновных лиц по одной или
нескольким статьям УК РТ за 2022 г.**

№ р/г	2022	%
1	Статья 179	0,76
	Часть 2	
	Часть 3	
2	Часть 1 статьи 179(2)	0,15
3	Статья 181	1,23
	Часть 2	
	Часть 3	
4	Статья 182	0,46
	Часть 2	
	Часть 3	
5	Часть 2 статьи 187	12,46
6	Статья 188	0,46
	Часть 1	
	Часть 2	
7	Статья 189	0,61
	Часть 1	
	Часть 2	
8	Часть 1 статьи 193	0,15
9	Статья 307	2,15
	Часть 1	
	Часть 2	
	Часть 3	
10	Статья 307(1)	5,53
	Часть 1	
	Часть 2	

11	Статья 307(2)	1,07
	Часть 2	
	Часть 3	
12	Часть 2 статьи 307(3)	71,23
13	Статья 401(1)	3,69
	401(1)	
	Часть 1	

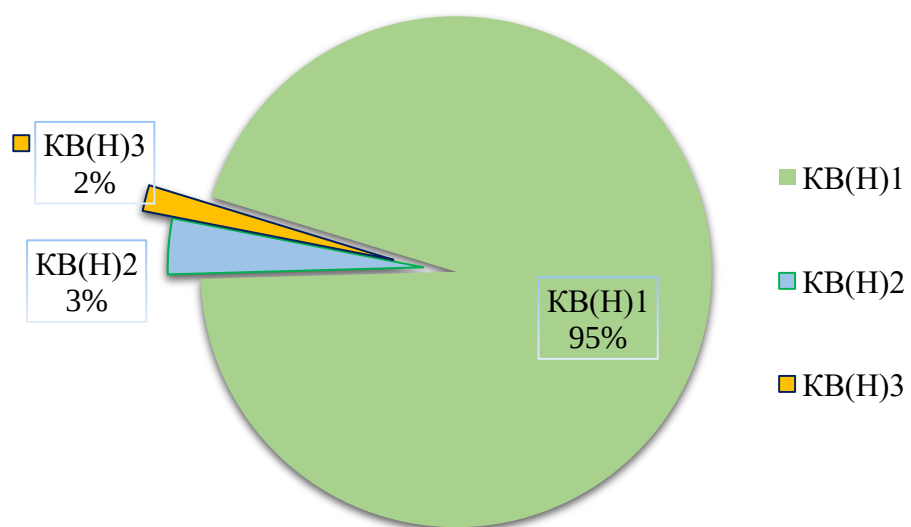

В 2022 году в отношении виновных лиц за экстремизм и терроризм возбуждены уголовные дела по KB (H) 1 – 80,04%, по KB(H) 2 – 10,59% и по KB(H) 3 – 9,35%.

**Структура преступлений экстремизма и терроризма в процентах
при квалификации деяния виновных лиц по одной
или несколькими статьям УК РТ за 2023 г.**

№ р/т	2023	%
1	Статья 179	0,57
	Часть 1	
	Часть 2	
2	Часть 2 статьи 179(2)	0,23
3	Часть 2 статьи 187	2,43
4	Часть 1 статьи 189	0,11
5	Часть 1 статьи 193	0,46
6	Статья 307	0,92
	Часть 2	
7	Статья 307(1)	2,54
	Часть 1	
	Часть 2	
8	Статья 307(2)	0,46
	Часть 2	
	Часть 3	
9	Часть 2 статьи 307(3)	87,36
10	Часть 1 статьи 307(4)	0,23
11	Статья 401(1)	4,63
	401(1)	
	Часть 1	
	Часть 2	

Диаграмма по процентному соотношению квалификации преступлений экстремизма и терроризма по совокупности за 2023 г.

В 2023 году в отношении виновных лиц за экстремизм и терроризм возбуждены уголовные дела по KB (H) 1 – 94,83%, по KB(H) 2 – 3,51% и по KB(H) 3 – 1,64%.

**Структура преступлений экстремизма и терроризма
в процентах при квалификации деяния виновных лиц по одной или
нескольким статьям УК РТ за 2024 г.**

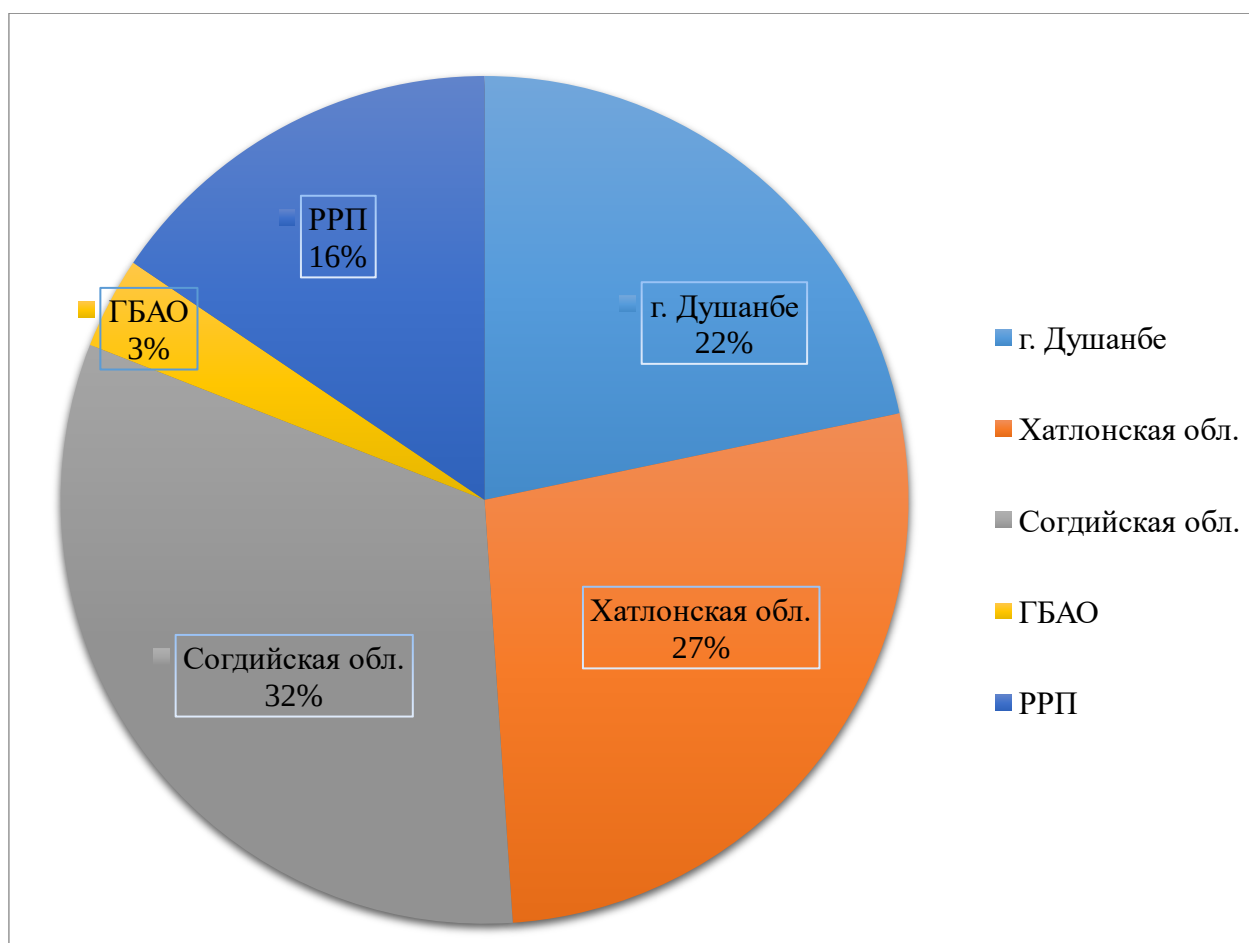
№ п/г	2024	%
1	Часть 1 статьи 179	0,15
2	Статья 179(1)	0,31
	Часть 1	
	Часть 2	
3	Статья 179(2)	5,93
	Часть 1	
	Часть 2	
4	Часть 2 статьи 182	0,07
5	Часть 2 статьи 187 к. 2	0,39
6	Статья 185	0,39
	Часть 2	
	Часть 3	
7	Статья 193	0,23
	Часть 2	
	Часть 4	
8	Статья 307	0,71
	Часть 1	
	Часть 2	
9	Статья 307(1)	2,05
	Часть 2	
	Часть 3	
10	Статья 307(2)	0,39
	Часть 2	
	Часть 3	
11	Статья 307(3)	87,5
	Часть 1	

	Часть 2	
12	Часть 1 статьи 307(4)	0,15
13	Статья 401	0,31
14	Часть 1 статьи 401(1)	1,34

В 2024 году в отношении виновных лиц за экстремизм и терроризм возбуждены уголовные дела по KB (H) 1 – 91,46%, по KB(H) 2 – 6% и по KB(H) 3 – 2,53%.

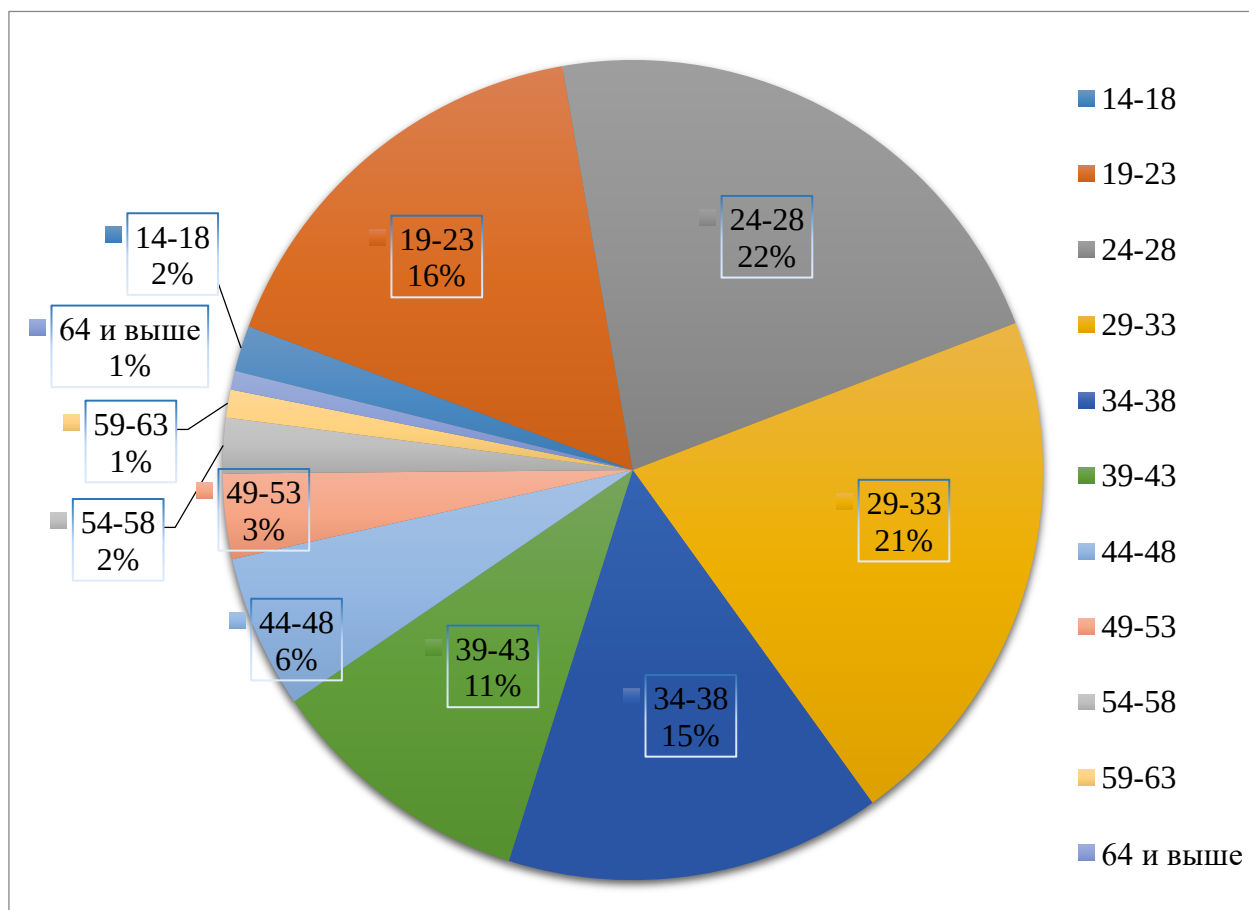
**Диаграмма показателей количества лиц,
привлеченных к уголовной ответственности за преступления
экстремистского и террористического характера
за 2014-2024 гг. по регионам**

**Структура возрастной категории лиц,
совершивших преступления экстремистского и террористического
характера за 2014-2024 гг.**

Годы	14-18	19-23	24-28	29-33	34-38	39-43	44-48	49-53	54-58	59-63	64 и выше	Итог	%
2014		8	29	38	21	15	17	3	4	2	1	138	1,85
2015	8	36	90	72	73	49	26	12	6	4	2	378	5,08
2016	8	77	157	156	144	91	59	33	23	11	8	767	10,32
2017	5	95	120	133	94	54	27	11	7	3	2	551	7,41
2018	5	70	144	151	97	60	25	18	14	3	3	590	7,94
2019	15	104	193	244	134	100	45	25	11	13	9	893	12,02
2020	4	47	93	112	109	61	33	21	10	6	5	501	6,74
2021	7	101	106	89	71	54	31	24	24	11	2	520	6,99
2022	12	130	160	150	133	78	58	38	26	17	8	810	10,90
2023	31	213	204	159	102	97	53	25	12	5	6	907	12,20
2024	39	349	332	249	123	126	76	39	25	7	9	1374	18,49
Итог	134	1230	1628	1553	1101	785	450	249	162	82	55	7429	
%	1,80	16,55	21,91	20,90	14,82	10,56	6,05	3,35	2,18	1,10	0,74	100	

**Диаграмма структуры возрастной категории лиц,
совершивших преступления экстремистского и террористического
характера за 2014-2024 гг.**

ПЕРЕЧЕНЬ
партий, движений и организаций, в соответствии с решениями
Верховного Суда Республики Таджикистан признанными
террористическими и экстремистскими организациями
(экстремистскими объединениями), деятельность
которых запрещена на территории
Республики Таджикистан³

№ п/п	Наименование организации	Краткая характеристика решения	Дата запрета
1.	«Аль-Каида»	организация, признанная террористической и экстремистской	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 30 марта 2006 года
2.	«Исламское движение Восточного Туркестана»	организация, признанная террористической и экстремистской	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 30 марта 2006 года
3.	«Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»)	организация, признанная террористической и экстремистской	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 30 марта 2006 года
4.	«Движение «Талибан»	организация, признанная террористической и экстремистской	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 30 марта 2006 года
5.	«Братья мусульмане»	организация, признанная террористической и экстремистской	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 30

³ См.: Организации, информация о признании которых террористическими либо экстремистскими в установленном национальным законодательством государств-участников СНГ порядке, имеется в АТЦ СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cisatc.org/1289/133/9133/1268> (дата обращения: 30.09.2025).

			марта 2006 года
6.	«Лашкар-е-Тайба»	организация, признанная террористической и экстремистской	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 30 марта 2006 года
7.	«Исламская группа» («Джамият е-Ислами Пакистан»)	организация, признанная террористической и экстремистской	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 30 марта 2006 года
8.	«Джамият-е-Табдиг»	организация, признанная террористической и экстремистской	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 30 марта 2006 года
9.	«Созмони таблигот» («Призыв к исламу»)	религиозно-миссионерская организация, признанная экстремистской и террористической	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 30 марта 2006 года
10.	«Свободный Таджикистан» («Тоҷикистони озод»)	организация, признанная террористической и экстремистской	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 30 марта 2006 года
11.	Хизби тахрир	организация, признанная экстремистской	решение Верховного суда Республики Таджикистан от 11 марта 2008 года
12.	«Хизб-ут-Тахрир»	организация, признанная экстремистской	решение Верховного суда Республики Таджикистан от 11 марта 2008 года
13.	«Джамаат (Джамъят)» (Ансоруллох)	организация, признанная экстремистско-террористической	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 3 мая 2012 года
14.	«Салафия»	религиозное течение,	решение Верховного

		деятельность которого запрещена на территории Республики Таджикистан признанное экстремистским сообществом	Суда Республики Таджикистан от 9 января 2009 года решением Верховного суда Республики Таджикистан от 8 декабря 2014 года
15.	«Группа 24»	общественное движение, признанное экстремистской и незаконно действующей организацией	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 9 октября 2014 года
16.	«Исламское государство Ирака и Ливанты»	организация, признанная террористической и экстремистской	решение Верховного суда Республики Таджикистан от 14 апреля 2015 года
17.	«Джабхат ан Нусра»	организация, признанная террористической и экстремистской	решение Верховного суда Республики Таджикистан от 14 апреля 2015 года
18.	«Партия исламского возрождения Таджикистана»	организация, признанная террористической и экстремистской	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 29 сентября 2015 года
19.	«Национальный альянс Таджикистана»	признан террористическо-экстремистским объединением	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 15 августа 2019 года
20.	«Священная война (Аль-Джихад, Египетский Исламский Союз)»	признан террористическо-экстремистским объединением	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 14 мая 2020 года
21.	«Общество социальных реформ» (Джамият-аль-Ислах, аль-Иджтимаи)	признано террористическо-экстремистским объединением	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 14

			мая 2020 года
22.	«Общество возрождения исламского наследия (Общество Ихья ат-Турас аль-Ислами)»	признано террористическо-экстремистским объединением	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 14 мая 2020 года
23.	«Дом двух святых (Аль-Харамейн)»	признан террористическо-экстремистским объединением	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 14 мая 2020 года
24.	«Джунуд-аш-Шам (Воины Великой Сирии)»	признано террористическо-экстремистским объединением	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 14 мая 2020 года
25.	«Исламский джихад - Джамаат моджахедов»	признано террористическо-экстремистским объединением	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 14 мая 2020 года
26.	Экстремистское объединение «Свидетели Иеговы»	признано экстремистским объединением	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 29 марта 2021 года
27.	«Памир дейли ньюс» или «Памир ньюс» (Pamir Daily News, Pamir News)	признана экстремистской организацией	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 14 июня 2023 года
28.	«Новый Таджикистан 2»	признана экстремистской организацией	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 21 июня 2023 года
29.	«Исламское государство вилаята Хорасан»	признана террористическо-экстремистской организацией и запрещена на территории Республики Таджикистан	решение Верховного Суда Республики Таджикистан от 26 декабря 2024 года